АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Türkiye Diyanet Vakfı
Kütüphane
İslâm Araştırmaları Merkezi

А. М. ЩЕРБАК

ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(Глагол)

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1981

Ответственный редактор
С. Н. ИВАНОВ

Tuvinya Divanal Yadal
Kütüphanesi

Щ 70104-588 / 042(02)-81 454.81. 4602010000.

© Издательство «Наука», 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга является продолжением «Очерков по сравнительной морфологии тюркских языков» и одной из частей начатой много лет назад «Сравнительной грамматики тюркских языков».[1] Методы и приемы исследования языковых фактов, порядок и способы описания подробно изложены в опубликованных книгах. Поскольку в ходе работы над «Глаголом» они не подверглись сколько-нибудь значительным изменениям, останавливаться на них здесь мы считаем излишним. То же самое следует сказать о составе источников, использованных материалах, о выборе примеров, их транскрипции и подаче (в целях экономии места приводятся главным образом твердорядные варианты).

Дополнительные разъяснения должны быть сделаны лишь относительно некоторых композиционных особенностей и содержания монографии в целом, а также в связи с теми критическими замечаниями, которые были высказаны по поводу ранее вышедших частей.

Грамматические формы глагола рассматриваются в книге в соответствии с порядком присоединения морфем к основе, начиная с конца: сначала формы словоизменения, затем формы словообразования.

Проведение четкой границы между словоизменением и словообразованием глагола сопряжено, как известно, с большими трудностями. С одной стороны, нет единых, обоснованных критериев отнесения глагольных форм к словоизменению или словообразованию: ряд тюркологов ограничивают число словообразовательных форм глагола до минимума, некоторые, напротив, относят к словообразованию почти все глагольные формы («наклонение, вид и залог»).[2] С другой стороны, грамматическое содержание отдельных глагольных форм настолько сложное, что любое однозначное решение оказывается не вполне удовлетворительным. Так, отнесение тюркского залога к словоизменению согласуется далеко не со всеми особенностями содержательной стороны и морфологического выражения словоизменительных категорий.[3] Рассмотрение же залога в рамках словообразования находится в противоречии со сложившимися представлениями о характере семантических различий, позволяющих считать родственные словоформы разными словами. Не случайно Э. В. Севортян в предисловии к монографии, посвященной глагольному словообразованию, назвал залог категорией исторически «переходной от словообразовательной к грамматической», заметив при этом, что «в разных тюркских языках одни залоги ближе к сфере словопроизводства, другие — к сфере словоизменения».[4] Из сказанного следует, что деление глагольных форм тюркских

---

[1] См.: *Щербак А. М.* 1) Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970; 2) Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977.

[2] См., например: *Баскаков Н. А.* О категориях наклонения и времени в тюркских языках. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 72—73.

[3] Категорически против отнесения залога к словоизменению высказываются авторы академической грамматики казахского языка (см.: Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 295—298). Иная точка зрения у А. Н. Кононова (см.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 187).

[4] *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 4.

языков на словоизменительные и словообразовательные является до некоторой степени условным.

«Глагол» — последняя часть «Очерков», в которой объектом исследования и описания являются морфологически изменяемые слова. Этим обусловлено наличие в работе главы «О способах и исторической глубине образования морфологических элементов в тюркских языках». Данная глава, будучи своего рода заключением, содержит обобщающие выводы, относящиеся как к глаголу, так и к имени.

В рецензии на «Сравнительную фонетику тюркских языков» и в одной из статей Г. Дёрфер выразил несогласие с методикой исследования автора этих строк, упрекнув сначала его,[5] а затем и других советских тюркологов в антиисторизме. «Следующий пункт, где трудно избежать полемики, — указывает он, — это неисторический путь реконструкции, которым следуют многие советские исследователи».[6] Основанием для подобного заключения явились, по словам самого Г. Дёрфера, преимущественное использование последними диалектных материалов и недооценка памятников письменности.

Упрек, сделанный Г. Дёрфером, вызван недоразумением, хотя некоторые различия в подходе к выбору и использованию источников сравнительной грамматики между Г. Дёрфером и многими советскими тюркологами, возможно, существуют.

Советские тюркологи в большинстве своем разделяют ту точку зрения на роль памятников письменности в тюркской компаративистике, которая была сформулирована П. М. Мелиоранским. «Создание сравнительной исторической грамматики турецкого языка (resp. тюркских языков, — *А. Щ.*) со всеми его многочисленными разветвлениями, — писал он в начале нынешнего столетия, — есть несомненно одна из основных задач туркологии. Для ее выполнения необходимо ознакомиться со всеми современными турецкими наречиями, проследить, насколько это возможно, всю двенадцативековую историю турецкого языка вплоть до древнейших доступных нам памятников его, привести в связь и объяснить исторически все встречающиеся и раньше существовавшие в турецком языке фонетические явления, формы и синтаксические конструкции».[7] Особенность этой точки зрения, по сравнению с взглядами Г. Дёрфера и его некоторых западных коллег, заключается не в пренебрежении памятниками письменности, а в подчеркивании того, что для создания сравнительной грамматики тюркских языков чрезвычайно важное значение имеют наряду с письменными памятниками живые народные говоры. «. . .современные диалекты, — указывает П. М. Мелиоранский, — сохраняют часто, как показало уже неоднократно наблюдение, многие древние формы и слова, не дошедшие до нас в сравнительно новых письменных источниках, и представляют, таким образом, драгоценное, часто незаменимое пособие для понимания и отчасти лингвистического разбора наиболее древних памятников».[8]

Предисловие к нашей книге, посвященной имени, следует дополнить также указанием на то, что при работе над данной монографией учтена вся доступная автору специальная литература, опубликованная до 1976 г.

Автор приносит глубокую благодарность Н. А. Баскакову и Б. А. Серебренникову, рецензировавшим книгу и сделавшим ряд полезных замечаний, а также своим коллегам в Москве, Баку, Ташкенте и Фрунзе, принимавшим участие в обсуждении частей монографии и способствовавшим устранению некоторых ее недостатков. С особым чувством благодарности автор отмечает помощь, оказанную Н. Н. Корнилович в подготовке рукописи к печати.

[5] См.: *Doerfer G.* Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre. — Orientalistische Literaturzeitung, 1971, Jg. 66, N 7/8, S. 327 f.

[6] См.: *Doerfer G.* Proto-Turkic: Reconstruction Problems. — TDAY. Belleten (1975—1976), 1976, s. 4.

[7] *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. I.

[8] Там же, с. II.

СОКРАЩЕНИЯ

ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, ГРАММАТИК, СЛОВАРЕЙ

БК	— *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959 (Памятник в честь Бильге-кагана).
БН	— Бабер-намэ, или Записки султана Бабера. Издал Н. И. Ильминский. Казань, 1857.
ЕП	— *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
КТ, Тон.	— *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951 (1. Памятник в честь Кюль-тегина, м — малая надпись, б — большая надпись; 2. Памятник в честь Тоньюкука).
ЛОК	— *Щербак А. М.* Огуз-наме. Муҳаббат-наме. М., 1959.
МЧ	— *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959 (Памятник Моюн-чуру).
Сл. Замахшари	— Монгольский словарь Мукаддимат Ал-адаб, II. М.—Л., 1938.
Тон.	— См.: КТ.
ʻĀšyqpāšā	— *Brockelmann C.* Altosmanische Studien, I. Die Sprache ʻĀšyqpāšā's und Aḥmedī's. — ZDMG, 1919, 73, S. 1—29.
AQJB	— *Brockelmann C.* ʻAlī's Qiṣṣa'i Jūsuf. Berlin, 1917.
CD	— *Zajączkowski A.* Studja nad językiem staroosmańskim. Calila et Dimna. Kraków, 1934.
Cod. Cum.	— Codex Cumanicus. Cod. Marc. Lat. DXLIX in Faksimile herausgegeben mit einer Einleitung von K. Grønbech. Copenhague, 1936.
Feraḥ-nāme	— *Németh J.* Das Feraḥ-nāme des Ibn Ḥaṭīb. — Le monde orientale, Uppsala, 1919, XIII, 3, p. 145—184.
KP	— *Pelliot P.* La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyāṇamkara et Pāpaṃkara. — T'oung Pao, Leide, 1914, XV, p. 225—272.
Man.	— *Le Coq A.* Türkische Manichaica aus Chotscho. — APAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1911 (I), 1919 (II), 1922 (III).
MK	— T. D. K. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939 (I), 1940 (II), 1941 (III).
QB	— Kutadgu bilig tıpkıbasım. İstanbul, 1942 (I, Viyana nüshası — H), 1943 (II, Fergana nüshası — N), 1943 (III, Mısır nüshası — K); Kutadgu bilig, I. Metin. İstanbul, 1947; Kutadgu bilig, II. Tercüme. Ankara, 1959.
PhTF	— Philologiae Turcicae Fundamenta, I. Wiesbaden, 1959.
Rach.	— *Rachmati G. R.* Zur Heilkunde der Uiguren, (I) — SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1930, XXIV, S. 451—473; II — SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1932, XXII, S. 401—448.
SN	— *Mordtmann J. H.* Suheil und Nevbehâr, romantisches Gedicht des Mes'ûd b. Aḥmed. Hannover, 1925.
Suv.	— Suvarṇaprabhāsa (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. — Bibliotheca Buddhica, XVII, СПб., 1913 (I, II), 1914 (III, IV), 1915 (V, VI), 1917 (VII, VIII).
ThS	— Dr. M. A. Stein's Manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and Tun-Huang. Published and translated by V. Thomsen. — Journal of the Royal Asiatic Society, London, 1912, January, p. 181—227.
TT	— *Bang W.* und *von Gabain A.* Türkische Turfan-Texte, I — SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1929, XV; II — SPAW, 1929, XXII; III — SPAW, 1930, XII; IV — SPAW, 1930, XXIV; V — SPAW, 1931, XIV; *Bang W., von Gabain A.* und *Rachmati G. R.* Türkische Turfan-Texte, VI — SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1934, VIII—X; *Rachmati G. R.* Türkische Turfan-Texte, VII — APAW, Berlin, 1937, Nr. 12.
Uig.	— *Müller F. W. K.* Uigurica, I — APAW, phil.-hist. Classe, Berlin, 1908, Abh. II; II — APAW, Berlin, 1910, Abh. III; III — APAW, Berlin, 1920, Nr. 2; IV — SPAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1931, XXIV (herausgegeben von A. von Gabain).
USp	— *Radloff W.* Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928 (Изд. С. Е. Малов).
XX	— *Arat R. R.* Edib Ahmed b. Mahmud Jükneki: Atebetü'l-hakayık. İstanbul, 1951 (A, B, C — разные списки).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И СБОРНИКИ

БД	— Башкирская диалектология, Уфа, 1963.
БДС	— Башкирский диалектологический сборник, Уфа, 1959.
ВДТЯ	— Вопросы диалектологии тюркских языков, Баку—Казань.
ВЯ	— Вопросы языкознания, Москва.
ДАН-В	— Доклады Академии наук, серия «В», Петроград—Ленинград.

ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов, Ленинград.
ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, Москва, 1956 (II); 1961 (III).
МТД — Материалы по татарской диалектологии, Казань, 1974 (III).
МЧД — Материалы по чувашской диалектологии, Чебоксары, 1960 (I); 1963 (II); 1969 (III); 1971 (IV).
НАА — Народы Азии и Африки, Москва.
СВ — Советское востоковедение, Москва—Ленинград.
СТ — Советская тюркология, Баку.
ЎТА(М) — Ўзбек тили ва адабиёти (масалалари), Тошкент.
ALH — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.
AM — Asia Major, London.
AOH — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.
APAW — Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
BSLP — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.
CAJ — Central Asiatic Journal, Wiesbaden.
DTCFD — Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi.
FUF — Finnisch-ugrische Forschungen, Helsinki—Leipzig.
JSFOu — Journal de la Société Finno-ougrienne, Helsinki.
KCsA — Kőrösi Csoma-Archivum, Budapest.
KSz — Keleti-Szemle, Budapest.
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-ougrienne, Helsinki.
MSoS — Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen, Berlin.
RO — Rocznik Orientalistyczny, Lwów—Kraków.
SHAW — Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.
SPAW — Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
StO — Studia Orientalia, Helsinki.
SWAW — Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien.
TD — Türk Dili, Ankara.
TCLP — Travaux du Cercle linguistique de Prague.
TDAY — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Ankara.
TDED — İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi.
TLP — Travaux linguistiques de Prague.
UAJb — Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden.
UJb — Ungarische Jahrbücher, Berlin—Leipzig.
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig—Wiesbaden.

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ, ГОВОРОВ

араб.	— арабский.	русск.	— русский.
азерб.	— азербайджанский.	саг.	— сагайский.
алт.	— алтайский.	салар.	— саларский.
балк.	— балкарский.	ст.-азерб.	— староазербайджанский.
башк.	— башкирский.	ст.-кыпч.	— старокыпчакский.
венг.	— венгерский.	ст.-огуз.	— староогузский.
гаг.	— гагаузский.	ст.-тур.	— старотурецкий.
др.-кор.	— древнекорейский.	ст.-туркм.	— старотуркменский.
др.-тюрк.	— древнетюркский.	ст.-узб.	— староузбекский.
ж.-уйг.	— желтоуйгурский.	тат.	— татарский.
зап.-сиб.	— западносибирский.	томск.	— томский.
казах.	— казахский.	тофал.	— тофаларский.
кар.	— караимский.	тув.	— тувинский.
караног.	— караногайский.	тур.	— турецкий.
карач.-балк.	— карачаево-балкарский.	туркм.	— туркменский.
качин.	— качинский.	узб.	— узбекский.
кирг.	— киргизский.	уйг.	— уйгурский.
к.-калп.	— каракалпакский.	фин.	— финский.
кор.	— корейский.	франц.	— французский.
крым.	— крымский.	хак.	— хакасский.
крым.-тат.	— крымскотатарский.	халадж.	— халаджский.
кум.	— кумыкский.	чуваш.	— чувашский.
кызыл.	— кызыльский.	чулым.	— чулымский.
нан.	— нанайский.	шор.	— шорский.
ног.	— ногайский.	эвенк.	— эвенкийский.
п.	— персидский.	якут.	— якутский.

НАИМЕНОВАНИЯ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

АН — Академия наук.
ГПИ — Государственный педагогический институт.
ИВ — Институт востоковедения.
ИРЯ — Институт русского языка.
ИЯЛ — Институт языка и литературы.
МИВ — Московский институт востоковедения.
НИИ — Научно-исследовательский институт.
НИИИЯЛ — Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
НИИЭИЯЛ — Научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы.
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
НИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка.

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

АДД — автореферат докторской диссертации.
АКД — автореферат кандидатской диссертации.
афф. — аффикс.
буд. — будущее (время).
взаимн. — взаимный (залог).
возвр. — возвратный (залог).
вр. — время.
дв. ч. — двойственное число.
деепр. — деепричастие.
диал. — диалектный.
ед. ч. — единственное число.
Зап. — Записки.
Изв. — Известия.
л. — лицо.
лит. — литературный.
мн. ч. — множественное число.
накл. — наклонение.
наст. — настоящее (время).
отриц. — отрицание, отрицательный.
повел. — повелительное (наклонение).
понуд. — понудительный (залог).
прич. — причастие.
прошед. — прошедшее (время).
разг. — разговорный.
сб. — сборник.
совм. — совместный (залог).
страд. — страдательный (залог).
Тр. — Труды.
усл. — условное (наклонение).
устар. — устаревший.
Уч. зап. — Ученые записки.
Abh. — Abhandlungen.
Ergsbd — Ergänzungsband.
NF — Neue Folge.
NS — New Series.

ВВЕДЕНИЕ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Как известно, в тюркских языках есть значительное количество корней, выступающих и в качестве именных, и в качестве глагольных основ, например: азерб. *дад*, кирг. *тат* 'вкус' и 'пробовать', 'вкушать'; алт. *кат* 'ряд, слой' и 'складывать'; кирг. *көч* 'кочевка, перекочевка' и 'кочевать, переселяться'; тур. *тӱн* 'вечер', 'ночь' и 'смеркаться'; узб. *тӯң* 'замерзший, мерзлый' и 'мерзнуть, замерзать'; шор. *кāрї* 'старый' и 'стареть', *тоң* 'мерзлый' и 'мерзнуть, замерзать'; якут. *бāj* 'богатый' и 'богатеть'.[1]

Явление глагольно-именной омонимии постоянно вызывало интерес у тюркологов и рассматривалось многими из них как реликт «первобытной» недифференцированности имени и глагола. Например, П. М. Мелиоранский, впервые коснувшийся этого явления еще в конце прошлого столетия, писал, что «. . .в древности разделение корней на глагольные и именные не было так строго проведено в турецком языке (resp. в тюркских языках, — *А. Щ.*), как теперь».[2] Аналогичную мысль, но конкретнее и с большей категоричностью, выразили несколькими десятилетиями позже И. А. Батманов [3] и Э. В. Севортян.[4] Нельзя не отметить, однако, что такому восприятию омонимии именных и глагольных основ всегда сопутствовало либо молчаливое игнорирование данного явления, либо недвусмысленно выраженное отрицание его первичности. Здесь можно сослаться на К. Грёнбека, подчеркивавшего редкость глагольно-именной омонимии и считавшего ее следствием случайного совпадения различных слов и аффиксов.[5] Необходимо также упомянуть о точке зрения Б. М. Юнусалиева, по мнению которого основной причиной возникновения глагольно-именных омонимов являлось морфологическое преобразование глагольных корней.[6]

Вообще говоря, внешнее совпадение именных и глагольных основ может быть следствием поздних процессов, не обязательно заключавшихся в изменениях формы, и, очевидно, одним из таких совпадений является конверсия.

На вопрос о том, изначальна ли омонимия именных и глагольных основ в тюркских языках, т. е. является ли она реликтом «первобытной» недифференцированности имени и глагола, или же она вторична, мы попытаемся ответить, опираясь на тюркские языковые факты и пользуясь материалами не-тюркских языков.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что в древнетюркском языке глагольно-именных основ больше, чем в современных языках, и что по мере приближения к нынешнему состоянию их количество постепенно уменьшается. Анализ же общетюркских односложных основ, реконструируемых на уровне праязыка, показывает заметное увеличение случаев омонимии по сравнению с тем, что выявляется в ходе исследования любых старописьменных текстов, ср.: **āp* 'противоположная сторона', 'зад', 'спина' и 'класть что-л., перевешивая на другую сторону', 'переходить какой-л. предел', 'превышать что-л.'; **ān* 'низ, низкий' и 'сходить, спускаться'; **kā* 'сундук', 'ящик для пищи', 'чехол', 'карман', 'чрево' и 'складывать вместе, класть по порядку'; **kīj* 'край, кайма' и 'делать что-л. по краю', 'срезать наискось'; **kok* 'пыль, прах', 'пепел', 'нечисть' и 'тлеть, обугливаться', 'тлеть, издавать запах'; **kӯp* 'сухой' и 'сохнуть, высыхать'; **köл* 'упряжное животное' и 'запрягать'; **köp* 'пухлость, вздутость' и 'пухнуть, вздуваться', 'пениться'; **oj* 'игра' и 'играть, резвиться'; **oң* 'правый', 'удачливый', 'удача', 'доля', 'удел' и 'налаживаться', 'исправляться', 'удаваться'; **ōn* 'втягивание в рот' и 'брать в рот', 'глотать'; **op* 'ров, канава' и 'рыть, копать'; **öp* 'верх, подъем' и 'являться, показываться', 'подниматься'; **päk* 'крепкий, прочный' и 'укреплять, запирать'; **pök* 'сытый, насытившийся' и 'насыщаться'; **can* 'нитка для шитья' и 'вдевать нитку', 'соединять', 'составлять'; **cач* 'волосы' и 'разбрасывать', 'рассеивать', 'рассыпать'; **cїk* 'плотный, частый' и 'давить, жать'; **cyk* 'указательный палец' и 'вкладывать, всовывать', 'втыкать'; **tam* 'капля' и 'капать'; **tāш* 'внешний, вне' и 'переливаться через край', 'выходить из берегов'; **tīн* 'жизнь, дыхание' и 'дышать' и т. д.

В одних тюркских языках глагольно-именная омонимия сохранилась, в других — произошло разграничение именных и глагольных основ, благодаря присоединению к последним специальных аффиксов, ср.: тур. *ан* 'сознание, мысль' и 'вспоминать', тат. *аң* 'сознание', *аңла-* 'понимать'; алт. *кат* 'ряд, слой' и 'складывать', туркм. *ɣат* 'ряд, слой', *ɣатла-* 'складывать'; якут. *бāj* 'богатый' и 'богатеть', туркм. *бāj* 'богатый' и *бājї-* 'богатеть'.

Бросается в глаза широкое использование в тюркских языках синтаксических структур именного типа, ср.: азерб. *о мәктуб јазїласїдїр* 'то письмо должно быть написано', *јазїласї мәктуб* 'письмо, которое должно быть написано'; тур. *бӟн мӟктуп јазаҗаӄїм* 'я напишу письмо', *јазаҗаӄїм мӟктуп* 'письмо, которое я должен буду написать', *бӟн кітап окумуштум* 'я читал книгу', *окумуш öјрӟнҗї* 'читавший ученик'; шор. *кіжі ајдар* 'человек скажет', *ајдар кіжі* 'человек, который скажет'; якут. *кіһі кӛлӛр* 'человек приходит', *кӛлӛр кіһі* 'приходящий человек'. Явное преобладание именных конструкций предложения над собственно глагольными [7] свидетельствует о недостаточно большой исторической глубине процесса разграничения имени и глагола,[8] а также о значительной вероятности их синкретизма в недавнем прошлом.

Что касается предположения Б. М. Юнусалиева о наличии в прошлом у глагольных основ, входящих в омонимические пары, различных аффиксов и, следовательно, о вторичности омонимии, то в отношении некоторых примеров оно представляется обоснованным и конструктивным. В целом же объяснить появление омонимических пар формальными преобразованиями

---

[1] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921, p. 539; *Юнусалиев Б. М.* Киргизская лексикология, I. Фрунзе, 1959, с. 67 сл.

[2] *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль Тегина. СПб., 1899, с. 98.

[3] См.: *Батманов И. А.* Грамматика киргизского языка, II. Имена. Фрунзе, 1940, с. 5. См. также: *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, 1. М., 1952, с. 162, 178, 312.

[4] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 359 сл. Здесь же приведен большой список глагольно-именных основ, с. 365—373.

[5] См.: *Grönbech K.* Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936, S. 19.

[6] См.: *Юнусалиев Б. М.* Киргизская лексикология, I, с. 79.

[7] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 144, 381—384; *Gabain A.* Die Natur des Prädikats in den Türksprachen. — KCsA, 1940, III, 1, S. 85 f.; *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, S. 283.

[8] Ср. у Ж. Дени: «Можно сказать, что во многих случаях глагол грамматически не отличается от имени» (*Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 384).

глагольных основ не удается. В самом деле, есть ли у тюркологов аргументы в пользу морфологического членения основ **āp*, **kok*, **köl*, **kā*, **bn*, **сач* и многих других? По-видимому, нет, и вряд ли когда-либо будут, хотя было бы излишней смелостью утверждать, что приведенный список в дальнейшем не подвергнется изменениям.

Выход за пределы тюркских языков преследует цель установить, насколько широко распространено явление глагольно-именной омонимии и какова степень разграничения именных и глагольных основ в языках разных групп.

Сразу же напомним о любопытном высказывании В. Вундта относительно существования такого этапа в эволюции языков, когда имя и глагол не различались и когда одни и те же слова функционировали и в качестве имен, и в качестве глаголов.[9] Это высказывание не нашло ощутимой поддержки у языковедов, и все же оно сыграло важную роль, так как способствовало тому, что происхождение глагола, отношение глагола к имени, совпадение именных и глагольных основ стали популярными темами лингвистических исследований: наметился новый подход к историко-морфологической характеристике причастий, появились понятия глагольных имен и омонимичных глагольно-именных основ, и прочно вошли в научный обиход соответствующие термины (ср.: verbalnomina и nomenverba).

В таких языках, как индоевропейские, имя и глагол четко разграничены, и это разграничение осуществляется, в частности, в пределах самих основ, характерным признаком которых становится бóльшая степень морфологической определенности (формально выделены не только именные и глагольные основы, но и типы именных и глагольных основ).[10] Тем не менее и в индоевропейских языках есть следы утраченной близости двух основных грамматических классов. О морфологическом сходстве индоевропейского глагола с именем неоднократно писал Э. Бенвенист, считавший, что из всех теорий, предложенных по поводу происхождения глагола и глагольных форм, больше всего совпадает с его собственными предварительными замечаниями теория Г. Хирта.[11] А. А. Потебня, который проявлял особый интерес к исторической морфологии русского глагола, сделал вывод, что «в русском языке по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола». «Высказывая вышеприведенное мнение о невозможности в наших языках предложения без глагола, — пишет он, — я не утверждал, что vb. fin. есть явление первобытное, и не отвергал возможности найти под последним наслоением этих языков следы другого порядка вещей. . .».[12]

В ряде языков различия между именем и глаголом не достаточно резкие.[13] Например, в финно-угорских языках, как и в тюркских, отмечены случаи внешнего совпадения именных и глагольных основ, причем наличие омонимических пар является, по мнению специалистов, реликтом доуральской нераздельности имени и глагола, ср.: венг. *lep* ‘покрывало’ и ‘покрывать’, *fagy* ‘мороз’ и ‘морозить’, *les* ‘засада’ и ‘караулить’, *nyom* ‘след’, ‘отпечаток’ и ‘нажимать, давить’, ‘печатать’; фин. *tuule* ‘ветер’ и ‘дуть’, *sylke* ‘слюна’ и ‘плевать’, *kuiva* ‘сухой’ и ‘сохнуть, высыхать’, *sula* ‘талый’ и ‘таять, расплавляться’.[14]

[9] См.: *Wundt W.* Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte, I. Die Sprache, Zweiter Teil. Leipzig, 1904, S. 9.

[10] См.: *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 211 сл.

[11] См.: *Benveniste E.* Origines de la formation des noms en indo-européen, I. Paris, 1935, p. 173. Ср.: *Hirt H.* Über den Ursprung der Verbalflexion im Indogermanischen. — Indogermanische Forschungen, Strassburg, 1904/1905, XVII, S. 38, 84.

[12] *Потебня А.* Из записок по русской грамматике, I—II. М., 1958, с. 84.

[13] См.: *Beke Ö.* Nomen und Verbum. — ALH, 1960, X, 3—4, S. 381.

[14] См.: *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка, I. Фонетика и морфология. М., 1953, с. 65; *Beke Ö.* Nomen und Verbum, S. 369 f.; *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963, с. 140; *Майтинская К. Е.* Сравнительная морфология финно-угорских языков. — В кн.: Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974, с. 214.

Случаи внешнего совпадения именных и глагольных основ встречаются также в тунгусо-маньчжурских языках, ср.: нан. *тугдэ* ‘дождь’ и ‘идти (о дожде)’, *боно* ‘град’ и ‘идти (о граде)’, *далан* ‘наводнение’ и ‘подниматься (о воде в реке, озере)’, *тала* ‘кушанье из сырой рыбы’ и ‘разрезать сырую рыбу на куски’, *куку* ‘лебедь’ и ‘кричать (о лебеде)’;[15] эвенк. *арба* ‘мель’ и ‘мелеть’, *колто* ‘кулак’ и ‘ударять (кулаком)’, *агди* ‘гром’ и ‘*греметь* (о громе)’.[16]

Подобное явление отмечено и в эскимосском языке: *ки* ‘рана’ и ‘ранить’, *уси* ‘груз’ и ‘грузить’, *пина* ‘краска’ и ‘красить’, *апа* ~ *ава* ‘снег’ и ‘покрывать снегом’, *тук'у* ‘смерть’ и ‘умирать’, *аг'у* ‘корма лодки’ и ‘сидеть на корме’ и т. д.[17]

От материально единых основ образуются многие именные и глагольные формы в дравидийских языках.[18]

В тесной связи с вопросом о природе глагольно-именной омонимии находится проблема соотносительной древности имени и глагола, разделяющая лингвистов на два противоположных лагеря: для одних — имя древнее глагола, по мнению других, — более древним является глагол. Признавая, что в отношении языков, не обнаруживающих четких формальных границ между частями речи, бессмысленно говорить об имени и глаголе, что имя и глагол, как грамматические классы слов, появились одновременно, В. Таули вместе с тем справедливо утверждает, что если обратиться к морфологической стороне, то в некоторых языках совершенно очевидны бóльшая древность имени и развитие собственно глагольных форм (the finite forms) из именных.[19]

В разное время были высказаны предположения об именной природе финитных форм глагола в индоевропейских,[20] семитских [21] и монгольских (алтайских) [22] языках.

У тюркологов спор о том, ч т о раньше, имя или глагол, лишен той остроты, которую он приобрел в кругу индоевропеистов. На протяжении нескольких десятилетий тюркологи неизменно подчеркивали господствующее положение имени и воспринимали как само собой разумеющееся довольно позднее морфологическое выделение глагола. Однако в настоящее время и тюркологи не единодушны в предлагаемых решениях названной проблемы. С предельной отчетливостью мнение, идущее вразрез с традиционным, выражено П. И. Кузнецовым, не допускающим возможности образования собственно глагольных, или финитных, форм глагола из имен действия (resp. причастий) и придерживающимся той

[15] См.: *Аврорин В. А.* Грамматика нанайского языка, II. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М.—Л., 1961, с. 12.

[16] См.: *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.—Л., 1964, с. 31.

[17] См.: *Меновщиков Г. А.* Грамматика языка азиатских эскимосов, II. Л., 1967, с. 18—19.

[18] См.: *Caldwell R.* A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages. London, 1913, p. 445.

[19] См.: *Tauli V.* On the Origin of Verb. — UAJb, 1956, XXVIII, 3—4, p. 138—139. См. также: *Atalay B.* Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme. İstanbul, 1942, s. 11.

[20] См.: *Hirt H.* 1) Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprachwissenschaft. Halle, 1939, S. 78; 2) Indogermanische Grammatik, VI. Heidelberg, 1934, S. 12, 177—181.

[21] См.: *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 201 (И. М. Дьяконов говорит о возникновении глагола из «нерасчлененного комплекса, содержащего черты также и имени»).

[22] См.: *Poppe N.* 1) Introduction to Mongolian Comparative Studies. — MSFOu, 1955, 110, p. 267; 2) Tempus und Aspekt in den altaischen Sprachen. — Studium Generale, Berlin, 1955, 8. Jg., 9, S. 560—561.

точки зрения, что финитные глагольные формы появились раньше причастий.[23]

Попытки пересмотреть устоявшиеся и, на наш взгляд, хорошо аргументированные положения традиционной тюркологии являются не столько отзвуком тенденций, возникших при обсуждении проблемы исторической взаимосвязи имени и глагола в индоевропеистике, сколько следствием недоразумения. Авторы описательных грамматик тюркских языков называют субстантивные имена действия и причастия отглагольными именами, что, естественно, побуждает думать об их относительно позднем развитии и дает повод считать их образованными от глаголов. Может быть, именно так и нужно определять структурную взаимосвязь именных и глагольных основ при анализе современного синхронного среза, ср.: кирг. *сүйлөшмөктө* 'он говорит' (*сүйлөш-* 'говорить' — глагольная основа, внешне совпадающая с формой повелительного наклонения 2-го лица единственного числа, *-мөк* — аффикс имени действия, *-тө* — аффикс местного падежа); кум. *гэлгэніңгэ* 'твоему приходу' (*гэл-* 'приходить' — глагольная основа, *-гэн* — аффикс имени действия, *-ің* — аффикс принадлежности 2-го лица единственного числа, *-гэ* — аффикс дательного падежа). При историческом же подходе дело существенно меняется. То, что в описательных грамматиках носит наименование глагольных основ, не всегда имело морфологический статут глагольности: первоначально это были недифференцированные глагольно-именные основы. А. А. Потебня был безусловно прав, когда решительно заявил, что «не нужно себе представлять причастия непременно словом отглагольным: оно не происходит от глагола, а появляется вместе с ним».[24] И, конечно, прав также Э. В. Севортян, пользующийся термином «глагольное имя».[25]

Из сказанного следует, что внешнее совпадение именных и глагольных основ в тюркских языках не является случайным и, по всей видимости, отражает своеобразие исторического процесса становления и развития частей речи. Факты глагольно-именной омонимии в древних и современных тюркских языках, результаты проведенных в этой области исследований и отчасти соображения теоретического порядка, подкрепленные ссылками на материалы не-тюркских языков, позволяют думать, что в тюркском праязыке почти любой первичный корень обозначал и предмет, и действие—состояние, т. е. был синкретичным.[26]

2. Исходным материалом для собственно глагольных форм в тюркских языках явились имена действия. Вероятно, так же обстояло дело и в других языках. «Когда я говорю, что глагол должен быть именного происхождения, — заявляет Г. Хирт, имея в виду индоевропейские языки, — то этим не отрицается понятие глагола как выражения состояния или деятельности. На месте verbum finitum можно употреблять verbalnomina».[27] Э. Н. Сетяля, констатировавший совпадение показателей финно-угорских временных форм с показателями именных образований (nomen agentis, nomen actionis и nomen acti), высказал сходные мысли в отношении финно-угорских языков.[28] О связи личных форм глагола с причастиями и глагольными именами в дравидийских языках пишет Р. Колдуэлл.[29]

Роль имен действия велика: без них не могло произойти выделение глагола как самостоятельного грамматического класса. Образуясь от недифференцированных, синкретичных глагольно-именных основ в тех случаях, когда они выступали как наименования процессов и состояний, имена действия создавали почву для передачи языковыми средствами отношения действия к моменту речи и точки зрения говорящего на отношение действия к его исполнителю. Иными словами, в именах действия находятся истоки семантического многообразия глагольных форм современных тюркских языков, заложены черты, предопределившие семантическую структуру времен и наклонений, несмотря на то, что соотнесенность их с конкретными видо-временными [30] и модальными значениями отсутствовала.

Для полного уяснения морфологического своеобразия имен действия необходимо иметь в виду, что и они совмещают признаки имени и глагола, хотя в меньшей степени, чем «первобытные» глагольно-именные основы. Будучи исходным материалом для образования глагольных форм, имена действия вместе с тем обнаруживают расположенность к избирательной интенсификации именных признаков и становятся источником пополнения отдельных разрядов имени. Достаточно сказать, что порядковые, собирательные, разделительные и приблизительные числительные являются по происхождению именами действия. К ним же восходят и некоторые формы прилагательных.

Количество имен действия в тюркских языках достигает трех—четырех десятков. Самые распространенные из них — на *-ӯ ~ -ӯу*, *-ӣнч ~ -унч*, *-мак*, *-ма*, *-ӣш ~ -уш*, *-ӣк ~ -ук*, *-ӣγ ~ -уγ*, *-ӣ ~ -ӯ ~ -а*, *-ӣт ~ -ут*, *-ӣн ~ -ун*, *-мӣш*, *-ӯӣн ~ -ӯун ~ -ӯан*, *-дӣк ~ -дук*, *-дӣγ ~ -дуγ*, *-ӣр ~ -ур ~ -ар*, *-ӯӣр ~ -ӯур*, составляющие общий древнейший пласт морфологических образований. И если одни из них типичны для одной группы языков, а другие — для второй или третьей, то это связано с конкретными историческими условиями формирования каждого отдельного языка или каждой языковой группы. По разным причинам сфера использования имен действия с течением времени суживалась, они включались в сложные словообразовательные процессы, подвергались значительным изменениям, и поэтому нередко их общетюркская принадлежность становится очевидной лишь в результате специальных поисков и этимологических исследований. Например, имена действия на *-мак* и *-ма* во многих тюркских языках, в особенности в языках Сибири и Алтая, полностью перешли в разряд существительных и прилагательных, ср.: алт. *баспак* 'терка', 'жернов', *ілмәк* 'крючок', 'вешалка', *ојмок* 'наперсток', *kaknak* 'крышка', *д'ілдїрма* 'задвижка', *д'андїрма* 'склон горы', *каптїрма* 'крючок', *улама* 'оглобли'; хак. *чарба* 'крупа'; шор. *аӈїспа* 'невод', *сӧзӱрбӟ* 'сеть'; якут. *хаппах* 'крышка', *хаспах* 'яма, рытвина'. Другой пример — имя действия на *-ӣнч ~ -унч*. В современных тюркских языках оно фактически отсутствует, а употребление его в письменных памятниках предельно ограничено. Между тем данная форма бесспорно общетюркская, о чем свидетельствует наличие аффикса *-ӣнч ~ -унч* в составе порядковых числительных абсолютного большинства тюркских языков. Еще один пример — имя действия на *-ӯӣ ~ -ӯу*, к которому восходит распространенная разновидность собирательных числительных, ср.: др.-тюрк. *ӱчägӱ* 'трое' (> *ӱчäв*).

---

[23] См.: *Кузнецов П. И.* Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках. — В кн.: Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960, с. 54, 66, 69.

[24] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, I—II, с. 95.

[25] *Севортян Э. В.* О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. — ИСГТЯ, III, с. 9.

[26] Не исключено, что грамматический синкретизм был унаследован и производными корнями-основами. Впервые В. В. Радлов обратил внимание на идентичность аффиксов имен действия и залоговых форм глагола (см.: *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF. SPb., 1897, S. 57—58). Мысль В. В. Радлова развил Дж. Клосон, указавший на связь внешнего совпадения производных именных и глагольных основ с той ступенью в эволюции грамматического строя тюркских языков, когда еще не было четкой границы между именем и глаголом (см.: *Clauson G.* Three Notes on Early Turkish. — TDAY. Belleten (1966), 1967, p. 6—7). См. также: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 540—541; *Антонов Н. К.* К вопросу о словообразовании имен в якутском языке. — Уч. зап. ИЯЛ Якутского филиала АН СССР, 1958, 5, с. 68—75. Ср.: *Юнусалиев Б. М.* Киргизская лексикология, I, с. 77—79.

[27] *Hirt H.* Indogermanische Grammatik, VI, S. 12.

[28] См.: *Setälä E. N.* Zur Geschichte der Tempus- und Modusstammbildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. — JSFOu, 1887, II, S. 171—174.

[29] См.: *Caldwell R.* A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages, p. 486 f. См. также: *Андронов М. С.* Дравидийские языки. М., 1965, с. 69—71.

[30] Ср.: *Mansuroğlu M.* Türkçede *-gu* ekinin fonksiyonları. — Türkiyat Mecmuası (1951—1953), İstanbul, 1953, X, s. 347.

По характеру выполняемых функций имена действия подразделяются на две группы: субстантивные и адъективные имена действия (иначе: субстантивные имена действия и причастия). Причастия чаще, чем субстантивные имена действия, выступают в атрибутивной функции, а также в функции предиката. Субстантивные имена действия выполняют разные синтаксические функции, типичные для собственно имен, прежде всего для существительных. В старописьменных текстах граница между субстантивными и адъективными именами действия очень условна, если не сказать, что ее вообще нет.

Наряду с первичными известны образованные от них вторичные имена действия, роль которых в становлении и развитии глагола также велика. В эту группу входят имена действия типа *барығсак*, *барышсак*, *барсакчы*, *барычы*, *барғучы*, *бардачы*, *бармачы*, *бармакчы*, *барығма*, *барығлы*, *барғулу*, *барғалы*, *барғанлы*, *бармалы*, *бармаклы*, *барарлы*, *баралы*, *барығлык*, *барғулук*, *барғалык*, *барғанлык*, *бармалык*, *бармаклык*, *барарлык*, *баралык*, *бараҗак*, *бардыҗак*, *барасы*, *барғудај* и т. д. Многие из них, прослеживаемые главным образом в памятниках, очень рано утратили продуктивность и подверглись субстантивации и адъективации; вторичные имена действия на *-ғалы*, *-ғанлы*, *-арлы* преобразовались в деепричастия.

Из двух упомянутых функциональных групп имен действия наиболее расположенными к вербализации были причастия, первичные и вторичные. В сравнительно поздний период процесс вербализации широко охватил также перифрастические формы, состоявшие из субстантивных имен действия и причастий настояще-будущего времени *турур*, *јатар*, *јорур* и *отурур*. Редкое и не совсем обычное для тюркских языков явление — вербализация имен действия в форме местного падежа. Примеры: кирг. *сүјлөшмөктө* ‘говорит’, тур. *вэрмэктэјім* ‘даю’, узб. *кўрсатмэкда* ‘показывает’; уйг. *җавап бэрішта* ‘отвечает’; казах. *күтўвдэміз* ‘ждем’.

Семантическая специализация имен действия происходила путем закрепления за каждой формой какого-либо одного значения и постепенной утраты других значений. И так как этот процесс был сложным и длительным, грамматическая семантика форм наклонений в разных тюркских языках не одинакова. Например, имя действия на *-а* стало основой формы настояще-будущего времени изъявительного наклонения и форм желательного наклонения. О том, что для содержания имени действия на *-а* были характерны модальные оттенки, свидетельствует его использование в значении супина. Заслуживает внимания и такой факт: в азербайджанском, гагаузском и турецком языках рассматриваемое морфологическое образование является формой желательного наклонения, тогда как в письменных памятниках азербайджанского и турецкого языков, по крайней мере до XVIII в., оно использовалось также в системе временных форм изъявительного наклонения.[31] Причастие на *-асы*, выступающее в ряде тюркских языков как форма долженствования, в некоторых языках выражает намерение совершить действие, а в якутском языке является формой утвердительного наклонения,[32] ср.: азерб. *јазасыјам* ‘я должен написать’; якут. *барҕыбыҥ* ‘я, очевидно, пойду’.

Ничто не мешает считать исходным материалом для собственно глагольных форм и первичные недифференцированные основы: от них образовывались имена действия, и в ходе вербализации последних эти основы приобрели грамматическую определенность.

Далее, формам имен действия, содержанием которых была констатация действия или состояния в общем смысле, оказалась противопоставленной форма, не имевшая морфологических показателей и получившая

[31] См.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке. АДД. Баку, 1966, с. 8, 11, 56—57; *Грунина Э. А.* Форма времени на *-а/-е* по памятникам турецкого языка. — В кн.: Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 28.

[32] См.: *Коркина Е. И.* Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, с. 195 сл.

значение 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Выделением формы повелительного наклонения завершилось образование двух оппозиций, явившихся фундаментом грамматической системы языка: 1) глагольно-именной, с противопоставлением именных и глагольных основ и внешне совпадающих с ними безаффиксных форм именительного падежа и повелительного наклонения и 2) внутриглагольной, с противопоставлением форм изъявительного и повелительного наклонений. При этом форма повелительного наклонения, имея своеобразную семантику, обособилась и как бы остановилась в своем развитии; в отличие от нее формы изъявительного наклонения постоянно находились в тесной связи между собой, претерпели сложную семантическую эволюцию и в конечном итоге вошли в парадигмы разных наклонений. Кстати, в тюркских языках и по сию пору временные значения части форм изъявительного наклонения «отягощены» модальными оттенками.

Использование безаффиксной формы глагола, внешне совпадающей с глагольной основой, в качестве формы повелительного наклонения 2-го лица единственного числа не было простой случайностью: аналогичное явление имело место в индоевропейских,[33] дравидийских,[34] монгольских[35] и других языках. Характерно, что для некоторых языковедов «выражение повелительного наклонения чистой основой» служит доказательством его принадлежности к числу древнейших категорий глагола.[36]

Безаффиксная форма глагола (resp. чистая основа) являлась наименованием действия или состояния, и в употреблении ее в значении повелительного наклонения есть нечто общее с употреблением безаффиксной формы имени в значении вокатива. В. А. Богородицкий не без оснований сравнивал эти две формы и был склонен рассматривать форму вокатива «как род подлежащего» к первой форме.[37] На сходство императива с вокативом указывал также Э. Бенвенист.[38]

Г. Хирт отнес к реликтам именного способа выражения действия наряду с причастием инфинитив[39] и, таким образом, включил его в число форм, ставших исходными для verbi finiti.[40] Воздерживаясь от каких-либо категорических высказываний по существу изложенного Г. Хиртом взгляда на инфинитив, заметим, что в отношении тюркских языков он едва ли приемлем. В древнетюркских письменных памятниках нет следов инфинитива, и нетрудно понять позицию Н. К. Дмитриева, проявившего большую осторожность при обсуждении вопроса о возможности выделения инфинитива в современных тюркских языках.[41] В последних

[33] См.: *Thurneysen R.* Der indogermanische Imperativ. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Berlin, 1885, XXVII, NF, VII, S. 172—180; *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, с. 249; *Szemerényi O.* Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Darmstadt, 1970, S. 229.

[34] См.: *Caldwell R.* A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages, p. 446.

[35] См.: *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies, p. 252.

[36] См.: *Савченко А. Н.* Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке. — ВЯ, 1955, № 4, с. 120.

[37] *Богородицкий В. А.* Введение в татарское языкознание. Изд. 2-е. Казань, 1953, с. 186. Ср. у В. В. Виноградова: «Сопоставление основной формы повелительного наклонения с звательною формой существительного, идущее еще от К. С. Аксакова, очень остроумно» (*Виноградов В. В.* Русский язык. М.—Л., 1947, с. 590).

[38] См.: *Benveniste E.* Origines de la formation des noms en indo-européen, I, p. 173. Ср.: *Winter W.* Vocative and Imperative. — In: Substance and Structure of Language. Los Angeles, 1969, p. 211 f.

[39] См.: *Hirt H.* Indogermanische Grammatik, VI, S. 13.

[40] Ср. у А. А. Потебни: «. . . в настоящее время можно считать решительно и прочно господствующим мнение, что инфинитив только был некогда именем, но не остался им. . .» (*Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, I—II, с. 338).

[41] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 170. Безусловно, это не касается тех случаев, когда появление инфинитива тесно связано с иноязычным влиянием. См.: *Покровская Л. А.* Инфинитив и его употребление в гагаузском языке. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 168—180.

за редкими исключениями специальную несклоняемую и неспрягаемую форму, сопоставимую с индоевропейским инфинитивом, обнаружить не удается, и присвязочная часть составного сказуемого, а также глагольное дополнение русского языка выражаются в них разными способами.

Тщательный анализ материалов современных тюркских языков позволяет лишь в отдельных из них выявить формы, чем-то напоминающие инфинитив. Так, субстантивное имя действия на *-mak* в турецком языке, которое может сочетаться с глаголами, будучи неоформленным, ближе к индоевропейскому инфинитиву, чем то же самое имя действия в узбекском и уйгурском языках, где в позиции приглагольного дополнения оно непременно должно иметь падежные аффиксы. Явная тенденция к сближению с инфинитивом наблюдается у обособившихся падежных форм имен действия, в особенности у формы дательного падежа от имени действия на *-ïp* ~ *-yp* ~ *-ap* в алтайском, башкирском, татарском и других языках.[42] Все это говорит о том, что тюркский инфинитив — не реликтовая, а развивающаяся категория, исходным материалом для которой, как и для собственно глагольных форм, служат имена действия.

3. В попытках дать исчерпывающее объяснение дополнительным обстоятельствам происхождения глагола тюркологи, монголисты и специалисты по финно-угорским языкам пришли к более или менее единому выводу, смысл которого заключается в признании особой роли позиционных условий.

Нет нужды доказывать, учитывая сказанное в предыдущих разделах, что первоначально любое сочетание было именным и что характер выражавшихся в нем отношений — предикативность или атрибутивность — был обусловлен соположением компонентов, занимаемыми ими позициями и интонационными средствами. Впрочем, нельзя исключать и первичную недифференцированность синтаксических связей, отсутствие «принципиального разделения словесных групп на предикативные и атрибутивные», постулированное Э. В. Севортяном.[43]

Имена действия, не содержавшие признаков предикативности, одинаково широко использовались наряду с другими именами и в начале, и в конце сочетания. Однако, вследствие своеобразия передаваемого содержания, они в гораздо большей мере были потенциальными носителями предикативности, чем предметные и качественные имена, и поскольку конечная позиция для тюркских языков — достаточно строго фиксированная позиция предиката, уже само по себе нахождение имен действия в конце сочетания способствовало устойчивому выражению ими предикативности.

Другой чрезвычайно важный фактор, обеспечивший окончательное закрепление за именами действия в конечной позиции предикативных функций, — присоединение к ним личных местоимений. Личные местоимения, заняв крайнее конечное положение, явились основным средством выражения предикативности, но сами по себе, так же как и имена действия в соответствующей позиции, не предопределяли развития глагольных форм. Их сочетания с предметными и качественными именами лежали и продолжают лежать в основе именных предложений тюркских языков, не обнаруживая никаких признаков грамматической трансформации, ср.: др.-тюрк. *sän kišisän kimüŋ oɣlïsän* ‘ты человек, чей ты сын?’; тур. *zëngïn adamsïn* ‘ты богатый человек’; узб. *sën ўzimizniŋ maһallani bəlasisan* ‘ты дитя нашего квартала’; якут. *balïksïppïn* ‘я рыбак’, *sahalarbït* ‘мы якуты’. Лишь инкорпорируясь в состав имен действия и формально пре-

[42] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 171; *Гадельшин Л. С.* Инфинитивная форма глагола в современном татарском литературном языке. АКД. Казань, 1957, с. 4—6; *Гадыкин В. Н.* К вопросу о глагольной форме на *-арга* в алтайском языке. — Зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1962, 5, с. 54; *Урусбиев И. Х.* Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963, с. 83 сл.

[43] *Севортян Э. В.* О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках, с. 8.

образуясь, личные местоимения «вносят» свой вклад в развитие глагола. Благодаря их присоединению осуществляется обозначение агенса в пределах выражения действия: лицо, включая число, входит неотъемлемым компонентом в категориальное содержание нового грамматического класса, а передающие его показатели дополняют черты морфологического своеобразия единиц этого класса.

Трудно сказать, когда началось действие последнего фактора, от чего зависела степень его интенсивности и насколько обязательным было его проявление.[44] В некоторых языках, в частности в монгольском письменном, глагольные формы изъявительного и условного наклонений не включают в себя обозначение лица, и последнее обозначается, как правило, за пределами действия, ср.: *bi abuba* (~ *abubai*) ‘я взял’, *či abuba* (~ *abubai*) ‘ты взял’, *bi abubasu* ‘если возьму’, *či abubasu* ‘если возьмешь’, *bi abumui* ‘беру’, *bida abumui* ‘берем’, *či abuqu* ‘возьмешь’, *bida abuqu* ‘возьмем’.[45] Какими бы ни были ответы на перечисленные выше вопросы, суть общего взгляда на роль присоединения личных местоимений 1-го и 2-го лица в вербализации имен действия останется неизменной, и необходимо согласиться с В. Таули, что обычный путь развития финитного глагола — из сочетания: имя, обозначающее действие, + личное местоимение (для первых двух лиц).[46] Более того, выражение лица в пределах обозначения действия следует считать одним из определяющих моментов становления глагола, и не будет большой смелостью сказать, что степень глагольности устойчиво выполняющих предикативные функции имен действия находится в прямой зависимости от уровня формализации слившихся с ними личных местоимений.

Сложным, но не принципиальным для нас является вопрос о правомерности и обоснованности выдвинутой несколько десятилетий тому назад гипотезы о посессивной природе предикативных отношений в реконструируемой модели пратюркского (у Г. Винклера — праалтайского) [47] именного предложения. Сопоставляя материалы алтайских языков и анализируя особенности их структуры, Г. Винклер сделал вывод, что древнейшим и исходным для названных языков является предложение с посессивной связью.[48] Позднее К. Брокельман, придававший большое значение совпадению в тюркских языках личных показателей некоторых глагольных форм с аффиксами принадлежности имени (ср.: кум. *барӧïм* ‘я пошел’, *барсам* ‘если пойду’, но: *бараман* ‘иду’), высказал мысль, что предложения типа *täŋri törüttі* и *män ajdïm* в древнетюркском языке восходят к посессивно воспринимавшейся констатации бытия-существования: ‘творение бога (есть)’ и ‘мое сказанное (есть)’.[49] Ср. у К. Грёнбека: *ол олурур* ‘он сидит’ или ‘его сидение’.[50] Сделанный Г. Винклером вывод явился своеобразной опорой для концепции так называемого посессивного строя предложения, интерес к которой до недавнего времени проявляло значительное число лингвистов-теоретиков. Не считая целесообразным и уместным возвращаться к вопросу о возможности существования посессивного строя как особого этапа в развитии языка вообще, остановимся подробнее на проблеме двойственности личных окончаний тюркского глагола.

В настоящее время разграничение двух типов спряжения — личноместоименного и притяжательного — настолько бесспорно и очевидно, что было бы, по меньшей мере, странным не замечать его или игнорировать, ср.: узб. *bərganman* ‘я пошел’, *bərganim* ‘мое хождение’. Тем не менее

[44] А. Габен полагает, что вначале глагол был безличным (см.: *Gabain A.* Die Natur des Prädikats in den Türksprachen, S. 85—86).

[45] См.: *Hambis L.* Grammaire de la langue mongole écrite, I. Paris, 1946, p. 49—52.

[46] См.: *Tauli V.* On the Origin of Verb, p. 143. См. также: *Setälä E. N.* Zur Geschichte der Tempus- und Modusstammbildung in den finnisch-ugrischen Sprachen, S. 172.

[47] См.: *Winkler H.* Die altaische Völker- und Sprachenwelt. Leipzig—Berlin, 1921, S. 34.

[48] Ibid., S. 37.

[49] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 283.

[50] См.: *Grönbech K.* Der türkische Sprachbau, I, S. 85.

мы не вправе думать, что рассматриваемая двойственность возникла непременно как следствие отражения в языке принципиально различного восприятия отношений между лицом и действием или состоянием.[51] Есть достаточно убедительные основания говорить о наличии в прошлом одного типа спряжения, развитие которого происходило по линии размежевания средств передачи предикативности и принадлежности. Одни формы — претерит, или прошедшее категорическое, и условное наклонение — раньше других были вовлечены в процесс вербализации, и присоединявшиеся к ним лично-местоименные аффиксы упростились в наибольшей степени. Все прочие временные формы вплоть до настоящего времени не утратили полностью именные признаки, и их лично-местоименные окончания находятся на разных ступенях упрощения, ср.: кум. *бараман* 'иду', карач.-балк. *барама*, кирг., тат. *барам*. Почему именно претерит, а не какая-либо иная форма стал первой собственно глагольной формой времени и очень рано занял особое положение в плане передачи лица, установить пока трудно. Вероятно, объяснение этому надо искать в истории самого претерита, в особенностях его грамматического содержания.[52]

Доказательством того, что спряжение всех форм изъявительного и условного наклонений некогда было единым, являются следующие факты. Во-первых, нет сомнений, что форма условного наклонения типа *барсам* более поздняя, чем форма типа *барсамăн*: древнейшая разновидность формы условного наклонения, встречающаяся в старописьменных памятниках, — с конечным *р* — присоединяет к себе не аффиксы принадлежности, а личные местоимения: *барсармăн* 'если пойду', *барсарсăн* 'если пойдешь', ср.: узб. (диал.) *бэссэвуз* (~ *бэрсэвуз*), *бэссajiз* (~ *бэрсajiз*),[53] алт. *барзабїс*, хак. *парзабїс* 'если пойдем'; тув. *алзївїсса*, чулым. *алзавїс*, якут. *їлларбїт* 'если возьмем'; шор. *шїксабїс* 'если выйдем'. Во-вторых, совершенно очевидна общая тенденция к упрощению лично-местоименных окончаний в составе временных форм. Дополнительный аргумент в пользу предположения об отсутствии принципиальной разницы между спряжением разных форм — наличие в отдельных тюркских языках частичного или почти полного совпадения личных окончаний у формы претерита и, например, у формы настояще-будущего времени на *-а*, ср.: башк. (диал.) *бардĭң* и *бараң*;[54] др.-тюрк. *бардїмїз* (< *бардїбїз*) и *барабїз*.

4. В связи с обнаружением многочисленных следов первоначальной нераздельности имени и глагола в кавказских языках было высказано мнение, что эта нераздельность являлась основным «движущим механизмом» эргативности.[55] Приведенное мнение может быть истолковано так, что синкретичность именных и глагольных основ обусловливала наличие строго определенной синтаксической структуры и что она не совместима с существованием номинативного строя. Означает ли это, что номинативная конструкция появилась в тюркских языках сравнительно поздно и что ее возникновению обязательно предшествовало типологически иное состояние, например господство эргативных построений? Скорее всего, нет, не означает: слишком мало фактов, позволяющих говорить о трансформации синтаксических конструкций как единственном и абсолютно обязательном пути перехода из одного качественного состояния в другое.

* * *

Такова в общих чертах древнейшая история тюркского глагола, изложенная в виде обобщения некоторых наблюдений над фактами морфологии тюркских языков. Охватываемый период представляет собой один из важнейших этапов в развитии грамматической системы языка, и многое из того, что происходило на этом этапе, должно носить характер общих или относительно общих закономерностей. Разумеется, теоретическое осмысление приведенных фактов может быть и несколько иным, чем предложенное, но в любом случае нельзя обойти молчанием их удивительное сходство и последовательную, устойчивую повторяемость в языках разных групп.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О МОРФОЛОГИИ ГЛАГОЛА

1. Глагол — второй после имени класс изменяемых словоформ, морфологическое своеобразие которого создается присоединением к основе аффиксов лица и числа, наклонения и времени, отрицания и залога.

Аффиксы лица и числа не образуют самостоятельных порядков, они восходят к личным местоимениям единственного и множественного числа, и лицо и число выражаются ими комплексно. Не образуют особых порядков за редкими исключениями и аффиксы времени и наклонения. Несколько упрощая действительное положение вещей, можно сказать, что временные формы не имеют косвенных наклонений, а формы косвенных наклонений не выражают времен и что, следовательно, временные формы прямого, или изъявительного, наклонения противопоставлены вневременным формам косвенных наклонений. На самом деле и формы косвенных наклонений иногда выражают время, ср.: азерб. *алам* 'взять бы мне', *алajдїм* 'взял бы я', *гäлмäлijäм* 'я должен прийти', *гäлмäлi iдiм* 'я должен был прийти'; кум. *барҗaj ӧдiң* 'пошел бы ты', 'пойти бы тебе тогда'; тат. *алсĭн* 'пусть возьмет', *алсĭн iдĭ* 'пусть он взял бы'; тур. *гӧрмӓлiсiнiз* 'вы должны увидеть', *гӧрмӓлijдiниз* 'вам следовало увидеть'; узб. *кajтарiп jубэрсiн ӧдi* 'ему следовало вернуть'.

Не все аффиксальные морфемы одинаково обязательны в глагольных словоформах, и не каждая из них обладает значимостью классификационного признака глагола. Ряд глагольных словоформ не включает в себя аффиксов лица и числа, аффиксы некоторых наклонений выступают в составе форм, входящих скорее в класс имени, чем глагола. Вид как грамматическая категория отсутствует в тюркских языках. Эпизодически в них встречаются аффиксы, выражающие многократность действия, и широко представлены перифрастические образования, служащие целям передачи оттенков, способов и моментов протекания действия: «действие начинается», «действие кончается», «действие осуществляется для себя», «действие осуществляется для другого», «действие усиливается», «действие происходит неожиданно», ср.: узб. *jэза бэшладi* 'он начал писать'; башк. *jaзĭп бĭтĕрдĭ* 'он написал, дописал'; узб. *jэзiп элдi* 'он записал (для себя)', *jэзiп бэрдi* 'он написал (кому-то, для кого-то)', *кiчкiрiп jубэрдi* 'он неожиданно закричал'. Что касается залога, тюркологическая интерпретация которого заметно расходится с традиционной, общелингвистической, то его показатели не чужды и именным словоформам. Из сказанного, однако, не следует, что в тюркских языках глагол не отличается от имени. Противопоставленность глагола имени создается не каким-либо одним аффиксом, а совокупностью аффиксов, реализуемой в специфически глагольных вариациях.

---

[51] Ср. у Э. В. Севортяна: «Выяснение вопроса об историческом приоритете сравниваемых форм предикативных отношений в значительной мере зависит от решения вопроса о первичности личных местоимений или посессивных аффиксов, преемственность между которыми по тюркским материалам не может считаться бесспорной и должна быть еще доказана» (*Севортян Э. В.* О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках, с. 8).

[52] По мнению Б. А. Серебренникова, исходным значением формы на *-дi* было перфективное (см.: *Серебренников Б. А.* Тюркологические этюды, I. К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках. — В кн.: Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию акад. М. Ш. Ширалиева. Баку, 1971, с. 111).

[53] См.: *Шерматов А.* Каршинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1960, с. 31.

[54] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир. АКД. М., 1964, с. 18.

[55] Обстоятельное изложение различных взглядов по вопросу о связи эргативности нтедифференцированностью глагола см. в кн.: *Климов Г. А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973, с. 21—22.

2. Степень морфологического обособления глагола от имени в разных тюркских языках приблизительно одинакова, так как различия начали складываться еще в эпоху праязыка. Поскольку же этот процесс происходил и позднее, когда единый тюркский язык уже не был реальностью, и к настоящему времени не завершился, классификационные признаки глагола проявляются по-разному. Так, аффиксы лица и числа в большинстве языков у имени и форм изъявительного наклонения глагола совпадают, и степень их «внедрения» в глагольные формы минимальна, ср.: ног. *аламан*, тув. *алïр мӕн*, уйг. *алимӓн* 'возьму'; ног. *аласĭҥ* ~ *аласĭ'н*, тув. *алïр сӕн*, уйг. *алисӓн* 'возьмешь'; ног. *аламĭз*, тув. *алïр бiс*, уйг. *алiмiз* 'возьмем'; ног. *аласĭз*, тув. *алïр сiлӕр*, уйг. *алисiлӓ(р)* 'возьмете'. В некоторых же языках указанные аффиксы в глагольных формах подверглись стяжению и стали отличаться от лично-предикативных аффиксов имен, ср.: кар., тат. *алам* 'беру'; кар. *алас*, чуваш. *iлӗдӗн* 'берешь'; башк. (диал.), тат. (диал.) *бараҥ* 'идешь'; тур. (диал.) *гӕлӕ̆ӕксiҥ* 'обязательно придешь', *гӕлӕ̆iм* (< *гӕлӕ̆ӕiм*) 'обязательно приду', *гӕлiҥмi* 'придешь ли?', *гӕлмӕҥ* 'не придешь'.[56] Отрицательный аффикс-инфикс *-ма*, употребляемый в собственно глагольных и причастных формах, в составе субстантивных имен действия встречается в пределах ограниченного круга языков, ср. имя действия на *-мак*: азерб. *јазмаг* 'писать', 'писание', *јазмамаг* 'не писать', 'неписание'; тур. *гӕлмӕк* 'приходить', 'приход', *гӕлмӕмӕк* 'не приходить', 'неприход'.

Разные тюркские языки в разной мере сохраняют следы происхождения финитных глагольных форм из имен действия. Например, форма прошедшего категорического на *-дї* является типичнейшим представителем verbi finiti, однако в ряде языков она сочетается с вспомогательным глаголом *i-* (< *ӕр-*), ср.: тур. *гӕлдi* 'он пришел' (прошедшее время), *гӕлдiјдi* 'он приходил' (предпрошедшее, или давнопрошедшее, время). Ср. также в говорах татарского языка: *кiлдĭјĭ* (< *кiлдĭ iдĭ*) 'она приходила',[57] *куjдĭм iјĭ* 'я сунула было'.[58]

3. Основная тенденция морфологического развития тюркских языков — постепенное разграничение имени и глагола путем использования специфических формальных средств выражения глагольности. Осуществление этой тенденции — чрезвычайно сложный и медленный процесс, характеризуемый не только появлением новых качественных черт развивающегося грамматического класса глагола, но и большой устойчивостью имен действия, которые, выступая преимущественно в предикативной функции и приобретая признаки глагола, не утрачивают вместе с тем именных признаков. Достаточно сказать, что имена действия склоняются, присоединяют аффиксы принадлежности и аффикс множественного числа *-лар*. Данная особенность выходит за рамки частных случаев перекрещивания разных грамматических классов и затрудняет проведение границы между именными и глагольными образованиями. До сих пор не прекратились споры о том, относятся ли причастия типа *барар*, *барҕан*, *бармïш*, *бараĭак* к именам, поскольку они склоняются и наделены функцией определения, или же их следует рассматривать как глагольные формы, учитывая способность присоединять морфологические показатели, не типичные для имени, и принимая во внимание возможность их самостоятельного (без связки) предикативного употребления. В поисках выхода из создавшегося положения было предложено считать, что в традиционной грамматике тюркских языков под рубрикой «причастие» объединены омонимичные формы и что функциональные различия этих форм являются отражением их грамматических различий.[59] С таким предложением, однако, трудно согласиться: грамматически причастия едины,[60] синкретичность присуща им как таковым, а их синтаксическая многозначность — следствие своеобразия их грамматической природы.

Синтаксическая многозначность причастий — устойчивое, но не постоянное явление. В ходе развития и совершенствования грамматического строя происходит постепенная дифференциация по характеру преобладающих признаков. Одни причастия вербализуются, другие — переходят в разряды существительных и прилагательных, третьи — продолжают оставаться синкретичными. Еще раз обратимся к форме прошедшего категорического на *-дї*. В старописьменных памятниках она употребляется как сказуемое, со связкой и без связки, и как определение, в современных же языках выполняет только предикативные функции, т. е. ведет себя как собственно глагольное образование.

4. Хотя вопрос о грамматическом статуте имен действия и о разграничении именных и глагольных форм относится к числу актуальных, мы не придаем ему большого значения. Наличие у имени и глагола многих совместимых точек — наследие эпохи их первоначальной грамматической нераздельности. И поэтому не будет принципиальной ошибкой, если в работе, посвященной глаголу, наряду с собственно глагольными формами будут систематически рассматриваться и причастия, тем более что в сравнительном исследовании вообще нельзя обойтись без сопоставления разнородных грамматических образований.

[56] См.: *Aksoy Ö. A.* Gaziantep ağzı, I. İstanbul, 1945, s. 152—154, 160.

[57] См.: *Бурганова Н. Б.* О временных формах глаголов изъявительного наклонения в заказанских говорах. — МТД, III, с. 27.

[58] См.: *Рамазанова Д. Б.* Грамматические особенности говора пермских татар. — Там же, с. 103.

[59] См.: *Ушаков Е. И.* Синтаксические функции формы на -غان в современном уйгурском языке. АКД. М., 1956, с. 18.

[60] См.: *Иванов С. Н.* Синтаксические функции формы на *-ган* в современном узбекском литературном языке. АКД. Л., 1957, с. 5 сл.; *Гузычыев Т.* Причастия в письменных памятниках туркменского языка XVIII—XIX вв. АКД. Ашхабад, 1971, с. 5.

Глава I

ФОРМЫ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ ГЛАГОЛА

Словоизменительные аффиксы глагола располагаются в строгой последовательности: первый ряд, или порядок, второй, третий и т. д. Число и последовательность рядов, или порядков, исторически обусловлены, восходят к глубокой древности и очень устойчивы, что позволяет говорить об общетюркском морфологическом типе глагольной структуры и о его разновидностях, появившихся в условиях обособленного развития тюркских языков. Приведем примеры. В соответствии с общетюркской последовательностью аффикс 2-го лица множественного числа повелительного наклонения примыкает непосредственно к основе, ср.: тат. *барыгыз* 'идите'. Для карачаево-балкарского языка такая последовательность не обязательна, ср.: *кэтчигиз* (вм. *кэтигиз-чи*) 'уйдите-ка'.[1] В обычной для узбекского языка форме 2-го лица множественного числа повелительного наклонения аффикс *-лар* занимает крайнюю конечную позицию, что согласуется с общетюркскими нормами, однако не исключено и присоединение аффикса *-лар* непосредственно к глагольной основе, ср.: *кэчиңлар* и *кэчларің* 'убегайте'. Типично узбекская последовательность аффиксов лица и числа в форме повелительного наклонения — частный случай широко распространенного в узбекском языке явления смещения порядков названных аффиксов в глагольных формах, ср.: *бэрдиңлар* и *бэрдиларің* 'вы пошли', *бэрсаңлар* и *бэрсаларің* 'если пойдете'.[2] Очень часто производится перестановка в необычную позицию вопросительного аффикса *-мы*.[3]

Опираясь на морфологические особенности, мы выделяем два подкласса глагола: формы полной вербальности, или спрягаемые формы, и формы неполной вербальности, которые не спрягаются вообще или же спрягаются, но вместе с тем могут использоваться без показателей лица и числа. В отличие от форм полной вербальности, выполняющих функции только главного сказуемого, формы неполной вербальности выступают в качестве и главного, и зависимого сказуемого и, кроме того, являются компонентами аналитических образований лексического и грамматического типов.

[1] См.: *Алиев У. Б.* Наклонение и время глагола карачаево-балкарского языка. — В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968, с. 109.

[2] Я. Г. Гулямов, описывая особенности ташкентского говора, связывает перемену мест аффиксов *-ың* и *-лар* с выражением пренебрежительного отношения к собеседнику (см.: *Гулямов Я. Г.* Грамматика ташкентского говора, I. Морфология. Ташкент, 1968, с. 113). В академической грамматике узбекского языка стилистическое различие отмечается и между формами повелительного наклонения с обычным и инверсированным порядком морфологических показателей, ср.: *айтиңлар* и *айтларің* (см.: Ўзбек тили грамматикаси, I. Тошкент, 1975, б. 106).

[3] См.: *Бурганова Н. Б.* О временных формах глаголов изъявительного наклонения в заказанских говорах. — МТД, III, с. 9.

Чтобы точнее определить характер грамматических сходств и различий между формами полной и неполной вербальности, следует остановиться еще раз на вопросе соотношения собственно глагольных форм, причастий и деепричастий в историческом плане. Как отмечалось выше, все они восходят к именам действия, в основе разграничения которых лежит синтаксическая специализация, заключающаяся в преимущественном выполнении одними из них предикативных функций, другими — предикативных и атрибутивных, третьими — функций зависимого сказуемого или обстоятельства. Глубина этого разграничения сравнительно невелика, отсюда и некоторая нестабильность границ между формами, входящими в разные подклассы. Деепричастие частично сохраняет этимологические черты древнего имени действия и, оказываясь в синтаксической позиции сказуемого, становится похожим на собственно глагольные формы.

ФОРМЫ ПОЛНОЙ ВЕРБАЛЬНОСТИ

Формы полной вербальности — формы наклонений: повелительного, желательного, долженствовательного, условного, изъявительного и некоторых других.

В словоизменении форм полной вербальности наряду с аффиксами наклонений важное место занимают аффиксы лица и числа. Будучи выразителями предикативности, они присоединяются не только к глаголу, но и к имени, однако совпадение глагольных форм с именными в этом плане охватывает главным образом первую, начальную, ступень развития глагольных показателей лица и числа

Раздел 1

Формы лица и числа [4]

1. В древнетюркском языке, в языке желтых уйгуров и в других тюркских языках отмечено употребление глагольных форм без показателей лица и числа, ср.: др.-тюрк. *мән мунда турдук* 'я здесь стоял', *ол кәлдүк* 'он пришел', *біз кәлдүк* 'мы пришли', *олар таʁка аʁдук* 'они взошли на гору' (МК II 61, «у огузов, кыпчаков и суваров»); ж.-уйг. *мән пӥлтӥ* 'я знал', *сән пӥлтӥ* 'ты знал', *ол пӥлтӥ* 'он знал', *мӥс пӥлтӥ* 'мы знали';[5] к.-калп. *мән алʁан ман* ~ *мән алʁан* 'я взял', *сән алʁан саң* ~ *сән алʁан* 'ты взял';[6] тат. (диал.) *мін барʁан* 'я пошел', *сін барʁан* 'ты пошел';[7] узб. (диал.) *мән бэргән* 'я пошел', *сән бэргән* 'ты пошел', *біз бэргән* 'мы пошли', *сіз бэргән* 'вы пошли'.[8]

Причины отсутствия личных показателей и показателей лица не ясны, хотя в каждом конкретном случае есть факты, указывающие на возможные направления их поисков. Для языка желтых уйгуров, например, примечательна продолжительность и интенсивность взаимодействия с монгольскими языками, в которых сопровождение глагольных форм показателями лица и числа до недавнего времени не было обязательным. При окончательном решении вопроса о том, относится ли отсутствие лич-

[4] См.: *Севортян Э. В.* Категория сказуемости. — ИСГТЯ, II, с. 16—21; *Баскаков Н. А.* Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — Там же, с. 263—303; *Глазов Ю. Я.* Система личных глагольных морфов в тюркских языках. — НАА, 1966, № 2, с. 116—124; *Джанбидаева К. К.* Ногай тилинде оьзлик аффикслер. — Тр. Карачаево-Черкесского НИИЭИЯЛ, Черкесск, 1968, V, с. 201 сл.

[5] См.: *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957, с. 6.

[6] См.: *Баскаков Н. А.* Система спряжения. . ., с. 267.

[7] См.: *Бурганова Н. Б.* О временных формах глаголов изъявительного наклонения в заказанских говорах, с. 21.

[8] См.: *Алиев А. Ю.* Наманганская группа говоров узбекского языка. АДД. Ташкент, 1975, с. 78.

ных показателей и показателей числа к явлениям реликтового порядка или же оно — следствие поздней утраты, обусловленной языковыми контактами или избыточностью средств выражения лица и числа, необходимо учитывать размеры преобразования личных местоимений, становящихся исходным материалом для лично-предикативных аффиксов. Иногда эти преобразования многоаспектны (фонетические изменения, упрощение, действие аналогии) и весьма значительны, что, естественно, указывает на большую древность выражения лица и числа в тюркском глаголе.

Если отвлечься от не имеющих существенного значения частностей и совместить в одной парадигме формы повелительного и желательного наклонений,[9] то встречающиеся в тюркских языках показатели лица и числа легко будет подразделить на три группы.

1, 1. Первая группа — показатели лица и числа в формах настоящего, настояще-будущего и других времен и в форме желательно-сослагательного наклонения. Абсолютное большинство их в той или иной мере совпадает с личными местоимениями (первые два лица) самими по себе или в сочетании с аффиксом множественного числа *-лар*.

Единственное число

1 л. *-пан ~ -пїн ~ -пун ~ -бан ~ -бїн ~ -бун ~ -ван ~ -ванїн ~ -ман ~ -мїн ~ -мун ~ -мӯн ~ -ма ~ -м ~ -н ~ -п*

2 л. *-саң ~ -сїң ~ -сӯң ~ -суң ~ -сан ~ -сїн ~ -сӯн ~ -сун ~ -заң ~ -зїң ~ -зуң ~ -ðїң ~ -hӯң ~ -ң ~ -н ~ -са ~ -с, -ғӯн ~ -ғун*

Множественное число

1 л. а) *-пїз ~ -пїс ~ -бїз ~ -буз ~ -бїс ~ -бӯс ~ -бус ~ -бӯð ~ -бїт ~ -бут ~ -вїз ~ -вуз ~ -вїс ~ -вус ~ -мїз ~ -мїð ~ -мӯз ~ -мїс ~ -пăр ~ -уз ~ -з ~ -с ~ -ð*

б) *-вузä ~ -взä*

в) *-к ~ -ғ*

г) *-сїк*

2 л. а) *-сїңїз ~ -ðїңїð ~ -сӯңӯз ~ -сӯңӯс ~ -сїнїз ~ -сунуз ~ -сїнїс ~ -сунус ~ -сӯнӯз ~ -сӯғӯз ~ -савїз ~ -hӯғӯð ~ -сїз ~ -сӯз ~ -суз ~ -сїс ~ -сӯс ~ -сус ~ -ðӯð ~ -р, -ғӯð ~ -ңїð ~ -ғїт ~ -ғут*

б) *-сїңлар ~ -сӯңнар ~ -сӯңдар ~ -суңдор ~ -сїңар ~ -сїғар ~ -зағар ~ -зїңлар ~ -зїғар ~ -сāр ~ -сар ~ -зāр ~ -зар ~ -сӯлар ~ -слар ~ -їғар ~ -āр*

Примеры (*ал-* ‘брать’ в настоящем и настояще-будущем или будущем времени):

	Единственное число		Множественное число	
	1 л.	2 л.	1 л.	2 л.
азерб.	*аларам*	*аларсан*	*ларїғ*	*ларсїнїз*
алт.	*ларӯм*	*ларӯң ~ ларзӯң*	*ларӯбїс*	*ларӯғар ~ ларзӯғар ~ ларзағар ~ ларзāр*
башк.	*алам ~ аламӯн*	*алаhӯң*	*алабӯð*	*алаhӯғӯð*
гаг.	*ларӯм*	*ларсӯн*	*ларӯз*	*ларсӯнӯз*
казах.	*аламӯн*	*ласӯң*	*ламӯз*	*ласӯз, ласӯңдар*

[9] Спор о правомерности совмещения в одной парадигме форм повелительного и желательного наклонений не является принципиальным. См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 163; *Сауранбаев Н. Т.* О категории лица повелительного наклонения. — Изв. АН Казахской ССР, № 135. Сер. филол. и искусствовед., 1954, 1—2, с. 35—36.

кар.	*алам ~ аламїн*	*алас ~ ласїн*	*лабїз*	*ласїз*
карач.-балк.	*алама*	*аласа*	*лабїз*	*ласїз*
к.-калп.	*аламан*	*ласаң*	*ламӯз*	*ласӯз(лар)*
кирг.	*аламїн ~ алам*	*ласїң*	*лабїз*	*ласїз, ласїңар*
крым.-тат.	*ларӯм*	*ларсӯң*	*лӯрмїз*	*лӯрсїз, лӯрсӯңӯз*
кум.	*аламан*	*ласан*	*лабїз*	*ласїз*
ног.	*аламан*	*ласӯң*	*ламӯз*	*ласӯз*
тат.	*алам*	*ласӯң*	*лабӯз*	*ласӯз*
тув.	*лӯр мӕн*	*лӯр сӕн*	*лӯр біс*	*лӯр сілӕр*
тур.	*лӯрӯм*	*лӯрсӯн*	*лӯрӯз*	*лӯрсїнїз*
туркм.	*ларӯн*	*ларðӯң*	*ларӯð*	*ларðӯңӯð*
узб.	*эламан*	*эласан*	*эламіз*	*эласіз*
уйг.	*алімӓн*	*алісӓн*	*аліміз*	*алісілӓ(р)*
хак.	*ларбїн ~ алам*	*ларзӯң*	*ларбїс*	*ларзар*
чуваш.	*ілӑдĕп*	*ілӑдĕн*	*ілӑтпĕр*	*ілӑдĕр*
шор.	*ларӯм ~ ларбїн*	*ларӯң ~ ларзӯң*	*ларбӯс-(тар), ларӯс*	*ларзāр ~ ларзар*
якут.	*ӱлабӯн*	*ӱлағӯн*	*ӱлабӯт*	*ӱлағӯт*

Ср.: др.-тюрк. *кӯлурмӓн* ‘сделаю’, *бӑрмӓгӓjсӓн* ‘не дашь’, *көргӓjсіз* ‘увидите’; ст.-тур. *кӯлам* ‘(чтобы) сделал бы я’, *олавӓн* ‘(чтобы) стал бы я’, *гӧрӓсін* ‘(чтобы) увидел бы ты’ (CD 168), *ішідӓвӱз* ‘(чтобы) услышали бы мы’, *істӓjӓсіз* ‘(чтобы) искали бы вы’ (CD 169), *олмазвӓнін* ‘не являюсь’, *білӱрсін* ‘знаешь’, *булуруз* ‘находим’ (CD 170), *аjдамӓн* ‘скажу’, *дӑрвӓн* ‘говорю’ (‘Ăšyqpāšā 16), *гідісӓрвӓнін* ‘пойду’ (SN 28$_2$), *білмӓзӱз* ‘не знаем’, *анламазуз* ‘не понимаем’;[10] азерб. (диал.) *гӓлірсініз ~ гӓлірсӱз* ‘идете’, *гӧдӓjіз* ‘пойдем’, *гӓліфсӓвіз* ‘вы пришли’;[11] алт. (диал.) *барāр* ‘пойдете’,[12] *барғаjібіс ~ барғаjіс* ‘пожалуй, поедем’;[13] башк. (диал.) *барӯрсӯғӯð ~ барӯрсӯð* ‘пойдете’,[14] *бараң* ‘идешь’, *барағӯð* ‘идете’;[15] казах. (диал.) *кӓлӓсӯңӯз* ‘придете’,[16] *көрӯпсӯңӯз* ‘вы, оказывается, видели’;[17] кирг. (диал.) *барасїн* ‘идешь’,[18] *ӱӱрӱсӱңдӧр* ‘ходите’, ‘находитесь’;[19] тат. (диал.) *тӯңлӯjсӯғӯз* ‘слушаете’,[20] *барарбїс*, *барарӯк* ‘пойдем’, *ласӯс ~ ласӯңӯс*,

[10] См.: *Şeyyad Hamza.* Yusuf ve Zeliha. Nakleden: Dehri Dilçin. İstanbul, 1946, s. 36—37.

[11] См.: *Ширалиев М. Ш.* Азербайджанская диалектология на новом этапе. — ВДТЯ, II. Баку, 1960, с. 54; *Ширәлијев М. Ш.* Азәрбајчан диалектолокијасынын әсаслары. Бакы, 1962, с. 225 сл.; *Садыхов Б. И.* 1) Кедабекские говоры азербайджанского языка. АКД. Баку, 1964, с. 20; 2) Гәдим бир шәкилчинин изи. — Изв. АН Азербайджанской ССР. Сер. лит., яз. и иск-ва, 1967, № 2, с. 73.

[12] См.: *Бабушкин Г. Ф.* О некоторых фонетических и морфологических особенностях теленгитского диалекта алтайского языка. — ВДТЯ, IV. Баку, 1966, с. 176.

[13] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, с. 162—163.

[14] См.: *Юлдашев А. А.* К изучению говора башкир Туймазинского района БАССР. — БДС, с. 144.

[15] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Сравнительное исследование диалектов башкирского языка. АДД. Уфа, 1975, с. 43.

[16] См.: *Нурмагамбетов А.* Казахский говор на территории Туркменской ССР. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 16; *Борибаев А.* Языковые особенности урдинских казахов. АКД. Алма-Ата, 1966, с. 19.

[17] См.: *Джунусов Н.* Казахский переходный говор на территории Каракалпакской АССР. (На материалах западных и северо-восточных районов). АКД. Алма-Ата, 1965, с. 9.

[18] См.: *Бакеев К. О.* Ноокатский говор Ошской области. АКД. Алма-Ата, 1952, с. 13.

[19] См.: *Бейшекеев Н.* Казакстандагы кыргыздардын тилдик өзгөчөлүктөру. Фрунзе, 1964, б. 42.

[20] См.: *Якупова Г. К.* Описание некоторых морфологических особенностей языка татар, расположенных по реке Зай (Татарская АССР). — ВДТЯ, II. Баку, 1960, с. 140.

аласӣңнар ‘берете’;[21] тур. (диал.) *урусук* ‘мы бьем’, *дәрсък* ‘мы говорим’ (ср.: *әвдәсък* ‘мы дома’),[22] *гідӓсіс* ~ *гідӓсініс* ‘уходите’;[23] туркм. (диал.) *алјан* ‘беру’, *алјаң* ‘берешь’, *алјак* ‘берем’, *алјаңӣд* ‘берете’ (в говоре игдыров: *алјәсін* ‘берешь’, *алјәсіңіз* ‘берете’),[24] *алдӯрсӣк* ‘берем’;[25] узб. (диал.) *кішләјсілӓр* ‘зимуете’,[26] *бәрӓслӓр* ‘пойдете’,[27] *кӯрәвуз*, *кӯрәвзӓ* ‘увидим’, *кӯрӓрвуз*, *кӯрӓрвузӓ* ‘увидим’,[28] хак. (диал.) *ӣштәп турӣм* ‘работаю’, *ӣштәп турӣң* ‘работаешь’, *ӣштәп турӣбӣс* ‘работаем’, *ӣштәп турзӣңләр* ‘работаете’,[29] *парам* ‘пойду’, *паразӣң* ‘пойдешь’,[30] *полам* ‘буду’, *полазаң* ‘будешь’, *полабӣс* ‘будем’, *полазӑр* ‘будете’.[31]

Показатель 3-го лица единственного (и множественного) числа — аффикс *-тур* ~ *-дур* ~ *-дӣ* ~ *-ду* ~ *-т*, образовавшийся из причастия будущего времени от глагола *тур-* ‘стоять’. Примеры: др.-тюрк. *Ітіл сувӣ ака турур* ‘текут воды Итиля’ (МК I 73); ст.-узб. *барадурур* ~ *барадур* ‘идет’; казах., к.-калп., ног. *алдӣ*, кар. *алдӣ(р)* ~ *алат*, кирг. *алат*, карач.-балк. *алдӣ* ~ *алат*; узб. *әлді*, чуваш. *ілӗт′* ‘берет’, ‘возьмет’; туркм. *алӣндӣр*, уйг. *әліптү* ‘он взял’.

Вначале причастие *турур*, подобно образованному от глагола *әр-* ‘быть’ причастию *әрӱр*,[32] являлось факультативным средством выражения предикативности. Поэтому в письменных памятниках и в современных языках встречаются случаи употребления аффикса *-тур* ~ *-дур* ~ *-дӣ* ~ *-ду* ~ *-т* во всех трех лицах, ср. в тексте XIV в.: *кӱлӓдӱрмӓн* ‘смеюсь’, *аладӣрсіз* ‘берете’;[33] азерб. (диал.) *аладам* ‘беру’, *аладӣ* ~ *аладу* ‘берет’, *аладуъ* ‘берем’, *бахатдӣ* (< *баха турур дӣр*) ‘смотрит’, туркм. (диал.) *бармаздӣрсӣң* ‘не пойдешь’, *бармаздӣріз* ~ *бармаздӣрӣс* ‘не пойдем’, *бармаздӣрсіңіз* ‘не пойдете’;[34] алт. *баратӣм* ‘иду’; тув. *ап тур мӓн* ‘беру’, *ап тур сӓн* ‘не пойдете’, *ап тур біс* ‘берем’, *ап тур сіләр* ‘берете’; чуваш. *ілӗдӗп* ‘беру’, *ілӗдӗн* ‘берешь’; чулым. *пілӗ̄дім* (< *пілә турур мӓн*) ‘знаю’, *пілӗ̄дің* (< *пілә турур сӓң*) ‘знаешь’; уйг. *әліптімӓн* ‘я взял’, *әліптіміз* ‘мы взяли’; хак. *алӣдӣрбӣн* ‘беру (обычно)’. В дальнейшем необходимость употребления *турур* и его разновидностей в 1-м и 2-м лицах для части языков отпала, так как основными выразителями предикативности стали личные местоимения. В 3-м лице, где выражение предикативности при помощи личного местоимения, по-видимому, не было регулярным, аффикс *-тур* ~ *-дур* ~ *-дӣ* ~ *-ду* ~ *-т* во многих тюркских языках сохранился и занял место в одном ряду с лично-предикативными показателями.

Некоторые тюркологи рассматривают аффикс *-тур* как модальную частицу со значением предположительности, неопределенности, отрицая его принадлежность к лично-предикативным показателям.[35] Действительно,

[21] См.: *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. АДД. М., 1969, с. 31, 39.

[22] См.: *Mollova M.* Le futur dans un parler turc de Bulgarie. — Linguistique Balkanique, Sofia, 1962, V, 2, p. 95.

[23] См.: *Hazai G.* Les dialectes turcs du Rhodope. — АОН, 1959, IX, 2, p. 223.

[24] См.: *Аразкулиев С.* Говоры туркмен Турткульского района Каракалпакской АССР. АКД. Ашхабад, 1962, с. 12.

[25] См.: *Куренов С.* Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья). АКД. Ашхабад, 1959, с. 18.

[26] См.: *Шарипов О.* Папский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 16.

[27] См.: *Фарманов И.* Ошский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1960, с. 15.

[28] См.: *Гулямов Я. Г.* Грамматика ташкентского говора, I, с. 115, 117.

[29] См.: *Доможаков Н. Г.* Нижнеиюсцы. (Материалы по языку.) — Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1960, VIII, с. 208.

[30] См.: *Боргояков М. И.* Бельтирский говор сагайского диалекта. — В кн.: Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973, с. 96.

[31] См.: *Катанов Н. Ф.* О звуках сагайского диалекта. — Там же, с. 75.

[32] См.: *Гаджиева Н. З.* Существовал ли глагол-связка настоящего времени в тюркских языках? — СТ, 1971, № 5, с. 5 сл.

[33] См.: *Зияева М. Т.* Исследование памятника XIV в. «Китаб ат-туҳфат уз-закиййа фил-луғат-ит туркиййа». АКД. Ташкент, 1972, с. 16.

[34] См.: *Рустәмов Р. Ә.* 1) Губа диалекти. Бакы, 1961, с. 11, 106, 148—152; 2) Азәрбајчан дили диалект вә шивәләриндә фе’л. Бакы, 1965, с. 230; *Куренов С.* Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), с. 19.

[35] См.: *Баскаков Н. А.* Система спряжения. . ., с. 274 сл.

аффикс *-тур* выражает указанные значения, которые связаны с содержанием этимологической формы — причастия на *-р*, однако сам факт наличия таких значений не ставит под сомнение возможность функционирования этого аффикса как средства выражения предикативности. У модальной частицы общий с лично-предикативным аффиксом источник, но особый путь развития: модальная частица, выражающая и вероятность—предположительность, и категоричность,[36] унаследовала главным образом специфические черты модального значения одной из форм вспомогательного глагола *тур-* (ср.: др.-тюрк. *әрміш*, *әрінч*, *әркӓн* — от вспомогательного глагола *әр-*; тур. *ола*, *олмалӣ*, *олаӷак* — от вспомогательного глагола *ол-*), тогда как лично-предикативный показатель стал выразителем ее предикативных свойств. Здесь необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Лично-предикативный показатель и модальный аффикс-частица внешне не всегда совпадают: первый в ряде тюркских языков сократился до *-дӣ* ~ *-т*, второй повсеместно сохраняется в виде *-ту(р)*, ср.: алт., кирг. *алат* ‘берет, возьмет’; узб. *бәраді* ‘идет, пойдет’, *бәргандір* ‘он, вероятно, ходил’. Ср. также: кар. *әшітмӓст* ‘не слышит’; чуваш. *пӗлмӗст′* ‘не знает’.

В древнетюркском языке и в современных тюркских языках — башкирском, тувинском, хакасском и других — в одном ряду с местоимениями 1-го и 2-го лица оказывается лично-указательное местоимение 3-го лица *ол*. Примеры: др.-тюрк. *білгӓ Тоӈукук аӈӣӌ ол* ‘мудрый Тоньюкук — хитрый’ (Тон$_{34}$), *анча біліңлӓр әдгӱ ол* ‘так знайте: это хорошо’ (ThS II$_{87}$), *ол әвгӓ бармӣш ол* ‘он отправился домой’ (МК I 38), *ол таварӣн сатӣɲлӣ ол* ‘он намерен продать его имущество’ (МК II 297); башк. *Хӓсӓн јадӣвсӣ ул* ‘Хасан — писатель’;[37] тув. *ол тур ол* ‘он стоит’, *ол алӣр ол* ‘он берет’; хак. *чоɲӣл* (< *чок ол*) ‘нет’. К местоимению *ол* в функции лично-предикативного показателя, по всей видимости, восходит также конечный *і* в форме 3-го лица настоящего времени, встречающийся в тебризском диалекте азербайджанского языка, ср.: *алӣрі* ‘берет’, *гӓлірі* ‘приходит’.[38] Все же на основании имеющихся в нашем распоряжении фактов нельзя сделать определенный вывод относительно регулярности употребления *ол* в функции лично-предикативного показателя на каком-либо этапе эволюции тюркских языков. Скорее всего его присоединение к именам или связкам *әрӱр* и *турур* было эпизодическим. Не случайно на месте лично-предикативного показателя 3-го лица в тувинском языке наряду с местоимением *ол* выступают аффикс *-тур* ~ *-дур* ~ *-дӣ* ~ *-ду* ~ *-т*, местоимение *бо* и другие самостоятельные слова, ср.: тув. *чӗрлӗ ӣндӣɲ шӣңнӣ̄ кіжі* ‘он всегда такой серьезный’, *ол бістӣнгӗ хӱннӱң кӗлір чӱвӗ* ‘он ежедневно приходит к нам’, *мӓн ажӗлдап турарім бо* ‘я сейчас работаю’.[39]

Показатель формы 3-го лица множественного числа — аффикс *-лар* [в чувашском языке — аффикс *-с′(ӗ)* < ? *-сӓм*],[40] ср.: кар. *алдӣ(р)лар*, карач.-балк. *алдӣла*, ног. *алдӣ(лар)*, тув. *ап тур(лар)*, *алӣр(лар)*, чуваш. *ілӗс′с′ӗ*, якут. *ӣлаллар*. Аффикс *-лар* функционирует либо постоянно (ср. якутский язык), либо в зависимости от разных обстоятельств. Так,

[36] См.: *Чарыяров Б.* Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы. АДД. Ашхабад, 1970, с. 7, 66—67.

[37] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 53.

[38] См.: *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы. Бакы, 1962, с. 244—247; *Рустәмов Р. Ә.* Азәрбајчан дили диалект вә шивәләриндә фе’л, с. 218—220.

[39] См.: *Севортян Э. В.* О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. — ИСГТЯ, III, с. 12 сл.; *Исхаков Ф. Г.*, *Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 223; *Монгуш Д. А.* Об аналитической форме предикации в тувинском языке. — Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, 1968, XIII, с. 242—248.

[40] См.: *Сергеев В. И.* Способы выражения множественности в чувашском языке. АКД. М., 1973, с. 10. См. также: *Егоров В. Г.* Глагол. — В кн.: Материалы по грамматике современного чувашского языка, I. Морфология. Чебоксары, 1957, с. 189. Другие точки зрения изложены в кн.: *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, с. 58—59.

в азербайджанском языке, если подлежащее обозначает одушевленный предмет, он допустим, но не обязателен, если же подлежащее обозначает неодушевленный предмет, аффикс *-лар* в сказуемом обычно отсутствует.[41] В узбекском языке, в котором употребление аффикса *-лар* не укладывается в рамки каких-либо правил, его присутствие обязательно в основном при выражении несобственных значений: почтительности, вежливости, ср.: *рəһбарім бугун кəләділар* 'мой руководитель приедет сегодня'.

Относительная свобода в употреблении аффикса *-лар* в собственно глагольных и причастных формах, выполняющих функции сказуемого, — изначальное явление, связанное с общетюркской тенденцией «экономного» отношения к средствам передачи множественного числа.

1, 2. Вторую группу составляют показатели лица и числа в форме прошедшего времени изъявительного наклонения и в форме условного наклонения, подвергшиеся значительным преобразованиям. В древнетюркском языке, в языках Сибири и Алтая и в диалектах других современных тюркских языков показатели лица и числа названных выше форм частично совпадают с аналогичными показателями, входящими в первую группу, ср.: якут. *көрдөрбүн* 'если увижу', *көрдөргүн* 'если увидишь'.

Единственное число

1 л. *-м*
2 л. *-ң ~ -н ~ -ҕ ~ -k ~ -j*

Множественное число

1 л. а) *-бїз ~ -буз ~ -бїс ~ -бус ~ -бїт ~ -бут ~ -вїз ~ -вуз ~ -вїс ~ -вус ~ -мїз ~ -муз ~ -мăр ~ -їз ~ -уз ~ -з ~ -с ~ -в*
б) *-бїстар ~ -вузä ~ -взä*
в) *-k ~ -ҕ ~ -х ~ -j*
2 л. а) *-ңїз ~ -ңуз ~ -ңїδ ~ -ңĭз ~ -нїз ~ -нуз ~ -нїс ~ -нус ~ -ҕїз ~ -ҕуз ~ -ҕĭз ~ -ҕĭδ ~ -ҕїт ~ -јїз ~ -јуз ~ -їз ~ -с ~ -з ~ -р*
б) *-ңлар ~ -ңдар ~ -ңар ~ -ҕар ~ -ар ~ -р ~ -јла- ~ -уна*

Примеры (*ал-* 'брать' в форме прошедшего категорического изъявительного наклонения и в форме условного наклонения):

	Единственное число		Множественное число	
	1 л.	2 л.	1 л.	2 л.
азерб.	*алдїм*	*алдїн*	*алдїҕ*	*алдїнїз*
	алсам	*алсан*	*алсаҕ*	*алсанїз*
алт.	*алдїм*	*алдїң*	*алдїбїс, алдїk*	*алдїҕар*
	алзам	*алзаң*	*алзабїс, алзak*	*алзаҕар*
башк.	*алдĭм*	*алдĭң*	*алдĭk*	*алдĭҕĭδ*
	алһам	*алһаң*	*алһak*	*алһаҕĭδ*
гаг.	*алдїм*	*алдїн*	*алдїk*	*алдїнїз*
	алсам	*алсан*	*алсak*	*алсанїз*
казах.	*алдĭм*	*алдĭң*	*алдĭk*	*алдĭң(ĭз)дар*
	алсам	*алсаң*	*алсak*	*алсаң(ĭз)дар*
кар.	*алдїм*	*алдїн ~ алдїj*	*алдїk ~ алдїх*	*алдїнїз ~ алдїјїз*
	алсам	*алсан ~ алсəj*	*алсak ~ алсах*	*алсанїз ~ алсајїз*
карач.-балк.	*алдїм*	*алдїң*	*алдїk*	*алдїҕїз*
	алсам	*алсаң*	*алсak*	*алсаҕїз*
к.-калп.	*алдĭм*	*алдĭң*	*алдĭk*	*алдїң(ĭз)лар*
	алсам	*алсаң*	*алсak*	*алсаң(ĭз)лар*

[41] См.: Грамматика азербайджанского языка. (Фонетика, морфология и синтаксис). Баку, 1971, с. 214.

кирг.	*алдїм*	*алдїң*	*алдїk*	*алдїңїз, алдїңар*
	алсам	*алсаң*	*алсak*	*алсаңїз, алсаңар*
крым.-тат.	*алдїм*	*алдїң*	*алдїk*	*алдїңїз*
	алсам	*алсаң*	*алсak*	*алсаңĭз*
кум.	*алдїм*	*алдїң*	*алдїk*	*алдїҕїз*
	алсам	*алсаң*	*алсak*	*алсаҕїз*
ног.	*алдĭм*	*алдĭң*	*алдĭk*	*алдĭңĭз*
	алсам	*алсаң*	*алсak*	*алсаңĭз*
тат.	*алдĭм*	*алдĭң*	*алдĭk*	*алдĭҕĭз*
	алсам	*алсаң*	*алсak*	*алсаҕĭз*
тув.	*алдїм*	*алдїң*	*алдївїс*	*алдїңар*
	алзїмза	*алзїңза*	*алзївїсса*	*алзїңарза*
тур.	*алдїм*	*алдїн*	*алдїk*	*алдїнїз*
	алсам	*алсан*	*алсak*	*алсанїз*
туркм.	*алдїм*	*алдїң*	*алдїk*	*алдїңїδ*
	алдам	*алдаң*	*алдak*	*алдаңїδ*
узб.	*элдім*	*элдің*	*элдік*	*элдіңіз*
	элсам	*элсаң*	*элсак*	*элсаңіз*
уйг.	*алдім*	*алдің*	*алдук*	*алдіңлар*
	алсам	*алсаң*	*алсak*	*алсаңлар*
хак.	*алдїм*	*алдїң*	*алдїбїс*	*алдїңар ~ алдāр*
	алзам	*алзаң*	*алзабїс*	*алзаңар ~ алзāр*
чуваш.	*ілдĕм*	*ілдĕн*	*ілдĕмĕр*	*ілдĕр*
	—	—	—	—
шор.	*алдїм*	*алдїң*	*алдїбїс(тар)*	*алдāр*
	алзам	*алзаң*	*алзабїс*	*алзāр ~ алзар*
якут.	*їллїм*	*їллїң*	*їллїбїт*	*їллїҕїт*
	їлларбїн	*їлларҕїн*	*їлларбїт*	*їлларҕїт*

Ср.: др.-тюрк. *адїрїлдїм* 'я отделился', *качурдуҕ* 'ты заставил бежать', *алдїң* 'ты взял', *чĭктїмїз* 'мы вышли', *болтумуз* 'мы стали', *кəлтүк* 'мы пришли', *алдїҕїз ~ алдїңїз* 'вы взяли', *кəлсä(р)мăн* 'если приду', *кəлсä(р)сăн* 'если придешь'; ст.-тур. *булдуҕ* 'ты нашел', *калдуҕ* 'ты остался' (Garīb-nāme, см.: KSz XVIII 36); ст.-узб. *кĭлдук* 'мы сделали', *бардїң* 'ты отправился', *бардїңїз*, *бардїңлар* 'вы отправились', *ічсăм* 'если выпью', *ічсăк* 'если выпьем'; азерб. (диал.) *вəрсăн* 'если дашь', *вəрсăз* 'если дадите', *гөрдүк* 'ты видел';[42] башк. (диал.) *алдĭбĭδ* 'мы взяли';[43] тур. (диал.) *гіттініс ~ гіттіс* 'вы отправились';[44] узб. (диал.) *біддӣнä* (< *бəрдіңлăр*) 'вы дали',[45] *бəссəвуз* 'если пойдем', *бəссаjіз* 'если пойдете',[46] *кӯрдув ~ кӯрдуз*, *кӯрдувзä* 'мы видели', *кӯрдіjіз ~ кӯрдĭз*, *кӯрдіjлä* 'вы видели', *бəрсəвуз ~ бəрсəв*, *бəрсəвузä ~ бəрсəвзä* 'если пойдем', *бəрсäjіз*, *бəрсäjлä* 'если пойдете',[47] *турмäдіj* 'мы не жили', *бəшлäдіj* 'мы начали';[48] шор. (диал.) *кəлдіс* 'мы пришли', *шĭктіс* 'мы вышли'.[49]

Для алтайского, казахского, каракалпакского, киргизского, тувинского, уйгурского, хакасского и шорского языков характерна раздельность морфологических показателей лица и числа в форме 2-го лица

[42] См.: *Ширалиев М. Ш.* Азербайджанская диалектология на новом этапе, с. 55; *Садыхов Б. П.* Кедабекские говоры азербайджанского языка, с. 20.
[43] См.: *Зайнуллин М. В.* Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке. АКД. Казань, 1963, с. 9.
[44] См.: *Hazai G.* Les dialectes turcs du Rhodope, p. 223.
[45] См.: *Туляков С.* Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 21.
[46] См.: *Шерматов А.* Каршинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1960, с. 31.
[47] См.: *Гулямов Я. Г.* Грамматика ташкентского говора, I, с. 112 сл., 123.
[48] См.: *Шарипов О.* Папский говор узбекского языка, с. 15—16.
[49] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, с. 181.

множественного числа: к форме единственного числа присоединяется аффикс *-лар ~ -дар*. . . Правда, нередко эта раздельность является фактом этимологического порядка, ср.: хак. *ојнадāр* (< *ојнадїңар* < *ојнадїңлар*) ‘вы играли’, *кілзӟр* (< *кілзӟңӟр* < *кілзӟңлӟр*) ‘если придете’. [50]

Самая примечательная особенность выражения лица и числа в пределах данной и отчасти предыдущей группы — наличие разных, не сводимых к единому архетипу окончаний 1-го лица множественного числа.

В 3-м лице единственного числа форм второй группы личный показатель отсутствует, а наличие аффикса *-лар* в 3-м лице множественного числа не обязательно, ср.: кум. *алдӑ(лар)*, *алса(лар)*; узб. *элді(лар)*, *элса(лар)*.

1, 3. Третья группа — показатели лица и числа, прослеживаемые в формах повелительного и желательного наклонений.

Единственное число

1 л. а) *-м ~ -н*
б) —
2 л. —
3 л. а) *-сї ~ -су ~ -зу ~ -сїн ~ -дїн ~ -сун ~ -сӑн ~ -һӑн ~ -зїн ~ -зун ~ -сїнї ~ -сунї ~ -тїн ~ -тун*
б) *-тӑр*

Множественное число

1 л. а) *-вуз ~ -з ~ -р ~ -в ~ -м* (*-лїм*?)
б) *-к* (*-лїк*?) *~ -ӈ ~ -х ~ -j*, *-ң* (*-лїң*?)
в) *-ӈун*, *-ӈуз*
г) *-ктар*, *-ңлар ~ -ңнар ~ -ңар*
д) —
2 л. а) *-ң ~ -н ~ -j*
б) *-с ~ -з ~ -р*
в) *-ңїз ~ -ңуз ~ -ңїз ~ -ӈїз ~ -ӈуз ~ -ӈӑз ~ -ӈӑд ~ -јїз ~ -нїз ~ -нуз*
г) *-ңлар ~ -ңла ~ -ңдар ~ -ңар ~ -ӈар ~ -ар ~ -јла ~ -јнар ~ -јна ~ -на*
3 л. а) *-сїн(лар) ~ -сун(лар) ~ -сїн(нар) ~ -сун(нар) ~ -сїн(дар) ~ -һӑн(лар) ~ -тїннар ~ -туннар*
б) *-ччӑр*

Примеры (*ал-* ‘брать’ в повелительном и желательном наклонениях):

	Единственное число			Множественное число	
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.
азерб.	*алїм*	*ал*	*алсїн*	*алаӈ*	*алїн(їз)*
алт.	*алајїн*	*ал*	*алзїн*	*алāлїктар ~ алалїктар*	*алїӈар*
башк.	*алајӑм*	*ал*	*алһӑн*	*алајӑк*	*алӑӈӑд*
таг.	*алајїм*	*ал*	*алсїн*	*алалїм*	*алїн(їз)*
казах.	*алајӑн*	*ал(ӑң)*	*алсӑн*	*алајӑк*	*алӑң(ӑз)дар*
кар.	*алајїм*	*ал*	*алсїн*	*алајїх*	*алїнїз ~ алїјїз*
карач.-балк.	*алајїм ~ алајїн*	*ал*	*алсїн*	*алајїк*	*алїӈїз*
к.-калп.	*алајӑн*	*ал(ӑң)*	*алсӑн*	*алајӑк*	*алӑң(ӑз)лар*
кирг.	*алајїн*	*ал*	*алсїн*	*алалїк, алалї*	*алїңїз*
крым.-тат.	*алајїм*	*ал*	*алсїн*	*алајїк*	*алїңіз*

[50] См.: Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 188.

кум.	*алајїм*	*ал*	*алсїн*	*алајїк*	*алїӈїз*
ног.	*алајӑм*	*ал*	*алсӑн*	*алајӑк*	*алӑңӑз*
тат.	*алӑјм*	*ал*	*алсӑн*	*алӑјк*	*алӑӈӑз*
тув.	*алїјн*	*ал*	*алзїн*	*алāлїңар*	*алїңар*
тур.	*алајїм*	*ал*	*алсїн*	*алалāм*	*алїн(їз)*
туркм.	*алајїн*	*ал*	*алдїн*	*алалāң*	*алїң*
узб.	*элај(ін)*	*эл(ің)*	*элсін*	*элајлік*	*элің(із)(лар*
уйг.	*алај*	*ал*	*алсун*	*алајлі, алајлук*	*ӟліңлар*
хак.	*алім*	*ал*	*алзїн*	*алаңар*	*алїңар*
чуваш.	*ілӑм*	*іл*	*ілдӗр*	*ілӑр*	*ілӗр*
шор.	*алајїн, алај*	*ал*	*алзїн*	*алāңнар ~ алаңнар*	*алāр*
якут.	*їлāм*	*їл*	*їллїн*	*їлїаӈӑң*	*їлїң*

Ср.: др.-тюрк. *алајїн* ‘возьму-ка’, *бол* ‘будь’, *болсу* ‘пусть будет’, *барзун* ‘пусть идет’, *јарлїказу* ‘да помилует!’, *кірсӱні* ‘пусть войдет’, *алалїм*, *алалїң* ‘возьмем-ка’, *ӟшідің* ‘слушайте’; [51] ст.-азерб. *варїм* ‘пойду-ка’, *охујум* ‘прочитаю-ка’, *ӈӧрӧлавуз* ‘да погибнем!’, *гӟдӟвӟз* ‘уйдем-ка’, *дуталїм* ‘подержим-ка’, *ічӓлім* ‘выпьем-ка’, *олалум* ‘станем-ка’, *гälін* ‘придите’, *гірініз* ‘войдите’; [52] ст.-тур. *ајтајїн* ‘скажу-ка’ (AQJB 27), *варајїм* ‘пойду-ка’, *сатам* ‘продадим-ка’ (AQJB 28), *гӧрајін* ‘увижу-ка’, *білӓлӱм* ‘узнаем-ка’, *варалум* ‘пойдем-ка’ (CD 167); ст.-узб. *көрај*, *көрајім*, *көрајін* ‘увижу-ка’, *алалї* ‘возьмем-ка’, *кӓлтӱрälің* ‘доставим-ка’, *көрајлік* ‘увидим-ка’, *бӟрајік* ‘дадим-ка’, [53] *дӟјӱн* ‘скажу-ку’, *кїлајун* ‘сделаю-ка’, *болалїңлар* ‘станем-ка’, *бӟрајлің* ‘дадим-ка’, *білің* ‘знайте’, *кojуңлар* ‘ставьте’, [54] *уруңуз* ‘бейте’; азерб. (диал.) *гӟдӟк*, *гӟдӟј*, *гідаӈ*, *гӟдӟгӱн*, *гідаӈун*, *гӟдӟгӱз* ‘пойдем-ка’, *бахаӈ*, *бахаӈун*, *бахаӈуз* ‘посмотрим-ка’, *сахлїјун*, *сахлїјуз* ‘берегите’; [55] алт. (диал.) *барāк*, *барāктар*, *барāлдар* ‘пойдем-ка’, [56] *парајїм ~ парїјін ~ парїн* ‘пойду-ка’, *парала* ‘пойдем-ка’, *парāр* ‘идите’; [57] башк. (диал.) *кілӑң* ‘приходите’, [58] *алајӑӈӑд* ‘возьмем-ка’, [59] *кітājӑклäр* ‘поедем-те’, *кӧлäjӑгӑд* ‘посмеемся-ка’, [60] *алајӑӈӑд(лар)* ‘возьмем-ка’; [61] казах. (диал.) *баралӑк* ‘пойдем-ка’, *кӓлӓлӑк* ‘придем-ка’; [62] кирг.

[51] См.: *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF. SPb., 1897, S. 90 f.; *Шукуров Ш.* Феъл тарихидан. Тошкент, 1970, б. 8 сл.; *Кондратьев В. Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, с. 27 сл.

[52] См.: *Рагимов М. Ш.* 1) История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке. АДД. Баку, 1966, с. 25, 31—32, 38—41; 2) К вопросу о формировании категории наклонения и ее отношение к категории времени в азербайджанском языке. — В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968, с. 119.

[53] См.: *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, с. 156—157.

[54] См.: *Лапасов Ж.* Морфология языка поэмы «Йӯсуф-у Зулайӽā» Дурбека. АКД. Ташкент, 1971, с. 15.

[55] См.: *Ширәлијев М. Ш.* Бакы диалекти. Бакы, 1957, с. 80—81; *Ширалиев М. Ш.* Азербайджанская диалектология на новом этапе, с. 54; Азәрбајҹан дилинин Муған групу шивәләри. Бакы, 1955, с. 106—107. Р. А. Рустамов приводит убедительные доводы в пользу рассмотрения аффикса *-ӈуз* как фонетической разновидности аффикса *-вуз*, не отрицая вместе с тем возможности контаминации двух аффиксов 1-го лица множественного числа — *-ӈ* и *-(в)уз* (см.: *Рүстәмов Р. Ә.* 1) Азәрбајҹан дили диалект вә шивәләриндә фе'л, с. 260-262; 2) Губа диалекти, с. 80).

[56] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка, с. 160.

[57] См.: *Баскаков Н. А.* Спряжение глагола в кумандинском диалекте алтайского языка. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИИЯЛ, 1969, 8, с. 107—108.

[58] См.: *Баева Н. Х.* Говор башкир долины реки Ай. — БДС, с. 37; *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир. АКД. М., 1964, с. 19.

[59] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Морфологические особенности казмашевского говора. — БДС, с. 121.

[60] См.: *Миржанова С. Ф.* Материалы экспедиции 1958 года. — Там же, с. 199.

[61] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Сравнительное исследование диалектов башкирского языка, с. 44; *Максютова Н. Х.* Бурзянский говор. — БД, с. 104.

[62] См.: *Данияров А. Д.* Категория множественности в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 22—23.

тат. (диал.) *бардӑм* ‘я пошел’, *бардӑң* ‘ты пошел’, *барам* ‘иду’, *бараң* ‘идешь’; кар. *кӓлдім* ‘я пришел’, *кӓлдін* ‘ты пришел’, *кӓлӓм* ‘прихожу’, *кӓлӓс* ‘приходишь’, *кӓлӓді* ~ *кӓлӓт* ‘приходит’; туркм. *гӓлдім* ‘я пришел’, *гӓлдің* ‘ты пришел’, туркм. (диал.) *гӓлйӧн* ‘прихожу’, *гӓлйӧң* ‘приходишь’.[86]

Приблизительно то же самое происходит в 1-м и отчасти во 2-м лице множественного числа: *піз* ~ *піс* ~ *біз* ~ *біс* > *-з* ~ *-с; сіз* ~ *сіс* > *-з* ~ *-с*. Примеры: туркм. (диал.) *бӓрйӧд* ‘даем’, *барйӧд* ‘идем’,[87] *алас* ‘берете’, *гӓлӓс* ‘приходите’.[88] Ср.: узб. (диал). *кӯрдув*, *кӯрдуз* ‘мы видели’, *кӯрдіз* ‘вы видели’.[89]

Вопрос о происхождении второго показателя 1-го лица множественного числа (*-к*) пока не решен. Высказывались предположения о включении в парадигму спрягаемых форм глагольного имени на *-к*,[90] о существовании в праязыке особой формы двойственного или множественного числа,[91] о вытеснении формы 1-го лица множественного числа глагольным именем на *-дук* ~ *-дік* и о последующем проникновении *-к*, как характерного признака соответствующих форм, в парадигмы условного и желательного наклонений,[92] однако эти предложения, не будучи подкрепленными какими-либо конкретными фактами, лишь усложняют решение указанного вопроса.

Судя по некоторым данным, аффикс *-пїс* ~ *-бїз* ~ *-мїз* должен быть более древним, чем аффикс *-к*. Вытеснение первого из них вторым в языках огузской и карлукско-уйгурской групп происходило в пределах периода, засвидетельствованного письменными источниками. В рунических текстах встречается только аффикс *-мїз*: *алтӥмїз* ‘мы взяли’ (КТб $_{36}$), *сӱӊӱшдӱмїз* ‘мы сразились’ (КТб $_{43}$), *јантуртӥмїз* ‘мы заставили вернуться’ (Тон $_{45}$). В текстах более позднего времени выступают оба показателя, ср.: *бастӥмїз* ‘мы напали’, *пустӥмїз* ‘мы устроили засаду’ (МК I 434), *болтумуз* ‘мы стали’ (Man III 28 $_6$), *кӓлтӱк* ‘мы пришли’ (Man III 40 $_3$). Аффикс *-пїс* ~ *-бїз* ~ *-мїз* сохранился в ряде современных языков: в тувинском, хакасском, чувашском, шорском и якутском он является единственным показателем 1-го лица множественного числа, а в алтайском языке одинаково употребителен с аффиксом *-к*, ср.: тув. *алдӥвїс*, хак., шор. *алдїбїс*, чуваш. *ӑлдӗмӗр*, якут. *ӱллїбїт* ‘мы взяли’.

Большие трудности возникают при реконструкции архетипа показателя 2-го лица множественного числа. Местоимение 2-го лица — односложное (исключение — якутский язык: *ӛhігі*), между тем лично-предикативный показатель нередко состоит из двух слогов, и его архетипы восстанавливаются в виде **-сїӊлар* и **-сїӊїз*. Этимологический состав первого из них прозрачен: сочетание показателя 2-го лица единственного числа с аффиксом *-лар*. Второй, в отличие от него, не обнаруживает явной связи с показателем единственного числа и все же как будто включает его в себя.

Бросающаяся в глаза близость двух архетипов, **-сїӊлар* и **-сїӊїз*, побудила тюркологов сблизить их путем отождествления входящих в них компонентов. Ход мысли здесь довольно прост. Если первые компоненты общие, то вполне вероятно семантическое тождество или сходство вторых компонентов. Это как раз тот путь, который привел к выводу о существовании в прошлом особого показателя множественного, или двойственного, числа **-їз*.[93] Правда, вначале сопоставлялись личные показатели других форм, 2-го лица единственного и множественного числа прошедшего категорического и условного наклонения, *-ӊ* и *-ӊїз*, ср.:

ед. ч.	мн. ч.
бардїӊ (< *бардїсїӊ*)	*бардїӊїз*
барсаӊ (< *барсасїӊ*)	*барсаӊїз*

Действительно, сопоставление крымско-татарского *-сїӊїз* с киргизским *-сїӊар* (< *-сїӊлар*), а также сопоставление показателя 2-го лица множественного числа прошедшего категорического и условного наклонения с показателем 2-го лица единственного числа делают почти неизбежным выделение аффикса *-їз* с предположительно устанавливаемым значением множественности. Однако это всего лишь остроумная догадка, которая не может служить отправным пунктом для дальнейших разысканий, так как нет ни одного убедительного факта, позволяющего реконструировать в тюркском праязыке второй показатель множественного числа, синонимичный аффиксу *-лар*.

Другие попытки раскрыть природу аффикса *-сїӊїз* посредством чисто внешних сближений также неубедительны. На первый взгляд заманчива мысль о возможности образования аффикса *-сїӊїз* из сочетания двух местоименных аффиксов. В свое время О. Бётлингк выдвинул интересную гипотезу, поддержанную В. В. Радловым, согласно которой *з* в местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа объяснялся как элемент, образовавшийся вследствие стяжения местоимения 2-го лица единственного числа **сі* ‘ты’: *біз* ‘мы’ < **бі* ‘я’ + **сі* ‘ты’, *сіз* ‘вы’ < **сі* ‘ты’ + **сі* ‘ты’.[94] Гипотеза О. Бётлингка — неплохая опора для разложения аффикса *-сїӊїз* на *-сїӊ* и *-сїз*. И косвенно она как будто бы подтверждается диалектными материалами, ср.: чулым. *сӓн мӓн парӡајвіс* ‘ты и я поедем’.[95] Однако если соединение аффикса *-сїӊ* с аффиксом *-лар* является обычным и не противоречит духу тюркских языков, то соединение его с аффиксом *-сїз* (2-е лицо множественного числа) никак не укладывается в привычные представления о тюркской морфологии и кажется невероятным с точки зрения здравого смысла.

Дальнейшие поиски, как нам кажется, целесообразнее вести, ориентируясь на основные линии развития форм лица и числа и не ставя перед собой таких, по существу, неразрешимых проблем, как доказательство общности корневых элементов местоимений единственного и множественного числа. Основные же линии развития показателей лица и числа таковы, что использование в качестве исходного материала для них личных местоимений является бесспорным. Учитывая это, во 2-м лице множественного числа, например в крымско-татарском языке, следовало бы ожидать не *алӥрсїӊїз*, а *алӥрсїз* или что-нибудь подобное.

Чем же объясняется своеобразие показателя 2-го лица множественного числа при сохранении у него некоторых черт структурно-фонетического облика соответствующего личного местоимения? Если приведенную

---

[86] См.: *Аннануров А., Бердиев Р., Дурдыев Н., Шамырадов К.* Туркмен дилиниң өрсары диалекти. Ашгабат, 1972, с. 158—159.

[87] Там же, с. 158.

[88] См.: *Амансарыев Ж.* Туркмен диалектологиясы. Ашгабат, 1970, с. 339.

[89] См.: *Гулямов Я. Г.* Грамматика ташкентского говора, I, с. 112.

[90] См.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 2. — SPAW, phil.-hist. Klasse, 1916, XXXVII, S. 915—916.

[91] См. у Н. К. Дмитриева: «. . . по значению *-ыкъ* ~ *-ик* ~ *-укъ* ~ *-ük* здесь соответствует элементу *-ыз* ~ *-из* ~ *-уз* ~ *-üz*, т. е. является третьим показателем множественности (после *-лар* ~ *-лер* и *-ыз* ~ *-из* ~ *-уз* ~ *-üz*)» (*Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, с. 108). Ср.: *Kotwicz W.* Studia nad językami ałtajskimi. — RO, 1953, XVI (1950), s. 233—234.

[92] См.: *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, с. 139.

[93] Ср. у Н. К. Дмитриева: «Средний по древности вариант *-сыӊыз* // *-сиӊиз* разлагается на *-сыӊ* + *-ыз*, где *-ыз*//*-из* — архаичный показатель множественности, по значению равносильный общеизвестному *-лар*//*-лэр*», и далее: «В некоторых сибирских языках имеем *-сыӷар*//*-зыӷар*, которое выделяет элемент *-ар*, фонетический вариант формы *-ыз*» (*Дмитриев Н. К.* К истории аффиксов сказуемости, с. 14). См. также: *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 201.

[94] См.: *Böhtlingk O.* 1) Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-Bek's türkisch-tatarischer Grammatik, zum Original und zur deutschen Übersetzung von Dr. J. Th. Zenker. SPb., 1848, S. 39 (Extrait du «Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg», V, 22); 2) Über die Sprache der Jakuten, S. 168.

[95] См.: *Дульзон А. П.* Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири. — Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Сер. филол., 1973, XVIII, № 2, с. 200.

выше форму поместить в один ряд с формой единственного числа и сопоставить с формами 1-го лица, то появление аффикса *-сиңіз* нетрудно будет объяснить выравниванием форм в рамках действия аналогии, первоначально охватившим формы прошедшего категорического и условного наклонения, как наиболее древние. Сначала параллельно противопоставлению *алдїм* / *алдїмїз* устанавливаются противопоставления *алдїң* / *алдїңїз*, *алсаң* /*алсаңїз*, а затем по аналогии с противопоставлением *алїрїм* / *алїрмїз* становится обычным противопоставление *алїрсїң* / *алїрсїңїз*. Ср.: башк. *алаһҙың* / *алаһҙыҙҙыр*; башк. (диал.) *алаң* / *алаҙҙыр*; туркм. (диал.) *алјōң* / *алјōңүд*, *аларфїң* / *аларфїңїз*. Наблюдаемое в ряде языков различие во внешнем облике первого компонента лично-предикативного показателя 2-го лица единственного и множественного числа (ср. башк. *-һҙың* и *-һҙыҙҙыр*) имеет чисто фонетическую природу: *ң* в интервокальном положении перешел в *ҙ*.

Действие аналогии нельзя отнести к числу определяющих факторов эволюции форм. Тем не менее оно может приводить к значительным преобразованиям, проявляясь преимущественно там, где морфологические элементы образуют четко выделенные парадигматические ряды. Как показывают специальные исследования, в наибольшей мере аналогическим изменениям подвержены личные формы глагола.[96] Характерно, что П. М. Мелиоранский объяснял действием аналогии появление в 1-м лице множественного числа аффикса *-k* вместо первоначального «правильного» аффикса *-мїз*,[97] вытесненного в ряде тюркских языков частично, а в азербайджанском языке полностью во всех глагольных формах. На действие аналогии в пределах личных форм глагола указывает также Б. А. Серебренников, считающий, что в тюркском праязыке имело место смешение безличной формы на *-дїк* с личными формами перфекта на *-їт* и преобразование формы 2-го лица единственного числа (типа *алдїк*) под влиянием формы 1-го лица единственного числа (типа *алдїм* < *алїтїм*): *алдїк* > *алдїң*.[98] Однако выдвинутая Б. А. Серебренниковым гипотеза находится в некотором противоречии с общеизвестными фактами. Более убедительный случай — появление на месте конечного *ң* в лично-предикативном аффиксе 2-го лица единственного числа *н* по аналогии с аффиксом 1-го лица: узб. *бэраман* ‘иду’, *бэрасан* ‘идешь’; ср.: башк. *бараһҙың*, казах., ног., тат. *барасҙың*, кирг. *барасїң*; туркм. (диал.) *гэлјōң* ‘приходишь’.

Связь с личными местоимениями показателей лица и числа третьей группы менее прозрачна, и это дало повод утверждать, что показатели лица и числа в формах повелительного и желательного наклонений не имеют ничего общего с местоимениями. Однако, сравнивая многочисленные разновидности названных форм, нельзя не прийти к выводу, что в образовании показателей лица и числа и в этой группе важную роль сыграли личные местоимения. Вместе с тем совершенно очевидно, что в формах повелительного и желательного наклонений в наибольшей мере проявились специфические черты эволюции личных показателей.

Показатель 1-го лица единственного числа желательного наклонения встречается в стяженной (*-м*, *-н*) или в нулевой форме, ср.: азерб. *алам* ~ *алајїм*, алт. *алајїн*, уйг. *алај*, шор. *алај(їн)* ‘возьму-ка’.[99] В памятниках

[96] См.: *Курилович Е.* О природе так называемых «аналогических» процессов. — В кн.: Очерки по лингвистике. Русск. пер. М., 1962, с. 117—119.

[97] См.: *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. LX XI—LXII.

[98] *Serebrennikow B. A.* Zur Geschichte der Bildung des Perfekts in den türkischen Sprache n. — AOH, 1961, XII, 1—3, S. 167—168.

[99] Ср.: *Благова Г. Ф.* Строение форм желательного наклонения в тюркских языках и тенде нция к сверхнормальному их усложнению. — СТ, 1973, № 1, с. 15—16; *Баскаков Н. А.* Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках . — ВЯ, 1975, № 1, с. 91—93.

обнаружено небольшое количество примеров употребления показателя 1-го лица единственного числа желательного наклонения в нестяженном виде.[100]

Аффикс 3-го лица единственного числа, широко употребляющийся и в значении множественного (аффикс *-лар* факультативен) и выражающий скорее пожелание, чем повеление, представляет собой, по мнению Н. К. Дмитриева, «аффикс принадлежности 3-го лица ед. ч. в своем первом варианте с конечным *н*»,[101] а по мнению О. Бётлингка,[102] архаическую форму местоимения 3-го лица.[103] Иной точки зрения придерживался Г. И. Рамстедт, полагавший, что форма 3-го лица повелительного наклонения восходит к общеалтайской форме оптатива на *-су*.[104] Много общего с точкой зрения Г. И. Рамстедта у В. Котвича.[105] Для В. Банга *-су* — аффикс глагольного имени.[106] Н. А. Баскаков указывает на близость аффикса *-сїн* к аффиксу *-сї* ~ *-са*, «продуктивному словообразовательному показателю», который «производит также условную форму».[107] Оригинальные мысли о природе конечного *н* высказаны Дж. Г. Киекбаевым.[108]

Разделяя отчасти мнения Н. К. Дмитриева и О. Бётлингка, мы считаем возможным рассматривать аффикс *-сїн* как сочетание аффикса принадлежности 3-го лица *-сї* с архаической формой лично-указательного местоимения 3-го лица **їн* ~ **ін* (ср.: др.-тюрк. *алсїн* ‘пусть возьмет’ < **аласї* + *їн*) и видеть в форме принадлежности типа **аласї* распространенное в огузских и кыпчакских языках причастие будущего времени с оттенком долженствования, которое не осталось не замеченным Махмудом Кашгари: «у огузов» — *бу турасї јэр тэгүл* ‘это не то место, на котором следует стоять’, *сэнің барасїң качан* ‘ты когда пойдешь?’ (МК II 68—69). Указанный оттенок отличает форму типа *аласї* от других причастий будущего времени. Остающаяся после изъятия аффикса принадлежности *-сї* часть — имя действия на *-а*.

Причина утраты гласного в исходной форме 3-го лица (**аласїн* > *алсїн*), очевидно, в частичном или полном совпадении ее с формой 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения. Вообще для развития форм различных наклонений характерны многообразные изменения, затрагивающие прежде всего показатели лица и числа и затем охватывающие основу. Что касается изменений в основе, то в этом нет ничего необычного. Форма на *-а* утрачивает конечный гласный в составе как производных, так и сложных образований, ср.: узб. (диал.) *јэзаҙак*, туркм. *јаδҙак* ‘напишет’; узб. *бэра элмадїм* и *бэрэлмадїм* ‘я не мог пойти’, *кэлајапман* и *кэлјапман* ‘прихожу (в данный момент)’.

Более подробного объяснения требует наличие нескольких вариантов аффикса 3-го лица повелительного наклонения в текстах караханидского времени: *-су*, *-сун*, *-сунї*. Г. Дёрфер называет основным, исходным первый вариант и рассматривает два других как результат присоединения

[100] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, S. 227; *Eckmann J.* Chagatay Manual. — Uralic and Altaic Series, 60. Bloomington, 1966, p. 155.

[101] *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 164.

[102] См.: *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten, S. 170. См. также: *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 74, 91.

[103] Ср.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977, с. 77—78.

[104] См.: *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание . . ., с. 83.

[105] См.: *Kotwicz W.* Studia nad językami ałtajskimi, s. 230.

[106] См.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 3. Über das Possessivsuffix *-sï* und einige seiner möglichen Verwandten. — SPAW, phil.-hist. Klasse, 1916, LI, S. 1248.

[107] *Баскаков Н. А.* Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках, с. 102.

[108] См.: *Киекбаев Дж. Г.* Программа курса «Введение в урало-алтайское языкознание». (Для студентов филологического факультета Башкирского гос. ун-та). Уфа, 1967, с. 11—12.

к нему прономинального *н* и аффикса принадлежности 3-го лица.[109] Первому варианту отдает предпочтение и Н. А. Баскаков, для которого *-сї ~ -су* — показатель желательного наклонения, *-н* — аффикс причастия «с пассивным оттенком», а *-ї* — частица побуждения.[110]

Опираясь на мысль О. Бётлингка и В. В. Радлова о происхождении формы повелительного наклонения 3-го лица из формы на *-а* с аффиксом принадлежности, мы выделяем два исходных варианта: *-сї ~ -су* и *-сїн ~ -сун*. Поскольку употребление личного, или лично-указательного, местоимения в 3-м лице не являлось строго обязательным, один из вариантов был факультативным. Третий вариант занимает особое положение. Дополнительный гласный в нем следует, очевидно, воспринимать как усилительную частицу, подобную той, которая в староузбекских текстах и в халаджском языке присоединяется к форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения.

Чувашская форма 3-го лица единственного числа повелительного наклонения (ср.: *кілдĕр* 'пусть придет', *пĕлдĕр* 'путь знает', *вуладăр* 'пусть читает', *туптăр* 'пусть найдет') — изолированное образование, в становлении которого сыграли определенную роль тесные и продолжительные контакты с не-тюркскими языками. Убедительное объяснение морфологической природы данной формы, согласующееся с ее семантическими особенностями, предложено Э. Карахка: *-т* — аффикс побудительного залога, *-ăр* — аффикс 2-го лица множественного числа повелительного наклонения.[111] В плане содержания устанавливается следующий переход: «заставьте его прийти» → «пусть он придет». Другие попытки раскрыть морфологическую природу сложного аффикса *-тăр* менее удачны и недостаточно обоснованы. Ограничимся указанием на одну из них. В. Котвич отождествлял начальную часть аффикса *-тăр* с компонентом *-сї ~ -су* аффикса *-сїн ~ -сун*.[112] Серьезное препятствие для сближения аффикса *-тăр* с аффиксом *-сїн ~ -сун* в том, что соответствие *т* общетюркскому *с* наблюдается только в якутском языке.

По вопросу о происхождении формы 3-го лица единственного числа повелительного наклонения в халаджском языке (ср.: *алта* 'пусть возьмет', *кăлтă* 'пусть придет') имеется ряд предположений, высказанных Г. Дёрфером.[113]

Показатели 1-го лица множественного числа желательного наклонения *-вуз ~ -з ~ -р ~ -в ~ -м* легко воспринимаются как преобразованные разновидности или остаточные элементы соответствующих местоимений. Из других показателей — *-к* (*-лїк*?) *~ -ӈ ~ -х ~ -j*, *-ң* (*-лїң*?), *-лїм*(?), — пожалуй, ни один ни прямо, ни через посредство промежуточных форм с местоимением 1-го лица множественного числа не связан. Необычность последних, по сравнению с любыми другими, характерна в той или иной мере для всех трех групп, поэтому о происхождении их лучше говорить вообще, отвлекаясь от конкретных условий и особенностей использования показателей 1-го лица множественного числа в разных группах глагольных форм.

Трудность интерпретации *-лїк*, *-лїм* и *-лїң* как фонетических разновидностей побудила отнести их к сложным морфологическим образованиям, объединяющимся наличием общего первого компонента (показатель множественного числа, «своего рода числовое наращение, указывающее

[109] См.: *Doerfer G.* Der Imperativ im Chaladsch. — FUF, 1972, XXXIX, 3, S. 317.
[110] См.: *Баскаков Н. А.* Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках, с. 102—103.
[111] См.: *Räsänen M.* Materialien zur Morfologie der türkischen Sprachen, S. 208. Ср.: *Doerfer G.* Der Imperativ im Chaladsch, S. 314, 316.
[112] См.: *Kotwicz W.* Studia nad językami ałtajskimi, s. 229. Ср.: *Баскаков Н. А.* Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках, с. 103. Подробнее о происхождении аффикса *-тăр* см.: *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка, с. 75—76.
[113] См.: *Doerfer G.* Der Imperativ im Chaladsch, S. 316 f.

на некое множество»)[114] и различающимся вторым компонентом (предположительно показатель лица).[115] Однако тюркским языкам неизвестны подобные показатели множественности, и нет оснований для восстановления их. Кроме того, для тюркских языков недопустимо образование форм 1-го лица множественного числа путем присоединения личного показателя к показателю множественности, возможен лишь обратный порядок, ср.: алт. (диал.) *кӓлӭ̄ктӓр* 'придем-ка', *барӑлдар* 'пойдем-ка'; тув. *көрӭ̄ліңӓр* (< *көрӭ̄ліңлӓр*) 'посмотрим-ка' (мн. ч.), *көрӭ̄лі ~ көрӭ̄л* 'посмотрим-ка' (дв. ч.). Очевидно, формы типа *алалї*, *алїл*, как и формы типа *алајї*, *алај*, лишены показателей числа.

В. Банг связывал аффикс *-алїм* с глаголом *ал-* 'брать' в служебной функции, полагая, что вначале он выражал значение единственного числа.[116]

Одним из трудных вопросов сравнительной грамматики тюркских языков является выяснение причины двойственности лично-предикативных показателей 1-го лица множественного числа, точнее, происхождения аффикса *-k ~ -ӈ ~ -x ~ -j*, так как исходная ступень аффикса *-мїз ~ -вуз ~ -з*. . . хорошо известна. Было выдвинуто несколько гипотез, объясняющих двойственность показателя 1-го лица множественного числа и вместе с тем природу аффикса *-k ~ -ӈ ~ -x ~ -j*. Некоторые из них, как нам кажется, не лишены здравого смысла, и на них можно опереться при выборе перспективных направлений поиска. Вот краткий и, по-видимому, неполный перечень их. Допускается, что в тюркском праязыке было два личных местоимения 1-го лица множественного числа — инклюзивное ('мы' — с тобой, с вами) и эксклюзивное ('мы' — без тебя, без вас). Далее, не исключается возможность, что наряду с местоимением 1-го лица множественного числа существовало местоимение 1-го лица двойственного числа (в современных тюркских языках встречаются глагольные формы двойственного числа). Наконец, высказывается мысль о наличии в прошлом такой разновидности местоимения 1-го лица множественного числа, которая стала прототипом и для аффикса *-мїз ~ -вуз ~ -з . . .*, и для аффикса *-k ~ -ӈ . . .*, например **бізік*, хотя сразу же заметим, что якут. *бihігі* едва ли удастся использовать в целях обоснования ее реконструкции. Какая гипотеза предпочтительнее, решать преждевременно: нет даже косвенных свидетельств того, какими были ранние этапы развития интересующего нас аффикса. Ничего не дает в данном случае и привлечение материалов не-тюркских языков, носящее характер типологических разысканий. Лишь введение в научный обиход новых фактов в ходе продолжающегося изучения диалектов или в результате открытия письменных памятников с архаическими особенностями может пролить свет на загадочную историю аффикса *-k ~ -ӈ ~ -x ~ -j*.

Аффикс 2-го лица множественного числа повелительного наклонения совпадает с соответствующим аффиксом второй группы форм, ср.: азерб. *алдїнїз*, карач.-балк. *алдїӈїз*, крым.-тат. *алдїңїз* 'вы взяли'; азерб. *алїнїз*, карач.-балк. *алїӈїз*, крым.-тат. *алїңїз* 'возьмите'. Очевидно, аффикс *-ңїз ~ -ӈїз ~ -нїз*. . . стал присоединяться к форме множественного числа повелительного наклонения по аналогии с формами прошедшего категорического и условного наклонения, а его краткая разновидность *-їң* явилась результатом упрощения. При этом форма множественного и форма един-

[114] См.: *Kotwicz W.* Studia nad językami ałtajskimi, s. 232; *Благова Г. Ф.* Строение форм желательного наклонения в тюркских языках и тенденция к сверхнормальному их усложнению, с. 13.
[115] *Благова Г. Ф.* Строение форм. . ., с. 15. По мнению Н. А. Баскакова, *-лїк* — показатель множественного числа (см.: *Баскаков Н. А.* Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках, с. 93, 96).
[116] См.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 1. — SPAW, phil.-hist. Klasse, 1916, XXII, S. 535. См. также: *Doerfer G.* Der Imperativ im Chaladsch, S. 318 (*көрӓлім* < **көрӱ алїм*). О случаях употребления аффикса *-алїм* в значении единственного числа см.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 39—41.

ственного числа не смешивались, так как у последней не было своего показателя. Отсюда устойчивое выражение аффиксом *-їң* значения множественного числа, вопреки прозрачной соотнесенности с аффиксами, выражающими единственное число, ср.: туркм. *алардїң — алдїң — ал // алардїңїд — алдїңїд — алїң*.[117]

Аффикс *-ччăр*, образующий форму 3-го лица множественного числа повелительного наклонения в чувашском языке (ср.: *тупччăр* 'пусть найдут'), согласно широко распространенному толкованию, является сложным и включает в себя аффикс совместного залога *-с′* (> *ч*), аффикс побудительного залога *-т* (> *ч*) и аффикс 2-го лица множественного числа повелительного наклонения *-ăр*. В плане содержания предполагается следующий переход: «заставьте их вместе найти» → «пусть они найдут».

Аффикс множественного числа *-лар* в первой и второй группах глагольных форм факультативен, тогда как в третьей группе в некоторых тюркских языках он — обязательный компонент форм 2-го лица множественного числа, ср.: алт. *алїҕар*, тув., хак. *алїңар*, шор. *алăр* 'возьмите'. Ср. также в 1-м лице: башк.(диал.) *алайĭкларĭҕĭд* 'давайте возьмем-ка'; тат.(диал.) *алайĭкларĭң* 'возьмем-ка'. Здесь мы имеем дело с типичным для тюркских языков наращением однозначных или близких по значению морфем в целях подчеркивания своеобразия содержательной стороны и передачи дополнительных оттенков.

Итак, материалом для показателей лица и числа в тюркских языках явились личные местоимения, предикативная связка *турур* и аффикс множественного числа *-лар*, различные этапы эволюции которых, если не принимать во внимание действие аналогии, хорошо отразились в письменных памятниках и диалектах.

2. С точки зрения содержания, формы разных лиц единственного и множественного числа четко разграничены, и употребление формы одного лица в значении других — редкое явление, оказывающееся либо следствием исключительных обстоятельств развития языка или диалекта, либо результатом своеобразно направленных семантических изменений отдельных форм, например в устойчивых сочетаниях фразеологического типа, ср.: ст.-узб. *йўрўң Мэккăгă баралї* 'пойдем отправимся-ка в Мекку'; узб. *йурінг уйга кэтайлік* 'пойдем (~ давай) отправимся-ка домой', *йўл бўлсун* 'куда идете?', *кэлсінлар* 'приходите', *кірсінлар* 'войдите'; башк.(диал.) *авĭрĭҙанніктан кĭна йўрўйўң, күптăн ĭшкă сĭҙар інĭм* 'из-за болезни хожу (resp. ходишь), давно бы вышел на работу'.[118] Разумеется, возможно и случайное совпадение формы одного лица с формой другого: азерб. (диал.) *ічăјін* (< *ічăк-ін*) 'выпьем-ка', ср.: *бахаҕын* 'посмотрим-ка', *јазаҕын* 'напишем-ка', *гідăј* (< *гідăк*) 'уйдем-ка'[119] (ср. также: туркм. диал. *гідăј* 'уйдем-ка').

Общая для тюркских языков черта — использование форм множественного числа для передачи почтительного отношения к собеседнику или к третьему лицу: тур. *сајїн бај чăктїлар* 'уважаемый господин вышел'; узб. *ўқітувчіміз ҳалі кэлмаділар* 'наш учитель еще не пришел', *эліңлар* 'возьмите'. В значении единственного числа употребляется и форма 1-го лица множественного числа, однако характер передаваемых ею значений несколько иной: ирония, самовозвеличивание, скромность (ср.: авторское «мы»).

[117] См.: *Хожаев Б.* Хэзирки заман түркмен дилинде ишлик формалары. Ашгабат, 1978, с. 115.

[118] См.: *Юсупов Х. Г.* Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка. — БДС, с. 158.

[119] См.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 36—37; *Молла-заде С. М.* Говоры Кахского района Азербайджанской ССР. АКД. Баку, 1966, с. 22.

Раздел 2

Вопросительная форма

1, 1. Морфологическое средство выражения вопроса в тюркских языках — аффикс-частица *-мї ~ -му* (азерб., гаг., карач.-балк., тур.), *-па ~ -по ~ -ба ~ -бо* (алт.), *-мĭ ~ -мŏ* (башк.), *-па ~ -ба ~ -ма* (казах., к.-калп., ног., хак.), *-ма ~ -мо* (кар.), *-бї ~ -бу* (кирг.), *-мі* (узб.), *-му* (уйг.), *-бə* (тув.). Ее место — после показателей лица и числа или перед ними, иногда допускаются и тот, и другой варианты. Возможность позиционных вариаций зависит от языка и от характера глагольных форм. Так, расположение аффикса-частицы *-мї ~ -му* перед показателями лица и числа чаще всего наблюдается в формах настоящего, настояще-будущего и будущего времени, тогда как в форме прошедшего категорического эта аффикс-частица почти всегда выступает после названных показателей, ср.: др.-тюрк. *сэвăрмїсїз* 'любите ли вы?', *калїрмусăн* 'остаешься ли?', *бардїмї* 'пошел ли он?', *тэгдімї* 'достиг ли он?'; ст.-узб. *кїјас кїламусăн* 'сравниваешь ли?', *біліп кэлăмўдўр* 'знает ли?', *білўрмўсăн* 'знаешь ли?', *көрдўңўзмў* 'видели ли вы?'; башк. (диал.) *аламĭң* 'берешь ли?', *аламĭҕĭд* 'берете ли?', *бардĭмĭң* 'ходил ли ты?', *кілдĭмĭгĭд* 'пришли ли вы?';[120] алт. *туттіңба* 'схватил ли ты?'; гаг. *аларсінізмі ~ алармісініз* 'возьмете ли?'; карач.-балк. *калмазмісіз* 'не останетесь ли?', *ҷазамїдї* 'пишет ли?'; тат. (диал.) *барамсĭң* 'пойдешь ли?', *барамсĭз* 'пойдете ли?'; тув. *бар сэн бə* 'пойдешь ли?', *номчудуң бə* 'читал ли ты?'; тур. *вэрірмісініз* 'дадите ли?', *вэріјормусунуз* 'даете ли?', *вэрдінмі* 'дал ли ты?'; туркм. *гэлэрдіңмі* 'придешь ли?'; узб. *кэларсанмі ~ кэлармісан* 'придешь ли?', *кэлгансанмі ~ кэлганмісан* 'остался ли ты?'; хак. *парчазарба* 'идете ли?', *тĭнанарзĭңма*, хак. (диал.) *тĭнанарбаң* 'будешь ли отдыхать?'.[121]

В якутском языке аффикс-частица *-мї ~ -му* отсутствует, и в аналогичном значении употребляется частица *дуо*, ср.: *туох* 'что'.

1, 2. На вопрос о том, что лежит в основе аффикса-частицы *-мї ~ -му*, ответить нетрудно: вопросительное местоимение. Значительно труднее восстановить начальную форму этого местоимения. Г. Рамстедт возводил *-мї ~ -му* к вопросительному местоимению **мі* 'что', ср.: чуваш. *мĕн* 'что', кор. **mi* 'что', др.-кор. *mai* 'почему, зачем'.[122] По мнению же А. Ахмедова, *-мї ~ -му* восходит к вопросительному местоимению *німə, нəмə*.[123] Предпочтительнее точка зрения А. Ахмедова, в пользу которой свидетельствуют примечательные факты употребления в алтайском языке в качестве средства выражения вопроса наряду с аффиксом-частицей *-мї ~ -му* частицы *нə*, ср.: *апарҕај-нə* 'повезет ли?', *кіргəј-нə* 'войдет ли?', *көргəјім-нə* 'увижу ли я?', *кəлгəј-бə* 'придет ли?'.

Раздел 3

Формы наклонения, или модальности

В системе словоизменения глагола следующее место после аффиксов лица и числа занимают показатели наклонения.

Наклонение, согласно определению В. В. Виноградова, ставшему традиционным, — грамматическая категория глагольной модальности, со-

[120] См.: *Баева Н. Х.* Говор башкир долины реки Ай, с. 40; *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка. — В кн.: Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1972, с. 73, 126; *Максютова Н. Х.* Бурзянский говор, с. 111.

[121] См.: *Патачакова Д. Ф.* Сагайский диалект. — В кн.: Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973, с. 44.

[122] См.: *Ramstedt G. J.* Studies in Korean Etymology. — MSFOu, 1949, 95, p. 137; *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. . ., с. 78. См. также: *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 250.

[123] См.: *Аҳмедов А. -Ми* юкламаси ва унинг қўлланишига доир. — ЎТАМ, 1961, № 3, б. 46. См. также: *Дыренкова Н. П.* Грамматика айротского языка, с. 222—223.

держанием которой является оценка характера связи между действием и субъектом с точки зрения говорящего лица или воля говорящего к осуществлению или же отрицанию этой связи. Иными словами, содержание наклонения — оценка говорящим отношения действия к действительности.[124]

Формы наклонения могут быть модальными и временными, т. е. могут выражать субъективные моменты (отношение говорящего к высказываемому) и объективную действительность (простая констатация, утверждение или отрицание действия в прошедшем, настоящем и будущем). Явно преобладают первые, так как оценка говорящим высказываемого многообразна и так как объективность изъявительного наклонения «окружена разнообразными оттенками субъективного представления».[125]

Основанием для объединения модальных и временных форм в категорию наклонения служит тесная связь между субъективными и объективными моментами в передаче действия. Увеличение степени объективности непременно ведет к уменьшению удельного веса субъективных оттенков, и наоборот. В своей кульминационной точке эта взаимосвязь и взаимозависимость находит выражение в нулевой модальности временных форм и во вневременном содержании модальных, что как будто бы дает основание называть изъявительное наклонение мнимым наклонением (ср. у А. М. Пешковского) или выводить временные формы за пределы наклонения. Действительно, изъявительное наклонение отличается от других наклонений, но и не противостоит им как нечто совершенно инородное, являясь своего рода фундаментом, на котором возвышается многоэтажное здание модальности: собственно модальность, модальные оттенки, органически присущие временным формам, и, далее, модальные оттенки, появление которых обусловлено особенностями контекста.[126] Изъявительное наклонение модально прежде всего в негативном смысле, и эта специфика его удачно отмечена В. В. Виноградовым, назвавшим индикатив прямой модальной категорией реальности.[127]

Различие нулевой модальности, с одной стороны, и модальных оттенков и собственно модальности, с другой — реализуется в виде противопоставления форм прямого (изъявительного) и косвенных (повелительного, желательного, условного и т. д.) наклонений. Здесь следует заметить, что среди косвенных наклонений особое место занимает повелительное, формы которого выражают не само действие, а побуждение совершить его: волю, просьбу говорящего. Именно поэтому высказывается мысль, что повелительное наклонение находится на периферии глагола,[128] и предпринимаются попытки установить признаки, сближающие формы повелительного наклонения с междометиями и вокативными словами.

Категория наклонения охватывает все личные формы глагола, включая и так называемые нулевые, она очень емкая и неоднородная по содержанию, что вызывает повышенный интерес к ней и является причиной существования разных подходов к ее изучению. Для одних исследователей наклонение — категория, сущность которой заключается в противопоставлении реального и нереального действий, другие понимают наклонение как категорию, специфика которой в оппозиции объективной и субъективной передачи действия (иначе, без выражения и с выражением точки зрения говорящего). Комбинированный подход предложен А. Эр-

[124] См.: *Виноградов В. В.* Русский язык. М.—Л., 1947, с. 581.
[125] Там же, с. 587.
[126] См.: *Гаджиева Н. З.* Соотношение категорий времени и наклонения в тюркских языках. — В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968, с. 28.
[127] См.: *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке. — Тр. ИРЯ, М.—Л., 1950, II, с. 50.
[128] Ср. у В. В. Виноградова: «Не только интонация, не только синтаксическое значение (ср. особые типы императивных предложений), но и морфологическое строение решительно выделяют повелительное наклонение из общей системы русского глагола» (*Виноградов В. В.* Русский язык, с. 590).

хартом, по мнению которого в основе категории наклонения лежат три привативные семантические оппозиции: 1) вопросительное/невопросительное (вопрос/сообщение); 2) волюнтативное/неволюнтативное (обращение/сообщение); 3) действительное (реальное)/недействительное (нереальное). Первая оппозиция не обязательна для глагола. Две другие, будучи соединенными вместе, дают три пары, каждая из которых имеет свою семантическую функцию: 1) функция констатации действия (изъявительное наклонение); 2) функция выражения возможности совершения действия (сослагательное, желательное, условное и другие наклонения); 3) функция выражения воли, желания, просьбы совершить действие (повелительное, желательное, сослагательное и другие наклонения). Для протоиндоевропейского языка А. Эрхарт устанавливает следующие соответствия перечисленным функциям: 1) Indikativ; 2) Injunktiv; 3) Optativ.[129]

Количество наклонений, приводимое в грамматиках тюркских языков, колеблется от 4 до 12. Так, в караимском языке выделено четыре наклонения (изъявительное, повелительное, желательно-сослагательное и условное),[130] в гагаузском — пять (изъявительное, повелительное, желательно-сослагательное, долженствовательное и условное),[131] в карачаево-балкарском — семь (неопределенное, утвердительное, подтвердительное, условное, повелительное, желательное и относительное),[132] в якутском — десять (изъявительное, повелительное, условное, возможное, утвердительное, долженствовательное, наклонение несовершившегося, или неосуществленного, действия, наклонение обычно совершаемого действия, сослагательное и предположительное),[133] в азербайджанском — от пяти до двенадцати.[134] Причина колебаний при установлении количества наклонений в одном и том же языке и отчасти в разных языках — в неодинаковом понимании категории наклонения и в объективно существующей трудности разграничения модальности и модальных оттенков. Приведем пример. Большинство тюркологов, занимающихся изучением азербайджанского языка, считают аффикс *-малы* показателем формы долженствовательного наклонения. По мнению же С. А. Джафарова, аффикс *-малы* образует форму будущего времени изъявительного наклонения наряду с аффиксами *-аҹаҗ*, *-ар*, *-асы*, *-а*, *-са*.[135] С. А. Джафаров прав в том смысле, что действие, на необходимость совершения которого указывает аффикс *-малы*, может происходить только после момента речи, т. е. относится к отрезку будущего, но он не учитывает того, что все формы косвенных наклонений, хотя и являются вневременными, обозначают прежде всего и главным образом действия, относимые к плану будущего. Причиной колебания количества выделяемых наклонений может быть также подражание грамматикам иносистемных языков. Например, У. Б. Алиев в число наклонений карачаево-балкарского глагола включил неопределенное, ср.: *окурҕа кӕрӕкді* ‘надо учиться’.[136] Решающую роль в этом сыграло влияние старой русской грамматической традиции.

[129] См.: *Erhart A.* Der verbale Modus im Indoeuropäischen. — Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Řada jazykovědná, 1972, A 20, S. 21 f.
[130] См.: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 265.
[131] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 177, 204—224.
[132] См.: *Алиев У. Б.* Наклонение и время глагола карачаево-балкарского языка, с. 103—104.
[133] См.: *Коркина Е. И.* Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, с. 28.
[134] См.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 6.
[135] См.: *Джафаров С. А.* О постановке вопроса наклонения глагола в азербайджанском языке. — В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968, с. 76.
[136] См.: *Алиев У. Б.* Наклонение и время глагола карачаево-балкарского языка, с. 104.

Между тем, как это ни парадоксально, в русской грамматике инфинитив «был единодушно вычеркнут из списка наклонений» еще с конца XIX в.[137]

Изучение материалов современных и древних тюркских языков приводит к выводу об изначальном отсутствии наклонений и о формировании различий между ними в ходе морфологического обособления глагола от имени. Характерно, что по мере углубления в историю тюркских языков различия между наклонениями заметно стираются: их формы, употребляемые в современных литературных языках с достаточно определенными грамматическими значениями, в древности были многозначными.[138]

Сужение семантики древних многозначных форм, о чем уже говорилось выше, происходило по линии закрепления за каждой формой какого-либо одного значения и путем постепенной утраты других значений. Поскольку процесс специализации был сложным и разнонаправленным, семантическая структура наклонений в современных тюркских языках совпадает далеко не полностью. В этом отношении примечательна не только упоминавшаяся в начале вводного раздела форма на *-а*, но и форма на *-ɣај*, которая в одних языках входит в парадигму желательного наклонения, а в других относится и к формам желательного, и к формам изъявительного наклонения.

Судя по морфологическим данным, самым ранним в тюркских языках было разграничение изъявительного и повелительного наклонений. Так же, по-видимому, обстояло дело и в не-тюркских языках. «Можно думать, — пишет А. Н. Савченко, — что разделение изъявительного и повелительного наклонений в индоевропейском языке произошло в эпоху образования личных окончаний, причем форма повелительного наклонения, оставшаяся без окончания, противостояла формам изъявительного наклонения, получившим личные окончания».[139]

Повелительное наклонение, имея своеобразную семантику и не будучи выраженным специальными аффиксами, постепенно обособилось. Иначе складывались обстоятельства для изъявительного наклонения. Его содержанием была констатация действия в широком плане, не исключающая возможности выражения точки зрения говорящего на отношение действия к действительности, и поэтому охватываемые им формы вошли в парадигмы не только изъявительного, но и других наклонений.

Формы повелительного наклонения

1. Хотя выше было сказано, что повелительное наклонение не имеет морфологических показателей и этим, в частности, отличается от других наклонений, мы все же говорим о формах повелительного наклонения, так как к нулевой форме, внешне совпадающей с глагольной основой, присоединяются так называемые сопутствующие аффиксы и частицы, которые выражают дополнительные оттенки (настойчивость, категоричность), усиливают или, напротив, ослабляют эмоционально-волевое значение, ср.: азерб. *унутмајын-ha* ‘не забудьте’; башк. *кил-әлĕ* ‘приди-ка’; кирг. *алɣын* ‘возьми’; ног. *бар-таɣы* ‘ну иди’, *барыңыз-таɣы* ‘ну идите’, *барсын-таɣы* ‘пусть же идет’; тат. (диал.) *куйɣын* ‘поставь’, *утырɣын* ‘сядь’; туркм. *гитгил* ‘уйди’; узб. *бэрің-чі* ‘идите-ка’; чуваш. *кил-сӗм* ‘приди же’, *ларăр-сам* ‘садитесь же’, *јурла-ччĕ* ‘пой же’, *јурладăр-ччĕ* ‘пусть же поет’; якут. *кэлиң-эрэ* ‘идите-ка сюда’, *умнумаң-дуу* ‘не забудьте же’, *бĕс-ĭj* ‘режь же’ (наст. вр.), *бĕсăр-ĭj* ‘режь же’ (буд. вр.), *бĕсиң-ĭj* ~ *бĕсиңит-ĭj* ‘режьте же’. Кроме того, некоторое своеобразие формам повелительного наклонения придают сопровождающие их императивные слова *ді, ɣој* ~ *ко, гäл, бірҷä, кані* ~ *канэ* ~ *кänэ*, например: азерб. *ді гäл* ‘ну иди’, *ɣој о ачĭɣ дэсін* ‘пусть скажет откровенно’, *бірҷä тэз дур* ‘ну-ка, быстро вставай’;[140] азерб. (диал.) *бах дā* (~ *бах дана*) ‘смотри же’;[141] гаг. *ко алсĭн* ‘пусть возьмет’;[142] к.-калп. *кänэ сöјлэ* ‘ну-ка, рассказывай’; узб. *кані кэлa кэл* ‘ну-ка, подойди’.[143]

Количество сопутствующих аффиксов невелико. Больше всего их, по-видимому, в халаджском языке.[144]

Возникновение сопутствующих аффиксов связано с общим ходом эволюции глагола, одним из примечательных моментов которой было появление множества перифрастических образований, широко используемых и в настоящее время в целях квалификации способа протекания действия, ср.: тур. *сöндüрüвэрді* ‘он погасил’; узб. *јэза бэшладі* ‘он начал писать’, *јэзіп элді* ‘он записал (для себя)’, *јэзіп ташладі* ‘он (быстро) написал’, ‘набросал’, *јіɣлап јубэрді* ‘она (неожиданно) заплакала’ и т. д. Способ протекания действия получил выражение в формах как изъявительного, так и других наклонений, включая повелительное, и материальные изменения, происходившие главным образом в пределах второго компонента, приобрели всеобщий характер, ср.: алт. (диал.) *салкэј* (< *салĭп кэј*) ‘положи’, *тэкпэр* (< *тэкіп пэр*) ‘запряги’;[145] к.-калп. *жүрэ ɣој* ‘иди же’; кум. *ајтĭп јібэрді* ‘он сказал’, *ајтĭп јібэр-чі* ‘ну-ка, скажи’, *туруп јібэр-чі* ‘ну-ка, постой’, *јазĭп коjду* ‘он написал’, *јазĭп коj-чу* ‘напиши-ка’;[146] тур. *коjувэр* ~ *коjвэр* ‘(от)пусти’; туркм. *алāј* (< *ала ɣој*)[147] ‘бери’, *гэлāј* ‘приди’, *ɗатāј* ‘продай’, *алāјɗа* (< *ала ɣојɗа*) ‘если возьмет’, *алāјмалĭ* (< *ала ɣојмалĭ*) ‘он должен взять’, *алāјајĭн* (< *ала ɣојајĭн*) ‘возьму-ка’, *алāјалĭң* (< *ала ɣојалĭң*) ‘возьмем-ка’, *алāјар* (< *ала ɣојар*) ‘возьмет’, *алĭбэр* ‘возьми’, *алавэрдĭн* ‘пусть возьмет’, *алĭбэрмэлі* ‘он должен взять’, *алĭбэрэр* ‘станет брать’;[148] туркм. (диал.) *бэрэɣој* ‘дай’, *гэлäɣој* ~ *гэлāј* ‘иди сюда’,[149] *алаɣај* ‘возьми’,[150] *алāɣај* ~ *алāɣа* ~ *алāј* ~ *алā* (< *ала ɣој*) ‘возьми’,[151] *гэлā* ~ *гэлāɣај* ‘приди’, *гэлājĭн* ~ *гэлāɣајĭн* ‘приду-ка’, *гэлāсĭн* ~ *гэлāɣасĭн* ‘пусть придет’, *гэлāлĭң* ~ *гэлāɣалĭң* ‘придем-ка’;[152] узб. *эла кэл* ‘возьми уж’; узб. (диал.) *гэтäкуј* ‘иди’, *алаɣуј* ‘бери’,[153] *эвэр* (< *эліп јубэр*) ‘передай’, *кэтвэр* (< *кэтіп јубэр*) ‘уйди’;[154]

---

[137] *Виноградов В. В.* Русский язык, с. 583.

[138] См.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 8, 11.

[139] *Савченко А. Н.* Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке. — ВЯ, 1955, № 4, с. 120.

[140] См.: *Агазаде Н. Г.* Повелительное наклонение в современном азербайджанском языке. — В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968, с. 141 сл.

[141] См.: *Велиев А. Г.* Переходные говоры азербайджанского языка. АДД. Баку, 1975, с. 87.

[142] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 204—206.

[143] См.: *Нурмаханова А. Н.* Типы предложений по модальности и интонации в тюркских языках. АДД. Ташкент, 1966, с. 37.

[144] См.: *Doerfer G.* Der Imperativ im Chaladsch, S. 302 f.

[145] См.: *Фисакова Г. Г.* Повелительное, условное и сослагательное наклонения в говоре бачатских телеутов. — В кн.: Исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1976, с. 115.

[146] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка, с. 120.

[147] См.: *Мухаммедова З. Б.* Об одной форме модальности туркменского глагола. — Изв. АН Туркменской ССР, 1956, № 1, с. 16 сл.

[148] См.: *Ходжаев Б.* Некоторые вопросы наклонения туркменского языка. — В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968, с. 165—166; Грамматика туркменского языка, I. Ашхабад, 1970, с. 303.

[149] См.: *Мухиев Х.* Нохурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1959, с. 12; *Мавыев Н.* Диалект арабачи туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1975, с. 26.

[150] См.: *Байрамдурдыев Б.* Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка, с. 17—18.

[151] См.: *Шамурадов К.* Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1960, с. 19; *Аразкулиев С.* Говоры туркмен Турткульского района Каракалпакской АССР, с. 13.

[152] См.: *Аннануров А., Бердиев Р., Дурдыев Н., Шамырадов К.* Түркмен дилиниң әрсары диалекти, с. 165.

[153] См.: *Джуманазаров Ю.* Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 19.

[154] См.: *Гуломов А. Ғ.* Ўзбек тилида сўз ясаш йўллари ҳақида. — Тр. ИЯЛ, Ташкент, 1949, I, с. 41—42.

узб. (разг.) *ajm-kӯj* ‘скажи-ка’, *бэр-јубэр* ‘давай-ка’;[155] халадж. *тутал* (<*тута ал*) ‘схвати’, ‘держи’, *јäкä* ~ *јäк* (<*јäкäл*<*јöкäл*<*јоркäл*<*јорї käл*<? *јорїјy käл*) ‘сходи’, *јатув* (<*јату бар*) ‘ложись’.[156] Перифрастические образования не универсальны, они охватывают разные по количеству группы глаголов, что сказывается на продуктивности соответствующих типов и в повелительном наклонении. Так, по сведениям Г. Дёрфера, в халаджском языке 4-й, 6-й, 7-й и 8-й типы прослеживаются у двух глаголов, 5-й — у пяти, 9-й — у одного, 10-й — у четырех.[157]

Источником пополнения сопутствующих аффиксов являются также показатели причастных форм и частицы.

Своеобразие семантики форм повелительного наклонения способствует закреплению ряда сопутствующих аффиксов преимущественно за ними. Усложнение морфологической структуры императива отвечает потребности передачи все более расширяющейся системы экспрессивных оттенков побуждения или повеления, ср. применение императивных слов в русском языке: *ну-ка, давай, смотри, пусть*.

Наиболее распространенные из сопутствующих аффиксов — *-кӣл* ~ *-ɣӣл*, *-кӣн* ~ *-ɣӣн*, *-кӣр* ~ *-кур* ~ *-ɣӣр* ~ *-ɣур*, *-дäк*, *-ӯ*, *-чӣ*, *-сана* (*-сан-а*) ~ *-сӣна* (*-сӣн-а*).

1, 1. Аффикс *-кӣл* ~ *-ɣӣл*[158] выступает только в форме 2-го лица единственного числа, несколько усиливая повеление, вследствие чего соответствующая форма часто именуется категорическим императивом. Примеры: др.-тюрк. *јӟгіл* ‘ешь’, *сӧзлägіл* ‘говори’, *бӟрегіл* ‘дай’, *ӟшідгіл* ‘слушай’; ст.-кыпч. *бошаткӣл* ‘освободи’, ‘прости’ (Cod. Cum. $61r_{10}$), *болɣул* ‘будь’ (Cod. Cum. $73v_1$); ст.-азерб. *гälгіл* ‘приди’, *гӧргіл* ‘увидь’; ст.-тур. *бaɣӣшлaɣӣл* ‘подари’, *калмaɣӣл* ‘не оставайся’ (CD 165); ст.-узб. *тутkӣл* ‘держи’, *барɣӣл* ‘иди’; казах. *барɣӯл* ‘иди’; тат. (диал.) *бирӟӣл* ‘дай’;[159] туркм. *гітгіл* ‘уходи’, *утанɣӣл* ‘постыдись’; халадж. *вурɣӣл* ‘бей’, *тутɣӣл* ‘держи’, *тäзгіл* ‘беги’. Единственный случай присоединения аффикса *-ɣӣл* ~ *-кӣл* к форме 3-го лица повелительного наклонения наблюдается в уйгурском списке «Легенды об Огузе»: *болсунɣӣл* ‘пусть будет’ (ЛОК 1_1, 11_9).

Наличие четко выраженной тенденции к обособлению отдельных перифрастических образований и к развитию на их основе осложненных форм повелительного наклонения послужило опорой для попыток сблизить аффикс *-кӣл* ~ *-ɣӣл* с глаголом *кӣл-* ‘делать’. Первым по этому пути пошел В. В. Радлов.[160] За ним последовали Ж. Дени[161] и К. Брокельман.[162]

Причастное происхождение форм типа *алɣӣр*, близких по содержанию к формам на *-кӣл* ~ *-ɣӣл*, стало отправной точкой для объяснения аффикса *-ɣӣл* как показателя древнего причастия. Такое объяснение было предложено, в частности, Н. А. Баскаковым, который в морфологических образованиях типа *алɣӣл* склонен видеть «усеченную аналитическую спрягаемую форму причастия на *-ɣалї* ~ *-ɣӣлї*, происходящего в свою очередь от причастия на *-ɣaj* без личного постпозитивного форманта, т. е. (*сӟн*) *алɣӣл* [<*сӟн алɣӣл(ї)*<*сӟн ал+-ɣaj-лї*] ‘ты, долженствующий взять’>‘ты возьми’». Вместе с тем Н. А. Баскаков не исключает связь аффикса *-ɣӣл* с аффиксом *-ɣӣла*, встречающимся в форме 2-го лица множественного

[155] См.: *Ходжаев Т.* Повелительное наклонение в современном узбекском языке. АКД. Самарканд, 1963, с. 7.
[156] См.: *Doerfer G.* Der Imperativ im Chaladsch, S. 328—329 (реконструкции Г. Дёрфера).
[157] Ibid., S. 310—312.
[158] См.: *Caferoğlu A.* Türkçemizdeki *-ğıl* ve *-gil* emir eki. — TDAY. Belleten, 1971, s. 1—10.
[159] См.: *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар. . ., с. 37.
[160] См.: *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 91.
[161] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921, p. 389—390.
[162] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 225.

числа повелительного наклонения в алтайском, киргизском и шорском языках.[163]

Другие предположения о происхождении аффикса *-кӣл* ~ *-ɣӣл* высказаны главным образом исходя из чисто внешних сближений. Так, А. Н. Кононов делает вывод, что «*-ɣӣл*/*-ɣӣр*/*-ɣӣн* — при учете закона соответствия *л*:*р*:*н* — имеют общее происхождение и, следовательно, восходят к одному источнику».[164]

На фоне особенностей образования некоторых сопутствующих аффиксов предпочтительнее других гипотеза, выдвинутая В. В. Радловым. Важный аргумент в ее пользу — присоединение твердорядного варианта данного аффикса к основам с переднерядными гласными, отмеченное в сельджукских стихах, ср.: *білɣӣл* ‘знай’, *дӟɣӣл* ‘говори’, *іӣɣӣл* ‘пей’ (CD 166). Правда, на пути сближения аффикса *-кӣл* ~ *-ɣӣл* с глаголом *кӣл-* есть и серьезное препятствие — отсутствие примеров служебного использования глагола *кӣл-* в перифрастических образованиях, включающих деепричастия (resp. древние глагольные имена).

1, 2. Аффикс *-кӣн* ~ *-кун* ~ *-ɣӣн* ~ *-ɣун*, как и предыдущий аффикс, допускается только во 2-м лице единственного числа и не уступает ему по степени употребительности. Примеры: др.-тюрк. *кӣлɣӣн* ‘делай’, *ajтkӣн* ‘говори’; алт. *барɣӣн* ‘иди’; казах. (диал.) *алɣӯ*, кирг., кум. *алɣӣн*, уйг. *алɣiн* ‘возьми’; кар.. *ajтkӣн* ‘говори’, *көргӯн* ‘увидь’; карач.-балк. *кӟлгін*, туркм. *гӟлгін* ‘приди’; кум. *јашaɣӣн* ‘живи’, *ӧлгӯн* ‘умри’; тат. (диал.) *саткӯн* ‘продай’,[165] *куjɣӯн* ‘поставь’, *утӯрɣӯн* ‘сядь’;[166] туркм. *барajмaɣӣн* (<*бара ɣojмaɣӣн*) ‘не ходи’, *ajдajмaɣӣн* ‘не говори’;[167] узб.(диал.) *кӟлгін* ‘приди’.[168]

Попутно следует упомянуть встречающиеся в языках огузской группы и в диалектах других тюркских языков аффиксы *-ɣӣнан* ~ *-ɣунан*, *-ɣӣнӣң* ~ *-ɣунӣң*, которые включают в себя, помимо аффикса *-ɣӣн* ~ *-ɣун*, дополнительный морфологический элемент неизвестного происхождения, ср.: азерб. *алɣӣнан* ‘возьми’, *отурɣунан* ‘сядь’, *гälгінän* ‘приди’; азерб. (диал.) *бахїɣнан* ‘смотри же’, *гälїɣнän* ~ *гälɣінän* ‘приди же’, *тутуɣнан* ‘держи же’, *дӟнän* ‘скажи-ка’;[169] кирг. (диал.) *барɣӣнӣң* ‘иди же’;[170] туркм. *болɣунӣң* ‘будь’; туркм.(диал.) *окоɣунуң* ‘читай’.[171] Усложнение формы на *-кӣн* ~ *-ɣӣн* имеет аналогию в пределах не только повелительного, но и желательного наклонения. Примеры: ст.-азерб. *бахаɣӣн* (*бахак-ін*) ‘посмотрим-ка’, *сӟвмägіläн* ‘не люби’; азерб. (диал.) *ічäjін* (*ічäк-ін*) ‘выпьем-ка’.[172] В связи с выяснением природы дополнительного элемента определенный интерес представляет присоединение к аффиксу *-кӣн* ~ *-ɣӣн* частиц, ср.: узб. (диал.) *кӟлгінак* ‘приди же’; [173] уйг. *алɣіна* ‘возьми-ка’.

[163] См.: *Баскаков Н. А.* Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках, с. 99. Ср.: *Кондратьев В. Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка, с. 28.
[164] *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 208. См. также: *Caferoğlu A.* Türkçemizdeki *-ğıl* ve *-gil* emir eki, s. 1—2, 6, 10.
[165] См.: *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар. . ., с. 21.
[166] См.: *Баязитова Ф. С.* Түбән Кама тирәсендәге керәшен татарлары сөйләшенең фонетик һәм грамматик үзенчәлекләре. — МТД, III, с. 66.
[167] См.: *Мухаммедова З. Б.* Об одной форме модальности туркменского глагола, с. 17.
[168] См.: *Мирзаев М. М.* Бухарская группа говоров узбекского языка. АДД. Ташкент, 1965, с. 44.
[169] См.: *Садыхов Б. П.* Кедабекские говоры азербайджанского языка, с. 19; *Исламов М.* Азәрбајчан дилинин Нуха диалекти. Бакы, 1968, с. 112. О происхождении аффикса *-ɣӣнан*. . . см.: *Рустәмов Р. Ә.* Азәрбајчан дили диалект вә шивәләриндә фе'л, с. 263; *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы, с. 229; *Caferoğlu A.* Türkçemizdeki *-ğıl* ve *-gil* emir eki, s. 2, 10.
[170] См.: *Юнусалиев Б. М.* Кыргыз диалектологиясы, с. 179.
[171] См.: *Байрамдурдыев Б.* Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка, с. 17.
[172] См.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 36—37.
[173] См.: *Мирзаев М. М.* Бухарская группа говоров узбекского языка, с. 44.

Аффикс *-кӣн ~ -ӷӣн* принято рассматривать как показатель причастия[174] или как компонент утраченной аналитической формы, состоявшей из деепричастия на *-а* и вспомогательного глагола. Допускается возможность образования аффикса *-кӣн ~ -ӷӣн* из усилительной частицы (? < *-кӣна ~ -ӷӣна*).[175] Было также высказано мнение, что аффиксы *-кӣн ~ -ӷӣн* и *-кӣл ~ -ӷӣл* восходят к одному прототипу и являются чисто фонетическими разновидностями.[176] И хотя в некоторых тюркских языках — казахском, туркменском, узбекском — аффиксы *-кӣн ~ -ӷӣн* и *-кӣл ~ -ӷӣл*, по существу, взаимозаменимы, их материальная связь сомнительна. Близость в функциональном отношении делала естественной замену одного другим, однако вместе с тем нередко намечалась та или иная линия их разграничения. Согласно замечанию Мехди-хана, аффикс *-кӣн ~ -ӷӣн* употреблялся преимущественно в языке представителей «узбекских» племен, т. е. в языке кочевников Дешти Кыпчака, тогда как аффикс *-кӣл ~ -ӷӣл* являлся принадлежностью литературной нормы.[177] Не исключено, что аффикс *-кӣн ~ -ӷӣн* был более характерным для языков кыпчакской группы, а аффикс *-кӣл ~ -ӷӣл* получил преимущественное распространение в огузских и карлукско-уйгурских языках.

1, 3. Аффикс *-кӣр ~ -кур ~ -ӷӣр ~ -ӷур* отличается от двух предыдущих тем, что придает волеизъявлению говорящего очень сильный эмоциональный оттенок: форма, образуемая при помощи этого аффикса, сама по себе и в составе устойчивых сочетаний выражает пожелания счастья, удачи или несчастья. Некоторые сочетания, включающие указанную форму, носят характер ругательств и проклятий. Примеры: башк. (диал.) *кӣрӣлӷӣрӣ* ‘чтоб тебе подохнуть!’, *капталӷӣр* ‘провались!’, *тӣлӣңнән алӷӣрӣ* ‘пусть отнимется у тебя язык!’,[178] *тӣлӣң көрӧӷӧр* ‘пусть язык твой отсохнет!’;[179] кум. *jӱзӱң кара болӷур* ‘чтоб лицо твое почернело!’, *сӓн узак jашаӷӣр* ‘живи ты долго!’;[180] тат. (устар.) *барӷӣрӣ* ‘иди!’; узб. *умрің узэк бӯлгур* ‘пусть твоя жизнь будет долгой!’, *барака тэпмагур* ‘чтоб не видеть тебе добра!’, *эрджа кэлгур* ‘чтоб ты пропал!’, *кӯлларі дард кӯрмагурлар* ‘пусть их руки не знают болезней!’, *jашамаӷур* ‘чтоб тебе не жить!’, ‘чтоб тебе подохнуть!’, *бэj бӯлӷір* ‘будь богатым!’;[181] халадж. *куор волӷур* ‘пусть ослепнет!’, *пӣр волӷур* ‘пусть состарится!’.[182]

Аффикс *-кӣр ~ -кур ~ -ӷӣр ~ -ӷур* восходит к показателю причастия настоящего или настояще-будущего времени, которое в современных тюркских языках подверглось адъективации (ср. в саларском языке)[183] или же стало формой повелительного наклонения 3-го, реже 2-го лица. Особый взгляд на природу данного аффикса — у М. Рясянена, сопоставляющего его с глаголом *көр-* ‘видеть’ в служебном использовании.[184]

[174] См.: *Баскаков Н. А.* Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках, с. 99.
[175] Там же, с. 99.
[176] См.: *Кондратьев В. Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка, с. 28.
[177] См.: Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammad Mahdī Xān. Facsimile Text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. London, 1960, p. 8 b.
[178] См.: *Яруллина У. М.* К изучению категории наклонения глаголов в башкирских диалектах (на материале демского говора). — В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968, с. 187—188.
[179] См.: *Юсупов Х. Г.* Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 160.
[180] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка, с. 120—121.
[181] См.: *Батырова М. А.* Повелительное наклонение глагола в русском языке в сопоставлении с повелительно-желательным наклонением в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1965, с. 10.
[182] См.: *Doerfer G.* Der Imperativ im Chaladsch, S. 300.
[183] См.: *Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка. М., 1969, с. 65.
[184] *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 206. Ср. томск. *баркӧр* ‘попробуй сходи’ (см.: *Абдрахманов М. А.* Формы времени в томско-тюркских диалектах. — Уч. зап. Томского ГПИ, 1965, XXII, с. 88).

1,4. Распространение аффикса *-у* — ограниченное (староузбекский язык), а толкования значения разноречивы.[185] Для Тали‘ Хереви аффикс *-у* — средство такого же типа, как частица *-чӣ ~ -чу* или аффиксы *-ӷӣл, -ӷӣн*; по мнению Насири, он выражает значение будущего времени;[186] составитель же словаря Абушка не выделял его как морфологический показатель и ставил знак равенства между формами типа *башкару* и *башкар*, ср.: *кутқару* = قورتار, *бӱткӓрӱ* = بتور.[187]

В словаре Абушка и у Мехди-хана приведено несколько стихов с указанной формой из дивана Султана Хусейна[188] и из произведений Нава’и.[189] Характерно, что во всех этих стихах образование формы повелительного наклонения на *-у* оказывается возможным только в том случае, когда основа оканчивается на *р*, ср.: *бару* ‘иди’, *ахтару* ‘ищи’, *ӧткӓрӱ* ‘проводи’, *башқару* ‘веди’, *бӱткӓрӱ* ‘кончай’, *қajтару* ‘возвращай’ и т. д. Эта особенность не осталась незамеченной Мехди-ханом.[190] От основы на *р* образуется также форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения на *-ӣ*, отмеченная в словаре Абушка, ср.: *барӣ* ‘иди’.[191]

Растяжение основ, оканчивающихся на *р*, при помощи дополнительного гласного не является чем-то неожиданным и трудно объяснимым: хорошо известны случаи факультативного появления конечного гласного в таких глагольных основах, как тур. *сор-* (другие тюрк. яз. *сора-*) ‘спрашивать’, хак. *чӧр-* (другие тюрк. яз. *jӧрӱ- ~ jӧрӓ-*) ‘идти’. Однако присутствие второго гласного в *сора-* и *jӧрӱ- ~ jӧрӓ-* не обусловлено ни характером текстов, ни позиционными обстоятельствами.

Не давая окончательного ответа на вопрос о природе конечного гласного в формах типа *бару, ахтару, ӧткӓрӱ* в староузбекском языке, мы не можем, тем не менее, обойти молчанием факты появления «дополнительного» гласного в формах повелительного наклонения в халаджском языке, ср.: *алу ~ алі* ‘возьми’, *ӓзі* ‘разотри’, *көрӱ* ‘увидь’. Г. Дёрфер предложил несколько вариантов объяснения его природы, и, пожалуй, самым вероятным из них является тот, который учитывает давно наметившуюся в тюркских языках тенденцию образования сопутствующих аффиксов из вспомогательных глаголов в составе перифрастических форм.[192]

1,5. Аффикс *-дӓк ~ -дӛк* в староузбекском языке дублирует аффикс повелительного наклонения 3-го лица *-сӣн ~ -сун: бардӛк* ‘пусть идет’, *асрадӛк* ‘пусть побережет’, *турдӛк* ‘пусть стоит’, *сордӛклӓр* ‘пусть спросят’.[193] У других классиков староузбекской литературы, кроме Юсуфа Эмири и Ходжанди,[194] и вообще в старописьменных текстах подобная форма не отмечена. Примеры Мехди-хана почерпнуты из произведений Нава’и, ср.: *мунда турдӛк бір мікдар мулаһаза кӣлалӣ* ‘пусть стоит здесь,

[185] См.: *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка, с. 152—154.
[186] См.: *Denison Ross E.* The Mabânî’ l-Lughat being a Grammar of the Turki Language in Persian by Mirzâ Mehdi khân. — Bibliotheca Indica. New Series. Calcutta, 1910, Nr. 1225, p. 36.
[187] См.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868, с. 130, 145, 336.
[188] Там же, с. 130, 145, 336.
[189] См.: *Denison Ross E.* The Mabânî’ l-Lughat. . ., p. 36.
[190] Ibid., p. 36.
[191] См.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Словарь джагатайско-турецкий, с. 127.
[192] См.: *Doerfer G.* Der Imperativ im Chaladsch, S. 320 f. Здесь же об отношении халаджского *-ӣ ~ -і* к усилительному аффиксу повелительного наклонения в якутском языке, ср.: *кӛлij* ‘приди же’, *бӣсij* ‘режь же’. См. также: *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten, S. 206; *Kałużyński St.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961, S. 111.
[193] См.: *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка, с. 158—160.
[194] Единственный случай употребления формы на *-дӓк ~ -дӛк* в поэме Юсуфа Эмири «Дах-наме» указан в кн.: *Eckmann J.* Chagatay Manual, p. 154. См. также: *Ходжанди.* Латафат-наме. Книга о красоте. Введение, транскрипция текста, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э. И. Фазылова. Ташкент, 1976, с. 24.

подумаем-ка немного', *кім кӛ кӛңлін істämäс ƣамгін тіліні асрадӛк* 'кто не хочет опечалить свое сердце, пусть придерживает свой язык', *ӧлсä Нава'і јӛдӛк кӛј ітлäрі сӛңäкін* 'если умрет Нава'и, пусть дворняжки обгладывают его кости'.[195] Недавно форма на *-дäк ~ -дӛк* была обнаружена в одном из узбекских говоров: *їшладаг* 'пусть делает', *бїшіртаг* 'пусть варит'.[196]

О природе аффикса *-дäк ~ -дӛк* высказаны разные предположения.[197] Принимая во внимание то, что аффикс *-дäк ~ -дӛк* не подчиняется гармонии гласных, можно думать, что он выступает как не полностью утратившее самостоятельность императивное слово, образованное от глагола *дӛ-* 'говорить', ср.: русск. *иди, мол*; *смотри, мол*. Употребление его относится, очевидно, к индивидуальным особенностям языка Нава'и, не выводимым из норм староузбекского языка в целом. При этом индивидуальной была скорее степень использования рассматриваемого аффикса, чем сам факт его употребления. Не случайно он прослеживается у Юсуфа Эмири и в говорах узбекского языка. Примечательно, что в хакасском языке аналогичный аффикс присоединяется «для смягчения повеления» ко всем формам повелительного и желательного наклонений: *пірімдӛк* 'дам-ка', *пірдӛк* 'дай-ка', *пірӛ̆ндӛк* 'пусть-ка даст'.[198]

1,6. Частица *-чї ~ -чу*. Примеры: др.-тюрк. *кӛл-чӱ* 'приди же', *барма-чу* 'не ходи же'; башк. *ал-сы̆*, казах., к.-калп., ног. *ал-шы̆*, карач.-балк., кирг., крым.-тат., кум. *ал-чї*, узб. *эл-чі* 'возьми-ка'; карач.-балк. *кӛтчігіз* (~ *кӛтігіз-чі*) 'уходите-ка', *кӛлсін-чі* 'пусть-ка придет'; казах., к.-калп. *алсы̆н-шы̆* 'пусть-ка возьмет'; узб. *элің-чі* 'возьмите-ка'. Ср. также с формами желательного и условного наклонений, из которых последние выступают в несобственном значении: казах., к.-калп. *алаї̆н-шы̆*, кум. *алаїм-чї* 'возьму-ка'; казах., к.-калп. *алаї̆к-шы̆*, кум. *алаїк-чї*, узб. *элаjлік-чі* 'возьмем-ка'; узб. *элсаң-чі* 'возьми-ка', *бӛрсаңіз-чі* 'идите-ка', *бӛрса-чі* 'пусть-ка даст'.

1,7. Аффикс-частица *-сан(а) ~ -сїн(а)*. Примеры: азерб. *алсана ~ алсанан*, ног., тат. *алсана*, туркм. *алдана* 'возьми-ка', 'взял бы ты'; башк. (диал.) *kajmhana* 'вернись же', *барі̆ңhана* 'идите же', *кілі̆гӧдһänä* 'придите же',[199] *калһі̆на* 'останься же';[200] гаг. *чїксана* 'выйди же', *куртарсана* 'освободи же'; туркм. *jаддан* 'напиши-ка', *ƣojдоно* 'перестань-ка'; хак. *салзан* 'положи-ка'; хак. (диал.) *пірзі̆нӛ* 'дай-ка', *сӧлӛзі̆нӛ* 'скажи-ка', *сїхсїна* 'выйди-ка',[201] *ползїна* 'будь же', *полңāрзїна* 'будьте же'.[202]

Кажется вполне вероятным, что аффикс-частица *-сан(а) ~ -сїн(а)* образовался из сочетания аффикса 2-го лица единственного числа условного наклонения с усилительной частицей *а*,[203] однако, учитывая особенности его внешнего облика, правомерно сделать и совсем иной вывод: аффикс-частица *-сан(а) ~ -сїн(а)* материально не связан с аффиксом условного

[195] См.: *Муталлибов С.* Морфология ва лексика тарихидан қисқача очерк. Тошкент, 1959, б. 80.

[196] См.: *Абдураҳмонов Ғ., Шукуров Ш.* Ўзбек тилининг тарихий грамматикаси, б. 148; *Юлдашев Т.* Узбекские говоры Южного Таджикистана. АКД. Ташкент, 1968, с. 22.

[197] См.: *Menges K. H.* Das Čaγatajische in der persischen Darstellung von Mīrzā Mahdī Xān. — Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Wiesbaden, Jg. 1956, Nr. 9, S. 684; *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik..., S. 225; *Шукуров Ш.* Навоий тилига хос бир грамматик форма ҳақида. — ЎТА, 1977, № 5, б. 10.

[198] См.: Грамматика хакасского языка, с. 191.

[199] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир, с. 19; *Баева Н. Х.* Говор башкир долины реки Ай, с. 37.

[200] *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 74.

[201] См.: *Патачакова Д. Ф.* Качинский диалект. — В кн.: Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973, с. 21—22.

[202] См.: *Катанов Н. Ф.* О звуках сагайского диалекта, с. 75.

[203] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 220; *Агламова М. Т.* Способы выражения повелительности и желательности в тюркских языках. АКД. Ташкент, 1966, с. 18.

наклонения, но он контаминировался с ним вследствие семантической близости, ср.: азерб. *алсан*, башк. *алһаң*, карач.-балк., тат. *алсаң*, туркм. *алдаң* 'если возьмешь'.

1,8. Аффикс *-ƣїла ~ -ƣла*, ср.: алт. *барƣїла*, *барƣїлаƣар* 'идите', кирг. *кӛлгілӛ* 'приходите'; хак. (диал.) *атпāƣла* 'не стреляйте', *тоƣїнƣла* 'работайте', *тарїтхла* 'распространяйте';[204] шор. *аңнаƣїла* 'охотьтесь', *нанƣїла* 'возвращайтесь'. На первый взгляд данная форма не сопоставима с формами повелительного наклонения, встречающимися в других тюркских языках. При более глубоком подходе и с учетом того, что формы типа *барƣїла* обычно выражают значение множественного числа, следовало бы указать на возможность сближения *-ла* с аффиксом *-лар* и напомнить о попытке И. А. Батманова возвести аффикс *-ƣїла* к сочетанию аффиксов *-ƣїн* и *-лар*.[205] Однако вероятнее всего мы имеем дело с аффиксом, который образует во многих тюркских языках форму процессуальной интенсивности, указывающую, как отмечают авторы грамматики хакасского языка, «на многократность действия или [на действие], совершаемое многими субъектами» (с. 186).

Что касается разграничения в якутском языке форм повелительного наклонения настоящего и будущего времени (ср.: *бїс* 'режь', *бїсїң* 'режьте' — настоящее время, *бїсāр* 'режь', *бїсāрїң* 'режьте' — будущее время), то необходимо согласиться с замечанием О. Бётлингка о его нетипичности для тюркских языков и высказать предположение об образовании формы повелительного наклонения будущего времени в результате регионального процесса, происходившего не без влияния внешних факторов. Сам О. Бётлингк допускает возможность образования названной формы из глагольного имени или из сочетания типа *бїса кӧр* (> *бїсаƣар* > *бїсāр*).[206]

2. Содержанием форм повелительного наклонения являются побуждение, приказание, призыв или просьба совершить действие, адресуемые к собеседнику. Естественно, что в отношении самого говорящего побуждение утрачивает категоричность, но, тем не менее, не становится ни просьбой, ни призывом. В определенной мере категоричность утрачивается и при обращении к третьему лицу, которое побуждают к действию без непосредственного контакта с ним. Поэтому в 3-м лице наряду с более или менее настойчивым побуждением могут быть выражены и просьба, и пожелание, ср.: узб. *кӛтіп кӛлмасін* 'хотя бы не уехал'.

Содержание формы повелительного наклонения 3-го лица часто находится в зависимости от контекста. С вопросительным аффиксом, а также в сочетании с препозитивно расположенными вопросительными местоимениями и наречиями она выражает колебание, нерешительность, невозможность совершения действия, ср.: ст.-узб. *нӛ јӛсӱн* 'что ему есть?', алт. *нӛ болзін* 'что случилось?'; тур. *нӛрӛдӛн білсінлӛр* 'откуда им знать?'; туркм. *кімдӛн дорадін* 'у кого спросить ему?' (~ 'ему не у кого спросить'); узб. *кілсінмі кілмасінмі* 'делать ему или нет?', *німа кілсін* 'что ему делать?', *ішдан кӛјін кајӛрга бӛрсін* 'куда идти после работы?'. Ср. также: карач.-балк. *кајдан білгін* 'откуда знать?', *кајїрї барƣїн* 'куда пойти?'. При наличии отрицания в аналогичном контексте подчеркивается обычность, повторяемость действия: узб. *канча кӛлмасін* 'сколько не приходит' (~ 'всякий раз когда приходит'). С послелогом *ӱчӱн*, служебным словом *дӛп* и с относительным местоимением *кі(м)* в придаточном предложении названная форма передает значение цели. Примеры: башк. *алһы̆н ӧсӧн* 'чтобы он взял'; кирг. *бу кітӛп біздӛ бӛрілсін дӛп кӛлдім* 'я пришел, чтобы нам дали эту книгу'; тур. *dil gӛlišimiš olmalїdїr ki gӧrӛvіnі ӛkšіksіz japabilsin* 'язык должен быть развитым, чтобы безупречно

[204] См.: *Патачакова Д. Ф.* Сагайский диалект, с. 43.

[205] См.: *Батманов И. А.* Грамматика киргизского языка, III. Фрунзе, 1940, с. 47.

[206] См.: *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten, S. 206—207.

выполнять свои функции'; узб. *чаң чіқсін учун дәразаларні эчді* 'он открыл окна, чтобы вышла пыль'.[207]

Форма 3-го лица повелительного наклонения, образованная от глагольных основ страдательного залога, выделяется большей категоричностью повеления, ср.: казах. *кайтарылсын* 'вернуть!', *таратылсын* 'распустить!'; кирг. *айтылсын* 'пусть будет сказано!', *бәрілсін* 'пусть будет дано!'; узб. *тайёргарлік кўрілсін* 'произвести подготовку!',[208] *бу јәрда чәкілмасін* 'здесь не курить!'.

Формы желательного наклонения

1. Желательное наклонение (optativ, optativ-subjonctiv, voluntativ, kohortativ) в тюркских языках имеет ограниченную сферу проявления: 1-е лицо единственного и множественного числа, в языках Сибири и Алтая также двойственного числа, реже — 1-е и 2-е лицо и еще реже — 1-е, 2-е, 3-е. Его формы передают специфическое, характерное преимущественно для них, содержание и как бы восполняют то, что по понятным причинам отсутствует в парадигме повелительного наклонения.

В тюркских языках выделяют два аффикса желательного наклонения — *-a(j)* ~ *-ï(j)* и *-ɣa(j)*. Примеры: др.-тюрк. *jatajïn* 'полежу-ка', *олурајїн* 'сяду-ка', *алај* 'возьму-ка', *білај* 'узнаю-ка', *болалїм* 'будем-ка', *куртулалїм* 'освободимся-ка', *бітілім* 'напишем-ка';[209] ст.-азерб. *өлдўрајім* 'убью-ка', *сорајїм* 'спрошу-ка', *ічалі* 'выпьем-ка', *олалум* 'станем-ка', *варалїм* 'пойдем-ка', *бахавуз* 'посмотрим-ка';[210] ст.-кыпч. *кätälік* 'уйдем-ка', *јаталїк* 'ляжем-ка';[211] ст.-тур. *варајїм* 'пойду-ка', *сатам* 'продам-ка', *білäвän* 'узнаю-ка', *көрäјвän* 'увижу-ка', *äјläјвän* 'сделаю-ка';[212] ст.-узб. *јашўрајїн* 'скрою-ка', *алај* 'возьму-ка', *көрäјім* 'увижу-ка', *јәгälім* 'поедим-ка', *көрä(j)лік* 'увидим-ка', *бәрäјік* 'дадим-ка';[213] азерб. *алїм* 'взять бы мне'; алт. *барɣајзїң* 'пойти бы тебе'; кар. *алɣајмїн* ~ *алɣајм* ~ *алɣәјім* 'возьму-ка'; казах. *алајық*, казах. (диал.) *алалы(к)* 'возьмем-ка'; кирг. *јазалы(к)* 'напишем-ка'; крым.-тат. *алɣајдїм* 'взять бы мне'; тат. *алыјм* 'возьму-ка', *алыјк* 'возьмем-ка' (ср.: башк. диал. *алык*); тув. *кәлійн* 'приду-ка', *кәлїл* 'придем-ка' (дв. ч.), *кәлїліңәр* 'придем-ка' (мн. ч.); туркм. *јаɓалїң* 'напишу-ка', *јаɓалїң* 'напишем-ка'; чуваш. *пулам* 'буду-ка'; шор. *парајїн*, *парɣајбїн* 'пойду-ка', *парɣајзїң* 'пойти бы тебе', *парɣај* 'пойти бы ему'; якут. *ілїм* 'возьму-ка'.

Аффикс *-a(j)* связывают с аффиксом *-ɣa(j)*, при помощи которого в древнетюркских памятниках образовывалась форма будущего времени.[214]

---

[207] См.: *Батырова М. А.* Повелительное наклонение глагола в русском языке в сопоставлении с повелительно-желательным наклонением в узбекском языке, с. 15.

[208] См.: *Ходжаев Т.* Повелительное наклонение в современном узбекском языке, с. 11.

[209] См.: *Gabain A.* Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 110.

[210] См.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 37—38, 41, 51; *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајҹан дилинин тарихи морфолокијасы, с. 229 сл.

[211] См.: *Telegdi S.* Eine türkische Grammatik in arabischer Sprache aus dem XV. Jhdt. — KCsA, 1937, I. Ergsbd., 3, S. 294.

[212] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 227.

[213] См.: *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка, с. 156—157; *Шукуров Ш.* Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении. АДД. Ташкент, 1974, с. 20 сл.

[214] См.: *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, 1. М., 1952, с. 447; *Джангидзе В. Т.* О двоякой форме 1-го лица единственного числа желательного наклонения в тюркских языках. — Тр. ИЯ АН Грузинской ССР. Сер. вост. языков, 1960, III, с. 257; *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 36, 38, 40; *Тумашева Д. Г.* Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1964, б. 150; *Грунина Э. А.* Форма времени на *-а/-е* по памятникам турецкого языка. — В кн.: Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 30, 35; *Ејвазова Р. Һ.* Кишвәри «диван»ында *-ɣај*, *-ɣа*, *-ај* формаларының мә'на хүсусијјәтләри. — Изв. АН Азербайджанской ССР. Сер. лит., яз. и иск-ва, 1974, № 4, с. 80.

Согласно другому мнению, аффикс *-a(j)* восходит к реконструируемому общетюркскому показателю «безличного» optativ'a, или precativ'a, **-kaj* ~ **-käj*, который имел значения повеления, долженствования, возможности, намерения и будущего времени, выражавшиеся сначала недифференцированно, а затем раздельно.[215] Несколько иной точки зрения придерживается Ш. Шукуров, по мнению которого и форма желательного наклонения на *-a(j)*, и форма на *-a*, «типа старотурецкой», возникли в результате преобразования причастия настояще-будущего времени на *-ɣa* (*алɣам* > *алам*, *алɣајїм* > *алајїм* > *алїм*, *алɣајїн* > *алајїн* > *алај*).[216] Общим для всех перечисленных точек зрения является интерпретация аффикса *-a(j)* как фонетической разновидности аффикса *-ɣa(j)*.

Безусловно, в некоторых языках, например в огузских, аффикс *-ɣa(j)* должен был измениться в *-a(j)*. Здесь уместно напомнить о том фонетическом изменении, которому подвергся в языках огузской группы аффикс причастия прошедшего времени *-ɣan*, ср.: азерб. *учан* (< *учɣан*) 'летающий'; тур. *олан* (< *болɣан*) 'ставший'. С другой стороны, форма на *-ɣa(j)* настолько близка к форме на *-a(j)* по содержанию, что вполне естественна контаминация ее с последней,[217] ср.: др.-тюрк. *јәгäвўз* 'поедим-ка'; ст.-кыпч. *дәгälім* 'скажем-ка' (Cod. Cum. $73r_{17}$); ст.-узб. *башлаɣајїн* 'начну-ка', *кізлägäјін* 'спрячу-ка', *тілägäјім* 'пожелаю-ка'; узб. (диал.) *бармајїн* ~ *бармаɣајїн* 'не пойду-ка';[218] *бәрај* ~ *бәрɣај* 'пойду-ка';[219] алт. *барɣајїм* 'пойду-ка'; шор. *одурɣајїм* 'сяду-ка'.

Нисколько не сомневаясь в важности той роли, которую сыграла форма на *-ɣa(j)* в становлении и развитии тюркского оптатива, мы, тем не менее, убеждены, что эта роль не была ведущей и что нет достаточных оснований рассматривать аффикс *-a(j)* как фонетическую разновидность аффикса *-ɣa(j)*.

Прежде всего следует заметить, что формы типа *алај*, *алајық* ~ *алак* являются общетюркскими, выпадение же *ɣ* перед гласными происходило главным образом в языках огузской группы, в которых формы типа приведенных П. М. Мелиоранским *гälälär*, *гäläjlär* (в значении будущего времени)[220] можно было бы с полным основанием выводить из форм типа *гälгälär*, *гälгäjlär*. Примечателен факт параллельного употребления формы на *-ɣa(j)* с формой на *-a(j)* в алтайском, казахском, ногайском, тувинском, узбекском и других языках, ср.: алт. *алајїн*, *алɣајїм* 'возьму-ка'; башк. *булајыҡ* 'буду-ка', *буɣај* (< *булɣај*) 'кажется, как будто'; казах. *озајық* 'перегоню-ка', *озɣајмық* 'перегнать бы мне'; кирг. *јазајїн* 'напишу-ка', *јазɣај әләм* 'написал бы я'; кум. *гәләјім* 'приду-ка', *гәлгәј әдім* 'пришел бы я'; ног. *барајық* 'пойду-ка', *барɣај әдік* 'пошел бы я'; уйг. *алај* 'возьму-ка', *алɣәдім* (< *алɣај әдім*) 'взял бы я'.

Обращает на себя внимание также семантическое своеобразие формы на *-ɣa(j)* по сравнению с формой на *-a(j)*.[221] В древнетюркском, старокыпчакском,[222] староузбекском и в некоторых современных тюркских языках

---

[215] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 923—924; *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 246.

[216] См.: *Шукуров Ш.* Наклонения и времена глагола. . ., с. 24—27.

[217] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik . . ., S. 229, 240.

[218] См.: *Бабаниязов Х.* Фонетико-морфологические особенности кипчакских говоров Южного Хорезма. АКД. Ташкент, 1966, с. 31.

[219] См.: *Мирзаев М. М.* Бухарская группа говоров узбекского языка, с. 44.

[220] См.: *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке, с. 012. См. также: *Gabain A.* Die Natur des Prädikats in den Türksprachen. — KCsA, 1940, III, 1, S. 90—91.

[221] О различиях в семантике форм типа *алајық* и *алɣајмық* см.: *Сауранбаев Н. Т.* О категории лица повелительного наклонения, с. 39—40. Ср.: *Ищанов К.* Повелительное и желательное наклонения в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1963, с. 8.

[222] См.: *Мелиоранский П. М.* Краткая грамматика казак-киргизского языка, I. Фонетика и этимология. СПб., 1894, с. 53. См. также: *Telegdi S.* Eine türkische Grammatik. . ., S. 296; Документы на половецком языке XIV в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины). Транскрипция, перевод, предисловие, грамматичес-

она входит в систему форм изъявительного наклонения (будущее время). Примеры: др.-тюрк. *ол алтун таʁка тәгсәрсіз көк лінһуа көрәјсіз* ‘если вы достигнете золотой горы, увидите голубой лотос’ (КР 38_2), *әшәкні... бәрмәгәјмән* ‘осла... не дам’ (USp 3_8); ст.-узб. *болʁамән Місір улусіʁа конаḳ* ‘буду гостем народа Египта’; к.-калп. *көрәзјмін* ‘увижу’, *көрәзјсіз* ‘увидите’; уйг. (диал.) *ба(р)ʁајмән* ‘пойду’, *ба(р)ʁајсән* ‘пойдешь’. В тувинском и хакасском языках при помощи аффикса *-ʁај ~ -каj* образуется форма согласительного наклонения, ср.: тув. *барʁај мән* ‘ладно, пойду’,[223] но: *барјын* ‘пойду-ка’; хак. *алʁајбін* ‘ладно, возьму’; хак. (диал.) *полʁајбін* (~ *полʁајім*) ‘ладно, буду’.[224] Примечательная характеристика форме на *-ʁај* дана авторами «Грамматики алтайского языка», подчеркивающими, что она обозначает «нерешительное» действие и что в отношении будущего времени употребляется «при обещании, надежде, намерении, предположительном мнении, просьбе и даже приказании, — и всегда в том смысле, что действие может совершиться и не совершиться».[225]

Семантика формы на *-ʁај* многообразна, и у нее безусловно имеются точки соприкосновения с формами повелительного и желательного наклонений, ср.: ст.-узб. *тәңрі һәч мусулманʁа бу бәланї бәрмәгәј* ‘пусть не пошлет бог ни одному мусульманину такого бедствия’ (БН 210); башк. (диал.) *нисĕк тә кілмәгәјĕ* ‘как бы не пришел’,[226] *ĕсмәгәјĕ* (*ĕсмәгәј ијĕ*) ‘не выпил бы он’;[227] тув. *барʁај* ‘ладно, пусть пойдет’; хак. *алʁај* ‘пусть возьмет’, *ојнāј* ‘пусть играет’. Однако наличие их не вытекает из этимологического содержания формы на *-ʁај*, а является следствием его преобразования и результатом частичного смещения данной формы в направлении форм оптатива (ср.: «нерешительность, предположительность» → «намерение, желание»).

Поиски прототипа формы желательного наклонения на *-а(j)* необходимо вести не столько в плане материальных сближений, сколько путем выяснения наиболее вероятных линий семантического развития. Учитывая то обстоятельство, что семантические различия между наклонениями вначале не были достаточно четкими и что выражавшие их формы впоследствии вошли в парадигмы не только изъявительного, но и других наклонений, едва ли можно усмотреть что-либо необычное в функционировании формы на *-ʁа(j)* как временной формы и вместе с тем как формы желательного наклонения.

Возвращаясь к вопросу о том, из чего и как образовалась форма желательного наклонения, мы думаем, что прототипом ее было осложненное модальными оттенками субстантивно-адъективное имя действия на *-а* (типа *јаза*, *бара*),[228] развитие которого характеризовалось, с одной стороны, усилением модальности, с другой — вытеснением модальности временными значениями.

Абсолютизация временных значений выразилась в использовании имени действия на *-а* в качестве основы настоящего и настояще-будущего времени.[229] Примеры: др.-тюрк. *мән сәнгә башумнї кутумнї бәрәмән* ‘голову свою, счастье свое отдаю тебе’ (ЛОК 22_6); ст.-азерб. *бір гүн ола дүшәм өләм сән ʁаласан* ‘наступит день — я умру, ты же останешься’;[230] башк. *кіләм* ‘прихожу’, *кіләһĕң* ‘приходишь’; кар. *кәлямін* ‘прихожу’, *кәлясін* ‘приходишь’; кирг. *барамїн* ‘пойду’; кум. *бараман* ‘иду’, *барасан* ‘идешь’, *бара* ‘идет’; тат. *алам* ‘беру’; туркм. (диал.) *аламан* ‘возьму’, *гәләмән* ‘приду’; узб. *јозаман* ‘напишу’, *јозасан* ‘напишешь’; уйг. *кәтімән* (< *кәтәмән*) ‘уйду’; якут. *кәләбін* ‘прихожу’, *барабїт* ‘идем’.[231]

О том, что в содержание имени действия на *-а* входили модальные оттенки, свидетельствуют материалы письменных памятников и современных языков, в которых встречаются случаи его употребления в качестве супина,[232] например: др.-тюрк. *үч оʁуз сүсі баса кәлті јадаʁ јабїз болтї тәп алʁалї кәлті* ‘войско уч-огузов пришло, чтобы разгромить [нас]; думая, что [у нас] пешее войско слабое, пришли захватить [нас]’ ($БК_{32}$); ст.-узб. *мәні көрә кәлді* ‘он пришел, чтобы увидеть меня’, *јармаḳ тілāј барур әрді* ‘он отправлялся просить деньги’;[233] башк. *ул кітап ала кіттĕ* ‘он пошел, чтобы взять книгу’.[234] В азербайджанском, гагаузском, турецком языках и в диалектах туркменского языка[235] форма на *-а* выступает только в значении желательного наклонения: азерб., туркм. (диал.) *алам*, гаг., тур. *алајым* ‘взять бы мне’; азерб. *аласан*, гаг., тур. *аласїн*, туркм. (диал.) *аладїң* ‘взять бы тебе’; азерб., тур. *ала* ‘взять бы ему’; азерб. *алаʁ*, гаг., тур. *алалїм* ‘возьмем-ка’; азерб., гаг., тур. *аласїнїз*, туркм. *аладїңїз* ‘взять бы вам’; азерб., тур. *алалар* ‘взять бы им’. Однако в письменных памятниках азербайджанского и турецкого языков она по крайней мере до XVIII в. «была одним из основных элементов в системе временных форм».[236]

Определенный интерес представляют производные морфологические образования от имени действия типа *јаза*, *бара*.

К числу таких образований Ж. Дени[237] и В. Банг[238] отнесли причастие будущего времени с оттенком долженствования на *-аǰаḳ*, ср.: азерб. *јазїлаǰаʁ мәктуб* ‘письмо, которое должно быть написано’; к.-калп. *жазажаḳ кїші* ‘человек, который должен будет написать’; узб. *бўлаǰаḳ шаһар* ‘будущий город’, *јоркін кәлаǰаḳ* ‘светлое будущее’. Второй компонент аффикса *-аǰаḳ* — аффикс уменьшительности-предельности *-ǰаḳ*, ср.: гаг. *алдїǰаḳ* < *алдїḳ* + *ǰаḳ*.[239]

ский комментарий и глоссарий Т. И. Грунина. — Памятники письменности Востока, III. М., 1967, с. 370—371; *Абдуллин И. А.* Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка. — МТД, III, с. 178—179.

[223] О семантике формы на *-ʁај ~ -каj* см.: *Mansuroğlu M.* Türkçede *-ğay/-gey* eki ve türemeleri. — In: Jean Deny armağanı. Ankara, 1958, s. 171—174; *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 397—399; *Шукуров Ш.* 1) *-Ҕај* формасининг тарихига доир. — ЎТА, 1964, № 3, б. 66—68; 2) История развития глагольных форм узбекского языка. Ташкент, 1966, с. 107—118.

[224] См.: *Катанов Н. Ф.* О звуках сагайского диалекта, с. 75.

[225] Грамматика алтайского языка. Составлена членами алтайской миссии. Казань, 1869, с. 227.

[226] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Морфологические особенности казмашевского говора, с. 122.

[227] См.: *Максютова Н. Х.* Бурзянский говор, с. 104.

[228] См.: *Kılıcoğlu V.* Gerundiumlarm özellikleri ve «*-iser*» eki. — TD, 1954, III, 33, s. 514.

[229] См.: *Щербак А. М.* «Деепричастие» на *-а ~ -ä* (*-j*) в тюркских языках. — В кн.: Вопросы грамматики. К 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, с. 232—233. Ср.: *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten, S. 208—209.

[230] См.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 58.

[231] См. ниже, с. 82 сл.

[232] Очевидно, это обстоятельство побудило В. Г. Кондратьева высказаться в пользу предположения «о происхождении деепричастия на *-а* от причастия желательной формы будущего времени на *-ʁај*» (*Кондратьев В. Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка, с. 43).

[233] См.: *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка, с. 168.

[234] См.: *Ахметов М. А.* Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку. — СТ, 1974, № 3, с. 43.

[235] См.: *Амансарыев Җ.* Түркмен диалектологиясы, с. 355.

[236] *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 56—57. См. также: *Грунина Э. А.* Форма времени на *-а/-е* по памятникам турецкого языка, с. 28.

[237] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 923.

[238] См.: *Bang W.* Monographien zur türkischen Sprachgeschichte. — SHAW, phil.-hist. Klasse, 1918, S. 21—36, 39—40. О происхождении формы на *-аǰаḳ* (*-а-ǰаḳ*) см. также: *Алиев У. Б.* Причастие карачаево-балкарского языка. — Уч. зап. Кабардино-балкарского гос. ун-та. Сер. ист.-филол., 1958, 4, с. 311 сл. (тур. *гәлә-ǰәк* < **гәләрǰәк*; *гәләр* — причастие настояще-будущего времени, *ǰәк* < *ǰаḳ* < *чаḳ* ‘время’).

[239] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 239.

Другая аналогичная форма[240] — причастие будущего времени на *-асї*, содержащее модальные оттенки долженствования и желания. Примеры: др.-тюрк. *ja курасї оʁур* ‘время, когда следует натягивать лук’ (МК II 68); азерб. *јазїласї мäктуб* ‘письмо, которое следует написать’, *јазасїјам* ‘я должен написать’, *јазасї ідім* ‘я намеревался написать’, *гўлäсім гäлір* ‘хочется смеяться’; тат. *барасҗ кілä* ‘ему хочется поехать’; тур. *дијәсім гәлијор* ‘мне хочется сказать’; туркм. *ајдаҗї гәлјäр* ‘он хочет сказать’; якут. *барҕ-һїбїн* ‘я, очевидно, пойду’.[241] Данное причастие образовалось из сочетания имени действия на *-а* с аффиксом принадлежности 3-го лица *-сї*.[242] Последний вошел в состав единого морфологического показателя, что сделало возможным присоединение к нему аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица.

Третья производная форма — типа *јазарак, гәләрәк* — не содержит модальных оттенков.

Обзор производных форм показывает, что и они сохраняют следы многозначности имени действия на *-а*. Древнейшие из них на *-аҗак* и *-асї* являются скорее модальными, чем временными формами; более поздняя, на *-арак*, выражает время или, точнее, одновременность одного действия с другим, которому оно сопутствует.

Форма 1-го лица множественного числа желательного наклонения, как и форма единственного числа, образуется при помощи аффиксов *-а(ј)* и *-ʁа(ј)*. Отличается же она от последней тем, что включает в себя дополнительные компоненты *-лї, -лїк, -лїң, -лїм*, квалифицируемые как показатели лица и наклонения[243] или лица и числа.[244]

Особого внимания заслуживает попытка К. Брокельмана[245] и Э. В. Севортяна[246] сблизить аффикс 1-го лица множественного числа желательного наклонения *-алї* с аффиксом деепричастия цели *-ʁалї*. Действительно, по содержанию они близки, однако при сопоставлении аффикса *-алї* с аффиксом *-ʁалї* возникают те же препятствия, что и при попытке возвести аффикс *-а(ј)* к аффиксу *-ʁа(ј)*. Так, если в огузских языках начальный *ʁ* в аффиксальных морфемах выпал, то почти во всех других тюркских языках он сохранился: форма 1-го лица множественного числа желательного наклонения в них оканчивается на *-алї, -алїм, -алїң, -алїк, -аҗїк, -аҗлї, -аҗлук*, а деепричастие цели — на *-ʁалї*, ср.: др.-тюрк. *алалїм, алалїң* ‘возьмем-ка’, *алʁалї* ‘чтобы захватить’, *сöңўшгälі* ‘чтобы сразиться’; ст.-узб. *көрälім* ‘увидим-ка’, *көргälі* ‘чтобы увидеть’, *јәгälі* ‘чтобы есть’; казах. *жўрәјік* ‘пойдем-ка’, *жўргәлҗ* ‘чтобы идти’; кирг. *саталї(k)* ‘продадим-ка’, кирг. (диал.) *саткалї* ‘чтобы продать’;[247] уйг. *алајлі, алајлук* ‘возьмем-ка’, *алʁілі* ‘чтобы взять’, *кäткілі* ‘чтобы отправиться’.

На вопрос о том, чем является компонент *-лї* и какова его роль в составе рассматриваемой формы, кроме упомянутых выше ответов может быть дан еще один. Поскольку в 1-м лице множественного числа широко проявляются черты, ставящие его в особое положение в пределах парадигмы, не исключено, что выбор прототипа в данном случае не был обычным. Могли быть использованы вторичные имена действия типа *баралї, баралїк*, ср. аналогичные морфологические образования от других имен действия: *барарлї, барарлїк, барʁалї, барʁалїк, барʁанлї, барʁанлїк* и т. д. Это тем более вероятно, что указанные формы нередко выражают модальные значения, ср.: карач.-балк. *барлїкма* (<*барґрлїкма*) ‘непременно пойду’; казах. (диал.) *барʁајлҗ* ‘он должен идти’.[248]

Итак, напрашивается следующий вывод, который в определенной своей части нуждается в уточнениях: общетюркская форма желательного наклонения, образуемая при помощи аффикса *-а(ј)* [во множественном числе — *-а-лї(k)*], восходит к древнему имени действия на *-а*, генетически не связанному с именем действия на *-ʁа(ј)*. Что касается *ј*, отсутствующего в праформе (ср.: азерб. *алам* и тур. *алајїм*, кирг. *алалї, алалїк* и узб. *элајлік*), то, принимая во внимание параллельное функционирование формы на *-а* и формы на *-ʁа(ј)*, создающее благоприятные условия для их контаминации, причину его появления следует искать в действии аналогии.

2. В плане содержания формы желательного наклонения четко отграничиваются от форм всех других наклонений, кроме повелительного, точнее, кроме формы 3-го лица повелительного наклонения, которую многие тюркологи по тем или иным соображениям не относят к числу императивных. Употребление форм желательного наклонения в несобственном значении имеет место главным образом при сочетании с препозитивно расположенными вопросительными местоимениями и наречиями, ср.: ст.-узб. *нәчўк җан ўлтäјін* ‘как мне жить?’, *нә кїлаҗїн* ‘что мне делать?’, *нәтälі* ‘что будем делем?’, казах. *нә ајтаҗўн* ‘что мне сказать?’; тур. *нә јазаҗїм* ‘что мне писать?’, *јазаҗїм мї* ‘писать ли мне?’, *насїл јазалїм* ‘как написать нам?’; туркм. *нірä гідәјін* ‘куда мне уйти?’; узб. *бәрајмі* ‘дать ли мне?’. В сочетании со служебным словом *дәп* или с относительным союзом *кім* в составе придаточного предложения формы оптатива передают значение цели, а также намерения совершить действие, ср.: ст.-узб. *туттум сачїң җўзін көрäј дәп* ‘я схватил твои волосы, чтобы увидеть лицо’, *бір мундаʁ іш кїлсун кім біз такї ујатлїʁ болмалї* ‘пусть сделают одно такое дело, чтобы нам не было стыдно’; кирг. *муну ајтаҗўн дәп кәлдім* ‘я пришел, чтобы сказать это’; узб. *тәләвізорнің кулоʁіні бурај дәп турганіда* ‘как только он собрался повернуть переключатель телевизора’; уйг. *көрäј дäп кäлдім* ‘я пришел, чтобы увидеть’. Ср.: гаг. *бän ону істәрім вәрәјім суда* ‘я хочу подать на него в суд’.[249] Конструкция типа *јәтај дәп кәлді* в узбекском языке приобрела характер устойчивого сочетания со значением приближения к качественному, количественному или процессуальному пределу: *һәзір бу јәрдагі арміја сәні* 15 *мің кішіга јәтај дәп кәлді* ‘в настоящее время находящаяся здесь армия приблизилась к 15 тысячам’, *бәлалар комбінаті куріліші тугалланај дәп кәлді* ‘строительство детского комбината почти закончилось’.

---

[240] См.: *Gombocz Z.* Beträge zur türkischen Grammatik. Besprechung der türkischen Grammatik von J. Németh. — Túrán, Budapest, 1918, 4, S. 259; *Bang W.* Monographien zur türkischen Sprachgeschichte, S. 37; *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 923.

[241] См.: *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten, S. 212; *Коркина Е. И.* Наклонения глагола в якутском языке, с. 195 сл.

[242] В. Банг считал невероятным, чтобы аффикс *-асї* образовался из показателя оптатива или глагольного имени и показателя принадлежности 3-го лица и предлагал рассматривать его как сочетание аффикса *-а* (< *ал-* ‘брать’ в служебном значении) и аффикса глагольного имени *-сїк* (см.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 1, S. 531—535). Ср.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 97—98. По мнению Н. А. Баскакова, аффикс *-асї* появился в результате фонетических изменений показателя причастия будущего времени *-ʁусї* (см.: *Баскаков Н. А.* 1) Каракалпакский язык, II, 1, с. 420—421; 2) Некоторые аффиксы словообразования функциональных форм глагола, общие для алтайских языков. — CAJ, 1973, XVII, 2—4, p. 97). См. также: *Мелиев К. М.* Имена действия в современном уйгурском языке. АКД. М., 1953, с. 12; *Алиев В. Г.* Причастия в современном азербайджанском и узбекском языках. АКД. Ташкент, 1965, с. 21. Изложение других точек зрения см. в статьях: *Çagatay S.* Eski osmanlıca'da fiil müştakları. — DTCFD, 1947, V, 5, s. 544—548; *Korkmaz Z. -Ası/-esi* gelecek zaman isim-fiil (participium) ekinin yapısı üzerine. — TDAY. Belleten (1968), 1969, s. 31 d.; *Боржаков А.* Имя действия на *-асы, -еси* в туркменском языке. — Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук, 1970, № 1, с. 74.

[243] Ср. у В. Банга: *-ал* в *-алї, -алїм, -алїк, -алїң* из глагола *ал-*, используемого для выражения модальности (см.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 1, S. 535; 2, S. 912 f.).

[244] См.: *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык, II, 1, с. 449—450; *Севортян Э. В.* Категория сказуемости, с. 19.

[245] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 228.

[246] См.: *Севортян Э. В.* Категория сказуемости, с. 19. Ср.: *Абдураҳмонов Ғ., Шукуров Ш.* Ўзбек тилининг тарихий грамматикаси, б. 142.

[247] См.: *Турсунов А.* Деепричастие в современном киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1958, с. 8.

[248] См.: *Нурмагамбетов А.* Западная группа говоров казахского языка. АДД. Алма-Ата, 1974, с. 80.

[249] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 211.

Форма условного наклонения

1,1. Аффикс, образующий форму условного наклонения, — *-са ~ -со ~ -за ~ -зо*, в башкирском языке — *-һа*. Более древняя разновидность его, прослеживаемая в якутском языке, в рунических, манихейских и уйгурских текстах, оканчивается на *р*, ср.: якут. *-тар ~ -тор ~ -дар ~ -дор ~ -лар ~ -лор ~ -нар ~ -нор*; др.-тюрк. *-сар*. Примеры: др.-тюрк. *олурсар* 'если восседает' (КТм$_3$), *ӛрсӛр* 'если находится' (КТм$_7$), *јаӈӏлсар* 'если ошибется' (ТТ I$_{34}$); азерб. *јазса* 'если будет писать'; алт. *тутса* 'если схватит', *барза* 'если пойдет', *ојнозо* 'если будет играть'; башк. *карана* 'если посмотрит'; кум. *гӛлсӛ* 'если придет'; якут. *бардарбїн* 'если бы я пошел'. К этому ряду, возможно, следует отнести также чувашские формы типа *вӑрза* 'ударив' и *вӑрзан*, *вӑрзассӑн* 'если ударит',[250] не присоединяющие к себе ни личных показателей, ни показателей множественного числа. Правда, последние две из них оканчиваются на элементы *-н*, *-сӑн*, которые И. П. Павлов возводит соответственно к притяжательному и лично-предикативному показателям 2-го лица единственного числа.[251]

Аффикс условного наклонения присоединяется непосредственно к основе и предшествует показателям лица. Лишь в тувинском языке установилась иная последовательность: аффикс *-са ~ -за* занимает место после личных показателей (ср.: *барзїмза* 'если пойду', *барза* 'если пойдет'), но он, очевидно, — показатель условного наклонения от вспомогательного глагола *ӛ(р)-*, выступающего в составе сложных глагольных форм, ср.: тув. (диал.) *бардїм ізӛ*, *бардїм бїза* 'если пойду'.[252]

1,2. Архетип аффикса условного наклонения надежно реконструируется в виде **-сар*. По мнению большинства тюркологов, он позднего происхождения и состоит из двух компонентов: двух причастных аффиксов (*-сїк* и *-ар*; например: *ачсїк* 'открывающий')[253] или причастного аффикса *-ар* и аффикса *-са*, восходящего, согласно предположению В. Банга, к глаголу *са-* 'думать, считать',[254] а по мнению Г. Рамстедта, — к глаголу *сӛ-* 'желать, хотеть', 'говорить', 'делать' (см. в тунгусо-маньчжурских языках), не имеющему ничего общего с тюркским глаголом *са-* и заимствованному из китайского языка.[255] Приблизительно к такому же выводу пришел Н. А. Баскаков, отметивший, что форма условного наклонения восходит к причастию настояще-будущего времени на *-ар ~ -їр ~ -р* «от производного глагола с модальным значением желания, влечения, пристрастия» типа *барїҕса* (*бар-їҕ-са-*).[256] По сравнению с предшественниками Н. А. Баскаков значительно расширил границы поисков и намного увеличил число морфологических образований, объединяемых общим происхождением с формой условного наклонения. Иную позицию по вопросу о праформе условного наклонения в тюркских языках занял Э. Р. Тенишев, реконструировавший морфемный архетип в виде **-са*,[257] по существу, не объяснив причину появления в древнейших письменных памятниках разновидности с конечным *р*. На аналогичной позиции находится и Н. З. Гаджиева, для которой аффикс *-сар*, подобно чувашскому аффиксу *-сӑн*, является дериватом аффикса *-са* и которая объясняет конечный *р* как показатель аориста, а *н* как показатель причастия.[258] Вместе с тем Н. З. Гаджиева идет дальше Э. Р. Тенишева по пути этимологизации искомой формы, усматривая в ней продукт «контаминации» двух оптативных форм: на *-с* и на *-а*.[259]

Наиболее конструктивным из того, что говорилось до сих пор относительно природы формы условного наклонения, является предположение В. В. Радлова о ее причастном происхождении (ср. у В. Банга: *-сар* есть не что иное, как форма настоящего времени на *-р* от глагола *са-*, причем эта форма — именная).[260] Кстати, В. В. Радлов квалифицирует форму на *-сар* как причастие и в языке орхоно-енисейских рунических надписей,[261] в отличие от П. М. Мелиоранского, который не без оснований относил ее к деепричастным образованиям.[262] Попутно следует отметить, что в языке рунических надписей форма на *-сар* не присоединяет к себе личных показателей, ср.: *ол јӛргӛрӱ барсар тӱрк бодун ӧлтӓчісӓн* 'если пойдешь в ту страну, ты, тюркский народ, погибнешь' (КТм$_8$), *бір тодсар ачсїк ӧмӓзсӓн* 'если ты насытишься раз, то уже не разумеешь голодных' (КТм$_8$), *бӓн ӧзӱм казҕанмасар ӓл јӛмӓ бодун јӛмӓ јок ӛртӓчі ӛрті* 'если бы я сам не приобретал, то ни племенной союз, ни народ не существовали бы' (Тон$_{55}$). Далее, даже в относительно поздних текстах встречаются случаи употребления формы на *-сар* как причастия, ср. в «Кысас ал-анбия» (XIV в.): *көзӱӈӱз јӱзӱмгӓ тутсар болса* 'если ваши глаза будут смотреть на мое лицо'.[263] Возможно также, что в составе аффикса *-сар* — два компонента, один из которых восходит к глаголу *са-* 'думать, считать'. Уместно в связи с этим напомнить об идентификации Махмудом Кашгари упомянутого глагола и компонента *-са* в глаголах *ічсӓ-* 'хотеть пить', *урса-* 'хотеть ударить' (МК I 276), *алса-* 'желать взять' (МК I 278), *качїрса-* 'желать обратить в бегство' (МК III 247), *сатса-* 'хотеть продать' (МК III 284), *кӛлігсӓ-* 'хотеть прийти', *көрсӓ-* 'хотеть увидеть' (МК III 285), *сатїҕса-* 'хотеть продать', *барїҕса-* 'хотеть отправиться' (МК III 333). Ср.: *көрӱгсӓјӱрбіз* 'желаем видеть' (Man I 10$_{10}$), *кірігсӓјӱрмӓн* 'хочу войти' (КР 21$_7$), *көӈӱлсӓді* 'он имел склонность' (Сл. Замахшари II 355, 360), *тӛӈрің көрӱвсӓп сӛн сусадің* 'желая увидеть своего бога, ты испытывал жажду' (Cod. Cum. 70г$_{17}$), *кутқарувсап* 'пожелав освободить', *табувсап* 'пожелав найти' (Cod. Cum. 76г$_4$). Ср. также в современных тюркских языках: азерб. *суса-* 'хотеть пить', 'иметь жажду', *ҕӓрібсӓ-* 'хотеть близких'; тофал. *ӧлӱрӱксӓ-* 'хотеть убить', *көрӱксӓ-* 'желать видеть'; тув. *сукса-* 'хотеть пить', *чорукса-* 'хотеть идти', *барїкса-* 'хотеть пойти', *кӛліксӛ-* 'хотеть прийти'.[264]

---

[250] Иной точки зрения придерживались Н. И. Ашмарин, В. Г. Егоров и Г. И. Рамстедт. См.: *Ашмарин Н. И.* 1) Материалы для исследования чувашского языка, II. Казань, 1898, с. 313—314; 2) Опыт исследования чувашского синтаксиса, II. Симбирск, 1923, с. 108; *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Докт. дис. Чебоксары, 1948, с. 481 сл. (Хранится в Библ. им. В. И. Ленина, в Москве); *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание, с. 121.

[251] См.: *Павлов И. П.* 1) К вопросу о происхождении двух деепричастных аффиксов в чувашском языке. — Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИЭ, 1956, XIV, с. 255 сл.; 2) Деепричастия. — В кн.: Материалы по грамматике современного чувашского языка, I. Морфология. Чебоксары, 1957, с. 248. См. также: *Гаджиева Н. З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с. 328.

[252] См.: *Сат Ш. Ч.* Образование формы условного наклонения в тувинском языке. — Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, 1968, XIII, с. 236—241; *Чадамба З. Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 14.

[253] См.: *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 96.

[254] См.: *Bang W.* 1) Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 2, S. 920; 2) Das negative Verbum der Türksprachen. — SPAW, phil.-hist. Klasse, 1923, XVII, S. 116—117 (*кӓл-сӓр* < *кӓлӓ-сӓр*, *кӓлі-сӓр*). См. также: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 211, 240.

[255] См.: *Ramstedt G. J.* Zum türkischen Konditional. — FUF, 1946, XXIX, 1—3, S. 123—126.

[256] *Баскаков Н. А.* К вопросу о происхождении условной формы на *-са/-се* в тюркских языках. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 53. Ср.: *Kılıcoğlu V.* 1) Şart kipi. — TD, 1954, III, 29, s. 254—257; 2) Gerundiumların özellikleri ve «*-iser*» eki, s. 518; *Tekin T. -Isar* ekinin türeyişi. — TD, 1954, III, 32, s. 453—455.

[257] См.: *Тенишев Э.* К истории тюркского условного наклонения. — Studia Turcica. Bibliotheca Orientalis Hungarica. Budapest, 1971, XVII, с. 449.

[258] См.: *Гаджиева Н. З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, с. 333—334.

[259] Там же, с. 329.

[260] См.: *Bang W.* Das negative Verbum der Türksprachen, S. 117.

[261] *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 108—113.

[262] См.: *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль Тегина. СПб., 1899, с. 85, 90.

[263] См.: *Radloff W.* Uigurische Sprachdenkmäler. L., 1928, S. 226, 305 (примечание С. Е. Малова). Ср.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 240.

[264] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 299 сл.; *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азер-

Правда, грамматическое содержание приведенных глаголов («желание, намерение совершить действие») заметно отличается от лексического значения глагола *са-*, и все же нельзя пренебрегать возможностью их сближения.

Специально следует остановиться на соотношении двух разновидностей аффикса условного наклонения — *-сар* и *-са*. В последнее время прилагались усилия к тому, чтобы несколько обособить указанные разновидности и даже разграничить их по типам спряжения: «местоименное» спряжение для *-сар* (ср.: *барсармăн*, *барсарсăн*, *барсарбіз*, *барсарсіз*) и «притяжательное» — для *-са* (ср.: *барсам*, *барсаң*, *барсак*, *барсаңіз*). Решающую роль в этом сыграло предположение о действии аналогии: вначале форма условного наклонения была неспрягаемой, «безличной», затем она стала включаться в глагольную парадигму и так как являлась *р*-вой формой, то уподобилась настоящему времени на *-р*.[265] Однако можно с уверенностью сказать, что никаких принципиальных различий в плане спряжения между формами на *-сар* и *-са* в письменных памятниках нет, так как и форма на *-са* выступает с лично-предикативными показателями,[266] ср.: др.-тюрк. *барсармăн* 'если пойду' (КР 34_5), *тӟгсӓрсіз* 'если достигнете' (КР 38_1), *булсамăн* 'если найду' (КР 76_5), *ӛрсӓміз* 'если будем' (QBH 182_2). Более того, и в современных языках обнаруживаются следы «местоименного» спряжения формы на *-са*: алт. *барзабіс*, хак. *парзабіс*, узб. (диал.) *бэрсэвуз* 'если пойдем'. Правомерно говорить лишь о существовании связи между процессом выпадения конечного *р* и переходом от «местоименного» спряжения условных форм к их «притяжательному» спряжению. И то, что в якутском языке при сохранении «местоименного» спряжения употребляется разновидность с конечным *р* (ср.: *бардарбїн* 'если пойду'), — убедительное свидетельство наличия подобной связи.

1,3. Поиски прототипа формы условного наклонения нередко приводят тюркологов в круг вопросов, относящихся к истории старотурецкой формы будущего времени на *-їсар*. Данная форма — фонетическая разновидность формы на *-їŋсар*, о чем в порядке предположения писал еще П. М. Мелиоранский. Так, указывая на формы прошедшего категорического *барїŋсадї* 'он просился пойти', *гӓлігсӓді* 'он просился прийти' и на соответствующие формы будущего времени *барїŋсар*, *гӓлігсӓр*, он счел необходимым поставить вопрос: «Не представляет ли из себя архаическое османское будущее на „*сар*, *сӓр*“ или „*ысар*, *ісӓр*“ несколько видоизмененный остаток этой формы?».[267] Заметим, что О. Прицак называет старотурецкую форму будущего времени на *-їсар* условным причастием (participium conditionale),[268] а М. Ш. Рагимов, как и М. Рясянен,[269] ставит знак равенства между ней и формой условного наклонения. «. . . с XIII в. древний архетип условной формы *-сар*, *-сӓр* в виде *-їсар*, *-ісӓр*, — указывает он, — выступает в огузской группе тюркских языков в значении будущего категорического. . .».[270] Более осторожен А. Бодроглигети, который говорит о развитии формы будущего времени на *-їсар* и формы условного наклонения из одного прототипа: герундий на *-ї*, *-у* + аористная форма глагола *са-* 'думать, считать', ср.: *кӛл-і-сӓр*, *бол-у-сар*. Вначале, как полагает он, одна и та же форма выражала и условие совершения действия, и время его протекания, затем выделились формы на *-са* и *-їса*, и, далее, аффикс *-са* стал показателем условного наклонения, а аффикс *-їсар* — показателем будущего времени.[271]

Будущее типа *алїсар* — эпизодическое явление в тюркских языках, возникшее как следствие своеобразной направленности развития общетюркской формы. Его распространение ограничено и в пространстве (огузский ареал),[272] и во времени (XIII—XVI вв.),[273] и наименование данной формы — старотурецкая, или староогузская, — в полной мере характеризует ее. Примеры употребления формы на *-їсар* в старотурецких и золотоордынских текстах: *кїлїсардур* 'будет делать' ('Āšyqpāšā 17), *сорїсарам* 'спрошу' (Feraḥ-nāme $53r_{13}$), *вӟрісӓрін* 'дам', *кїлмаїїсар* 'не будет делать' (Feraḥ-nāme $93v_{11}$), *чу бӛн гідісӓрӓнін кім калїсар* 'если я пойду, кто останется?' (SN 28_2), *бір кач ӧгӱт вӟрісӓрвӓн* 'я дам несколько советов', *ӧлӱм аӷїсїн дадїсар* 'он вкусит горечь смерти', *шол гӱлістан кім ічіндӓ калмаїїсарсїн ӓбӓд* 'тот цветник, в котором ты не останешься вечно' (CD 171), *вӟрісӓрлӓрдур* 'дадут' (CD 172), *гӧрісӓрмăн* 'увижу', *ӟдісӓрсін* 'будешь делать' (AQJB 34), *јатїсаруз* 'будем лежать',[274] *сорїлїсарсїз* 'будете спрошены';[275] *ічӓлі бадӓні гӱллӓр суліsар / тӓніміз 'акїбат топрак болїсар* 'выпьем-ка вина, ведь увянут розы, / и тела наши в конце концов станут прахом' (Муҳаббат-нāме 173г),[276] *ӧлгӱнчӓ ол ӛр нійаз ічіндӓ болїсар* 'до смерти тот муж будет жить в бедности' (Gulistān 106г).[277] Примечательный случай использования формы на *-їсар* встречается в уйгурском варианте сказания о двух принцах: *мӓн бу мунтуда јӟгӓрӓк чінтамані ӛрдӓні алӷалї барајїн кім кају тінлїӷларӷа тӧзӱ тӱкӓті асїӷ тусу кїлу усармăн* 'пойду-ка я возьму лучшую из этих драгоценность чинтамани, чтобы суметь принести сполна пользу каждому живому существу' (КР 35_5).

Ограниченность распространения формы на *-їсар* в значении будущего времени, а также ее внешняя и отчасти семантическая близость к форме условного наклонения позволяют оценить гипотезу о происхождении формы будущего времени на *-їсар* и формы условного наклонения из одного прототипа (имя действия на *-їγ* + *са-* + *-р*) как имеющую достаточные основания.

байджанском языке, с. 68; *Кудайбергенов С. -Са* мүчөсү. — В кн.: Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970, б. 166 сл.

[265] См.: *Тенишев Э.* К истории тюркского условного наклонения, с. 446.

[266] А. К. Боровкову казалось возможным разграничить типы спряжения самой формы на *-са* по содержанию, опираясь на материалы тефсира: «притяжательное» — при выражении условия, «местоименное» — при передаче просьбы, пожелания, цели, ср.: *ӓгӓр јӱз ӛӱрсӓңіз* 'если отвернетесь', *тілімдӓкі тӱкӱнні тутчїлїкні јаза бӛргілнӛ кім мӛн сӧзлӓсӓ мăн* 'устрани косноязычие моего языка, чтобы я заговорил', *болӷајму кім бу ӛлдін аӷын јӟргӓ барса сăн* 'возможно ли, чтобы ты отправился в другое место из этой страны?'. Однако и для такого разграничения нет достаточных оснований, что, по существу, признавал сам А. К. Боровков, который привел ряд примеров употребления формы на *-са* с лично-предикативными показателями в собственно условном значении, ср.: *колса сăн* 'если попросишь', *сілікса сіз* 'если встряхнете' (см.: *Боровков А. К.* Очерки истории узбекского языка, II. — СВ, М.—Л., 1949, VI, с. 47—48).

[267] *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке, с. LVI. См. также: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 1118.

[268] См.: *Pritsak O.* Die Herkunft des tschuwaschischen Futurums. — WZKM, 1960, 56, S. 150.

[269] См.: *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der ürkischen Sprachen, S. 214.

[270] *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с 77. Ср.: *Çagatay S.* Eski osmanlıca'da fiil müştakları, s. 548—549; *Гаджиева Н. З.* Соотношение категорий времени и наклонения в тюркских языках, с. 33—34.

[271] См.: *Bodrogligeti A.* Finite Forms in *-ïsar*, *-isär* in Fourteenth Century Turkish Literary Documents. — AOH, 1970, XXIII, 2, p. 176. Против сближения формы будущего времени на *-їсар* и формы условного наклонения выступает Т. Текин (см.: *Tekin T.* 1) *-Isar* ekinin türeyişi, s. 453—455; 2) [Рец. на:] *Menges K. H.* The Turkic Languages and Peoples. — FÜF, 1972, XXXIX, 3, p. 360—361).

[272] А. Бодроглигети убедительно доказал, что в золотоордынских текстах будущее на *-їсар* появилось под влиянием старотурецкого языка: форма на *-їсар* употребляется в них редко (в «Муҳаббат-нāме» — два случая, в «Gulistān» — около десяти), лишь в поэтических произведениях и только в 3-м лице (см.: *Bodrogligeti A.* Finite Forms in *-ïsar*, *-isär*. . ., p. 176).

[273] В староазербайджанском языке употребление формы на *-їсар* датируется более поздним временем, однако и для староазербайджанского языка, как и для золотоордынских текстов, она, по-видимому, нетипична (см.: *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы, с. 252). Форма на *-їсар* ~ *-сар* встречается также в армяно-кыпчакских документах (см.: Документы на половецком языке XIV в. Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины, с. 371—372).

[274] См.: *Bodrogligeti A.* Finite Forms in *-ïsar*, *-isär*. . ., p. 173.

[275] См.: *Mansuroğlu M.* Das Altosmanische. — PhTF, I, S. 179.

[276] См.: *Щербак А. М.* Огуз-нāме. Муҳаббат-нāме. М., 1959, с. 147.

[277] См.: *Bodrogligeti A.* A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'dī's Gulistān (Sayf-i Sarāyī's Gulistān bi't Turkī). Budapest, 1969, p. 115.

Из всего изложенного выше можно сделать вывод, что причастие на *-р* от основы на *-са* в древнетюркском языке вначале имело значение будущего времени с оттенком желания, намерения совершить действие, а затем преобразовалось в форму условного наклонения. В староогузском языке на основе первоначального содержания формы на *-ӥ(γ)сар* наряду со значением условного наклонения развилось значение будущего времени, не осложненного модальными оттенками, причем в дальнейшем показатель условного наклонения, в отличие от показателя будущего времени, утратил конечный *р* (*-ӥса*∼*-са*). Впрочем, в одном из турецких говоров Болгарии утрата конечного *р* имела место и в показателе будущего времени, ср.: *вӛрсӛм* 'дам', *алсан* 'возьмешь', *орда калсак* 'останемся там', *орда јатсанӥс* 'ляжете там'.[278]

Предлагаемое гипотетическое построение, являющееся в значительной своей части традиционным, находит опору не только в результатах анализа фактов, относящихся к истории формы на *-ӥ(γ)сар*, но и в истории других глагольных форм, прежде всего формы желательного наклонения.

2,1. Действие, выражаемое формой условного наклонения, обычно квалифицируется по его отнесенности к какому-либо отрезку времени и с точки зрения реальности—нереальности его совершения.

О возможности выражения формой на *-са(р)* времени и о количестве временных форм условного наклонения высказывались разные мнения. Явно преобладает взгляд, согласно которому выделяются две временные формы условного наклонения — настояще-будущее и прошедшее — и так называемые формы условной модальности, передающие временные и модальные оттенки.[279] Согласно другому, менее распространенному взгляду «само по себе условное наклонение. . . не имеет определенного грамматического времени».[280] Сопоставление изложенных взглядов на фоне анализа конкретных фактов позволяет отдать предпочтение последнему из них.

Форма на *-са(р)* действительно не выражает определенного грамматического времени. Так, др.-тюрк. *барсам* можно соотнести и с будущим («если пойду»), и с настоящим («если иду»), и с прошедшим («если я пошел», «если бы я пошел») временем. Соотнесенность условия с каким-либо временным отрезком предопределяется и уточняется временем совершения действия, передаваемого сказуемым главного предложения. Примеры: др.-тюрк. *Кӱл тӛгін јок ӛрсӛр коп ӧлтачі ӛртігіз* 'если бы не было Кюль-тегина, все вы погибли бы' (КТб $_{50}$), *күјӛр ӛрдім отта күдӛзмӛсӛ ол* 'я сгорел бы в огне, если бы он не уберег' (QBH 23 $_{15}$), *тӥн бузԓакка ічӱрсӛр ӛдгӱ болур* 'если напоить этим [лекарством] при нарушении дыхания, будет хорошо' (Rach I $_{60}$), *качмаса ӧлдӱрӱр ӛрдім* 'если бы он не убежал, я убил бы [его]' (Теф. 28 $_{4}$);[281] ст.-кыпч. *кім маԓа бӛрсӛ мӛн д'аԓар бӛрӛјім* 'если кто-нибудь мне даст, я также дам ему' (Cod. Cum. 11r $_{13}$); ст.-узб. *бӛмӛхр дӛсӛ ӛл сӛні мӛн бӱтмӛс ӛдім* 'если бы люди сказали, что ты лишена способности любить, я бы не поверил'; азерб. *імкан олса о ӛдӛјӛк* 'если можно будет, он сделает'; ног. *тӱрна кӛлсӛ кӥс болмас* 'если прилетят журавли, зимы не будет'; тур. *бӛн гітсӛм бурада нӛ олаҷак* 'если уйду, что будет здесь?', *кӛндісіні тутмаса башїнї јӛрлӛрӛ -ураҷактї* 'если бы не сдержал себя, стал бы он биться головой о землю'; якут. *көрдөрбүн ӛрӛ біліӛм* 'если увижу, узнаю', *көрдөрбүн біліӛм ӛтӛ* 'если бы я увидел, то узнал'.

Для выражения времени используются сочетания, состоящие из форм изъявительного наклонения и вспомогательных глаголов.[282] В форме условного наклонения в таких сочетаниях выступает чаще всего второй компонент, ср.: др.-тюрк. *кӛлір ӛрсӛр кӱ ӛр ӱкӱлӱр* 'если придут, [число] славных мужей увеличится' (Тон $_{32}$), *удӥр ӛрдің ӛрсӛ тур* 'если ты спал, вставай' (QBH 14 $_{17}$), *ӧлӱр ӛрді ӛрсӛ камуԓ іглӛгӛн / кіші калмаԓај ӛрді рузӥ јӛгӛн* 'если бы умирали [прежде] все больные, / не осталось бы человека, вкушающего хлеб насущный' (QBN 91 $_{15}$); азерб. *јазdїса* (< *јазdї ісӛ*) 'если он написал', *алмїша* 'если он взял', *јазаҷаԓса* 'если непременно напишет'; башк. *кілгӛн булһам* 'если я приходил', *кілӛчӛк булһам* 'если приду'; таг. *алdїјсам* 'если я взял', *алїрсам* 'если возьму', *алаҷәјсам* 'если непременно возьму'; карач.-балк. *кӛлdі ӛсӛ, кӛлгӛн ӛсӛ* 'если он приходил', *кӛлӛ ӛсӛ* 'если идет сюда', *кӛлір ӛсӛ* 'если (возможно) придет', *кӛллік ӛсӛ* 'если (обязательно) придет'; к.-калп. *алԓан болса* 'если он брал'; кум. *гӛлгӛн болса* 'если он приходил', *гӛлӛр болса* 'если придет', *гӛлӛҷӛк болса* 'если обязательно придет'; тув. *көргӛн болза* 'если он видел', *көрӛр болза* 'если будет видеть'; туркм. *гӛлӛдуран болдак* 'если мы пришли'; узб. *јәзган бӱлса* 'если он написал', *јәзар бӱлса* 'если напишет'; хак. *полԓан ползам* 'если я был', *үзупчатхан полза* 'если спит', *сомԓалах полза* 'если он еще не купался', *атхадаԓ полза* 'если похоже на то, что он будет стрелять'. В говорах башкирского языка форма условного наклонения, образованная путем сочетания прошедшего категорического на *-dї* с вспомогательным глаголом, соотносится не с прошедшим, а с будущим временем: *тӧттӧніһӓ* (< *тӧттӧ іні іһӓ*) 'если будет держать', *алdїніһӓ* 'если возьмет',[283] *барdїјһаԓ* 'если пойдешь',[284] *бартїнӓһӓ* 'если пойдет',[285] *сїктїһінӓ* ∼ *сїктїнїһінӓ* 'если выйдет',[286] *барdїһінӓ* ∼ *барdїніһінӓ* 'если пойдет'.[287]

Квалификация действия, передаваемого формой условного наклонения, с точки зрения реальности—нереальности его совершения производится с учетом содержания условного периода в целом. Различаются два типа (реальный и ирреальный)[288] или три (реальный, ирреальный и предположительный).[289] Эту классификацию нельзя признать удачной. Ни по содержанию формы на *-са(р)*, ни по содержанию сказуемого главного предложения реальные действия четко не отграничиваются от нереальных. «Если он пойдет», или «если он пошел», не значит, что «он непременно пойдет», или «он непременно пошел». Иными словами, противопоставление реальных и нереальных действий не образует семантической оппозиции в рамках условного периода. Условие всегда реально, действие же, выражаемое формой условного наклонения, не может быть реальным, потому что грамматическим содержанием указанной формы является модальность. Понятие осуществимости действия, его реальности появляется как результат аналитического подхода, как следствие констатации того, что содержа-

---

[278] См.: *Mollova M.* Le futur dans un parler turc de Bulgarie, p. 87—89.

[279] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 167—168; *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 243—244; *Азизова А. Г.* Условный период в современном узбекском языке. — Уч. зап. Ташкентского ГПИ. Филологический сб., 1954, 2, с. 30.

[280] *Коркина Е. И.* Наклонения глагола в якутском языке, с. 173. См. также: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка, с. 293; *Хожаев Б.* Түркмен дилинде ишлигиң шерт формасының уланылышы ве манылары. — Тр. ИЯ АН Туркменской ССР, 1962, IV, с. 50—51; *Bazin L.* Les classes du verbe turc. — BSLP, 1966, LXI, 1, p. 278.

[281] См.: *Боровков А. К.* Очерки истории узбекского языка, II, с. 45.

[282] См.: *Уруспиев И. Х.* Категория времени глагола в современном карачаево-балкарском языке. — В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968, с. 53.

[283] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Морфологические особенности казмашевского говора, с. 122.

[284] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир, с. 19.

[285] См.: *Юсупов Х. Г.* Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 160.

[286] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Кизильский говор. — БД, с. 51.

[287] См.: *Максютова Н. Х.* Бурзянский говор, с. 105.

[288] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 268.

[289] См.: *Гордлевский В. А.* Грамматика турецкого языка. М., 1928, с. 111; *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка, с. 197—200; *Кузнецов П. И.* Условное наклонение в турецком языке. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 155 сл.; *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 527 сл.

ние условного периода не исключает возможности совершения действия, выраженного модальной формой.

Основная семантическая нагрузка условного периода — в выражении причинно-следственной связи двух действий, т. е. такой связи, когда мыслится, что одно действие может или могло бы произойти в случае совершения другого действия, предшествующего ему.

Причинно-следственная связь подразделяется на категорическую и вероятностную. При категорической причинно-следственной связи одно действие выступает как обязательная предпосылка другого действия (ср.: узб. *бэрса элади* 'если пойдет, возьмет', *бэрган бўлса элді* 'если пошел, взял'), при вероятностной — обусловленность одного действия другим менее категорична, она как бы постулируется (ср.: узб. *бэрса эларді* или *бэрса эді эларді* 'если бы пошел, взял бы').

Вторая разновидность отличается от первой формой глагола либо только в главном предложении (аподозис) (ср.: др.-тюрк. *алдачї ӟрті*, ст.-узб. *алҕај ӟді*, кум. *алар ӟді*, тур. *алаǰaktї* 'взял бы'), либо и в главном (аподозис), и в зависимом (протазис) предложениях. При этом в составе зависимого предложения используются сочетания самостоятельных и вспомогательных глаголов, ср.: башк. *кілһä інӗм* ~ *кілһäм інӗ* 'если бы я пришел'; башк. (диал.) *jaδhajĭ* (< *jaδha інӗ*) 'если бы он писал';[290] карач.-балк. *ǰazsa ӟdім* 'если бы я писал'; тур. (диал.) *гӟлдісӟм* ~ *гӟлдімсӟ* 'если бы я пришел'.

Для содержания формы на *-са(р)* характерно четко и регулярно проявляющееся смещение в направлении форм других наклонений. Особенно часто она сближается с формами повелительного и желательного наклонений. Примеры: ст.-азерб. *інаjät ӟjлäсä* 'да помог бы он', *гӧрсä ідӱн* 'видел бы ты';[291] алт. (диал.) *алзаӈ* 'возьми', 'взял бы ты';[292] кирг. *ӟл ǰурттu кӧрсӧк* 'увидеть бы нам людей';[293] узб. (диал.) *барсаӈїслар* 'пойти бы вам';[294] уйг. *бӱгӱн бір jамҕур jӕвівätсӟді* 'пошел бы дождь сегодня';[295] якут. *онно бардарбїан* 'о если бы мне пойти туда'.[296] Это сближение подчеркивается, в частности, присоединением к форме на *-са* сопутствующих частиц и императивных слов, ср.: алт. *барза-чї* 'пойти бы ему'; тур. *отурсанїз-а* 'садитесь, пожалуйста'.

Форма условного наклонения может передавать внезапно совершаемое действие, вслед за которым сразу же происходит другое действие, ср.: узб. *карасам бір кіші кӟладі* 'смотрю, кто-то подходит'. В хакасском языке в подобных случаях форму условного наклонения сопровождает частица *ох*: *чатсох* 'как только ляжет'.

Когда форма на *-са(р)* оказывается после союзов *кӟ*, *кім* и после вопросительных местоимений и наречий, она имеет значение будущего времени изъявительного наклонения, ср.: ст.-азерб. *качан кім Будаҕ атса...* 'когда Будаг пустит стрелу...';[297] ст.-узб. *качан кім кӟчä болса* 'когда наступит вечер'; туркм. *мӟн муні нäтдӟмкäм* 'что я с ним поделаю?'. В сочетании с вопросительными местоимениями и наречиями форма на *-са(р)* передает также абстрактную, или вневременную, условность. Примеры: др.-тюрк. *нӟчä бӟрсä дӱнја тӱгӟр алҕїнїр* 'сколько ни дает мир, [все] приходит к концу, исчезает', *нӟчä јалбарді ӟрсä сӧзіңä кірмäді* 'сколько ни просил, он не внял его словам'; ст.-узб. *кајан сӱрсӟң ол јан барур* 'куда ни потянешь, туда и пойдет', *нӟ дӟсä дӟсӱн* 'что бы ни сказал, пусть говорит'; азерб. *кӱлäк hансї тäрäфä äсірсä ораја да äjілір* 'куда дует ветер, туда он и склоняется'.

Основным значением формы условного наклонения при употреблении ее с модальным словом *кӟрäк* 'надо, нужно' является долженствование—необходимость, переходящее в предположительность, ср.: др.-тюрк. *мӟн уjбурнїң каҕанї боламäн кім jӟрнің төрт булуңїнуң каҕанї болсам кӟрäк турур* 'я являюсь уйгурским каганом, которому суждено быть (~ который, должно быть, явится) правителем четырех частей света' (ЛОК 12 $_9$); ст.-азерб. *варсам гäрäк* 'надо мне идти'; ст.-узб. *ол куjаш кӟрäк болса* 'то, должно быть, солнце', *jар jӱзӱмні көрӱп дард ва ҕамїм білсä кӟрäк* 'возлюбленная, увидев мое лицо, пожалуй, узнает о моих страданиях и печалях'; башк. *кілһä käрäк* 'должно быть, придет'; казах. *кajтса кӟрӟк* 'наверно, вернется'; кирг. *бузулса кӟрӟк* 'по-видимому, испортится', *ǰаштар болсо кӟрӟк* 'молодые, должно быть'; туркм. *гӟлдӟ гӟрӟк* 'должно быть, придет', *мӟні танамада гӟрӟк* 'он, должно быть, не узнает меня'; узб. *бундај гап чікішіні кутмаган бӱлса кӟрак* 'он, наверно, не ожидал этих слов'.

В сочетании с глаголом *бол-* 'быть, становиться' форма на *-са(р)* выражает преимущественно ситуативную возможность совершения действия (с отрицанием — невозможность, при двойном отрицании — необходимость), т. е. возможность в смысле разрешения, ср.: др.-тюрк. *їдса болур* 'можно послать', *тїлїҕ сӧксä болмас* 'язык ругать нельзя'; ст.-узб. *јолнї кїлавуз білä тапса болур* 'с проводником можно найти дорогу', *бу јазукдїн анї ӧлтӱрсä болмас* 'за этот грех его нельзя убивать'; тур. *бу адалара hіч гітмӟдім дӟсӟм олаǰak* 'я, можно сказать, никогда не посещал эти острова'; туркм. *гӟплӟшдӟ болар* 'можно говорить', *ҕоркмада болǰak* 'можно не бояться', *гітмӟдӟм болмаδ* 'мне нельзя не пойти'.

При глаголах *істä-*, *тілä-* 'хотеть, желать' в староузбекском языке форма на *-са* выступает в качестве приглагольного дополнения (ср. персидский аорист): *істäрäм көзгӱдä көрсäм јар* 'аксін бір нафас 'хочу (хоть) на мгновение увидеть в зеркале отражение возлюбленной', *істäрäм сорҕан сајї баштїн hікајат äjлäсä* 'хочу, чтобы по мере того, как спрашивают, рассказ начинали снова', *тілäрмäн кім jӱзӱңгä саǰда кїлсам* 'хочу поклониться твоему лику'.

С частицами *да*, *нам* форма условного наклонения выражает уступительность: башк. *кілһäм дä* 'если и приду', 'хотя и приду'; кирг. *ӧлсӧ да* 'если и умрет', *кічінӟ болсо да* 'если и маленький', 'хотя маленький'; к.-калп. *алсам да* 'хотя я и беру', *барса да кӟлмӟс* 'хотя и пойдет (~ если и пойдет), не вернется'; тув. *білзӟ-дā* 'хотя и знает'; узб. *бэрсам нам* 'если и пойду', *jэзса нам фэjдасі бӱлмаjді* 'если и напишет, пользы не будет'; хак. *парса дā* 'хотя и пойдет'; якут. *білбӟтӟрбін да* 'хоть и не знаю'.

Форма условного наклонения от вспомогательного глагола *ӟр-* вошла в состав некоторых местоимений, наречий и служебных слов и, кроме того, сама по себе используется как служебное слово, ср.: ст.-узб. *качан кім ол чӟріг јандї ӟрсä* 'когда то войско вернулось', *бакtїм ӟрсä* 'когда я посмотрел'; азерб. *јохса* 'иначе', 'или', *ісä* 'но', *hансї ісä* 'какой-то', *hара ісä* 'куда-то'.

2,2. Определением основных ступеней развития семантики формы на *-са(р)* тюркологи занимаются давно, и к настоящему времени установились приблизительно одинаковые взгляды на все вопросы, связанные с эволюцией ее содержания.

Как указывалось выше и как отмечали многие исследователи, у формы условного наклонения наряду с собственно условным значением просле-

[290] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир, с. 19.

[291] См.: *Рагимов М. Ш.* 1) История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 67—68, 77; 2) Из истории формы на *-са/-сə* в азербайджанском языке. — В кн.: Вопросы азербайджанского языкознания. Баку, 1967, с. 66 сл.

[292] См.: *Фисакова Г. Г.* Повелительное, условное и сослагательное наклонения в говоре бачатских телеутов, с. 116.

[293] См.: *Омуралиева Р.* Условный период в киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1970, с. 6.

[294] См.: *Бабаниязов Х.* Фонетико-морфологические особенности кипчакских говоров Южного Хорезма, с. 31.

[295] См.: Һазирқи заман уйғур тили, II. Морфология вә синтаксис. Алмута, 1966, б. 219. См. также: *Аглямова М.* О значениях форм условного наклонения в уйгурском языке. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку, 2. Алма-Ата, 1970, с. 110.

[296] См.: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 207.

[297] См.: *Рагимов М. Ш.* Из истории формы на *-са/-сə* в азербайджанском языке, с. 81.

живается оптативное.[298] И поскольку оно типично для формы на *-са(р)* в большой группе тюркских языков, правомерно отнести его к числу древних значений.[299] Именно оптативность могла предшествовать условности, так как она вплотную примыкает к этимологическому содержанию формы условного наклонения, восстанавливаемому путем сближения аффикса *-са(р)* с глаголом *са-* 'думать, считать'. Семантика глагола *са-* легко преобразуется по линии выражения различных смысловых оттенков, объединяемых значением «намереваться, хотеть», и это служит дополнительным доказательством того, что оптативность — одно из древних значений рассматриваемой формы.

Как происходил переход от значения «намереваться, хотеть», или непосредственно от значения «думать, считать», к значению условного наклонения, не совсем ясно, хотя интентивность, оптативность и условность лежат, по существу, в одной плоскости. А. Габен представляет себе этот переход как переосмысление противительной связи двух действий, из которых одно предваряет другое, например: *калсар сән мән барајїн* 'ты думаешь остаться, [а] я пойду'.[300] По мнению Н. З. Гаджиевой, значение условности развилось в результате взаимодействия оптативного значения с временным.[301] По-видимому, допустимы оба варианта, которые, кстати, принципиально не отличаются друг от друга: желание, намерение совершить действие обязательно предшествуют его совершению и таким образом временное значение (предшествование) оказывается тесно связанным с желательным и даже вытекающим из него. Иными словами, выражение причинно-следственной связи двух действий всегда предполагает наличие согласования времен в рамках условного периода. Больше того, определенный тип согласования времен сам по себе может стать основой для возникновения причинно-следственных отношений. Мы имеем в виду конструкцию с различными именами действия в форме местного падежа. Примеры: башк. (диал.) *һҙ вакҙтҙында кілгәндә јакшҙ булҙр інҙ* 'было бы хорошо, если бы вы пришли вовремя'; узб. *у кәлганда бэшкача бўлар әді* 'если бы он пришел, было бы иначе'; уйг. *сән біз біләп барғанда јахшї болатті* 'если бы ты пошел с нами, было бы хорошо'; якут. *бардахпїна* 'если (когда) пойду', *барбїт буоллағїна* 'если (когда) он уходил', *олордохпутуна* 'если (когда) сядем'. В алтайском языке условие выражается также формой на *-ғажїн* (*-ғаш-їн*) : *әмчі кіжі бру баланї әмгәжін* (~ *әмдәзә*) *д'акшї болор әді* 'если бы врач вылечил больного ребенка, было бы хорошо'.[302]

Следующая ступень развития семантики формы на *-са(р)* характеризуется утратой многозначности и регулярным использованием ее только в значении условного наклонения.[303]

Формы других косвенных наклонений

Помимо форм повелительного, желательного и условного наклонений, являющихся общими для всех тюркских языков, в отдельных из них встречаются формы других косвенных наклонений: долженствовательного (азерб., гаг., тур., туркм., чуваш., якут.), намерения (азерб., башк., казах., туркм., узб., уйг. и др.), согласительного (тув., хак.), предположительного (хак., якут.), сослагательного (хак.), предельного (тув.), утвердительного (якут.), вероятностного (якут.). Все названные формы восходят к первичным и вторичным именам действия и к образованным от них формам падежа, или квазипадежа, принадлежности и т. д. Специализация этих форм в направлении устойчивой передачи того или иного типа модальности происходила, за редкими исключениями, сравнительно поздно, и поэтому распределение их в современных тюркских языках оказалось не одинаковым. Например, форма на *-ғај* ~ *-kaj*, сохранившаяся как реликтовое образование в составе форм изъявительного и желательного наклонений, в некоторых тюркских языках полностью исчезла, а в тувинском и хакасском языках регулярно выступает как форма согласительного наклонения. Различия в распределении форм наклонений не всегда обусловлены внутренними закономерностями развития языков. Число и состав их нередко колеблется в зависимости от точки зрения тюркологов на характер данной грамматической категории. Так, отнесение форм на *-(а)р* и *-ғанду* (*-ған-ду*) в уйгурском языке не к изъявительному, а к предположительному наклонению [304] не мотивировано их какими-либо специфическими чертами [305] по сравнению с аналогичными формами других тюркских языков. То же самое необходимо сказать о предельном наклонении в тувинском языке, ср.: *кәлгіжәмчә* 'до моего приезда', 'пока я не приеду', *кәлгіжәңчә* 'до твоего приезда'.[306] Последняя форма находится в одном ряду с формами типа *кәлгүнчә*, *кәлгәнчә*, встречающимися в разных тюркских языках и квалифицируемыми как деепричастия предела.

1. Форма долженствовательного наклонения в языках огузской группы образуется при помощи аффикса *-малї* (имя действия на *-ма* + аффикс *-лї*), в чувашском языке — при помощи аффикса *-малла* (имя действия на *-ма* + аффикс *-лла*).[307] Примеры: азерб., тур. *јазмалїјам* 'я должен писать', *јазмалї ідім* 'я должен был писать', *јазмалїдїр* 'он должен писать'; азерб. *göрмälі тамаша* 'зрелище, которое следует посмотреть'; гаг. *бän јазмалї* 'я должен писать', *сän јазмалї* 'ты должен писать'; крым.-тат. *јатмалїм* 'я должен лежать', *јатмалї әдім* 'я должен был лежать'; туркм. *дән гәлмәлі* 'ты должен прийти', *окамалїң бармї* 'есть ли у тебя [что-нибудь], что ты должен читать?', *окамалїдїнї окадїм* 'я читал то, что надо было читать';[308] чуваш. *ĕс'мĕллі* 'предназначенный для питья'.

Эпизодически форма на *-малї* встречается в башкирском, татарском и других языках, ср.: башк. (диал.) *асмалҙ тәдрә* букв. 'открывающееся окно', *тајак таштамалҙ јәр* 'место, до которого можно добросить палку'.[309]

В якутском языке — несколько форм долженствовательного наклонения, также являющихся по происхождению вторичными именами действия: на *-ардāх* (*-ар* + *-лāх*), *-їахтāх* (*-їах* + *-лāх*), ср.: *барардāхпїн* 'мне надо идти', *барардāх әтім* 'мне надо было идти', *барїахтāхтар* 'они должны идти'.[310]

---

[298] См.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 67. См. также: *Kılıcoğlu V.* Gerundiumların özellikleri ve «-*iser*» eki, s. 518; *Омуралиева Р.* Условный период в киргизском языке, с. 28—30.

[299] См.: *Kılıcoğlu V.* Şart kipi, s. 256.

[300] См.: *Gabain A.* Das Alttürkische. — PhTF, I, S. 39.

[301] См.: *Гаджиева Н. З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, с. 331.

[302] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка, с. 141. О возможности выражения условия формами на *-ғанда*, *-ғач*, *-ҙп* в татарском языке см.: *Тумашева Д. Г.* Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе, б. 156.

[303] См.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 78.

[304] См.: Һазирқи заман уйғур тили, II, б. 220.

[305] Правда, А. А. Коклянова не относит к изъявительному наклонению форму на *-(а)р* и в узбекском языке (см.: *Коклянова А. А.* Категория времени в современном узбекском языке. М., 1963, с. 10—12).

[306] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 404.

[307] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 927; *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 244; *Андреев Н. А.* Причастие долженствования на *-малла* (*-мелле*) в чувашском языке. — Уч. зап. [Чувашского] ГПИ, 1958, VI, с. 161—189. Как отмечает Н. А. Андреев, причастие на *-малла* в чувашском языке выражает иногда и возможность совершения действия: *лажа вĕв'ĕрĕнзĕн тĭтмалла* 'лошадь вырвется — можно поймать' (с. 167). См. также: *Гаджиева Н. З.* Категория долженствовательного наклонения в азербайджанском языке. — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961, с. 201 сл.; *Зайнуллин М. В.* Модальность долженствования в башкирском языке. — СТ, 1973, № 2, с. 54.

[308] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 306.

[309] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Морфологические особенности казмашевского говора, с. 96; *Зайнуллин М. В.* Модальность долженствования в башкирском языке, с. 54.

[310] См.: *Коркина Е. И.* Наклонения глагола в якутском языке, с. 207 сл.

2. Формы намерения — на *-макчї* (имя действия на *-мак* + аффикс *-чї*) и на *-ғандај ~-ғандäк* (имя действия на *-ған* + аффикс *-дај ~ -дäк*). Единого мнения по вопросу грамматической квалификации данных форм нет: они приводятся и среди форм изъявительного или одного из косвенных наклонений, и среди обособленных морфологических образований. Так, первая форма в казахском языке характеризуется как «неопределенное будущее», а в уйгурском — как «будущее намерения». Примеры:[311] башк. *кілмäкси булдым* 'я намеревался прийти'; башк. (диал.) *бармак була, барғандај, барĭрдај, барғĭлај* 'он намеревается идти'; казах. *бĭтĭрмэк-(шĭ)мĭн* 'я должен кончить'; туркм. *біз гэлмэкчі* 'мы намерены прийти' (туркм. диал. *гэлмэкчіл*); узб. *білмэкчіман* 'я намерен узнать', *у бэрғандэк бўлді* 'он решил идти'; уйг. *бäрмäкчімän* 'я намерен дать'.

К формам намерения примыкает широко используемая в азербайджанском языке форма так называемого необходимостного наклонения на *-асї*: *гэдäсіjäм* 'я намерен идти'. Ср.: башк. (диал.) *барahĭ ла ankajmahĭ* 'надо пойти и взять с собой';[312] тат. (диал.) *мін барасĭ* 'пойду'.[313]

Здесь же следует упомянуть якутскую форму утвердительного наклонения, не считая, однако, вопрос об идентификации якутского аффикса *-ĭhї* с азербайджанским *-асї* определенно решенным, ср.: *барĭhĭбĭн* 'очевидно, пойду', 'могу пойти', *самĭр тўhўhў* 'будет дождь', 'дождь может пойти'.[314]

3. Форма согласительного наклонения, выделяемая в тувинском и хакасском языках, образуется при помощи аффикса *-ғај*, например: тув. *барғај мэн* 'ладно, пойду', *барғај біс* 'ладно, пойдем'. Приблизительно с таким же значением или со значением предположительности, нерешительности она известна и в других тюркских языках.

Как с внешней стороны, так и со стороны семантики к форме на *-ғај* близка якутская форма наклонения возможности на *-äja, -äraj* (3-е лицо), ср.: *барäjабĭн* 'авось, я пойду', *барäraj* 'авось, он пойдет'. С. В. Ястремский соотносил первый компонент данного аффикса с аффиксом *-кај ~ -ғај*, а второй считал частью аффикса *-ар*, выступающего в полном виде в 3-м лице.[315]

4. В основе формы предположительного наклонения — имя действия на *-ғу ~ -ғї* с уподобительным аффиксом-послелогом *-дағ*, ср.: тув. *алғу дэг мэн*, уйг. *алғідäкмän*, шор. *алғадїғїм* 'возможно, возьму'; хак. *сағадағ* 'похоже, что он будет доить', *пірғэдэг* 'похоже, что он даст'.

5. Принцип образования формы сослагательного наклонения, получившей особое место в системе форм косвенных наклонений только в хакасском языке, довольно прост и является общим для всех тюркских языков: комбинируются средства выражения будущего и прошедшего времени, вследствие чего форма сослагательного наклонения обычно получает наименование будущего в прошедшем, ср.: хак. *аларĭїхпїн* 'я взял бы'.

Ряд модальных форм, не имеющих регулярных и устойчивых параллелей в современных тюркских языках, встречается в древнетюркских текстах. Среди них — форма неосуществленной возможности на *-ғїр*, форма намерения на *-кал(ĭр) ~ -ғал(ĭр)*[316] и другие, ср.: *сїғїр эріг сўсгўрді* 'корова едва не боднула мужчину' (МК II 189), *колғїрді* 'он чуть не попросил' (МК II 194), *ол тағка ағкалїр* 'он собирается подняться в гору' (МК II 67), *турғурғалїр атїмні* 'он намеревается довести до худобы моего коня' (МК II 177), *кўнўм баткалїртäг* 'похоже на то, что солнце мое собирается закатиться' (QBH 46_{27}).

[311] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 58, 109; Грамматика туркменского языка, I, с. 309; *Ҳожиев А. -Моҳчи* аффикси билан ясалган феъл формаси ҳақида. — ЎТА, 1966, № 4, б. 25—29.

[312] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Морфологические особенности казмашевского говора, с. 120; *Зайнуллин М. В.* Модальность долженствования в башкирском языке, с. 54.

[313] См.: *Бурганова Н. Б.* О временных формах глаголов изъявительного наклонения в заказанских говорах, с. 15.

[314] См.: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык, с. 211.

[315] См.: *Ястремский С. В.* Грамматика якутского языка. 2-е изд. М., 1938, с. 132.

[316] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 251; *Шукуров Ш. -Ғалыр/-ғäлир* формаси ҳақида. — В кн.: Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965, б. 199—203.

Формы изъявительного наклонения

Временные формы

В отличие от других наклонений глагола, изъявительное выражает прямое отношение действующего лица к действию, и, естественно, это отношение имеет более или менее четкую временную перспективу, точкой отсчета которой является момент речи. Выполнение действующим лицом действия может предшествовать моменту речи, сопутствовать ему или же иметь место в какой-либо отрезок времени, следующий за ним. Соответственно этому все формы изъявительного наклонения подразделяются на три группы: формы прошедшего, настоящего и будущего времени. Время, соотносимое с моментом речи, принято называть абсолютным временем, а три сегмента, или плоскости, составляющие его, — семантической системой временных форм.[317]

Поскольку момент речи может быть зафиксирован в формах прошедшего и будущего времени, не исключена такая ситуация, когда действие имеет как бы двойной фон, т. е. фактически оно соотнесено с прошлым, но относительно выраженного в языке момента речи является будущим, и, наоборот, — соотносится с будущим, тогда как в отношении к выраженному в языке моменту речи является прошедшим, ср.: *он сказал, что пойдем*, *он говорит, что пойдет* и *он скажет, что ходил*. Это, однако, не вносит принципиальных изменений в схему распределения временных форм: то, что следует за моментом речи, передается формами будущего времени; то, что предшествует ему, — формами прошедшего. Только при выражении будущего в прошедшем происходит некоторое нарушение обычной схемы, заключающееся в том, что две временные плоскости как бы совмещаются в одной. Тем не менее и здесь принцип деления времени на три отрезка сохраняет свою силу, так как будущее в прошедшем и на уровне чисто формальных средств представляет собой соединение двух плоскостей, ср.: тур. *алаĭактїм* (< *алаĭак іdім*) 'я взял бы (обязательно)'; узб. *элардім* (< *элар эdім*) 'я взял бы'.

Членение времени осуществляется не только относительно момента речи, но и в плане соотношения одного действия с другим, например: будущее предшествующее (ср.: франц. *futur antérieur*) и будущее последующее; давнопрошедшее (ср.: тур. *алдїjдїм*) и недавнопрошедшее; прошедшее «данного момента», являющееся фоном для другого действия (ср.: тур. *алїjордум*), и прошедшее неопределенное. Время, устанавливаемое путем соотнесения двух действий, именуется относительным. Семантическая система относительных временных форм в идеальном виде является также трехплоскостной, в действительности же мы имеем дело, как правило, с двумя плоскостями («то, что предшествует» и «то, что следует») и очень редко — с тремя.

Если формы косвенных наклонений выражают модальность, если их основным содержанием является не констатация действия, а отношение говорящего к высказываемому, то для форм изъявительного наклонения характерно выражение прежде всего и главным образом самого действия. Это не значит, что формы изъявительного наклонения вовсе лишены модальных оттенков: модальные оттенки не находятся у них на первом плане и не составляют их основного содержания. Конечно, не всегда удается точно разграничить формы изъявительного и других наклонений и не всегда случаи противоречивого или просто неодинакового толкования отдельных

[317] См.: *Ванников Ю. В.* Опыт типологического анализа временных значений. — В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969, с. 203.

форм обусловлены субъективными причинами. Есть формы, у которых значение констатации действия так сочетается со значением модальности, что объективно трудно определить, какое из них является основным. Например, форма на *-(a)p* выражает во многих тюркских языках будущее время с оттенками предположения, возможности совершения действия, которые, в общем, не оттесняют на задний план ее временное значение и не создают больших трудностей при определении грамматического статута. Несколько иначе обстоит дело с формой на *-aǰak*, модальность которой выступает более выпукло, что иногда становится причиной колебания некоторых исследователей, задумывающихся над тем, к какому наклонению отнести ее — к изъявительному или долженствовательному. Еще сложнее положение с формой на *-acï*, которую авторы ряда грамматик включают в парадигму изъявительного наклонения, в то время как составители научной грамматики азербайджанского языка считают ее формой «необходимого», или «необходимостного», наклонения.[318]

Чрезвычайно трудной и до сих пор до конца не решенной является проблема глагольного вида. Эта проблема постоянно привлекает к себе внимание исследователей и периодически становится предметом широких научных дискуссий, в ходе которых ставятся одни и те же вопросы: что такое вид, является ли вид автономной грамматической категорией или входит в содержание форм изъявительного наклонения на правах сопутствующей категории. И далее, если вид — сопутствующая категория, то как он соотносится с временным значением форм индикатива: занимает периферийное, подчиненное место или же центральное, господствующее.

В соответствии с преобладающим в настоящее время мнением под видом разумеется то, как представляет себе протекание действия говорящий.[319] Действие имеет и качественную, и количественную сторону, распределено в пространстве и во времени и может восприниматься: 1) в динамике, в раскрытии его многообразия, в его множественности; 2) как состояние, как нечто единое, как факт,[320] всецело относящийся к прошлому или же только связанный с прошлым, но фиксируемый в момент речи. Будучи субъективным, представление о способе протекания действия отражает его сложную объективную сущность. Указанным выше формам восприятия действия соответствуют разные типы значений, объединяемых понятиями незавершенности действия (имперфективность, курсивность) и завершенности, которая в некоторых языках подразделяется на временную фконстативность, не имеющая отношения к противопоставлению имперфекта и перфекта) и вневременную (перфективность и перфектность), ср.: русск. *брал*, *взял*; тур. *алïрдïм* ‘я брал (вообще)’, *алдïм* ‘я взял, я брал (один или несколько раз)’, *алмïшïм* ‘я брал’=‘я есть бравший’ (действие было совершено в прошлом, но совершение его констатируется в данный момент). Оппозиция по признаку незавершенности—завершенности действия охватывает не всю семантическую структуру форм изъявительного наклонения, и там, где ее нет, например в плоскости, соотносимой с моментом речи, наблюдаются иного рода различия, нередко выступающие в виде противопоставления вневременного действия действию, локализованному во времени, ср.: тур. *алïрïм* ‘беру (вообще)’ / *алïjорум* ‘беру (в определенный отрезок времени)’;[321] узб. *эламан* / *эл(а)јапман*. Подобные различия могут быть выражены и в плоскости, предшествующей моменту речи: тур. *алïрдïм* ‘я брал (вообще)’, *алïjордум* ‘я брал (в течение определенного отрезка времени)’.

---

[318] См.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 87 сл.; Грамматика азербайджанского языка, с. 120.

[319] См.: *Маслов Ю. С.* Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 9.

[320] См.: *Dressler W.* Studien zur verbalen Pluralität. Wien, 1968, S. 43.

[321] См.: *Кошмидер Э.* Турецкий глагол и славянский глагольный вид. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 390.

По вопросу о соотношении вида и времени высказано много мнений, крайние из которых сводятся к интерпретации форм изъявительного наклонения как преимущественно временных или преимущественно видовых.

Восприятие на первом плане семантического содержания глагольных форм темпоральности имеет давнюю традицию и оправдывается ссылкой на возможность объяснения существующих между ними различий главным образом с позиций абсолютного или относительного времени. Для сторонников этой точки зрения разные формы прошедшего времени должны оцениваться прежде всего по степени удаленности обозначаемого ими действия от момента речи (ср. недавнопрошедшее/давнопрошедшее) и в зависимости от того, в какой плоскости они локализуются: в плоскости предшествования моменту речи или в плоскости одновременности с моментом речи (претерит/перфект).

Помещение в центр содержательной стороны аспекта и рассмотрение времени как фона его реализации связаны с происходящими в последние десятилетия поисками нового решения проблемы соотношения вида и времени и опираются на четко выраженную мысль об аспектуальном происхождении категории времени.[322] Наиболее полно и последовательно видовая интерпретация форм изъявительного наклонения отразилась в работе Л. Юхансона,[323] который выделил в турецком языке несколько видовых значений: значение предельности, фиксируемой как бы в самом действии, «изнутри» (Intraterminalität), ср.: оппозиция единиц *iyordu*, *mekteydi* (маркированные члены, различия между которыми являются в основном стилистическими) и *di* (немаркированный член);[324] значение акциональной насыщенности (Prägnanz), ср.: оппозиция единиц *iyor*, *mekte* (маркированные члены) и *ir* (немаркированный член);[325] значение предельности, фиксируемой «извне», как результата действия, совершавшегося ранее (Postterminalität), ср.: оппозиция единиц *miş(tir)* и *di*.[326]

Особый подход к решению вопроса о соотношении вида и времени выразился в попытке преодолеть трудности семантической квалификации глагольных форм путем выделения каждой из них в самостоятельный класс.[327] Пользующийся таким подходом Л. Базен различает пять классов простых глагольных форм, не считая форм косвенных наклонений: два перфектных (*-di* и *-miş*), два акциональных (*-iyor* и *-mekte*) и один аористный (*-°r*) — и указывает, что первые два противопоставляются вторым двум по признаку законченности/незаконченности, тогда как между собой те и другие противопоставлены по признаку констатации/неконстатации (constatation/non-constatation). Аорист образует оппозицию со всеми четырьмя классами по признаку неограниченности/ограниченности действия (action illimitée / action limitée).[328] Согласно мнению Л. Базена, система форм турецкого глагола конструируется преимущественно на основе не имеющих временной отнесенности модальностей, время же выражается отчасти при помощи вспомогательного глагола, отчасти благодаря использованию наречий времени и возможностей контекста.[329]

---

[322] См.: *Rundgren F.* Intensiv und Aspektkorrelation. Uppsala, 1959, S. 11, 24, 25; Ср.: *Курилович Е.* Вид и время в истории персидского языка. — В кн.: Очерки по лингвистике. Русск. пер. М., 1962, с. 142.

[323] См.: *Johanson L.* Aspekt im Türkischen. Uppsala, 1971. Подробное изложение см. в работе: *Кузнецов П. И.* Аспект и акционал в турецком языке. (К выходу в свет монографии Л. Йохансона). — СТ, 1975, № 3, с. 68—81.

[324] *Johanson L.* Aspekt im Türkischen, S. 114. Ср. у Ф. Рундгрена: курсивный и констативный виды (см.: *Rundgren F.* Erneuerung des Verbalaspekts im Semitischen. Funktionell-diachronische Studien zur semitischen Verblehre. — Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis. NS, 1963, 1, 3, S. 87—88).

[325] *Johanson L.* Aspekt im Türkischen, S. 136.

[326] İbid., S. 283.

[327] См.: *Bazin L.* Les classes du verbe turc, p. 265—285.

[328] İbid., p. 284.

[329] İbid., p. 282.

Нет необходимости доказывать, что вид не является автономной категорией. Достаточно отметить, что у вида нет «собственных» средств выражения, и те морфологические образования, у которых прослеживается наличие видовых значений, за редкими исключениями представляют собой комбинации различных временных и вневременных (аористных) форм. Семантическая структура форм изъявительного наклонения — поле тесного взаимодействия разнородных и не одинаково прозрачных значений: временных, аспектуальных и модальных,[330] причем характер этого взаимодействия настолько сложен и многообразен, что его невозможно передать в какой-нибудь единой схеме. Очевидно, в одних языках при наличии упомянутых выше трех семантических компонентов преобладают временные значения, в других больше оснований считать первичной функцией системы форм изъявительного наклонения передачу категории вида, тогда как в третьих время и вид представлены в содержании форм изъявительного наклонения приблизительно в равной мере. Характер соотношения вида и времени находится в определенной зависимости и от обстоятельств диахронического порядка. Есть факты, свидетельствующие о том, что по мере удаления от современного состояния в семантических различиях между формами индикатива приобретает все возрастающее значение аспектуальная сторона. «Тюркские языки, подобно многим другим языкам, — как отмечает В. М. Насилов, — еще хранят в себе исторические данные о происхождении форм времени из видовой категории».[331]

Изучение глагольного вида в тюркских языках продолжительное время сводилось, с одной стороны, к поискам таких значений, которые существенно не отличались бы от видовых значений русского глагола или, по крайней мере, были бы сопоставимы с ними, с другой стороны, к выявлению специфических черт, отличающих тюркские языки от других языков. Первая тенденция выразилась главным образом в установлении ближайших соответствий несовершенному и совершенному видам глагола в русском языке независимо от способов их передачи,[332] вторая — в учете аффиксов, передающих многократность, усиление или ослабление действия (ср.: башк. *-кылa*, *-штыр*, *-ҡкыра*; казах. *-кыла*, *-стыр*, *-ҧкыра*, *-мала*; узб. *-мсира*), в систематизации сочетаний, состоящих из деепричастий и финитных форм вспомогательных глаголов,[333] а также в углубленном анализе содержания отдельных временных форм.[334] В центре внимания оказались перифрастические формы, в которых вспомогательные глаголы придают действию, выраженному основным глаголом, различные оттенки, количественные и качественные, характеризуют действие по его направленности, по распределению (начало, конец) и т. д. В результате изучения перифрастических форм в тюркских языках было выделено от двух до шести видов: начинательный, длительный, законченный, [335] неопределенный и другие, ср.: баш. *ыкҡый башла-* 'начинать читать', *ыкҡый бар-* 'начинать и продолжать читать', *ыкҡый сык-* 'прочитать'; казах. *атҡын жұбэр-* 'выстрелить (неожиданно, мгновенно)'; узб. *ўқин бэр-* 'читать (кому-л.)', *јэзын эл-* 'записать (себе, для себя)'. Ф. А. Ганиев строго разграничивает категорию вида и категорию характера протекания действия, подчеркивая, что единственной временной формой, выражающей в татарском языке собственно видовое значение (несовершенный вид), является форма определенного имперфекта: *ала идҙ*, *бара идҙ*. Говоря о категории характера протекания действия, Ф. А. Ганиев выделяет 8 значений: 1) начинательность, 2) направленность, 3) длительность, 4) многократность, 5) частичное развитие действия, 6) внезапность, 7) результативность, 8) завершенность.[336]

Своеобразный итог изучению рассматриваемой проблемы подвел Б. А. Серебренников, сделавший вывод, что в тюркских языках нет грамматической категории вида, что сочетания деепричастий с вспомогательными глаголами, которые «можно было бы назвать видовыми классами», передают видовые значения и что видовыми значениями обладают также некоторые формы прошедшего времени.[337]

Как описывать формы изъявительного наклонения — в единстве выражаемого ими семантического многообразия или последовательно разграничивая временные, аспектуальные и модальные значения, в частности путем анализа привативных оппозиций, — зависит от содержания поставленной задачи. Для нас кажется более подходящим второй путь: так удобнее сравнивать материалы нескольких родственных языков, и только таким путем можно обеспечить необходимую степень достоверности выводов диахронического порядка. Необходимо также учитывать, что имеющиеся различия в характере соотношения перечисленных выше значений не всегда охватывают язык в целом и имеют определенную стилистическую обусловленность.

В тюркских языках прослеживается большое количество форм, традиционно относимых к изъявительному наклонению. Почти все они развились сравнительно поздно из первичных и вторичных имен действия и вплоть до настоящего времени сохраняют черты именного происхождения.

Формы будущего времени немногочисленны и отличаются друг от друга модальными оттенками. Так, в уйгурском языке обычно выделяют две формы будущего (ср.: *барар* и *бармақчы*), противопоставление которых не связано с выражением временных различий ни с точки зрения согласования времен (ср.: франц. *futur simple* / *futur dans le passé*), ни в плане последовательности действий (ср.: франц. *futur simple* / *futur antérieur*). Первая передает предположительность, вторая — намерение, причем последнее значение является настолько специфическим, что правомерно говорить о наличии в данном случае особого наклонения. Приблизительно то же самое наблюдается в казахском языке (*алармын* '(может быть) возьму', *алмақпын* 'намереваюсь взять' и *алмақшымын* 'я должен взять'), а также в других тюркских языках, хотя вторым будущим в них оказывается иная форма, так называемое будущее категорическое, или будущее определенное, на *-(а)ҙақ* ~ *-(а)чақ*..., ср.: азерб. *аларам* / *алаҙаҕам* '(возможно) возьму' / '(непременно) возьму'; башк. *алырмын* / *аласакмын*; гаг. *аларым* ~ *алырым* / *алаҙам*; к.-калп. *алырман* / *алажақпан*; крым.-тат. *алырым* / *алаҙаҕым*; кум. *алырман* / *алаҙақман*; ног. *алырман* / *алаjақпан*; тат. *алырмын* / *алачакмын*; тур. *алырым* / *алаҙаҕым*; туркм. *аларын* / *мән алҙак*;

[330] См.: *Грунина Э. А.* Об изучении семантической структуры временных форм индикатива. — СТ, 1975, № 4, с. 91.

[331] *Насилов В. М.* К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках. — Тр. МИВ, 1947, № 4, с. 34.

[332] См.: *Юлдашев А. А.* Категория глагольного вида в башкирском языке. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 379; Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 277 сл.; Грамматика хакасского языка, с. 182 сл.; Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология. Черкесск, 1973, с. 219—221.

[333] См.: *Уюкбаев И. К.* Категория глагольного вида в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1954, с. 5 сл.; *Харитонов Л. Н.* О видах глагола в якутском языке. — Уч. зап. ИЯЛИ Якутского филиала АН СССР, 1958, 5, с. 59—67; *Бердыев Д.* Категория глагольного вида в современном туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1960, с. 5 сл.

[334] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 196; *Алиева З. И.* Категория глагольного вида в азербайджанском языке. АКД. М., 1953, с. 15 сл.; *Ганиев Ф. А.* Видовая характеристика глаголов татарского языка. (Проблема глагольного вида в татарском языке). АКД. Казань, 1963, с. 15.

[335] См.: *Харисов А. И.* 1) Категория глагольных видов в башкирском языке. Уфа, 1944, с. 8—12; 2) Способы выражения глагольных видов в башкирском языке. — В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 47; *Алиева З. И.* Категория глагольного вида в азербайджанском языке, с. 10—14.

[336] См.: *Ганиев Ф. А.* Видовая характеристика глаголов татарского языка, с. 15 сл. Ср.: *Poppe N.* Tempus und Aspekt in den altaischen Sprachen. — Studium Generale, Berlin, 1955, 8. Jg., 9, S. 556—561.

[337] См.: *Серебренников Б. А.* Проблема глагольного вида в тюркских языках. — В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 30. Ср.: *Насилов В. М.* К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках, с. 34—36; *Насилов Д. М.* Еще раз о виде в тюркских языках. (К истории вопроса). — В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 111—120.

узб. *эларман / элаґакман* (*эламан*); уйг. *аларман / алимән*. В алтайском и карачаевском языках будущее категорическое выражается формами, характерными только для этих языков, ср.: алт. *аларїм / алатанїм* (< *ала турґанїм*), карач.-балк. *алїрма / аллїкма* (< *алїрлїкман*), в чувашском языке — формой на *-ат* < *-а + т*(*ăран*), ср.: *ілĕп / ілӗдĕп*.[338] В тувинском, хакасском и шорском языках, в отличие от всех других, форма на *-(а)р* имеет значение будущего времени без оттенка предположительности: тув. *алїр мән*, хак. *аларбїн*, шор. *аларїм* 'буду брать, возьму', — а оттенок предположительности передает форма на *-ґадаҕ* ~ *-ґадїк*, ср.: шор. *алґадїҕїм* 'возможно, возьму'.[339] В караимском, киргизском и якутском языках — по одной форме будущего времени, не имеющей четко выраженных модальных оттенков, ср.: кар. *алїрм*(*їн*), кирг. *алармїн*, якут. *їлїаҕїм* ~ *їлїам* 'возьму'.

Таким образом, в большинстве тюркских языков наблюдается противопоставление будущего предположительного и будущего категорического, из которых первое почти повсеместно имеет одну и ту же форму — на *-(а)р*, а второе выражается разными формами.

Формы настоящего времени подразделяются на два ряда, противопоставляемые друг другу по степени определенности, или конкретности, того отрезка времени, в течение которого протекает действие. Первый ряд («настоящее общее», «настоящее переходящее») — форма на *-а*, второй («настоящее конкретное», «настоящее определенного момента») — сочетания, состоящие из формы на *-а* или *-(ї)п* и вспомогательных глаголов *тур-*, *јор-*, *јат-*, *отур-*, которые подверглись значительной грамматикализации и находятся на разных ступенях превращения в обычные словоформы, например: алт. *аладїм / алїп д'адїм* (< *д'адїрїм*) 'беру (вообще)', 'буду брать, возьму' / 'беру (в определенный момент)'; башк. *алам*(*ĕн*) / *ала тӑрам*(*ĕн*), *алĭп тӑрам*(*ĕн*); казах. *аламĭн / ала жатĭрмĭн*, *алĭп жатĭрмĭн*; карач.-балк. *алама / ала турама*; к.-калп. *аламан / алĭп атĭрман*; кирг. *алам / алатам* (< *ала ґатам*); кум. *аламан / ала тураман*; ног. *аламан / ала јатĭрман*; узб. *эламан / эл*(*а*)*јапман*, *элајатіпман*, *элајатірман*; уйг. *алімän / аліватімän* (< *аліп јатімän*); якут. *їлабїн* (в 3-м лице — *їлар*) / *їла турабїн*. В турецком языке на месте первого члена противопоставления оказывается форма на *-(а)р*, в туркменском — форма на *-јар*, ср.: тур. *алїрїм / алїјорум* (< *ала јорурум*), туркм. *алјарїн* (< *ала јорурмän*) / *дӯрун*, *отӣрїн*, *јатӣрїн* (только от четырех глаголов, ср.: туркм. диал. *гӟлдӯрїн* < *гӟлӟ дурурмän*). В других тюркских языках выступает, по существу, одна форма настоящего времени, которая в зависимости от контекста может иметь и общее, и конкретное значение: азерб. *алїрам*, гаг. *алэрїм*, кар. *алам*(*ӟн*) ~ *алам*(*їн*), чуваш. *ілӗдĕп*. В ряде языков факультативно используется также (преимущественно в газетах и журналах) специальная форма, передающая непрерывную длительность действия. Эта форма образуется от разных имен действия при помощи аффикса местного падежа. Примеры: азерб. *алмаґдајам*, казах. *алўвдамĭн*, к.-калп. *алĭвдаман*, кирг. *алувдамїн* (*алӯдамїн*), *алмактамїн*, крым.-тат. *алмактам*, тур. *алмактајїм*, узб. *элмэктаман*, уйг. *алмактімän*, *ґавап бӛріштämän*. Ср.: ног. *алатаґанман*.

На основании приведенных выше примеров можно сделать вывод, что многие тюркские языки четко разграничивают формы настоящего общего и настоящего конкретного или, по крайней мере, находятся на пути к четкому разграничению. Форма настоящего общего в языках уйгуро-карлукской и кыпчакской групп, в крымско-татарском и чувашском языках, а также в языках Сибири и Алтая восходит к древнему имени действия на *-а*, преобразование которого в финитную форму глагола происходило

[338] См.: *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка, II, с. 303; *Егоров В. Г.* Глагол, с. 188.

[339] См.: *Исхаков Ф. Г.*, *Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 387—388; *Карпов В. Г.* Изъявительное наклонение в хакасском языке. АКД. М., 1955, с. 14.

в ходе его закрепления в позиции предиката и в процессе присоединения непосредственно к нему или к глаголу *тур-*, выполнявшему функции предикативного показателя, личных местоимений, ср.: шор. *аладїрбїн* (< *ала турур бӛн*). В основе форм настоящего конкретного лежат аналитические образования, различающиеся по содержанию в зависимости от того, какая форма используется в качестве первого компонента (на *-а* или на *-їп*) и какой вспомогательный глагол ее сопровождает. Сочетания с формой на *-(ї)п* чаще передают длительные, непрерывные или повторяющиеся действия, с формой на *-а* — действия определенного момента или периода времени. Содержание одних и тех же аналитических образований и степень их грамматикализации в разных тюркских языках не всегда совпадают. Нельзя не согласиться с А. А. Юлдашевым, указывающим на зависимость содержания аналитических форм от характера вспомогательных глаголов, на их особое положение в языке и отсутствие строгой соотносимости с временными формами глагола.[340] Тем не менее трудно отрицать факт развития тюркских языков в направлении разграничения настоящего общего и настоящего конкретного и наличие активного процесса образования формы настоящего конкретного времени на базе сочетаний с вспомогательными глаголами *тур-*, *отур-*, *јат-* и *јор-*.[341] И если в одних тюркских языках лишь намечается такая специализация, то в других она становится очевидной. Примером окончательно выделившихся морфологических образований могут служить формы типа турецкого настоящего конкретного на *-јор* и узбекского настоящего данного момента на *-јап*, ср.: тур. *гӟлійорум*, узб. *кӟл(а)јапман*.[342]

Значительно сложнее система форм прошедшего времени. Здесь несколько разноплановых противопоставлений, частично перекрещивающихся, что затрудняет понимание самой системы.

Наиболее выпуклой и заметной является оппозиция претерита и перфекта (иначе: прошедшего категорического и прошедшего результативного; прошедшего достоверного и прошедшего результативного). Форма претерита — на *-дї*, общая для всех тюркских языков, в основе же перфекта лежат разные формы, преимущественно на *-ґан* и на *-мїш*, ср.: азерб. *алдїм* 'я взял', 'я брал' / *алмїшам* 'я есть взявший', 'я есть бравший'; алт. *алдїм / алґанїм* ~ *алґам*; башк., казах., тат. *алдĭм / алґанмĭн*; гаг., тур. *алдїм / алмїшїм*; кар. *алдїм / алґанмїн*; карач.-балк. *алдїм / алґанма*; кирг. *алдїм / алґанмїн* ~ *алґамїн* ~ *алґам*; к.-калп., ног. *алдĭм* ~ *алґанман*; крым.-тат. *алдїм / алґанїм*; кум. *алдїм / алґанман*; тув. *алдїм / алґан мӛн*; узб. *элдім / элганман*; уйг. *алдім / мän алґан*; хак., шор. *алдїм / алґам* (< *алґанїм*); чуваш. *ілдĕм / ӟбĕ ілнĕ*; якут. *їлїм / їлбїппїн* (*їл-бїтпїн*). Противопоставление приведенных выше форм осуществляется и по другим признакам, степень отчетливости и важности которых колеблется от языка к языку и отражается в их наименованиях, ср.: прошедшее определенное / прошедшее неопределенное, прошедшее очевидное / прошедшее неочевидное.

Рядом с формами на *-ґан* и на *-мїш* стоит форма на *-(ї)п* с личными показателями, именуемая прошедшим повествовательным, прошедшим ре-

[340] См.: *Юлдашев А. А.* Об аналитических формах настоящего времени в тюркских языках. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 198—199. Ср.: Ўзбек тили грамматикаси, I, б. 500.

[341] См.: *Кордабаев Т. Р.* Категория времени в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1949, с. 9 сл.; *Ходжиев А.* Настоящее время глагола в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1959, с. 4 сл.; *Абдрахманов М. А.* 1) Формы времени в томско-тюркских диалектах, с. 76 сл.; 2) Формы времени в западносибирских тюркских диалектах. — Уч. зап. Кемеровского ГПИ, 1971, 24, с. 1—6; *Фисакова Г. Г.* Образование настоящего времени данного момента в говоре бачатских телеутов. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции 3—5 июня 1976 г. Томск, с. 76—80.

[342] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 223. *Решетов В. В.* О категории настоящего времени в узбекском языке. — ДАН Узб.ССР, 1948, № 5, с. 32, 35. Правда, В. В. Решетов подчеркивал диалектную ограниченность формы на *-јап* и отрицал ее принадлежность литературному языку (с. 33).

зультативным, прошедшим субъективным (неочевидным), прошедшим «заглазным», прошедшим «неожиданным». Примеры: азерб. *алībсан*, казах. *алĭппĭн*, к.-калп., ног. *алĭппан*, карач.-балк. *алībма*, кирг. *алĭптĭрмĭн* ~ *алĭпĭрмĭн* ~ *алĭпмĭн*, тат. (диал.) *барĭпмĭн*,[343] тув. *аптĭр мэн*, туркм. *алĭпдĭрĭн*, узб. *эліпман*, уйг. *аліптімăн*, хак. *алĭптĭрбĭн*, шор. *алĭптĭрĭм*. Авторы грамматики азербайджанского языка подчеркивают полное семантическое совпадение прошедшего повествовательного на *-(ĭ)n* в парадигме личных глагольных форм с прошедшим на *-mĭш* и указывают на различия между ними лишь в том, что первая из них не имеет 1-го лица единственного и множественного числа.[344] Для И. Д. Велиева, сопоставляющего форму на *-(ĭ)n* с формой на *-mĭш* в письменных памятниках азербайджанского языка, ведущим значением ее является «заглазность», неочевидность действия.[345] Такая же точка зрения у А. Ходжиева и М. К. Милых. Последняя отмечает, что форма на *-(ĭ)n* с личными показателями в ногайском языке обозначает действия, которых на самом деле не было, и действия, в реальности которых говорящий не уверен.[346] Авторами грамматики тувинского языка своеобразие содержания, передаваемого данной формой, усматривается в выражении ею неожиданности действия, в передаче «событий и происшествий, которые часто сменяют друг друга и увлекают слушателя своей новизной («неожиданностью»)».[347] Касаясь содержания формы прошедшего субъективного в киргизском языке, Б. О. Орузбаева подчеркивает, что она выражает «предположение, догадку, сомнение о когда-то совершившемся действии, при котором сам говорящий не участвовал, или выражает неожиданность, осознание действия лишь впоследствии».[348] Упомянутые выше авторы работ по азербайджанскому языку указывают также на стилистическую особенность прошедшего повествовательного — ее преимущественное в отличие от формы на *-mĭш* употребление в разговорной речи. Подводя итог обзору мнений и учитывая такие факты, как отсутствие у формы типа *алĭп(тĭр)мэн* 1-го лица в азербайджанском языке и устойчивое сочетание значений предположительности и неожиданности действия, следует считать наиболее соответствующим ее содержанию наименованием — «прошедшее повествовательное неочевидное». Выражение внезапности, неожиданности — следствие неочевидности, оно сопутствует повествованию о действиях, которые для говорящего в силу той или иной степени их сомнительности или неподтвержденности оказываются новостью.

Особую группу оппозиций форма прошедшего времени на *-dĭ* образует с формами на *-(a)рдĭ*, *-ĭjорду* и *-a ӡdi* (~ *-ajdĭ*). В основе разграничения их — признак количественной меры действия, его внутренняя насыщенность, или предельность (Л. Юхансон), ср.: азерб. *алдĭм* ‘я взял’, ‘я брал (один или несколько раз)’ / *алардĭм* ‘я брал (вообще, обычно)’ — «неопределенный имперфект» // *алĭрдĭм* ‘я брал (тогда, в тот промежуток времени)’ — «определенный имперфект» (форма «определенного имперфекта» отделена от других форм двумя косыми линиями); алт. *алдĭм* // *алĭп д'аттĭм* (ср.: томск. *алчаттĭм*); башк. *алдĭм* // *алajнĭм* (< *ала iнĭм*); гаг. *алдĭм* / *алардĭм* ~ *алĭрдĭм*; казах. *алдĭм* // *ала жатĭр ӡдĭм*; кар. *алдĭм* / *алĭр ӡдім*; карач.-балк. *алдĭм* // *ала ӡдім*; к.-калп. *алдĭм* / *алар ӡдĭм* // *алатўҕĭн ӡдĭм*; кирг. *алдĭм* // *алĭп ҷаткан әләм*; крым.-тат. *алдĭм* / *алĭр ӡдім* // *ала ӡдім*, *алмакта ӡдім*; кум. *алдĭм* // *ала ӡдім*; ног. *алдĭм* // *ала ӡдĭм*, *алатаҕан ӡдĭм*; тат. *алдĭм* // *ала iдĭм*, *ала тӧрҕан iдĭм*; тур. *алдĭм* / *алĭрдĭм* // *алĭjордум*, *алмактajдім*; туркм. *алдĭм* / *алардĭм* // *алjардĭм*; узб. *элдім* / *элардім* // *элajэтган ӡдім*, *элмэкта ӡдім* (ср.: ст.-узб. *ала турур ӡдім*); уйг. *алдім* / *алаттім* (< *алар ӡдім*)[349] // *аліватқан ӡдім*; хак. *алдїм* / *алҷаҥмĭн* ~ *алҷам* // *алчатхам* (< *алĭп чатханĭм*); чуваш. *ілдĕм* // *ілӗттĕм* (< *ілӗ-ттĕм* < **ала ӗртім*);[350] шор. *алдїм* / *алҷаҥім* // *алĭпчĭткам* (< *алĭп чĭтканĭм*); якут. *ĭллĭм* / *ĭларĭм*. Неопределенный имперфект обозначает обычно совершавшееся в прошлом действие. Вместе с тем формы типа *алар* (~ *алĭр*) *ӡді* нередко имеют значение будущего в прошедшем и употребляются в условном периоде, ср.: казах., к.-калп., ног. *алар ӡдĭм*, кирг. *алар әләм*, кум. *алар ӡдім*,[*] чуваш. *ілĕттĕм* (< *ілĕ-ттĕм* < **алар ӗртім*)[351] и т. д. Это же значение передается сочетанием формы будущего категорического с вспомогательным глаголом, выражающим также намерение совершить действие в прошлом. Примеры: азерб. *алаҷаҕдĭм* (< *алаҷаҕ iдім*), башк. *аласак iнĭм*, гаг. *алаҷәjдĭм*, крым.-тат., кум. *алаҷak ӡдім*, ног. *алajak ӡдĭм*, тат. *алаҷak iдĭм*, тур., туркм. *алаҷaktĭм*. Ср.: казах., к.-калп. *алмакшĭ ӡдĭм*. Основная функция определенного имперфекта, в отличие от неопределенного, — создавать фон для действия, обозначенного другой глагольной формой, ср.: тур. *сән ғәлдіjіндә бән уjуjордум* ‘когда ты пришел, я спал’.

В заключение мы выделяем оппозиции, членами которых являются приведенные выше формы прошедшего времени и эти же формы в сочетании с *ӡді*. Различия между теми и другими чаще всего чисто временные: формы с *ӡді* выражают предшествование или служат для локализации действия (состояния) как факта, всецело относящегося к прошлому. Примеры: др.-тюрк. *алдĭм* / *алдї ӡдім*; азерб. *алмĭшам* / *алмĭшдĭм*; гаг. *алдĭм* / *алдїjдĭм*, *алмĭшĭм* / *алмĭштĭм*; башк. *алҕанмĭн* / *алҕajнĭм*; казах. *алҕанмĭн* / *алҕан ӡдĭм*; карач.-балк. *алҕанма* / *алҕан ӡдім*; кирг. *алдĭм* / *алдĭм әлә* ~ *алдї әләм*, *алҕанмĭн* / *алҕан әләм*; к.-калп. *алҕанман* / *алҕан ӡдĭм*; крым.-тат. *алдĭм* / *алдĭм ӡді*; кум. *алҕанман* / *алҕан ӡдім*; ног. *алҕанман* / *алҕан ӡдĭм*; тат. *алҕанмĭн* / *алҕан iдĭм*; тур. *алдĭм* / *алдїjдĭм*, *алмĭшĭм* / *алмĭштĭм*; узб. *элганман* / *элган ӡдім* (ср.: хак. *алҕам* / *алҕан полҕам*); чуваш. *ӗбĕ ілнĕ* / *ӗбĕ ілнĕччĕ*; якут. *ĭлбĭппĭн* / *ĭлбĭт әтім*.

Анализ имеющихся материалов и сопоставление различных фактов позволяют отнести к числу древнейших и бесспорно общетюркских следующие формы: прошедшее категорическое на *-dĭ*, прошедшее результативное на *-ҕан* и *-mĭш*, настоящее (настояще-будущее) на *-a* и будущее предположительное на *-(a)р*. Эти формы в виде глагольных, глагольно-именных или иных образований встречаются во всех тюркских языках,

---

[343] См.: *Шакирова Р. Ф.* Особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 293.

[344] См.: Грамматика азербайджанского языка, с. 125. См. также: *Ахундов А. А.* Категория времени глагола. (На материалах азербайджанского языка). АКД. Баку, 1958, с. 7; *Чарыяров Б.* Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы, с. 64.

[345] См.: *Велиев И. Д.* Формы прошедшего времени в письменных памятниках азербайджанского языка XIV—XIX вв. АКД. Баку, 1969, с. 22.

[346] См.: *Милых М. К.* Глагол ногайского языка. — Тр. Черкесского НИИ, 1954, II, с. 151; *Ҳожиев* А. Тўлиқсиз феъл. Тошкент, 1970, б. 59.

[347] *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 374. Ср.: *Монгуш Д. А.* Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963, с. 120 сл.

[348] *Орузбаева Б. О.* Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955, с. 25. Ср.: *Аллamуратов Ж.* К вопросам форм прошедшего времени глагола изъявительного наклонения в каракалпакском языке. Нукус, 1964, с. 29 сл.

[349] См.: *Садвакасов Г.* О некоторых свойствах сонорного *р* в современном уйгурском языке. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку, 2. Алма-Ата, 1970, с. 74. Аналогичное явление наблюдается в говорах азербайджанского языка: *алатдĭм* (< *алар iдім*, или *ала турур ӡдім*) ‘я брал’, *алĭтдї* (< *алĭпдĭр*)‘он взял’. См.: *Ширәлиjев М. Ш.* Бакы диалекти, с. 109; *Рустәмов Р. Ә.* 1) Азәрбајчан дили диалект вә шивәләриндә фе’л, с. 210—211; 2) Губа диалекти, с. 163—164; *Исламов М.* Азәрбајчан дилинин Нуха диалекти, с. 115. Ср.: *Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А.* Ареальная лингвистика и проблема восстановления некоторых черт исчезнувших языков. — СТ, 1977, № 3, с. 10—11.

[350] См.: *Иванов А. И.* Несколько слов об образовании форм спряжения в чувашском языке. — Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИЭ, 1958, XVI, с. 168. У Н. И. Ашмарина — *ілӗттĕм* < *ілӗ-т(ăран)-тĕм* (см.: *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка, II, с. 307, 316). Ср.: *Benzing J.* Das Tschuwaschische. — PhTF, I, S. 746; *Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А.* Ареальная лингвистика. . , с. 8—9.

[351] См.: *Ашмарин Н. И.* Материалы. . ., II, с. 308. Ср.: *Иванов А. И.* Несколько слов. . ., с. 176.

и хотя степень их вербализации в разных языках далеко не одинакова, передаваемое ими грамматическое содержание варьирует в ограниченных размерах. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что они распределились соответствующим образом еще на уровне существования тюркского праязыка.

Прежде чем реконструировать исходную систему, мы подробно остановимся на каждой из указанных форм, с тем чтобы лучше раскрыть особенности их грамматической природы и своеобразие процесса их грамматического развития.

Прошедшее категорическое на *-дї*

1. Форма прошедшего категорического образуется при помощи аффикса, имеющего несколько фонетических разновидностей: *-дї ~ -ду ~ -тї ~ -ту ~ -ра*.

Данная форма, пожалуй, больше каких-либо других привлекала внимание исследователей, и многие посвященные ей публикации, в особенности относящиеся к недавнему времени, содержат глубокий анализ всех известных точек зрения на ее природу.[352] Поэтому ограничимся самыми общими замечаниями.

Если позволить себе несколько упрощенный подход к характеристике гипотез о происхождении формы прошедшего времени на *-дї*, то можно сказать, что тюркологи, касавшиеся этого вопроса, разделились на две группы: на тех, кто возводит указанную форму к имени действия, субстантивному или адъективному (О. Бётлингк,[353] П. М. Мелиоранский,[354] Ж. Дени,[355] К. Брокельман,[356] В. Банг,[357] А. П. Поцелуевский,[358] Н. К. Дмитриев,[359] Н. А. Баскаков,[360] Б. А. Серебренников[361]), и тех, кто, не связывая ее с именем действия, сближает аффикс *-дї* с разными служебными словами и морфологическими показателями: с вспомогательными глаголами *тур-* (В. В. Радлов)[362] и *і-* (*ідім, ідін, іді*; А. Казем-Бек),[363] с аффиксом деепричастия *-тї* (С. Е. Малов)[364] или с аффиксом принадлежности 3-го лица (А. Н. Кононов).[365] Совершенно особую позицию занял П. И. Кузнецов,[366] признающий лишь путь развития от собственно глагольных форм к именам действия. По мнению А. Г. Биишева, «можно предположить, что тюркский аффикс *-ды* имеет общую природу с эвенкийским *-чā* и [что] оба они восходят к восстанавливаемой О. П. Суником праформе **-тай*».[367]

В настоящее время мало кто сомневается в правоте тюркологов первой группы, и следовательно, в именной природе формы прошедшего времени на *-дї*. Аргументы, которые часто приводят и которые можно дополнительно привести в пользу этой точки зрения, достаточно убедительны. Прежде всего обратим внимание на то, что основой для развития форм изъявительного наклонения в тюркских языках служили имена действия и что такой путь является естественным и закономерным. Далее примечательно, что в старописьменных текстах и в некоторых современных языках допустимо сочетание формы прошедшего времени со связкой: *бэрдї эрді, бэрдіміз эрді, кэлді эрді, јэдўк эрді* и т. д. Наконец, следует указать на случаи употребления формы на *-дї* в качестве атрибута: *кэсішді нэң* ‘нечто разрезанное’ (МК II 224), *сасїдї нэң* ‘дурно пахнувшая вещь’ (МК III 265), *јумшадї нэң* ‘смягчившаяся вещь’ (МК III 306).

Поскольку развитие рассматриваемой формы из имени действия является более чем вероятным, нет необходимости приводить доводы против предположений, высказанных тюркологами второй группы, тем более что они уже подвергались критическому разбору.[368]

Было бы, однако, неправильно думать, что вопрос о происхождении формы прошедшего времени на *-дї* решен и не подлежит обсуждению. Тюркологи, у которых именная природа прошедшего на *-дї* не вызывала сомнений, не были единодушны в определении конкретной формы. Одни из них (О. Бётлингк, Ж. Дени, А. П. Поцелуевский) полагали, что прототипом было причастие на *-дїк ~ -тїк*, другим (В. Банг, Н. К. Дмитриев, Б. А. Серебренников) казалось более предпочтительным имя действия на *-ат* или *-ім*, третьим (П. М. Мелиоранский) — имя действия на *-дї ~ -тї*, согласно же предположению Н .А. Баскакова, форма прошедшего времени на *-дї* образовалась из причастия на *-дї*, к числу разновидностей которого он относит имя действия на *-їм* (*-дїк ~ -тїк* > *-дї ~ -тї* > *-їм*). П. И. Кузнецов усматривает значительные расхождения даже во взглядах О. Бётлингка и Ж. Дени. Оригинальность взглядов Ж. Дени заключается, по его мнению, в возведении прошедшего на *-дї* не к причастию, а к собственно глагольной форме на *-дїк*.[369] Защищая точку зрения Ж. Дени и вместе с тем высказывая сомнения в обоснованности гипотезы О. Бётлингка, П. И. Кузнецов справедливо требует от тюркологов, поддерживающих ее, ответа на вопрос, почему конечный согласный выпал в форме на *-дїк* и сохранился в других формах.

Из сказанного следует, что предметом дальнейшей дискуссии о происхождении формы прошедшего времени на *-дї* должен быть внешний облик ее прототипа. Об этом и пойдет речь ниже. В связи с позицией, занятой П. И. Кузнецовым, и с целью устранения некоторых неясностей, связанных с его толкованием взглядов Ж. Дени, мы изложим свои соображения о грамматическом содержании прототипа формы прошедшего времени, а также об отношении собственно глагольных форм к именам действия.

Выступивший с критикой гипотезы О. Бётлингка П. М. Мелиоранский писал, что ни в одном тюркском диалекте и ни в одном письменном памятнике нет следов процесса стяжения типа *кїлдїкїм* > *кїлдїм* > *кїлдїм* и признаков образования в результате этого долготы гласного.[370] На са-

---

[352] См.: *Баскаков Н. А.* Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках. — Тр. МИВ, 1951, № 6, с. 206 сл.; *Кононов А. Н.* Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. — В кн.: Тюркологический сборник, I. М.—Л., 1951, с. 112—115; *Кузнецов П. И.* Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках. — В кн.: Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960, с. 40 сл.

[353] См.: *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten, S. 210.

[354] См.: *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке, с. LXXI.

[355] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 1110.

[356] См.: *Brockelmann C.* Altosmanische Studien, I. — ZDMG, 1919, 73, S. 14.

[357] См.: *Bang W.* Das negative Verbum der Türksprachen, S. 129. Ср.: *Menges K. H.* Some Remarks on Oyrot Morphology. — BSOAS, 1958, XXI, 3, p. 505.

[358] См.: *Поцелуевский А. П.* Проблемы стадиально-сравнительной грамматики тюркских языков. — Изв. Туркменского филиала АН СССР, 1946, № 3—4, с. 7.

[359] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 141.

[360] См.: *Баскаков Н. А.* Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках, с. 205—217.

[361] См.: *Серебренников Б. А.* Система времен татарского глагола. Казань, 1963, с. 16. Вначале Б. А. Серебренников считал, что прошедшее на *-дї* появилось «в результате контаминации каких-то двух форм» (*Серебренников Б. А.* Заключительное слово на конференции. — В кн.: Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад, 1961, с. 211).

[362] См.: *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 92.

[363] См.: *Казем-Бек А.* Общая грамматика турецко-татарского языка. 2-е изд. Казань, 1846, с. 182.

[364] См.: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 72.

[365] См.: *Кононов А. Н.* Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках, с. 115 сл.

[366] См.: *Кузнецов П. И.* Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках, с. 52.

[367] *Биишев А. Г.* О происхождении формы прошедшего времени на *-ды* в тюркских языках. — В кн.: Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971, с. 385.

[368] См.: *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке, с. LXIX; *Серебренников Б. А.* Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и в тюркологии. — В кн.: Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад, 1961, с. 52.

[369] См.: *Кузнецов П. И.* Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках, с. 44.

[370] См.: *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке, с. LXX.

мом деле в тюркских языках наблюдается частичная или полная утрата *k* в причастии на *-dïk*, например в языках огузской группы, однако она обусловлена действием позиционно-комбинаторных факторов (интервокальное положение). Необходимо согласиться с П. М. Мелиоранским, что отсутствие закономерного и регулярного выпадения конечного *k* в тюркских языках делает гипотезу О. Бётлингка легко уязвимой для критики. Правда, П. М. Мелиоранскому можно было бы и возразить, сославшись на то, что образование и развитие грамматических форм происходит часто не в виде закономерных фонетических изменений, а путем стихийного упрощения. Но тогда будет трудно объяснить, почему в одних случаях *k* выпал, а в других остался. Что касается следов стяжения в пределах аффикса *-dï*, то отрицающий их наличие П. М. Мелиоранский, может быть, и не прав. В памятниках манихейской письменности в написании формы прошедшего времени отразилась долгота гласного,[371] являвшаяся, по-видимому, вознаградительной. Это обстоятельство позволяет высказать предположение, что архетип формы на *-dï* оканчивался на согласный.

Какой же согласный выступал в конце аффикса *-dï* и затем исчез, если *k* в конечной позиции, как справедливо подчеркивал П. М. Мелиоранский, оказался довольно устойчивым и в основном сохранился? С точки зрения сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, таким согласным, вероятнее всего, был сонант *γ*. Он — единственный из сонантов, с которым в определенных фонетических условиях мог совпадать шумный согласный *k* и который регулярно утрачивался уже в относительно ранний период.

Итак, мы вправе считать, что в тюркских языках наряду с именем действия на *-dïk* ~ *-dyk* существовало имя действия на *-dïγ* ~ *-dyγ*. Это и будет ответ на вопрос П. И. Кузнецова, почему конечный согласный отпал в форме на *-dïk* и сохранился в других временных формах: конечный согласный отпадал не в форме на *-dïk*, а в форме на *-dïγ*. Достаточно сказать, что ни в одном огузском языке конечный *k* в причастии на *-dïk* не испытал существенных изменений, ср.: азерб. *jazdïɣlarï mäktublar* 'написанные ими письма'; гаг. *jïkanmadïk ämiš* 'немытые фрукты'; тур. *jaktïktan sonra* 'после того, как зажег', *oturduɣunuz jär* 'место, на котором вы сидите'; туркм. *ɣam görmändik jigit* 'не видевший печали юноша'. То же самое имеет место и в других тюркских языках, обнаруживающих следы существования причастия на *-dïk*. Примеры: башк. *taшландǐк* 'покинутый, брошенный', *табǐлдǐк* 'найденный'; тув. *чартïк* 'половина', *кәстік* 'нож'; узб. *колдик* 'остаток'.

Пока не ясно, как соотносились между собой имена действия с шумным согласным в исходе и с конечным сонантом и различались ли они семантически. Вероятно, характер соотношения был приблизительно таким же, как у имен действия на *-ïk* ~ *-yk* и *-ïγ* ~ *-yγ*, у относительных прилагательных на *-лïк* ~ *-лук* и *-лïγ* ~ *-луγ* и т. д. Для полного выяснения различий потребуется специальное исследование, ориентированное главным образом на какой-либо древний срез, так как в современных языках те и другие формы противопоставляются лишь по признаку принадлежности к разным грамматическим разрядам, ср.: тур. *jazdïk* 'написанный' и *jazdï* 'он писал', *zavallïlïk* 'убожество' и *zavallï* 'бедный, убогий'.

Нельзя исключать возможность реконструкции формы прошедшего категорического и без сонанта в исходе, т. е. с конечным гласным.

В связи с вопросом о происхождении формы прошедшего времени на *-dï* нередко затрагивается вопрос о ее спряжении. В отличие от других временных форм, употребляемых с лично-предикативными показателями, форма на *-dï* присоединяет к себе аффиксы, совпадающие с показателями принадлежности имени, ср.: кум. *алдïм*, *алдïң* и *аламан*, *аласан*; якут. *бардïм*, *бардïң* и *барбïппïн*, *барбïккïн*.

[371] См.: *Le Coq A.* Türkische Manichaica aus Chotscho, I. — APAW, phil.-hist. Klasse, Berlin, 1911.

Необычное спряжение формы на *-dï* принято объяснять ее именным происхождением. Б. А. Серебренников, опираясь на высказывание П. Равила, несколько углубил это объяснение и придал ему оригинальную направленность. Наличие у формы на *-dï* особых личных окончаний, возводимых к притяжательным аффиксам, он связывает с первоначальным употреблением формы прошедшего времени почти исключительно в перфектном значении, подчеркивая, что наиболее удобной формой для выражения перфектного значения было отглагольное имя (resp. имя действия) на *-(ï)m*, *-mï*, *-dï*.[372] Однако не только видовое значение перфекта, но и любая модальность, явившаяся основой для развития значения будущего времени, выражалась в тюркских языках отглагольными именами (resp. именами действия). Поэтому причина различий в спряжении формы прошедшего времени на *-dï* и других временных форм должна быть иной. Вначале, по всей видимости, был один тип спряжения, развитие которого, как указывалось в вводном разделе, происходило по линии размежевания средств передачи предикативности и принадлежности. Форма на *-dï* раньше других была вовлечена в процесс вербализации, и присоединявшиеся к ней лично-предикативные аффиксы в наибольшей мере подверглись упрощению.

2, 1. Значение формы на *-dï* в современных тюркских языках — прошедшее достоверное, или очевидное, законченное, лишенное модальных и видовых оттенков. Форма на *-dï* выражает единичное и многократное действие, мгновенное и длительное, непосредственно предшествующее моменту речи и отделенное от него большим отрезком времени. О законченности действия, выражаемого формой на *-dï*, принято говорить в том смысле, что оно является внутренне исчерпанным и не служит фоном для другого действия (ср.: формы на *-ïjordu*, *-ardï* в турецком языке и на *-ardï* в узбекском). Понятно, что законченность и перфективность — не одно и то же, и для сопоставления формы на *-dï* с формой совершенного вида в русском языке, как убедительно показывает А. Н. Тихонов,[373] нет достаточных оснований. Рассматриваемая форма по характеру передаваемых ею значений нередко может быть отнесена к совершенному виду, но это объясняется тем, что многим глаголам присуще выражение предельности действия на лексическом уровне.[374]

Форма прошедшего категорического иногда употребляется в значении настоящего и будущего времени, что связано с определенными стилистическими надобностями и не вытекает из природы самой формы.[375] Подобное использование ее представляет собой частный случай широко распространенного в разных языках явления транспозиции, или переноса, форм.[376] Помещение временных форм в необычный контекст с нетипичными для них функциями («вторичные функции») делает возможным выражение дополнительных оттенков, усиливает выразительность, образность повествования.

Иного характера употребление формы на *-dï* в значении будущего времени с отрицательным словом *jok* ~ *jyk*, ср.: тат. (диал.) *mïn ul kädär jïrakka bardǐm jyk* 'я в такую даль не пойду'.[377]

[372] См.: *Серебренников Б. А.* Тюркологические этюды, I. К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках. — В кн.: Вопросы тюркологии. Баку, 1971, с. 109—111.

[373] См.: *Тихонов А. Н.* К вопросу о видовых значениях прошедшего категорического в тюркских языках. — Уч. зап. [Чувашского] НИИ, 1966, XXXII, с. 111—112.

[374] Там же, с. 111.

[375] См.: *Коркина Е. И.* Формы прошедшего времени в якутском языке. АКД. М., 1960, с. 6; *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 369; *Абдулладжанова Д. А.* Переносное употребление временных форм глагола в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1973, с. 16—18.

[376] См.: *Бондарко А. В.* К вопросу о «транспозиции». — Уч. зап. Ленинградского ГПИ им. А. И. Герцена, 1963, 248, с. 51—60; *Křížkova H.* Первичные и вторичные функции и т. наз. транспозиция форм. — TLP, 1966, 2, с. 171—182. Ср.: *Рустамов Р. А.* Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка. АДД. Баку, 1964, с. 70—71.

[377] См.: *Бурганова Н. Б.* О временных формах глаголов изъявительного наклонения в заказанских говорах, с. 20.

2,2. Для истории формы на *-дї* особенно важны отмеченные выше случаи ее атрибутивного использования и сочетания со связкой, свидетельствующие об именном происхождении данной формы и лишающие оснований гипотезу о ее изначальной глагольности.

Предмет особого внимания — эволюция семантической стороны формы прошедшего категорического. Можно допустить, что значение претерита не было исконным для нее, хотя ничто не мешает считать его очень ранним. По мнению Б. А. Серебренникова, древнейшее значение формы на *-дї* — перфектное, которое постепенно утратилось. Б. А. Серебренников полагает что в тюркских языках, как и во многих других, перфект периодически появлялся и исчезал, одни формы уступали место другим, общетюркскую форму перфекта заменили формы, употреблявшиеся в отдельных группах или регионах.[378]

При реконструкции первоначального значения формы прошедшего категорического необходимо считаться и с фактом отсутствия у формы на *-дї* в древних и современных тюркских языках каких-либо черт перфекта, и с тем, что наиболее вероятный путь эволюции грамматического содержания глагольных форм — от вида к времени, но не наоборот.

Настоящее общее на *-а*

1,1. Форма настоящего общего выделяется устойчивым единообразием, если не считать того, что сопоставляемая с ней аналогичная форма деепричастия в старописьменных текстах оказывается в одном ряду с деепричастиями на *-і* и *-у*. Не совсем ясно, было ли многообразие огласовки связано с выражением каких-либо грамматических оттенков или являлось следствием действия гармонии гласных и носило характер диалектных различий. Вероятнее всего последнее, так как подобная картина наблюдается у нескольких форм (ср.: *барар — барїр — барур*, *барап — барїп — баруп*, *бардам — бардїм — бардум*), неодинаковое диалектное распределение которых отмечалось и в новейших, и в древних филологических трудах. Так, автор كتاب الادراك подчеркивал, что «туркмены» произносят аффикс прошедшего категорического с кесрой, в то время как «другие тюрки» произносят его неодинаково — с кесрой, когда предшествует кесра или фатха, и с даммой, если в предыдущем слоге стоит дамма.[379] Приблизительно то же самое сообщает Мехди-хан, делающий, однако, оговорку, что у «румелийских тюрок» правила литературного языка не соблюдаются, ср.: *білдўм*, *алдум*.[380] Махмуд Кашгари, который принимает во внимание огласовку *д* только для тех случаев, когда «приметой» основы является фатха, устанавливает следующее разграничение: у «тюрок» — *бардїм*, у огузов и др. — *бардам*, у аргу — *бардум*.[381]

1,2. Совмещение в якутском языке в одной парадигме формы на *-а* и формы на *-(а)р* навело О. Бётлингка на мысль о возможности их развития из одного прототипа[382] и сыграло определенную роль в рассмотрении первой из них как преобразованной разновидности второй в общетюркском масштабе.[383] Сразу же следует заметить, что в пользу сближения формы на *-а* с формой на *-(а)р* свидетельствует факт утраты последней конечного *р*, имевший место главным образом в говорах некоторых тюркских языков, ср.: башк.(диал.) *барҙым* (< *барҙырҙым*) ‘пойду’, *кўрҙым* (< *кўрҙырҙым*) ‘увижу’;[384] кар. (крым. диал.) *алым* (< *алырым*) ‘возьму’, *кэлім* (< *кэлірім*) ‘приду’;[385] карач.-балк. *барїма* (< *барырма*) ‘пойду’;[386] кум. (диал.) *алїман* (< *алырман*) ‘возьму’, *гёрўмэн* (< *гёрўрмэн*) ‘увижу’;[387] тат. (диал.) *барїм* (< *барҙырмҙын*) ‘пойду’;[388] узб. (диал.) *бэрамән* (< *бэрармән*) ‘пойду’, *кэлдсән* (< *кэлярсән*) ‘придешь’.[389] И все же с предположением о развитии формы на *-а* из формы на *-(а)р* трудно согласиться, так как налицо заметные расхождения в их грамматическом содержании и в их исторических судьбах. Выпадение конечного *р* наблюдается во многих формах (дательный падеж, множественное число и т. д.) и в тех или иных размерах прослеживается почти во всех тюркских языках, но оно всегда достаточно прозрачно, так как происходит не бесследно: в сокращенных формах часто выступают узкие гласные и появляется вознаградительная долгота. С другой стороны, совмещение в одной парадигме разных по происхождению форм «не противопоказано» тюркским языкам, и едва ли якутский язык в этом отношении занимает особое место.

Нельзя также согласиться с выведением формы на *-а* из формы будущего времени на *-ɣај* (*-ɣај* > *-ɣа* > *-а*),[390] которое встречает большие препятствия не только с семантической, но и с фонетической стороны. Форма на *-а* и форма на *-ɣај* известны по ранним текстам, где их значения в определенных точках перекрещиваются (ср. значение оптатива), но полностью они не совпадают. Так, например, форма на *-ɣај* никогда не использовалась в значении настоящего времени. Ее отличительная особенность также в том, что она лишена деепричастных функций.

В последнее время не раз высказывалось мнение, что непременным условием вхождения формы на *-а* в состав финитных глагольных форм было ее употребление с предикативной связкой *турур*.[391] Хотя в распоряжении тюркологов имеются факты, подтверждающие относительную давность традиции сочетания формы на *-а* со связкой *турур* во всех трех лицах, нет убедительных доказательств того, что именно таким был путь развития формы настоящего общего. Сочетания со связкой *турур* и с подобными образованиями от других вспомогательных глаголов легли в основу форм настоящего конкретного, прослеживаемых почти во всех тюркских языках, ср.: кирг. *баратам* (< *бара ҙатам*), кум. *бара тураман*, ног. *бара јатырман*, тур. *гёдіјорум*, узб. *бэрајапман*[392] ‘иду (в данный момент)’. В алтайском, туркменском, хакасском, чувашском и шорском языках эти формы приобрели значение настоящего общего, тогда как в значении настоящего конкретного в большинстве из них стали употребляться другие аналитические образования, ср.: алт. *барадїм* (настоящее общее) и *барїп д'адїм* (настоящее конкретное), туркм. *јадјарїн* и *јадїп јатырїн*, хак. *парадїрбїн* и *парчам* ~ *парїпчам*, шор. *парадїрїм* и *парчам* (*парїп чатам*). Таким образом, формы типа *бара турур ман*, *бара јатїр ман* являются вторичными по отношению к формам типа *бараман* и этимологически не однозначными с ними.

2,1. В современных тюркских языках, кроме огузских и некоторых других, форма на *-а* входит в парадигму изъявительного наклонения и

---

[378] См.: *Serebrennikow B. A.* Zur Geschichte der Bildung des Perfekts in den türkischen Sprachen, S. 163 f.; *Серебренников Б. А.* Тюркологические этюды, I, с. 111.
[379] См.: *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке, с. XXX, прим. 1.
[380] См.: Mabâni’ l-Lughat, p. 64.
[381] См.: T. D. K. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay. Ankara, 1941, (III), s. 139—140.
[382] См.: *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten, S. 204. См. также: *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 217.
[383] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 209.
[384] См.: *Баева Н. Х.* Говор башкир долины реки Ай, с. 36.
[385] См.: *Прик О. Я.* Очерк грамматики караимского языка. (Крымский диалект). Махачкала, 1976, с. 46.
[386] См.: *Урусбиев И. Х.* Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963, с. 187.
[387] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка, с. 96.
[388] См.: *Махмутова Л. Т.* Бастанский говор татарского языка. — МТД, 3, с. 41.
[389] См.: *Гафурова Н. С.* Ниязбашинский говор узбекского языка, с. 17.
[390] См.: *Mansuroğlu M.* Türkçede *-gay/-gey* eki ve türemeleri, s. 183.
[391] См.: *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, с. 66 сл.
[392] А. Ходжиев считает, что в основе настоящего конкретного в узбекском языке лежит сочетание с вспомогательным глаголом формы на *-(і)n*, а не формы на *-а*: *бэрајапті* < *бэрајэтіпті* < *бэрін јэтіпті* (см.: *Ҳожиев А.* Аниқ ҳозирги замон феъл формасининг келиб чиқиши ҳақида. — В кн.: Ўзбек диалектологиясидан материаллар, II. Тошкент, 1961, б. 444—448).

выступает в значении настояще-будущего времени. Примеры: башк., кар., кирг., тат. *барам*, казах. *барамӣн*, карач.-балк. *барама*, кум., ног. *бараман*, узб. *бэраман*, уйг. *барiман*, якут. *барабiн* 'иду', 'пойду'; башк. *бараһыҥ*, казах., ног., тат. *барасӣң*, кар. *барас*, карач.-балк. *бараса*, кирг. *барасӣң*, кум. *барасан*, узб. *бэрасан*, уйг. *барiсän*, якут. *барабiн* 'идешь', 'пойдешь'; башк., кум., тат. *бара*, казах., к.-калп., ног. *барадӣ*, кар., карач.-балк. *барадӣ*, кирг. *барат*, узб. *бэраді*, уйг. *барiду* 'идет', 'пойдет'. При этом в башкирском, казахском, татарском, узбекском и уйгурском языках наметилась тенденция к употреблению формы на *-а* в значении будущего категорического.

Языки огузской группы в значении настоящего, или настояще-будущего, времени использовали другие формы. Тем не менее, опираясь на данные письменных источников, можно сделать вывод о функционировании формы на *-а* в значении настояще-будущего времени и в староогузских языках. Именно к такому выводу в результате исследования памятников турецкого языка XIII—XVI вв. приходит Э. А. Грунина, подчеркивая, что форма на *-а* в старотурецком языке была прежде всего временной и что ее модальные значения были обусловлены соответствующим контекстом.[393] Следовательно, в огузских языках наблюдалось нечто противоположное тому процессу, который происходил в узбекском языке: форма на *-(а)р* вытеснила форму на *-а* и заняла ее место в парадигме изъявительного наклонения.

Результаты сравнительного обзора материалов современных и древних тюркских языков позволяют придать общий характер выводу, сделанному Г. Ф. Благовой в отношении узбекского языка о том, что сфера употребления формы на *-а* к настоящему времени несколько сузилась.[394]

2,2. Переходя к вопросу о грамматической природе формы на *-а*, напомним, что она известна не только как основа личной глагольной формы настоящего, или настояще-будущего, времени, но и как деепричастие, как компонент редупликативных сочетаний типа *бара-бара*, *кӛтӓ-кӛлӓ* и, кроме того, выполняет функции приглагольного дополнения.

Для раскрытия грамматической природы формы на *-а* существенно то, что она часто оказывается компонентом перифрастических глагольных образований. Здесь мы имеем дело с застывшей формой, которая сама по себе, без вспомогательного глагола не может быть интерпретирована ни как verbum finitum, ни как деепричастие. Финитная форма выделяется наличием лично-предикативных аффиксов. В приведенных примерах их присутствие исключено. Что касается деепричастия, то это — форма, передающая второстепенное, зависимое действие, которое дополняет основное или сопутствует ему. Форма же на *-а* в перифрастических глагольных образованиях является выразителем не зависимого, а самостоятельного действия, и вспомогательный глагол сообщает ей «только дополнительный оттенок количественного свойства».[395] Приблизительно так же обстоит дело с формой на *-а* при образовании «определенного имперфекта», ср.: кум. *бара ӟдiм* (> *барадӣм*), тат. *бара iдiм* 'я шел'; кум. *бара ӟдiң* (> *барадӣң*), тат. *бара iдiң* 'ты шел'; кум. *бара ӟді* (> *барадӣ*), тат. *бара iдi* 'он шел'.

Форма на *-а*, кроме того, входит в состав вторичных субстантивных имен действия, вторичных причастий и деепричастий: азерб. *јазыласы* 'то, что должно быть написано', *јазаҹаг* 'тот, который будет обязательно писать', *дурараг* 'встав'; алт. *iчӛтӛн* 'пьющий', *баратан* 'идущий'; казах. *кӛлӛтiн* 'приходящий'; кирг. *ајта турган* 'говорящий'; к.-калп. *жаза-*

[393] См.: *Грунина Э. А.* Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв. — В кн.: Вопросы тюркской филологии. М., 1966, с. 84, 89.

[394] См.: *Благова Г. Ф.* Соотносительные глагольные формы в узбекском литературном языке. — ВЯ, 1958, № 4, с. 94.

[395] *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка, с. 142.

тӯгӯн 'пищущий'; тат. (диал.) *алатӣгӯн* ~ *алатаган* ~ *алатан* 'берущий';[396] туркм. *дӛндӛн гiдлäп отурадi дат јок* 'нечего скрывать от тебя';[397] туркм. (диал.) *барадiран* 'идущий';[398] шор. *пара турган*, *пара чӧргӛн* 'идущий'; узб. *бэрајэткан* 'идущий', *бэрадіган* 'тот, который должен будет идти'.

Необходимо отметить, далее, наличие большого количества послелогов и наречий, образовавшихся в результате обособления и функциональной трансформации формы на *-а*,[399] ср.: др.-тюрк. *аша* 'через', *äjläнä* 'вокруг', *баса* 'затем'; туркм. *гӧрӓ* 'в соответствии, из-за, по причине', *бакӓ* 'в отношении, по направлению'; узб. *јараша* 'в соответствии', *јана* 'еще', *кајта*, *кајтадан* 'снова', *кіја* 'искоса, краешком глаза'; чуваш. *пула* 'из-за', 'благодаря', *каз'а* 'в течение', *с'iдӗ* 'до'; шор. *ала* 'с тех пор, как', *ажӧра* 'через, сверх', *шӱгара* 'в течение', *кірӗ* 'в'. Ясно, что приведенные примеры могли появиться лишь при условии употребления формы на *-а* в собственно деепричастной функции. А поскольку многие из них прослеживаются в древнейших письменных источниках, можно не сомневаться в том, что деепричастные функции формы на *-а* очень древние.

Форма на *-а* восходит к древнему имени действия, которое, с одной стороны, послужило основой для личной глагольной формы настоящего времени, с другой — само по себе или в форме орудного падежа приобрело функции деепричастия. Как известно, следы деепричастного использования формы на *-а* с аффиксом орудного падежа сохранились в якутском языке, в котором наряду с *н*-овой представлена и исходная форма, ср.: *көрөн* 'видя', *олорон* 'сидя', *баран* 'идя', *бүтэрэн* 'заканчивая', *баjан* 'богатея', *білэн* 'зная'. Объяснить появление подобных форм влиянием монгольских языков, сыгравших важную роль в истории якутского языка, едва ли возможно, так как *н* присутствует также в составе некоторых наречий и послелогов в других тюркских языках. Примечательно и то, что в форме орудного падежа выступают разные деепричастия, ср.: ст.-узб. *бармај*, *бармајін* 'не отправляясь'; чуваш. *пӳрагӑн* 'идя', 'двигаясь'. С учетом изложенных соображений можно допустить, что вначале существовало внешнее различие между использованием имени действия на *-а* в качестве основы личной глагольной формы и в качестве деепричастия, затем присоединение *-н* стало факультативным, и в конечном итоге это различие полностью утратилось.

Будущее предположительное на *-а(р)*

1,1. Известно несколько разновидностей аффикса будущего предположительного, отличающихся друг от друга характером огласовки, — *-р (-јур)*, *-ар*, *-ïр (-ӣр)*, *-ор*, *-ур (-ӧр)*.

Первая разновидность типична для тех случаев, когда основа оканчивается на гласный, ср.: ст.-огуз. *сӧзлäjӱр* 'будет говорить' (AQJB 32); башк. *башлар* (*башла-р*) 'начнет'; казах., кар., карач.-балк., ног., узб., уйг. *карар* (*кара-р*) 'будет смотреть'.

Вторая разновидность является либо преобладающей, либо единственно возможной при наличии в исходе глагольной основы согласного, ср.: казах. *табар* 'найдет', *тұрар* 'будет стоять', *кајнатар* 'будет кипятить'; ног. *барар* 'пойдет', *толтӣрар* 'наполнит'; туркм. *акар* 'потечет', *дурар* 'постоит'; уйг. *кӛлäр* 'придет', *өлäр* 'умрет', *ајлінар* 'превратится'; хак. *парар* 'пойдет', *полар* 'будет', *пӣлӛр* 'узнает'. В говорах башкирского

[396] См.: *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар. . ., с. 23—25.

[397] См.: *Боржаков А.* Имя действия на *-асы*, *-еси* в туркменском языке, с. 74 сл. См. также выше, с. 56 сл.; *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя), с. 171.

[398] См.: *Машаков Х. А.* Човдурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1949, с. 14.

[399] См.: *Гулямов А.* К вопросу об адвербиализации в узбекском языке. — Уч. зап. Ташкентского ГПИ, 1954, II, с. 14—15.

языка отмечается присоединение разновидности *-ар* к корневым глаголам, а разновидности *-ӣр* к корневым и производным.[400] В турецком языке разновидность *-ар* характерна преимущественно для односложных основ.

Третья разновидность представлена не во всех тюркских языках, и четко определить условия, в которых она появляется, невозможно.[401] В башкирском языке ее присоединяют к себе односложные и многосложные основы со всеми гласными, кроме *ӧ(ӧ)*, например: *äjtӣр* 'скажет', *табӣр* 'найдет', *бирӣр* 'даст', *килӣр* 'придет', *күрӣр* 'увидит'; в тувинском — все основы с широким и некоторые основы с узким нелабиализованными гласными, ср.: *алӣр* 'возьмет', *кәлӣр* 'придет', *білӣр* 'узнает'; в татарском — глагольные основы с любым гласным, ср.: *барӣр* 'пойдет', *булӣр* 'будет', *көтӣлӣр* 'освободится, спасется'. В гагаузском и караимском языках данная разновидность выступает, по существу, как факультативный вариант разновидности с широким гласным, ср.: гаг. *алар* и *алӣр* 'возьмет'; кар. *барар* и *барӣр* 'пойдет'. Вместе с тем в караимском языке, как и в турецком, наблюдается определенная зависимость выбора разновидности с широким или узким нелабиализованным гласным от количества слогов в основе.

Разновидность с широким лабиализованным гласным, встречающаяся в алтайском языке, полностью укладывается в рамки соответствующего типа лабиальной гармонии гласных, ср.: *барар* 'пойдет', *көрөр* 'увидит', *конор* 'заночует', *болор* 'будет'.

Последняя разновидность распределена приблизительно так же, как предыдущая, т. е. по правилам лабиальной гармонии гласных применительно к особенностям ее проявления в том или ином языке, например: башк. *төтөр* 'схватит', *көлдөрөр* 'рассмешит', *кунӣр* 'заночует'; карач.-балк. *турур* 'постоит', *көрүр* 'увидит'. В гагаузском, караимском и кумыкском языках эта разновидность нередко варьирует со второй (*-ар*), ср.: гаг. *гётүрүр* и *гётүрär* 'увезет', 'унесет'; кар. *толур* и *толар* 'наполнится'; кум. *болур* и *болар* 'будет'.

1,2. Н. К. Дмитриев, опираясь на материалы азербайджанского, кумыкского и туркменского языков, утверждал, что аффиксы *-ӣр*, *-ур*, являвшиеся, по его мнению, фонетическими вариантами, и аффикс *-ар* первоначально имели разные значения: первые выражали настоящее время, последний — будущее,[402] ср.: азерб. *gәdir* 'идет', *jazӣr* 'пишет', *gәdär* 'пойдет', *jazar* 'будет писать'. Аналогичная мысль в менее категорической форме была высказана значительно раньше П. М. Мелиоранским. «В виде предположения, — писал он, — можно высказать мысль, что формы на ـيور служили иногда и будущим временем, а формы на ـير только настоящим».[403] Авторы грамматики алтайского языка, касаясь вопроса о вариантах аффикса будущего времени в современных тюркских языках, решительно подчеркнули отсутствие каких-либо семантических различий между ними.[404]

Принципиальное различие между позициями, занятыми в отношении форм с широким и узким гласными Н. К. Дмитриевым и П. М. Мелиоранским, заключается в том, что П. М. Мелиоранский указывает на определенные семантические расхождения двух разновидностей, тогда как

[400] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Морфологические особенности казмашевского говора, с. 130—131.

[401] Ср. у Н. К. Дмитриева: «Некоторые авторы считают, что *-ӣр ~ -ир* особенно часто встречается после глагольных корней на *р* и *л*» (*Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка, с. 101). Подробно о распределении разновидностей с широким и узким гласными см.: *Грунина Э. А.* О форме настоящего-будущего на -(°) *r* в тюркских языках. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 94—98. Существующие объяснения различий в огласовке аффикса будущего предположительного кратко излагает Г. Дёрфер (см.: *Doerfer G.* Proto-Turkic: Reconstruction Problems. — TDAY. Belleten (1975—1976), 1976, s. 47—48).

[402] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка, с. 100.

[403] *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке, с. LXV.

[404] См.: Грамматика алтайского языка, с. 68.

Н. К. Дмитриев акцентирует внимание на имевшем место историческом процессе совпадения двух разных форм. Авторы грамматики алтайского языка, в отличие от Н. К. Дмитриева и П. М. Мелиоранского, ограничиваются констатацией фактического положения с вариантами аффикса будущего времени в тюркских языках.

Анализ старописьменных текстов и материалов современных тюркских языков не дает фактов, подтверждающих точку зрения Н. К. Дмитриева. Напротив, обнаруживаются убедительные свидетельства того, что семантическое расхождение разновидностей с широким и узким гласными в азербайджанском языке не имеет общетюркских корней и находит объяснение в особой природе разновидности с узким гласным. Эта разновидность стоит в одном ряду с формами настоящего конкретного в турецком, гагаузском и халаджском языках, ср.: тур. *алӣjорум* (< *алӣ ~ ала + jорурум*) 'беру (в данный момент)', *gәlijорум* 'прихожу (в данный момент)';[405] тур. (диал.) *gәlijом ~ gәlijм ~ gәlijрім ~ gәlōрум*;[406] азерб. (диал). *алӣjом ~ алӣjам ~ алӣjäм, gälijöм ~ gälijäм*;[407] гаг. *алэрӣм* (< *алӣ + jэрӣм* < *алӣ ~ ала + jорурум*);[408] гаг. (диал.) *алӣjом ~ алӣjм, gәlijом ~ gәlijм ~ gәlijрім*;[409] халадж. *käл(i)jорум*.[410] Ср. также в армяно-кыпчакских документах: *сатӣр* (< *сатаjӣр* < *сата jорӣр*) 'продает', *алӣр сіз* (< *алаjӣр сіз* < *ала jорӣр сіз*) 'берете'.[411] Образование формы настоящего конкретного относится к довольно раннему периоду, см. в Кисса-и Юсуф: *кандан гәлдің канчару гәдäjорсун* 'откуда пришел, куда идешь?'.[412]

По мнению Э. А. Груниной, «азербайджанское настоящее [на] *-ір ~ -ӣр, -ур ~ -ур* лишь функционально связано с настоящим типа тур. *-ijор*».[413] Допускается, что в азербайджанском языке произошла дифференциация форм: форма с широким гласным приобрела значение будущего предположительного, а форма с узким гласным сохранила первоначальное значение. Свою позицию Э. А. Грунина подкрепляет ссылкой на примеры семантического разграничения показателей с широким и узким гласными в других тюркских языках, ср.: казах. *жӱр* 'идет' и *жӱрär* 'пойдет'; тув. *тур* 'стоит' и *турар* 'будет стоять', *чӧдӣр* 'лежит' и *чӧдар* 'будет лежать'; туркм. *дӯр* 'стоит' и *дурар* 'будет стоять'.[414]

[405] См.: *Foy K.* Azerbajğanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen. — MSoS, 1903, VI, Abth. II, S. 159 f.; *Brockelmann C.* Zur Grammatik des Osmanisch-Türkischen. — ZDMG, 1916, 70, S. 205. Ср.: *Корш Ф.* Происхождение формы настоящего времени в западнотурецких языках. — Древности восточные. М., 1907, III, 1, с. 8, 16; *Bang W.* Monographien zur türkischen Sprachgeschichte, S. 1—20. Форму настоящего конкретного в огузских языках Ф. Корш возводил к сочетанию формы на *-а* с аористом вспомогательного глагола *jam-*, а В. Банг — к сочетанию формы на *-а* с аористом вспомогательного глагола *тур- ~ дур-*.

[406] См.: *Eckmann J.* Die türkische Mundart von Warna. — KCsA, 1941, III, 2, S. 156 f.; *Caferoğlu A.* Anadolu ağızlarından toplamalar. İstanbul, 1943, s. 51, 71, 85, 105; *Aksoy Ö. A.* Gaziantep ağzı, I. İstanbul, 1945, s. V, 156; *Kakuk S.* Textes turcs de Kazanlyk, II. — AOH, 1958, VIII, 3, p. 247.

[407] См.: *Рустамов Р. А.* 1) Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка, с. 54—56; 2) Формы настоящего времени в диалектах и говорах азербайджанского языка. — ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 38—40.

[408] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 179.

[409] См.: *Дмитриев Н. К.* Гагаузские этюды. — В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962, с. 255—256; *Drimba V.* Remarques sur les parlers gagaouzes de la Bulgarie du Nord-Est. — RO, 1963, XXVI, 2, p. 85; *Аманжолов А. С.* О гагаузах в Казахстане и их языке. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 264; *Тукан Б. П.* Вулканештский диалект гагаузского языка. АКД. Кишинев, 1965, с. 8, 9, 15; *Zajączkowski W.* Język i folklor gagauzów z Bułgarii. Kraków, 1966, s. 18, 49.

[410] См.: *Doerfer G.* Der Imperativ im Chaladsch, S. 296.

[411] Документы на половецком языке XIV в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины), с. 367.

[412] См.: *Brockelmann C.* 'Alī's Qiṣṣa'i Jūsuf, der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur. Berlin, 1917, S. 32.

[413] *Грунина Э. А.* О форме настоящего-будущего на - (°) *r* в тюркских языках, с. 99.

[414] Там же, с. 100. См. также: *Грунина Э. А.* Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении). АДД. М., 1975, с. 27; *Исхаков Ф. Г.* Формы настоящего времени глагола изъявительного наклонения в тувинском языке. —

Действительно, в письменных памятниках азербайджанского языка XIV—XVIII вв. формы с широким и узким гласными не были строго дифференцированы,[415] однако их последующая дифференциация осуществилась не сама по себе, не спонтанно, а под влиянием происходившего в диалектах процесса образования формы настоящего времени на *-ïр* из аналитической конструкции типа *алïjор* (*алï-jор*, *ала-jор*), *гäлïjор* (*гäлï-jор*, *гäлä-jор*). По поводу примеров из алтайского, казахского, тофаларского, тувинского и других языков заметим, что они составляют особую группу глаголов (4 глагола), выступающих самостоятельно и в качестве вспомогательных, служебных элементов, подвергающихся, как правило, значительным преобразованиям, ср.: алт. *барат*, тофал. *бардïрï*, узб. *бэраді* (< *бара турур*) 'идет'. Будучи одним из основных средств выражения настоящего времени аналитическим способом, эти глаголы и сами по себе, в полном или стяженном виде, употребляются в соответствующем значении. Кстати, в туркменском языке *отӣр* означает «сидит» и «будет сидеть», *jатӣр* «лежит» и «будет лежать». С другой стороны, и стяженные разновидности, подобные *дӯр*, могут выражать будущее время: *бӑр* 'пойдет', *бӧр* 'будет'.[416]

Итак, в любом случае формы *алïр*, *гäлïр* в современном азербайджанском языке должны рассматриваться как вторичные образования, развившиеся непосредственно из форм *алïjор*, *гäлïjор* [417] или получившие семантическую специализацию под влиянием их стяженных диалектных вариантов.

Оригинальную попытку связать многообразие огласовки *р* с выражением разных значений предпринял Г. Дёрфер, выдвинувший гипотезу о так называемых пространственных тензорах (Raumtensoren). Суть гипотезы Г. Дёрфера в том, что гласные *у*, *а*, *ï* на одном из уровней развития общетюркского языка квалифицируются как средства передачи пространственной направленности действия: *у* — действие, происходящее в сфере субъекта («инверсальное», или непереходное), *а* — действие, направленное в сторону от субъекта («адверсальное», или переходное), *ï* — действие, направленное от субъекта и обратно к нему («реверсальное», или медиальное). В дальнейшем, как указывает Г. Дёрфер, первоначальная система была разрушена, и разные типы огласовки стали использоваться смешанно, без очевидных признаков семантического разграничения.[418]

Гипотеза Г. Дёрфера, являющаяся, по его собственному определению, крайне умозрительной («extremely speculative»), неприемлема по следующим соображениям. Во-первых, направленность действия в тюркских языках, древних и современных, передают залоговые формы, морфологические показатели которых (*-л*, *-н*, *-ш* и другие) восходят к эпохе праязыка. Убедительных фактов, свидетельствующих об участии в разграничении залоговых форм гласных *у*, *а* и *ï*, нет. Во-вторых, вариативность огласовки не ограничивается формой будущего предположительного, ср.: др.-тюрк. *бардум — бардам — бардïм*, *баруп — барап — барïп*, *бару — бара — барï*. Более того, она — нередкое явление и в пределах собственно именных форм, например: др.-тюрк. *ануӈ — анаӈ — анïӈ* 'его', *капуɣ — капаɣ — капïɣ* 'двери', 'ворота'. Особенно примечательны случаи, когда вариативность

ИСГТЯ, II, с. 304—313; *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978, с. 187—193.

[415] См.: *Рагимов М. Ш.* Формы выражения настоящих и будущих времен в письменных памятниках азербайджанского языка XIV—XVIII вв. АКД. М., 1957, с. 8—9.

[416] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 64, 276 (прим. 1).

[417] См.: *Корш Ф.* Происхождение формы настоящего времени в западнотурецких языках, с. 13, 17; *Поцелуевский А. П.* К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. — В кн.: *Поцелуевский А. П.* Избранные труды. Ашхабад, 1975, с. 162; *Хыдыров М. Н.* К истории изучения формы настоящего времени глагола в юго-западной группе тюркских языков. — СТ, 1971, № 6, с. 48.

[418] См.: *Doerfer G.* 1) Der Imperativ im Chaladsch, S. 332 f.; 2) Proto-Turkic: Reconstruction Problems, p. 48.

огласовки является выражением языковых или диалектных различий, ср.: др.-тюрк. *кïсвач*, тув. *кïскаш*, тур. *кïскач*, гаг. *кïскïч*, ног. *кӣскӣш* 'щипцы, клещи'; ст.-тур. *алтун*, *алтӣн*, тофал. *алтан* 'золото', якут. *алтан* 'медь'. Ясно, что о передаче пространственной направленности действия в собственно именных формах не может быть и речи.

Э. А. Грунина, положительно относящаяся к самой идее Г. Дёрфера о связи вариантов огласовки *р* с выражением разных значений, предложила свое толкование последних: для формы с узким гласным — имперфективность (// одновременность), для формы с широким гласным — перфективность (// предшествование).[419] Поскольку исходная посылка гипотезы Э. А. Груниной та же, что и у гипотезы Г. Дёрфера, сказанное выше почти полностью относится и к ней.

Из предшествующего изложения следует, что хотя вариативность огласовки формы будущего предположительного нелегко объяснить одними фонетическими причинами, только такое объяснение кажется более или менее удовлетворительным, так как не вступает в резкое противоречие с фактами древних и современных тюркских языков. Говоря о фонетических причинах, мы имеем в виду не только многообразие типов гармонического соответствия гласных не-первых слогов гласным первого слога,[420] но и структурные особенности основ. Значительное количество их оканчивалось на широкий гласный (отыменные глагольные основы на *-а* и *-ла*), и огласовка аффикса будущего предположительного в этом случае, если не принимать во внимание постепенно выходившую из употребления разновидность *-jур* (ср.: *санajур*, *ойнajур*, *башлajур*), не была подвержена колебаниям (ср.: *санар*, *ойнар*, *башлар*). Данное обстоятельство могло сыграть определенную роль в последующей унификации огласовки аффикса будущего предположительного в ряде тюркских языков на основе варианта с широким гласным. В конце концов не важно, как складывалось фиксируемое в современных тюркских языках распределение форм будущего предположительного с разными типами огласовки. Принципиальное значение для нас имеет лишь то, что многообразие типов не было семантически обусловленным.

При восстановлении архетипа аффикса, образующего форму будущего предположительного, сначала необходимо ответить на вопрос о том, что представлял собой гласный, был ли он соединительным элементом или входил в состав аффикса. Более вероятно последнее, так как в некоторых тюркских языках с присоединением рассматриваемого аффикса к глагольной основе связано появление долготы гласного, ср.: алт. *бічӣр* (*бічі-ір*) 'будет писать', *токтӧр* (*токто-ор*) 'остановится', *іштэ̄р* (*іштэ̆-ӭр*) 'будет работать'; тув. *тарӣр* (*тарï-ïр*) 'посеет', *бодӑр* (*бода-ар*) 'будет думать', *чорӯр* (*чору-ур*) 'пойдет'; туркм. *окӑр* (*ока-ар*) 'будет читать', 'будет учиться', *ішлӓр* (*ішлэ̆-ӓр*) 'будет работать'; хак. *ойнір* (*ойна-j-ар*) 'будет играть', *узір* (*узу-j-ар*) 'будет спать'. Разумеется, характер огласовки может быть определен лишь условно, с учетом того, какой гласный находится в конце основы.

Следующий этап реконструкции архетипа — выделение простейших компонентов или выяснение природы морфологического показателя путем сопоставления его с другими показателями и самостоятельными словами. Пока это — область предположений, практически не подкрепляемых какими-либо фактами. Ж. Дени видел в аффиксе *-(а)р* сочетание герундиального показателя со словом *ӓр* 'мужчина', 'человек'.[421] В. Банг допускал возможность образования *-(а)р* из аффикса направительного

[419] См.: *Грунина Э. А.* 1) О форме настоящего-будущего на -(°)*r* в тюркских языках, с. 104; 2) Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении), с. 31 сл.

[420] Ср.: *Bombaci A.* Probleme der historischen Lautlehre der türkischen Sprache, I. — UAJb, 1952, XXIV, 3—4, S. 98—99.

[421] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 936.

падежа.[422] Н. А. Баскаков возводит его «к более древней полной форме» *-ɣар ~ -ɣӧр* и считает, что морфологическое образование, включавшее в себя этот аффикс, имело семантику «активного имени постоянно действующего лица и орудия действия».[423] Разновидность с узким гласным (*-ӧр*), по мнению А. Н. Кононова, «может быть с известной долей вероятия возведена к аффиксу *-ɣӧр ~ -ɣур*, который рассматривается как непродуктивная форма причастия, выражающего возможность, необходимость или желание».[424] Существует также мнение, что будущее предположительное образуется от деепричастия на *-а*, *-е*, *-й* + аффикс *-р* (от основ на гласные) и *-ар*, *-ер* (от основ на согласные). . .[425] Значение аффикса *-р ~ -ар* при этом не раскрывается. Б. А. Серебренников, критически оценивая предположение В. Банга и А. Н. Кононова относительно развития *-р*, *-ар* из аффикса направительного падежа *-ɣару*, указывает, что *-р* «вероятнее всего» восходит к аффиксу собирательной множественности.[426]

В чувашском языке форма на *-(а)р* как будто бы отсутствует, однако Н. И. Ашмарин считал, что отражением общетюркской формы на *-(а)р* в чувашском языке является форма будущего времени типа *ӏлӗ* 'возьмет', *пӧрӑ* 'пойдет'.[427] Выпадение конечного *р* в форме на *-(а)р* отмечено в диалектах многих тюркских языков,[428] и поэтому мнение Н. И. Ашмарина не вызывает серьезных возражений, так же как и предположение О. Прицака и И. Бенцинга о развитии чувашской формы из древнетюркского будущего на *-ɣу*.[429] Попытка же сопоставить с общетюркской формой на *-(а)р* чувашское причастие на *-ас*,[430] известное также говорам азербайджанского и татарского языков,[431] явно неудачна. В других тюркских языках ближе всего к последнему причастие на *-асӥ* (имя действия на *-а* + аффикс принадлежности 3-го лица), и те доводы, которые были приведены

---

[422] См.: *Bang W.* Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, 1. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen. Berlin, 1917, S. 48—49. См. также: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 225—226; *Серебренников Б. А.* О некоторых проблемах исторической морфологии тюркских языков. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 276; *Ишбулатов Н. Х.* Морфологические особенности казмашевского говора, с. 130.

[423] *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык, II, 1, с. 425.

[424] *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 226.

[425] См.: Современный казахский язык, с. 339.

[426] См.: *Серебренников Б. А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 346. Ср.: *Серебренников Б. А.* Два этюда из истории тюркских языков. I. О возможных истоках образования настояще-будущего времени с показателем *-r* в тюркских языках. — СТ, 1978, № 1, с. 3—4.

[427] *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка, II, с. 304. В более поздней (неопубликованной) работе Н. И. Ашмарин форму типа *ӏлӗ* возводит к причастию на *-і* (см.: *Иванов А. И.* Несколько слов об образовании форм спряжения в чувашском языке, с. 164). Причастие же на *-і* возводилось им к общетюркскому причастию на *-ɣу* (см.: *Ашмарин Н. И.* Материалы. . ., II, с. 311). См. также: *Андреев И. А.* Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961, с. 230—231. О том, что форма будущего времени в чувашском языке образуется путем присоединения личнопредикативных аффиксов непосредственно к первичной основе, см.: *Серебренников Б. А.* Заметки по исторической грамматике чувашского языка. — Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИЭ, 1958, XVI, с. 193; *Иванов А. И.* Несколько слов. . ., с. 164.

[428] См. выше, с. 83.

[429] См.: *Pritsak O.* Die Herkunft des tschuwaschischen Futurums, S. 143, 148, 153; *Benzing J.* Das Tschuwaschische, S. 740, 747.

[430] См.: *Андреев И. А.* Причастие в чувашском языке, с. 158—159. И. Бенцинг восстанавливает общетюркское nomen futuri на **-ас* (см.: *Benzing J.* Tschuwaschische Forschungen (III). Das Nomen futuri. — ZDMG, 95 (NF 20), S. 57—58). См. также: *Серебренников Б. А.* О некоторых проблемах исторической морфологии тюркских языков, с. 285—287.

[431] См.: *Рүстәмов Р. Ә.* Азәрбајчан дили диалект вә шивәләриндә фе'л, с. 239—242; *Арсланов Л. Ш.* Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР. АКД. Казань, 1966, с. 12.

Н. И. Ашмариным[432] и Л. С. Левитской[433] в пользу возведения их к одному прототипу, убедительны.

2,1. Наименования формы на *-(а)р*, встречающиеся в грамматиках и специальных работах, — будущее предположительное, будущее неопределенное, будущее некатегорическое, настояще-будущее — отражают своеобразие передаваемого ею содержания, самое существенное в котором — отнесенность к плоскости будущего и наличие определенной модальности, сопутствующей значению будущего времени.

Большинство тюркских языков имеет две формы будущего —будущее предположительное и будущее категорическое: форма на *-(а)р* выражает предположительность, а формы на *-аӈак* и *-(ар)лӥк* — категоричность. В алтайском, тувинском, хакасском и шорском языках форма на *-(а)р* — единственная и употребляется в значении будущего времени без модальных оттенков, в огузских языках она является также формой настоящего общего, а в якутском языке — формой настоящего (3-е лицо) и формой прошедшего незаконченного, ср.: якут. *барар* 'уходит', *барара* 'он ходил'. В староазербайджанском языке форма на *-(а)р* в сочетании с союзом *әгәр* 'если' передает значение условного наклонения.[434]

2,2. Именное происхождение формы на *-(а)р* не требует доказательств: вплоть до настоящего времени она выполняет наряду с предикативными функциями атрибутивные. Подобно другим именам действия, форма на *-(а)р* может сочетаться с вспомогательным глаголом *ӛ(р)-* (прошедшее неопределенное или будущее в прошедшем), ср.: ст.-узб. *тӱш көрәр ӛрділәр* 'они видели сон'; азерб. *аларды* 'он брал'; башк. *алӑр ине* 'он брал бы'; кум. *барар ӛді* 'он пошел бы'; тур. *japарды* 'он делал'; узб. *јозарди* 'он писал', 'он писал бы'.

По вопросу о древнейшем значении формы на *-(а)р* известны три точки зрения. Ее рассматривают как общетюркский аорист, как аористно-футуральное образование или как форму настоящего времени, причем основной опорой для последней точки зрения являются памятники руническое письменности, в которых форма на *-(а)р* выступает только в значении настоящего времени, тогда как в значении будущего употребляется форма на *-ɣај*. Однако памятники рунической письменности, а также древнеуйгурские тексты отразили грамматическую традицию одного языка или одной группы языков, и, конечно, на основании только содержащихся в них фактов нельзя делать какие-либо выводы относительно общетюркского состояния. В старокыпчакских текстах, например, форма на *-(а)р* используется в значении и настоящего, и будущего времени, ср.: *кув аɣачдан јав тамар* 'из дупла каплет масло' (Cod. Cum. $60r_{10}$), *әгәр біз ајтсак јазуксузбіз кәнсімізні алдарбіз* 'если мы скажем: «мы безгрешны», мы обманем самих себя' (Cod. Cum. $62v_{29}$), *мунда кәлірмән* 'я приду сюда' (Cod. Cum. $81r_{19}$). Широкий диапазон временных значений наблюдается у формы на *-(а)р* и в некоторых современных языках, ср.: якут. *сӥтар ӥнах* 'лежащая корова', *кәләр кіһі* 'человек, который придет', *кәләр* 'приходит', *кәләрә* 'он приходил' (прошедшее незаконченное).

Многозначность формы на *-(а)р* свидетельствует о ее аористной природе, так как трудно представить себе иную возможность, например появление многозначности в результате относительно позднего дополнения значения настоящего времени значением будущего. Очевидно, и то, и другое значения были изначальными, как частные случаи реализации вневременного содержания формы на *-(а)р*. В языках огузской группы значение настоящего общего стало преобладающим, значение же будущего времени было частично утрачено вследствие использования форм

---

[432] См.: *Ашмарин Н. И.* Материалы. . ., II, с. 310—311. Ср.: *Benzing J.* Der Aorist im Türkischen. — UAJb, 1952, XXIV, 3—4, S. 131.

[433] См.: *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка, с. 87—89. См. также: *Исламов М.* Азәрбајчан дилинин Нуха диалекти, с. 146.

[434] См.: *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке, с. 21—22.

типа *булїсар, булдачї*. Во всех других тюркских языках, кроме якутского, форма на *-(а)р* имеет только значение будущего времени с модальным оттенком предположительности или без него.

Прошедшее результативное на *-ɣан* и на *-мїш ~ -муш*

1,1. Формы прошедшего результативного на *-ɣан* и на *-мїш ~ -муш* очень близки по значению, и различие между ними заключается главным образом в сфере распространения.

Как финитная глагольная форма, прошедшее результативное на *-ɣан* характерно для кыпчакских и карлукско-уйгурских языков, а также для всех языков Сибири и Алтая, кроме якутского, ср.: алт., башк., казах., кар., карач.-балк., кирг., к.-калп., крым.-тат., кум., ног., тат., тув., уйг. *барɣан*, узб. *бэрган*, хак., шор. *парɣан* ‘он пошел’; шор. *парɣам* (< *парɣанїм*) ‘я пошел’, *парɣанзїң* (ср.: хак. *парɣазїң*, алт. *барɣанзїң ~ барɣанїң ~ барɣаң*) ‘ты пошел’.

Форма на *-мїш* типична для якутского и для огузских языков, за исключением туркменского, ср.: азерб., гаг., тур. *алмїш(дїр)*, якут. *їлбїт* ‘он взял’; азерб. *гёрмämішäм* ‘я не видел’; гаг. *коjмуш* ‘он поставил’; тур. *окумуш* ‘он читал’. В туркменском языке функционирует лишь форма на *-мїш* от вспомогательного глагола *ӛ(р)-* ‘быть’, используемая в качестве компонента различных временных форм для выражения модальности, например: *алармїш* ‘(говорят) он постоянно брал’, *аланмїш* ‘(говорят) он брал’, *алjанмїш* ‘(говорят) он берет (вообще)’.[435]

Хотя региональность употребления форм на *-ɣан* и на *-мїш ~ -муш* очевидна, они не исключают полностью друг друга: с одной стороны, в языках огузской группы обнаруживаются следы формы на *-ɣан*, с другой — в языках кыпчакской и карлукско-уйгурской групп выступает в виде обособившегося морфологического образования причастие на *-мїш ~ -муш*.[436] Имеются также случаи использования форм на *-ɣан* и на *-мїш ~ -муш* (*-мїш-ān ~ -муш-ān*, или *-мїш-шан ~ -муш-шан*) с разными, но близкими значениями в одном и том же языке, ср.: тув. *алɣан мӛн* ‘я взял’ (прошедшее результативное) и *албїшāн мӛн* ‘я все еще беру’, ‘я брал и продолжаю брать’ (прошедшее-настоящее).[437] Ср. также: тофал. *алɣан мӛн* и *албїшāңɣа мӛн*.[438]

В языке рунических надписей, уйгурских и манихейских текстов, отразивших особенности определенного диалектного типа, единственно возможной является форма прошедшего результативного на *-мїш ~ -муш*. Примеры: др.-тюрк. *табɣач каɣанка jаɣї болмїш* ‘он стал врагом табгачского кагана’ (КТб$_9$), *jїлан jїлкї каланка ... бӛрмішім* ‘в год змеи я отдал ... в качестве подати’ (USp 38$_2$). В древнетюркском языке караханидской поры и в старокыпчакском языке рассматриваемые формы употреблялись параллельно без очевидных семантических различий, тогда как в староузбекском языке отдается предпочтение форме на *-ɣан*, хотя встречается нередко в качестве прошедшего результативного и форма на *-мїш ~ -муш*. Правда, здесь не обошлось без влияния старотурецкого литературного языка. Примеры: др.-тюрк. *ол кіші ол jолдан азїтɣан* ‘тот человек сбил с пути’ (МК I 155), *ол тарїɣ тарїтɣан ол* ‘он посеял посев’ (МК II 319), *ол кӛлміш* ‘он пришел’ (МК II 60); ст.-кыпч. *бӛj кулунлаɣандїр* ‘кобылица ожеребилась’ (Cod. Cum. 60v$_{12}$), *каjда кїшламіш* ‘где зимовал?’ (Cod. Cum. 60r$_{23}$), *овлум бӛjіні танїмїш* ‘мой сын узнал своего господина’ (Cod. Cum. 76r$_{10}$); ст.-узб. *jїрак калɣандур* ‘он остался далеко’, *отка тӱшкӱр бу кӧңӱлдӱр Лутфіні хор äjлäгäн* ‘это сердце, чтоб ему сгореть, сделало ничтожным Лутфи’, *мӛн бу сурат білä jаратїлмїшман* ‘я создан с этим ликом’, *маст олмїшам* ‘я опьянел’, *каранɣу кїлмїшлар* ‘они сделали темным’. При этом в староузбекском языке наблюдается преимущественное использование формы на *-мїш ~ -муш* в целях выражения действий, достоверность которых не очевидна для говорящего. В старотурецком языке безраздельно господствует форма на *-мїш ~ -муш*, тем не менее есть факты, свидетельствующие о существовании в нем в более раннее время также формы на *-ɣан*.[439]

1,2. Будучи древнейшими в тюркских языках, формы на *-ɣан* и на *-мїш* сохраняют в основном тот внешний облик, который они приобрели на уровне праязыка. Предполагается, что в чувашском языке форме на *-ɣан* материально и в плане содержания соответствует форма на *-нӗ*: выпал *ɣ*, и имела место метатеза.[440] Якутское *-бїт ~ -пїт* — не вполне закономерное соответствие турецкому *-мїш*: общетюркский *ш* в конечном положении в якутском языке изменился в *с*, а общетюркский *с* — в *т*.[441]

С учетом данных сравнительной фонетики архетип аффикса *-мїш ~ -муш* можно восстановить в виде **-пїш ~ *-пуш*.

2,1. Формы на *-ɣан* и на *-мїш* многозначны.[442] Основное значение и той, и другой — результативность, вследствие чего за указанными формами прочно закрепилось наименование прошедшего результативного, или перфекта I. Второе значение — недостоверность, в смысле отсутствия определенной информации о передаваемом действии, неуверенность в том, что действие происходило, или иллюзорность. Некоторыми тюркологами оно воспринимается как основное, и это обстоятельство явилось причиной наименования форм на *-ɣан* и на *-мїш ~ -муш* прошедшим неопределенным, прошедшим неочевидным. Кроме того, нередко выделяется повествовательное, или пересказывательное, значение. Э. А. Грунина подчеркивает, например, наличие, у формы на *-мїш ~ -муш* в языке орхоно-енисейских надписей функции пересказывательного претерита.[443] Примечательно, что в якутском языке произошло размежевание формы на *-мїш ~ -муш* (resp. *-бїт ~ -бут*) в значении прошедшего результативного и

---

[435] См.: *Аллаиазаров О.* Прошедшее время в современном туркменском языке. АКД. Л., 1953, с. 18. Ср.: *Каджарова Э.* Прошедшее время изъявительного наклонения в письменных памятниках туркменского языка XVIII—XIX вв. АКД. Ашхабад, 1964, с. 8—10.

[436] См.: *Дмитриев Н. К.* Аффикс غان в ново-османском языке. — ДАН-В, 1926, с. 67—70; *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя), с. 166 сл.

[437] См.: *Сат Ш. Ч.* Роль причастий в развитии тувинского языка. — Уч. зап. Кызыльского ГПИ, 1960, I, с. 64; *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 379; *Монгуш Д. А.* Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке, с. 146—154.

[438] См.: *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении, с. 76—77, 208—212.

[439] См.: *Brockelmann C.* ‘Alī’s Qiṣṣa’i Jūsuf..., S. 37.

[440] См.: *Золотницкий Н. И.* Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуска гортанных согласных звуков. — Изв. и уч. зап. Казанского ун-та, 1877, № 2, с. 578—590; *Ашмарин Н. И.* Материалы. . ., II, с. 307. О других предположениях см.: *Андреев И. А.* Причастие в чувашском языке, с. 80—84.

[441] См.: *Tekin T.* The Representation of Proto-Turkic Medial and Final /s/ in Yakut. — CAJ, 1976, XX, 1—2, p. 110—114.

[442] См.: *Дмитриев Н. К.* К вопросу о значении османской глагольной формы на «мыш». — ЗКВ, 1927, II, 1, с. 91—96; *Кононов А. Н.* Турецкая глагольная форма на «мыш». — Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та, № 20. Сер. филол. наук, 1939, 1, с. 34—49; *Mansuroğlu M.* Türkçede *-mış* ekinin fonksionları. —In: 60. doğum yılı münasebetiyle Fuad Köprülü armağanı. İstanbul, 1953, s. 345—350; *Орузбаева Б. О.* Формы прошедшего времени в киргизском языке, с. 24; *Убайдуллаев К.* Категория прошедшего времени глаголов в изъявительном наклонении в современном каракалпакском языке. АКД. М., 1955, с. 11—12; *Иванов С. Н.* Прошедшее перфективное время в современном узбекском языке. — В кн.: Памяти академика И. Ю. Крачковского. Сб. статей. Л., 1958, с. 136—138; *Серебренников Б. А.* Система времен татарского глагола, с. 21, 23, 27; *Джанашиа Н. Н.* Некоторые вопросы морфологии турецкого глагола, II. О прошедшем-результативном времени. — Тр. Тбилисского гос. ун-та, 116. Сер. востоковед., 1965, с. 257—261; *Велиев И. Д.* Формы прошедшего времени в письменных памятниках азербайджанского языка XIV—XIX вв., с. 17—18; *Любимов К. М.* Семь значений турецкой словоформы *yazmış*. — СТ, 1971, № 6, с. 50—55.

[443] См.: *Грунина Э. А.* Индикатив в турецком языке. . ., с. 45.

прошедшего повествовательного по типам спряжения: *барбїппїн* (< *барбїт-пїн*) — прошедшее результативное I, *барбїтїм* — прошедшее повествовательное.[444] Форма на *-мїш* ~ *-муш* в халаджском языке охарактеризована Г. Дёрфером как претерит, а форма на *-дї* ~ *-ду* — как перфект.[445]

2,2. Из названных выше значений форм на *-ɲан* и на *-мїш* ~ *-муш* исходным является, по всей видимости, результативное. Формы прошедшего результативного выражали действие, совершавшееся в неопределенном прошлом, как факт настоящего, как результат, как состояние. Отсюда некоторое безразличие к его достоверности, которое становится предпосылкой развития значения неочевидности. Иными словами, на основе перфектного значения развивается модальность,[446] особенно заметная у образованных от вспомогательного глагола *э(р)-* модальных частиц *э(р)кän* и *э(р)міш*, ср.: узб. *міш-міш* ‘молва, слухи, толки’. Указанный вид модальности мог быть соотнесен с любым лицом, включая и первое: нередки ситуации, когда неуверенность в достоверности излагаемых событий или некатегоричность выступают как модальный фон выражения действия самого говорящего.

Если выражением состояния как результата совершавшегося в прошлом действия прошедшее результативное сближается с формой настоящего времени, то по указанию на действие, которое происходило до момента речи, оно естественно тяготеет к претериту, и нет ничего необычного в том, что его содержание иногда совпадает с содержанием формы прошедшего категорического. Прошедшее результативное как бы включает в себя значение претерита, которое в зависимости от разных обстоятельств может быть на первом плане. Поэтому не совсем правильно считать повествовательное значение форм на *-ɲан* и на *-мїш* ~ *-муш* следствием преобразования первоначального перфектного содержания. Повествовательное значение типично для перфекта.

* * *

Реконструируемая праязыковая система временных форм изъявительного наклонения оказывается предельно ограниченной в количественном отношении и элементарно простой по содержанию. Ее отличительная черта — выражение абсолютных времен, т. е. времен, для которых единственной точкой отсчета является момент речи говорящего. Все, что предшествует ему, независимо от глубины удаления и степени достоверности, являлось содержанием претерита, или прошедшего категорического, на *-дї*. Действие, происходящее в момент речи, выражалось формой на *-а*. Для передачи вневременного действия, или, иначе говоря, действия не ограниченного определенным временным отрезком, использовалась форма на *-(а)р*. Существовала также форма будущего времени, осложненного различными модальными оттенками, на *-ɲај*, которая была постепенно вытеснена формой на *-(а)р*. Далее, имелась двухплоскостная форма прошедшего результативного (действие — в прошлом, результат — в настоящем) с двумя диалектными разновидностями типа *барɲан* и *бармїш*.

Праязыковая схема временных форм изъявительного наклонения должна была выглядеть следующим образом:

а) собственно временные формы:

форма прошедшего времени (претерит) — **-тї*(*γ*) ~ **-дї*(*γ*),

форма настоящего времени — **-а*,

форма будущего времени — **-ka*(*j*) ~ **-ɲa*(*j*);

б) «вневременные» формы:

форма неограниченного во времени действия (аорист) — **-(а)р*,

форма неограниченного во времени состояния (перфект) — **-кан* ~ **-ɲан* и **-пїш* ~ **-бїш* ~ **-мїш*.

На первый взгляд предлагаемая нами схема резко отличается от той, которая была предложена Б. А. Серебренниковым:

настоящее будущее на *-р*,

настоящее без показателя,

прошедшее на *-дї* ~ *-ді*,

прошедшее на *-дїк* (*-дік*, *-дук*, *-дўк*).[447]

Однако если учесть, что и Б. А. Серебренников на более поздней ступени развития тюркских языков, характеризующейся полным распадом праязыка и обособлением диалектных группировок, вводит формы прошедшего результативного, различия между приведенными схемами окажутся менее значительными. Самое существенное из них — наличие в схеме Б. А. Серебренникова так называемой нулевой формы настоящего времени. Безаффиксная форма глагола, внешне совпадающая с глагольной основой, стала формой не настоящего времени, а повелительного наклонения 2-го лица единственного числа, и это не было простой случайностью: аналогичное явление наблюдается во многих других языках. Она являлась эмфатически выделенным наименованием действия или состояния, и в употреблении ее в значении повелительного наклонения есть нечто общее с употреблением безаффиксной именной формы в значении вокатива.

Нельзя надежно восстановить ранние этапы истории тюркских языков,[448] и, тем не менее, ясно, что формирование системы относительных времен началось очень рано, так как типы последних являются общетюркскими.[449] Весь ход последующего развития заключался в постепенном усложнении системы за счет образования новых форм, передававших модальные и видовые оттенки: настоящего конкретного, будущего категорического, прошедшего повествовательного неочевидного («прошедшее субъективное», «прошедшее результативное II»). Особо следует выделить стилистические разновидности настоящего конкретного, или настоящего длительного, например: др.-тюрк. *jämäktä turur* ‘пожирает’ (ЛОК 5_6), *jўrўgўdä turur* ‘движется’ (ЛОК 25_9), а также временные и квазивременные формы, присущие региональным группам и отдельным языкам, ср.: др.-тюрк. *ölgüsi* ‘умрет’,[450] *barjuk* ‘он пошел’,[451] *калтачїң* ‘останешься’; ст.-тур. *булдачїсан* ‘найдешь’;[452] азерб. (диал.) *gälä варам* ‘прихожу’, *gälä варуɲ* ‘приходим’, *gälä варсуз* ‘приходите’,[453] тур. (диал.) *гэлвэрін* ‘прихожу’, *отурварїн* ‘сижу’;[454] казах. (диал.) *барулї*[455] (< *барїɲлї* ‘он отправился’); карач.-балк. *барĭвчума*, к.-калп. *барĭвшĭман*

---

[444] См.: *Коркина Е. И.* Формы прошедшего времени в якутском языке, с. 7, 8.

[445] См.: *Doerfer G.* Der Imperativ im Chaladsch, S. 295—296.

[446] См.: *Серебренников Б. А.* Система времен татарского глагола, с. 26, 28; *Джанашиа Н. Н.* Некоторые вопросы морфологии турецкого глагола, II, с. 257, 260.

[447] *Серебренников Б. А.* Заключительное слово на конференции. — В кн.: Вопросы методов изучения истории тюркских языков, с. 214.

[448] Ср.: *Батманов И. А.* Категория времени сказуемого в турецких языках. — В кн.: Сборник научных трудов, I, 2 (Труды лингвистического сектора). Ташкент, 1934, с. 42 сл.

[449] См.: *Насилов Д. М.* О некоторых сложных глагольных формах в древнетюркских языках. — В кн.: Тр. Самаркандского гос. ун-та. Нов. сер., 1960, № 102, с. 133—143.

[450] См.: *Mansuroğlu M.* Türkçede *-gu* ekinin fonksiyonları. — Türkiyat Mecmuası (1951—1953). İstanbul, 1953, X, s. 341—348.

[451] См.: *Насилов Д. М.* 1) Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке. (По памятникам уйгурского письма). АКД. М., 1963, с. 7—9; 2) Прошедшее время на *-jük*/*-juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках. — В кн.: Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 92—104.

[452] См.: *Mansuroğlu M.* Türkçede *-taçı* ekinin fonksionları. — TDED, 1956, 7, 1—2, s. 105—108.

[453] См.: *Рүстәмов Р. Ә.* 1) Азәрбајчан дили диалект вә шивәләриндә фе'л, с. 231; 2) Губа диалекти, с. 11, 106, 153—154.

[454] См.: *Hazai G.* Les dialectes turcs du Rhodope, p. 223.

[455] По мнению А. Нурмагамбетова, форма на *-улĭ* восходит к форме прошедшего неочевидного на *-ĭптĭ*: *барĭп тўрўр* > *барĭб тўрўр* > *барĭвтур* > *баруту* > *барутĭ* > *барулĭ* (см.: *Нурмагамбетов А.* Западная группа говоров казахского языка, с. 84—86). Н. З. Гаджиева считает форму на *-улĭ* реликтом древнего при-

'хожу (обычно)', кирг. *алчумун*[456] (< *алӈчиман*) 'я брал (всегда)'; тув. *алчик мэн* 'я ведь взял', хак. *алҙіхпін* 'я взял';[457] тув. *алӈалак мэн* 'я вот-вот возьму', хак. *ојнāлах* (< *ојнаӈалах*) 'он еще не играл', шор. *алӈалакпїм* 'я еще не брал'; хак. *алҙаӈ* 'он брал (вообще)';[458] якут. *барбїтāхпїна* 'я ходил'.

Раздел 4

Формы отрицания

Хотя ниже речь будет идти о формах глагольного отрицания, окажутся в какой-то мере затронутыми и имена, так как сферы использования именных и глагольных форм отрицания разграничены недостаточно четко, ср.: узб. *у бэрмаган* и *у бэрган эмас* 'он не пошел'; узб. *у чиқмаҙди* и хак. *ол сїӈа чоӈїл* 'он не выходит'. Все же не лишена оснований широко распространенная точка зрения, согласно которой отрицание при именах выражается отрицательными словами-частицами (ст.-кыпч., ст.-огуз. *тāгїл* ~ *дāгїл* ~ *дāјїл*; азерб., тур. *дэјіл*; башк., тат. *тїгĕл*; гаг. *дĭл*; карач.-балк. *тїјїл* ~ *тїл*; ног. *тўвĭл*; туркм. *дāл*; туркм. (диал.) *зāл, лāл, нāл, сāл*;[459] ст.-узб. *эрмäс* ~ *эмäс*; казах., кирг., к.-калп. *эмэс*; тув. *эвэс*; узб. *эмас*; уйг. *äмäс*; хак. *чоӈїл*), а при глаголах — аффиксом *-ма* ~ *-ба* ~ *-па*. Поэтому последний часто рассматривается как классификационный показатель, присутствие которого свидетельствует о принадлежности или близости соответствующих форм к классу глагола. «Как уже давно замечено в специальной литературе, — писал по этому поводу Н. К. Дмитриев, — аффикс *-ма* ~ *-мэ* является внешним показателем, по которому можно провести границу между сферой имени (в широком смысле слова) и сферой глагола».[460]

Другие средства именного и глагольного отрицания не типичны для тюркских языков. Относительно большая распространенность отрицательного союза *нэ* (*нä*)... *нэ* (*нä*) (ср.: ст.-узб. *нэ кіші аңа охшар нэ ол кішігä* 'ни человек не похож на него, ни он на человека', азерб. *нä јазїр нä охујур* 'ни пишет, ни читает') объясняется длительными и интенсивными контактами с не-тюркскими языками.

По способу выражения отрицания все глагольные и квазиглагольные формы подразделяются на две группы: 1) присоединяющие только аффикс *-ма* ~ *-ба* ~ *-па*; 2) употребляемые как с аффиксом *-ма* ~ *-ба* ~ *-па*, так и с отрицательными словами.[461]

К первой группе относятся формы повелительного, желательного и условного наклонений, прошедшего категорического, настояще-будущего, будущего предположительного и некоторых других времен изъявительного наклонения. Примеры: др.-тюрк. *алмадї* 'он не взял', *алмаса(р)* 'если не возьмет', *јэтмäміш* 'он не достиг', *їнанмаҙу* 'не должен верить', *којмаңїз* 'не ставьте', *јэмäң* 'не ешьте', *талашмасунлар* 'пусть не спорят', *көрӱ умадїн* 'не будучи в состоянии видеть', *јӱрӱмäјін* 'не двигаясь'; ст.-тур. *кэсмäн* 'не режу', *білмäзвän, білмäнäм* 'не знаю'; ст.-узб. *алма* 'не бери', *алмајїн* 'не брать бы мне', *кэлмäм* 'не приду'; алт. *чїкпај* 'не выходя', *көрбöгöлі* 'с тех пор как не видел', *кэлбэјін* 'не приду-ка'; башк. *алмам* 'не возьму', *алмајасак* 'не возьмет'; башк. (диал.) *алмаҙĭм* 'не возьму';[462] гаг. *алмарїм* 'не возьму', *сормадан* 'не спросив'; кум. *алмајман* 'не беру'; тув. *чїтпас мэн* 'не ложусь', 'не лягу', *кэлбэјн* 'не приходя'; узб. *кӯрмај, кӯрмајін* 'не видя'; якут. *сїппаппїн* 'не ложусь'.

Вторую группу составляют главным образом формы прошедшего результативного и будущего категорического, ср.: казах. *кэлмэгэн* и *кэлгэн эмэс* 'он не приходил'; ног. *бармајак* и *барајак тўвĭл*, тат. *бармајачак* и *барачак тїгĕл* 'не пойдет'; тур. *јазмїјачак* и *јазачак дэјіл* 'не будет писать'; узб. *бэрмаган* и *бэрган эмас* 'он не пошел'; уйг. *алмаӈан* и *алӈан äмäс* 'он не взял'. См. также: ст.-тур. *hіч ассї кїлур дāгїл* 'не приносит никакой пользы' (CD 171); азерб. (диал.) *ала дӱгӱрсän, ала döгсän* 'не берешь', ала *јухам* 'не беру';[463] кирг. *ҙазбачуман* и *ҙазчу эмэсмін* 'я не писал'; к.-калп. *бармајжак эмэс* 'он непременно пойдет';[464] уйг. *кäлмäс* и *кэлäр äмäс* 'не придет'; хак. *ідэ чоӈїл* 'не делает', *хїна чоӈїл* 'не любит'.[465] Встречаются глагольные и квазиглагольные формы, не имеющие отрицательных вариантов вообще или имеющие их в пределах ограниченного круга языков. К ним относятся имена действия на *-мак, -у, -(ї)ш, -(ї)нч*, деепричастие на *-(ї)п* и другие формы, например: др.-тюрк. *көрмäдіп* 'не видев', *болмадїп* 'не быв' (МК II 121); азерб. *отурмамаҙ* 'не сидеть', 'несидение'; башк. *алмав* 'не брать', 'невзятие'; гаг. *алмајїп* 'не взяв'; кум. *бэрмэмэк* 'не давать', 'недавание'.

1,1. Аффикс *-па* ~ *-ба* ~ *-ма* — общетюркское средство выражения глагольного отрицания и бесспорно один из древнейших морфологических элементов, сохраняющий свой внешний облик на протяжении большого периода времени на всей территории распространения тюркских языков, ср.: др.-тюрк., азерб., башк., кар., карач.-балк., к.-калп., кум., ног., тат., тур., туркм., узб., уйг., чуваш. *-ма*; алт. *-па* ~ *-по* ~ *-ба* ~ *-бо*; тув. *-па* ~ *-ба* ~ *-ва(-βа)* ~ *-ма*; казах., кирг., хак. *-па* ~ *-ба* ~ *-ма*; якут. *-па* ~ *-ба, -ама* ~ *-їма*. Наличие разновидностей отрицательного аффикса

частия на *-л* (см.: *Гаджиева Н. З.* Значение ареальной лингвистики для истории тюркских языков. — В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 43—45). По поводу изложенных точек зрения заметим, что преобразование *барутĭ* в *барулĭ* — необычное для казахского языка, что аналитические формы типа *барĭп тўрўр* отразились в нем не как *барулĭ*, а в виде *барĭптĭ*, и что для имени действия на *-л* не обязательно присутствие перед конечным согласным узкого лабиализованного гласного, тогда как для вторичного имени действия возможен только такой гласный.

[456] И. А. Батманов возводил аффикс *-чу* к сложному аффиксу *-вучу* (> *-учу* > *-чу*) (см.: *Батманов И. А.* Грамматика киргизского языка, III, с. 50). Б. О. Орузбаева сделала попытку сблизить киргизскую форму с формой прошедшего времени на *-чĭк* в сагайском диалекте хакасского языка (см.: *Орузбаева Б. О.* Формы прошедшего времени в киргизском языке, с. 42). Н. А. Баскаков, также сближая форму на *-чу* с формами прошедшего времени на *-чĭк* в тувинском и хакасском языках и, далее, с монгольской формой прошедшего времени на *-ǰu'ui*, рассматривает аффикс *-чĭк* как усилительную частицу, являющуюся по происхождению формой прошедшего времени вспомогательного глагола *ӭ(р)-* ~ *і (р)-* 'быть' (см.: *Баскаков Н. А.* Форма глагола на *-чых/|-чик* ~ *-чу/|-чү* в хакасском, тувинском и киргизском языках. — В кн.: Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965, с. 5—10). Б. А. Серебренников считает прототипом формы на *-чу* причастие на *-учу* (см.: *Серебренников Б. А.* Из истории звуков и форм тюркских языков. О происхождении форм прошедшего времени с показателем *-ĕук* в тувинском и с показателем *-ĕи* в киргизском языках. — СТ, 1974, № 6, с. 13—15).Принимая во внимание особенности развития verbi finiti в тюркских языках вообще и существование промежуточной формы на *-ӯчу* в самом киргизском языке, можно прийти к выводу, что форма на *-чу* восходит к вторичному имени действия на *-ӣвчĭ*.

[457] См.: *Монгуш Д. А.* Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке, с. 130—145.

[458] См.: *Карпов В. Г.* Прошедшее обычное время на *-чанъ*. — В кн.: Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1962, с. 76—83.

[459] См.: *Гуҗүков С.* Дәл сөзүнің уланылышы. — Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук, 1963, № 3, с. 72.

[460] *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 136. См. также: *Поливанов Е. Д.* Краткая грамматика узбекского языка, I. Ташкент—Москва, 1926, с. 56.

[461] См.: *Рустамов Т.* Категория отрицания в современном узбекском литературном языке. АКД. М., 1956, с. 9—11; *Асланов А.* Мүасир азәрбајҹан дилиндә инкарлыг вә кәмијјәт категоријалары. Бакы, 1963, с. 21 сл.; *Гуҗүков С.* Ишликлерде ёклук аңладылышы. — Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук, 1963, № 1, с. 68 сл.; *Ҳожиев А.* Инкор ифодаловчи воситалар ва феълнинг бўлишсиз формаси. — ЎТА, 1970, № 4, б. 49—53.

[462] См.: *Баева Н. Х.* Говор башкир долины реки Ай, с. 37.

[463] См.: *Рустамов Р. А.* Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка, с. 60—61.

[464] См.: Ҳәзирги қарақалпақ тили, I. Морфология. Нөкис, 1974, б. 119.

[465] См.: *Патачакова Д. Ф.* Качинский диалект, с. 21.

обусловлено качеством предшествующих или последующих звуков: в тувинском и хакасском языках разновидность с начальным носовым согласным появляется в положении после *м*, *н* и *ң*, а разновидность *-ва(-βа)* в тувинском языке — после гласного. Наблюдаемое в ряде тюркских языков сужение гласного происходит под влиянием последующего *j*, ср.: др.-тюрк. *чӧкмӧм* (< *чӧкмӧјм* < *чӧкмајман*) 'не выйду', *кадҕурмӧм* 'не печалюсь'; башк. (диал.) *барміма* (ср. башк. лит. *бармајмы̆*) 'не пойдет ли?'; тат. *ітмі* (< *ітмәј*) 'не делает'; тур. *біллмијорум* 'не знаю'; хак. *турбін* (< *турбајїн*) 'не вставая'. Вариативность в пределах вокализма является также следствием существования гармонии гласных, ср.: алт. *барба* 'не ходи', *көрбӧ* 'не видь'; кар. *бармадї* 'он не пошел', *тујмум* 'не слышу'; кирг. *ачпа* 'не открывай', *көчпӧ* 'не кочуй'.

Трудно ответить на вопрос о том, как соотносятся положительные и отрицательные формы так называемого слитного деепричастия и причастия настояще-будущего времени, и, вообще, соотносимы ли они, ср.: др.-тюрк. *кәчӓ* и *кәчмәдін*; башк. *алы̆р* и *алмаѳ*. Принято считать, что *-маѳ* — сочетание отрицательного аффикса *-ма* с причастным аффиксом *-ѳ*, последовательно возводимым к *-р* (*-ѳ* <*-с* < *-з*<*-р*).[466] Однако, по мнению В. Банга и В. Котвича, формы типа *алмаѳ* не имеют ничего общего с формами типа *алы̆р*. Отказываясь видеть в данном случае проявление ротацизма, В. Банг соотносит с последними формы типа *алмар*,[467] ср.: ст.-тур. *сӱјлӓмӓрвӓн* 'не скажу' (Ferah-nāme, 153); азерб. *гӟдмӓрӓм* 'не пойду'; туркм. *алмарӱн* 'не возьму'. Для В. Котвича *-маз* ~ *-мас* — стяженная разновидность сложного аффикса *-масїз*, первый компонент которого — аффикс отрицания или аффикс глагольного имени (*-ма* < *-мак*), а второй — аффикс именной привативности.[468]

1,2. История отрицательного аффикса *-ма* таит в себе много загадочного, и все сделанное для ее прояснения не идет пока дальше случайных и очень поверхностных сопоставлений. Трудно даже решить, какой вариант является более древним: *-ма* или *-ба(-па)*. Все это свидетельствует о большой древности отрицательного аффикса и длительном пути его развития.

Специально вопросом происхождения аффикса *-ма* занимался В. Банг, высказавший твердое убеждение, что в нем необходимо видеть остатки исчезнувшего глагола, который начинался с *м* или же с гласного (**ма-*, **мӓ-*, **ама-*, **ӓмӓ-*, **ума-*, **ӱмӓ-*) и который обозначал что-то вроде «упускать». Этот глагол первоначально выступал в форме деепричастия на *-а* ~ *-ї* (ср.: **mana-ма*, **mana-ума* (> *man-ма*) 'не находи'), о чем свидетельствуют, как полагает В. Банг,[469] материалы якутского языка: *кӟлімӟ* 'не приходи', *бӱҥӱма* 'не режь'. Заметим, что в якутском языке начальный гласный в аффиксе отрицания присутствует не во всех глагольных формах, ср.: *кӟлбӟтӟрбіт* 'если не придем', *бӱспатӱн* 'пусть не режет'.

Г. И. Рамстедт, рассматривавший вопрос о происхождении тюркского отрицательного аффикса с позиций алтаистики, т. е. с учетом материалов монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, пришел к выводу, что *-ма* представляет собой сочетание аффикса глагольного имени *-м* или *-ма* с глаголом *ӟ-* 'быть', положительное значение которого преобразовалось в отрицательное (ср.: тунг. **ӟ-*).[470]

[466] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 149. Ср.: *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 232.

[467] См.: *Bang W.* Das negative Verbum der Türksprachen, S. 116. См. также: *Серебренников Б. А.* Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и в тюркологии, с. 52—53.

[468] См.: *Kotwicz W.* Studia nad językami ałtajskimi, s. 105.

[469] См.: *Bang W.* Das negative Verbum der Türksprachen, S. 116. К. Брокельман был категорически против возведения *-ма* к глаголу *у-ма-* (см.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 188).

[470] См.: *Ramstedt G. J.* Die Verneinung in den altaischen Sprachen. — MSFOu, 1924, 52, S. 210—214; *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание, с. 101. См. также: *Горцевская В. А.* Формы отрицания в эвенкийском языке. Л., 1941 (Автор привлекает материалы всех тунгусо-маньчжурских языков).

По-видимому, необходимо согласиться с тем, что в основе отрицательного аффикса тюркских языков лежит неизвестный глагол со значением «недоставать», «упускать» или с каким-либо другим подобным значением, однако его этимологическая форма затемнена различными преобразованиями.

Раздел 5

Формы возможности (с отрицанием — невозможности)

Вспомогательными глаголами, используемыми для выражения возможности, являются *біл-* (ср.: *біл-* 'знать'), *ал-* (ср.: *ал-* 'брать') и *бол-* (ср.: *бол-* 'быть, становиться').

Первый глагол выступает в языках огузской группы, причем в гагаузском и турецком языках форма возможности образуется аналитическим способом, а форма невозможности — при помощи аффикса *-а-ма*, ср.: азерб. *гӟдӓ білді* 'он мог пойти', *гӟдӓ білмӓді* 'он не мог пойти'; гаг. *јаза білдім* 'я мог писать', *јазамадїм* 'я не мог писать'.

Второй глагол встречается почти во всех других языках, ср.: алт. *кӟчіп алар* 'сможет переправиться', *кӟчіп албас* 'не сможет переправиться'; башк., тат. *кілӓ алды̆*, казах., к.-калп., ног. *кӓлӟ алды̆*, тув. *кӟлӟ алды̆*, узб. *кӟла олди* 'он мог прийти'; кар. *ајталдї* (~ *ајта алдї*) 'он мог сказать'; карач.-балк. *баралдї* (~ *бара алдї*) 'он мог пойти'; кирг. *ӱзӧ алам* 'могу писать'; уйг. *туралмај* (~ *тура алмај*) 'не будучи в состоянии стоять'. Здесь же, очевидно, должны быть упомянуты чувашские формы на *-aj*, *-i*, например: *парајрӑ* 'он мог дать', *парајмарӑ* 'он не мог дать'.[471] Ср. также в говоре айских башкир: *табајамај* 'не может найти'.

Глагол *бол-* образует форму возможности в караимском, кумыкском и хакасском языках, ср.: кар. (крым. диал.) *јазїп болам* 'могу писать'; кум. *барїп болдї* 'он мог пойти'; хак. *кіл(ы̆п) поларбїн* 'смогу прийти'. В тофаларском языке он, как отмечает В. И. Рассадин, выражает значение объективной возможности («мочь, иметь разрешение») в отличие от глагола *біл-*, передающего субъективную возможность («мочь, быть в состоянии»).[472] То же самое (при употреблении глагола *бол-* преимущественно в 3-м лице) наблюдается и в других тюркских языках.

В древнетюркском и староогузском языках в качестве компонента формы возможности наряду с глаголом *біл-* употреблялся также глагол *у-* 'мочь'. Примеры: др.-тюрк. *отају умаҕај* 'не смогут вылечить' (Man I 15_8), *кӟгінч бӟрӱ умадї* 'он не мог дать ответа' (KP 15_8); ст.-тур. *білӱмӓзмӓн* 'не могу знать' (AQJB 31), *булумадї* 'он не мог найти' (AQJB 41), *булӱма-* 'не быть в состоянии найти', *варӱма-* 'не быть в состоянии идти'.[473]

Турецкая форма типа *јазамадї* 'он не мог писать' выводится из *јаза умадї*[474] или из *јаза алмадї*.[475] Вероятнее образование *-ама* из *-а-ума*, так как уже в старописьменных текстах глагол *у-* выступает почти исключительно в отрицательных формах, тогда как положительные формы

[471] См.: *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка, с. 54—55. О происхождении аффикса *-aj* из глагола *у-* 'мочь' см.: *Егоров В. Г.* Глагол, с. 184; *Матвеев Т. М.* Краткий обзор чувашских диалектов. — МЧД, I, 1960, с. 56; *Федотов М. Р.* Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары, 1963, с. 88.

[472] См.: *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении, с. 166—168.

[473] См.: *Korkmaz Z.* Türkiye Türkçesinde «iktidar» ve «imkân» gösteren yardımcı fiiller ve gelişmeleri. — TDAY. Belleten, 1959, s. 107—124; *Ertaylan I. H.* Türk edebiyatı örnekleri, I. Varaka ve Gülşah. İstanbul, 1945, s. 19.

[474] İbid., s. 109—115; *Tekin T.* [Рец. на:] *Menges K. H.* The Turkic Languages and Peoples, p. 362.

[475] См.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 2, S. 911; *Ramstedt G. J.* Die Verneinung in den altaischen Sprachen, S. 211—212; *Menges K. H.* The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968, p. 153.

образовывались при помощи глагола *бíл-*. Необходимо также иметь в виду, что глагол *ал-* для выражения возможности в огузских языках не использовался.

Азербайджанские диалектные формы *аламманам*, *аламмарам* ‘не могу взять’, *аламмадïм* ‘я не мог взять’,[476] по-видимому, того же происхождения, что и турецкие, хотя не меньше оснований видеть в их составе вспомогательный глагол *ал-*, в котором *л* подвергся ассимилятивному воздействию последующего *м*, ср.: *аламмадïм* < *алалмадïм* (*ала алмадïм*).

Раздел 6

Формы залога

Освещение вопроса о грамматической категории залога в сравнительных и описательных грамматиках тюркских языков осложняется тем, что тюркские материалы не всегда поддаются осмыслению исходя из общепринятых установок и определений: то, что именуется залогом в грамматиках индоевропейских языков, не имеет полных аналогий в тюркских языках как по содержанию, так и по структуре выражения.

Содержательная сторона различается характером и составом грамматических значений. Если форма страдательного залога, или пассива, в индоевропейских языках, согласно традиционному определению, передает действие, которое исходит от субъекта, не выраженного в языке или выраженного формой косвенного падежа, и направлено на объект, выраженный формой именительного падежа, то в тюркских языках содержание этой формы несколько шире, и пассивность глагольной конструкции в них следует понимать как неопределенность, или неочевидность, субъекта действия. Поэтому, с одной стороны, возможно образование формы страдательного залога от непереходных глаголов, с другой стороны, форма страдательного залога, образованная от переходных глаголов, может «управлять» формой винительного падежа, правда, в ограниченных размерах и не во всех языках. Особенно велики трудности при освещении вопроса о тех залоговых значениях тюркского глагола, которые не сопоставимы с типами залоговых значений, выделяемыми в индоевропейских языках, и, по существу, не подходят под традиционные определения залога. В связи с этим подвергается сомнению правомерность отнесения соответствующих форм к залоговым или делаются попытки вывести их за пределы залога и интерпретировать как особые морфологические образования. На одной из таких попыток, предпринятой Н. Н. Джанашиа, мы остановимся подробнее. Касаясь определения залога, Н. Н. Джанашиа подчеркивает неоправданность упоминания в этом определении объекта и квалифицирует залог как отношение между действием и субъектом, имеющее три принципиально различных типа: 1) действие субъекта переходит на прямой объект (действительный залог); 2) субъект испытывает действие, исходящее от него самого или от так называемого логического субъекта (страдательный залог); 3) действие исходит от грамматического субъекта и происходит с самим грамматическим субъектом (средний залог). Каузатив исключается из числа залоговых форм ссылкой на то, что образующие его аффиксы не привносят ничего нового в отношения между субъектом и действием по сравнению с глаголами действительного залога. Выводится за пределы залога и взаимно-совместная форма.[477]

[476] См.: *Исламов М.* Азербајчан дилинин Нуха диалекти, с. 152—153.

[477] См.: *Джанашиа Н. Н.* Залоги в современном азербайджанском языке. — СТ, 1974, № 1, с. 42—44. См. также: *Серебренников Б. А.* О залоге в финно-угорских и тюркских языка . — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Уфа, 1958, с. 69—71; *Джангидзе В. Т.* Текст выступления на координационном совещании. — Там же, с. 110.

Что касается структуры выражения, то здесь бросается в глаза допустимость сочетания в одной словоформе нескольких залоговых показателей, однотипных или разнородных, представляющих своего рода порядки с фиксированным местом по крайней мере некоторых из них.[478] Так, аффикс страдательного залога сочетается с аффиксами каузатива и занимает обычно постпозитивное положение, ср.: кар. *олтурдузул-* ‘быть посаженным’; кирг. *кäлтірíл-* ‘быть принесенным’; ног. *сöндïрíл-* ‘быть погашенным’; узб. *јэздірíл-* ‘быть заставленным писать’. Аффикс возвратного залога также сочетается с аффиксами каузатива, но выступает чаще в позиции перед ними, ср.: кар. *байландïр-* ‘привязывать’, *кíјíндірíл-* ‘быть одеваемым’; карач.-балк. *ўувундур-* ‘заставлять мыться’, *атландïр-* ‘отправлять на лошади’. Аффиксы страдательного и возвратного залогов объединяются в любой последовательности, однако «нормативным» является расположение первого из них перед вторым. Обратный порядок — аффикс возвратного залога + аффикс страдательного залога — обусловлен тем обстоятельством, что с основами, оканчивающимися на *л* или включающими в себя *л*, в качестве показателя страдательного залога употребляется лишь аффикс *-н*, который является также показателем возвратного залога, ср.: др.-тюрк. *капуг ачлïндï* ‘дверь открылась’ (МК I 256), *ўзлўнді* ‘порвалось’ (МК I 258); казах. *ət жəлïндï* ‘мясо было съедено’, *сол дəптəр пайдаланылды* ‘та тетрадь была использована’; тур. *шімді тўркчə јурдун həр кəсміндə кулланílмактадïр* ‘теперь турецкий язык употребляется в каждом районе страны’. При этом не ясно, используется ли сочетание аффиксов страдательного и возвратного залогов для выражения каких-либо особых залоговых оттенков или оно является фактом диахронического порядка, т. е. связано с полной или частичной десемантизацией одного из морфологических показателей. В приведенных выше примерах из древнетюркского языка глагольные формы могут быть истолкованы как передающие такие действия, направленность которых никак нельзя считать определенной: дверь открывается кем-то и сама по себе; нечто порвалось, потому что кто-то приложил усилия или по причине ветхости. Однако в примере из казахского языка двусмысленность исключена, так как выраженное в нем действие возможно только со стороны. Таким образом, в этом случае оба аффикса — *-л* и *-ïн* — употребляются в значении страдательного залога, и присоединение к аффиксу *-л* аффикса *-ïн* на первый взгляд ничем не мотивировано.

В пределах одной словоформы совместимы аффиксы не только двух, но и трех разных залогов, ср.: якут. *көрүһүннэр-* (*көр-үс-үн-нэр-*) ‘заставлять встретиться, увидеться’.

Сочетание однотипных показателей наблюдается в пределах каузатива, и эта особенность обусловлена своеобразием его содержания: каузативная форма глагола выражает отношение действия не к субъекту-исполнителю, а к субъекту-каузатору, т. е. к тому субъекту, который побуждает что-либо делать или невольно становится причиной действия. Побуждение к действию может осуществляться через нескольких посредников, и каждая ступень получает свое выражение в глагольной форме, причем последовательность присоединения каузативных аффиксов предопределена традицией и морфонологическими обстоятельствами, ср.: др.-тюрк. *тод-* ‘насыщаться’, *тодгур-* ‘насыщать’, *тодгурт-* ‘заставлять насытить [кого-л.]’ (МК II 256); алт. *кəч-* ‘переправляться’, *кəчір-* ‘переправлять’, *кəчірт-* ‘заставлять переправлять’; башк. *јад-* ‘писать’, *јаддïр-* ‘заставлять писать’, *јаддïрт-* ‘побуждать заставлять писать’; гаг. *гəз-* ‘гулять’, *гəздір-* ‘прогуливать [кого-л.]’, *гəздірт-* ‘заставлять прогуливать

[478] См.: *Фатыхов А. Х.* Категория залога в башкирском языке. — Уч. зап. Башкирского ГПИ, VIII. Сер. филол., 1956, № 2, с. 250 сл.; *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка, с. 253—254; Грамматика ногайского языка, с. 215—217; *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины, 2. Алма-Ата, 1976, с. 197—198; *Султансаидова С.* Возвратный и страдательный залоги в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1978, с. 14 сл.

[кого-л.]'; кар. *јан-* 'гореть', *јандїр-* 'зажигать', *јандїрт-* 'заставлять зажигать'; узб. *кэч-* 'бежать', *кэчір-* 'обращать в бегство', *кэчіртір-* 'заставлять обращать в бегство', *ўкі-* 'учиться', *ўкіт-* 'учить', *ўкіттір-* 'заставлять учить'. Нередко присоединение к глагольной основе аффикса понудительного залога приводит к образованию нового слова, и в таких случаях выделение каузатива является чисто формальным, ср.: алт. *көр-* 'видеть', *көргїс-* 'показывать'; уйг. *біл-* 'знать', *білдїр-* 'сообщать'; узб. *кајна-* 'кипеть', *кајнат-* 'кипятить', *ўл-* 'умирать', *ўлдір-* 'убивать'.

Обращает на себя внимание и то, что залоговые формы недостаточно регулярны, довольно часто выражают незалоговые значения грамматического характера (многократность, интенсивность, длительность действия) и сравнительно легко поддаются лексикализации. Иногда присоединение к глагольной основе залоговых аффиксов не изменяет ее исходного грамматического значения и не привносит дополнительных лексических оттенков.

Из сказанного следует, что замечания по поводу «необычности» тюркского залога и сомнения в правомерности отнесения к нему понудительной и взаимно-совместной форм безусловно имеют под собой почву. Нет необходимости пространно говорить о том, что значения, составляющие грамматическую категорию, должны быть однородными, взаимоисключающими. Точно так же употребление аффикса, который выражает одно значение, входящее в данную грамматическую категорию, должно исключать использование другого аффикса с аналогичным значением. Иными словами, средства выражения одной грамматической категории не образуют синтагматической последовательности, они составляют парадигму или, соотносительно со средствами выражения других грамматических категорий, определенный парадигматический ряд (порядок). В одной из своих предыдущих работ[479] мы пытались устранить противоречие между установившимся в теоретическом языкознании пониманием сущности грамматической категории и специфическими особенностями залоговых форм в тюркских языках путем наименования последних породами. Такой путь позволяет провести границу между группой форм, относимых в тюркских языках к залогу, и залоговыми формами других языков, и в этом смысле он оправдан. Однако наименование тюркских залоговых форм породами уводит от ответа на вопрос о возможности совмещения в одной словоформе нескольких морфологических показателей, выражающих однородные значения. Указанный путь ведет также к излишнему преувеличению специфики тюркских форм и, по существу, к игнорированию того, что формы, именуемые в грамматиках тюркских языков залоговыми, выражают залоговые отношения или отношения, близкие к ним.

Итак, можно сделать вывод, что залог в большей мере, чем другие общеязыковые категории, наделен специфическими чертами. Поэтому важно дать такое определение, которое основывалось бы на учете наиболее общих и существенных признаков данной категории и вместе с тем полнее бы отражало ее семантическое своеобразие в отдельных языковых группах.

В описательных грамматиках и специальных работах залог определяется как категория, выражающая отношения между субъектом и объектом действия,[480] между действием и субъектом («отношения действия к субъекту»)[481] или между действием, с одной стороны, и субъектом и

[479] *Щербак А. М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, с. 164 сл.

[480] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 179; *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 187. Ср.: *Иванов С. Н.* Курс турецкой грамматики, 2. Л., 1977, с. 6 сл.

[481] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке. АДД. М., 1957, с. 48; *Серебренников Б. А.* О залоге в финно-угорских и тюркских языках, с. 61; *Закиев М. З.* Текст выступления на координационном совещании. — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Уфа, 1958, с. 99—102; *Харитонов Л. Н.* Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963, с. 9; *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 169.

объектом, с другой («отношения действия к субъекту и объекту», «отношения субъекта и объекта к действию»).[482] Будучи грамматической категорией глагола, залог действительно показывает степень участия субъекта в действии или состоянии, и, следовательно, субъект — важный компонент ситуации, получающей отражение в залоге. Роль же объекта в образовании залоговых значений менее очевидна.[483] Поэтому определение залога, исходящее из субъектно-объектной трактовки его содержания, не находит широкой поддержки. Подобное определение отводится и с иной точки зрения. Как указывает С. Е. Яхонтов, отношения между субъектом и объектом всегда одни и те же: субъект совершает действие, объект испытывает его.[484]

В последние годы традиционные определения залога подверглись резкой критике, и в ходе продолжительных дискуссий было сформулировано новое определение залога: как выраженного в глаголе соответствия между единицами синтаксического и семантического уровней или как грамматически маркированной в глаголе диатезы.[485] Количество диатез колеблется в зависимости от разных обстоятельств: от грамматических особенностей языка, от лексической семантики глагола, от числа участников ситуации. Поскольку строгих правил их отбора нет,[486] соответствия, устанавливаемые в каждом конкретном случае, являются до некоторой степени произвольными. Нередко произвольны и толкования ситуаций, ср.: *дверь открывается внутрь* и *дверь открывается ключом* (в первом случае один участник ситуации, во втором — два). Необходимо подчеркнуть также и то, что ни одна залоговая конструкция не может рассматриваться как перевернутая разновидность другой, так что число и состав участников ситуации в разных залоговых конструкциях часто не совпадают.

Г. Г. Сильницкий, рассматривающий залог с четко выраженной опорой на валентностные признаки глагола, т. е. на его способность сочетаться с теми или иными элементами, внес небольшие изменения в определение А. А. Холодовича, назвав залог грамматической категорией, «которая отображает регулярные соотношения между элементами валентностных парадигм глагольных лексем, коррелирующие с регулярными изменениями в значении этих лексем».[487] По мнению Г. Г. Сильницкого, термин «залоговая форма» в большей мере применим к определенным типам конструкций, чем к отдельно взятым глагольным формам, которые сами по себе, как полагает он, залоговых значений не выражают. В связи с этим, в порядке уточнения, залог определяется как многоплановая лексико-синтаксическая категория, «отображающая соотношения между лексическим типом глагола и синтаксической структурой глагольного предложения».[488]

[482] См.: *Калыбаева А. К.* Категория залога в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1949, с. 8; *Чарыяров Б.* Категория залога в современном туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1955, с. 5; *Азер А. А.* Категория залога в современном азербайджанском языке. АКД. Баку, 1955, с. 4—5; *Фатыхов А. Х.* Категория залога в башкирском языке. — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Уфа, 1958, с. 74; Грамматика туркменского языка, I, с. 235.

[483] Ср. у Э. В. Севортяна: «. . .переходность и непереходность не входят в содержание залога» (*Севортян Э. В.* Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке, с. 48).

[484] См.: *Яхонтов С. Е.* Формальное определение залога. — В кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974, с. 46.

[485] См.: *Холодович А. А.* Залог. — В кн.: Категория залога. Материалы конференции. Л., 1970, с. 13.

[486] Ср.: *Храковский В. С.* Конструкции пассивного залога. — Там же, с. 27.

[487] *Сильницкий Г. Г.* Глагольная валентность и залог. — В кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974, с. 54.

[488] Там же, с. 71—72.

В своем определении залога мы исходим из того, что залог — грамматическая категория глагола и что синтаксическое окружение его — следствие использования той или иной залоговой формы. Сущность залога — в характеристике действия с точки зрения участия в нем субъекта высказывания: 1) действие передается как активный процесс, 2) как состояние, 3) как волевой импульс или как позиция, не создающая препятствий для выполнения другого действия. Понятно, что характеристика действия в указанном смысле включает такой момент, как направленность. Здесь выделяются следующие случаи: 1) действие исходит от субъекта, 2) действие направлено на субъект, субъект подвергается действию, 3) действие исходит от субъекта и направлено на него самого, 4) действие исходит от нескольких субъектов. Говоря о субъекте, мы имеем в виду не логический субъект, участие которого в действии не существенно для образования залоговых различий, а субъект высказывания (ср. у Л. Теньера: первый актант).[489]

Характеристика действия с точки зрения участия в нем субъекта производится в разных аспектах, и вследствие этого происходит наложение одной залоговой формы на другую, что уже отмечалось выше. Снова, касаясь в связи с этим вопроса о правомерности объединения неоднородных значений в составе одной грамматической категории, необходимо четко и определенно заявить, что неоднородные значения, или значения, которые не исключают друг друга в пределах одной словоформы, относятся к разным категориям. Следовательно, в тюркских языках каждая форма, именуемая залоговой, выражает самостоятельную категорию (смысловую структуру ее образует оппозиция соответствующей формы и формы действительного залога),[490] и о залоге в общем смысле можно говорить лишь условно, считаясь с существующей грамматической традицией.

Действительный залог

У действительного залога нет своего морфологического показателя, и соответствующая залоговая форма выделяется путем сопоставления ее с другими залоговыми формами. В форме действительного залога глагол передает действие как активный процесс или состояние, ср.: азерб. *jazïram* 'пишу', *gədirəm* 'иду'; казах. *жаздым* 'я написал', *отырдым* 'я сел'; узб. *kўraman* 'вижу', *tujdim* 'я чувствовал'.

Страдательный залог

1,1. Форма страдательного залога образуется при помощи аффикса *-л ~ -ïл ~ -ул*, в якутском языке — *-ïлïн ~ -улун* (аффикс страдательного залога в сочетании с аффиксом возвратного залога), в говорах алтайского языка — *-ïлïл* (сочетание двух аффиксов страдательного залога).[491] Если в конце основы или в последнем слоге оказывается *л*, функции показателя страдательного залога выполняет аффикс *-н ~ -ïн ~ -ун*. В ряде тюркских языков аффикс *-н ~ -ïн ~ -ун* в указанном значении присоединяется также к основам на гласный, а в якутском языке — к основам на долгий гласный или дифтонг. Разумеется, возможны разного рода исключения, в частности присоединение аффикса *-ïл ~ -ул* к основам на *л*. Примеры: др.-тюрк. *алïл-* 'быть схваченным'; ст.-узб. *алïл-* 'быть взятым' (*сэнің ўчўн бір ўзбä саткун алïлдï* 'для тебя была куплена кольчуга');[492] азерб. *jazïl-* 'быть написанным'; алт. *кэзіл-* 'быть разрезанным', *баштал-* 'быть начатым'; алт. (диал.) *ачïлïл-* 'открываться', *азïлïл-* 'подвешиваться'; башк. *тŏтŏл-* 'быть схваченным', *буjал-* 'быть покрашенным', *налŭн-* 'быть положенным'; гаг. *бічіл-* 'быть срезанным, скошенным', *бозул-* 'быть испорченным', *алïн-* 'быть взятым'; казах. *жэңŭл-* 'быть побежденным', *сöjлэн-* 'быть сказанным'; карач.-балк. *окул-* 'читаться'; кум. *ічіл-* 'быть выпитым', *ашал-* 'быть съеденным', *білін-* 'быть узнанным'; ног. *табŭл-* 'быть найденным', *бајлан-* 'быть завязанным'; тув. *адïрïл-* 'отделяться, быть отделенным', *кöдўрўл-* 'быть поднятым', *баŋлан-* 'быть привязанным'; тур. *танïн-* 'быть признанным, известным', *jўрўн-* 'ходить, двигаться'; туркм. *ўшіділ-* 'быть услышанным', *бöлўн-* 'быть поделенным'; узб. *ajтіл-* 'быть сказанным', *кілін-* 'быть сделанным', *сајлан-* 'избираться'; хак. *пазïл-* 'быть написанным'; якут. *бïhïлïн-* 'быть разрезанным', *сіэн-* 'поедаться'.

Другие аффиксы страдательного залога встречаются очень редко: др.-тюрк. *-ïk*, *-сïk*, *-тук*(?); тув. *-тïн ~ -тун ~ -дïн ~ -дун*, *-тïл ~ -тул*. Примеры: др.-тюрк. *алсïк-* 'быть захваченным', *санчïк-* 'быть сраженным', *бассïк-* 'быть разбитым, подавленным', *білсік-* 'стать известным'; тув. *алдïн-* 'быть взятым', *чуруттун-* 'быть нарисованным', *куттул-* 'литься', *арттïл-* 'свешиваться', *чаттïл-* 'простираться', 'расстилаться'. Последний из них — аффикс *-тïл ~-тул*, — прослеживаемый лишь в трех глаголах тувинского языка, по мнению специалистов, является морфонологической разновидностью аффикса *-л ~ -ïл ~ -ул* (после основ, оканчивающихся на *т*).[493] Мы рассматриваем *-тïл* как сочетание двух аффиксов — *-ïн* и *-ïл* (*-ïнïл ~ -нïл*), в котором *н* ассимилировался конечному *т* основы. Мало оснований считать особым показателем страдательного залога и аффикс *-тïн ~ -тун ~ -дïн ~ -дун*, выступающий также в значении возвратного залога. Существует предположение о наличии в его составе двух показателей возвратного залога (resp. медиопассива) *-н*.[494] Более убедительна, на наш взгляд, мысль о том, что аффикс *-тïн ~ -тун ~ -дïн ~ -дун* является чисто фонетической разновидностью сложного аффикса *-лïн*,[495] встречающегося во многих тюркских языках и занимающего господствующее положение в якутском языке. Известно, что в формах страдательного и возвратного залогов в тувинском языке при сочетании шумных согласных с сонантом *л* происходят различные ассимилятивные процессы, например: *тïптïн* (< *тïплïн* < *тïбілïн*) 'будучи найденным', *частïн* (< *часлïн* < *чазïлïн*) 'будучи взорванным'. Непременное условие подобных процессов — усложнение формы и связанное с ним выпадение гласного между шумным согласным и *л*. Именно такие условия существуют, когда присоединяемый к глагольной основе морфологический элемент оказывается двусложным, ср.: *казïл-* (*кас-ïл*) и *кастïн-* (*кас-ïл-ïн-*) 'копаться, рыться'.[496]

Аффикс страдательного залога присоединяется к переходным глаголам, изредка к непереходным. Образование страдательной формы от непереходных глаголов связано с построением безличных конструкций, оно имеет место, кроме того, в тех случаях, когда непереходный глагол выступает в служебной функции, в качестве компонента сложного глагола, ср.: ст.-узб. *ба'зінің раjï барін ўді кім кўш jавуктур філhал Ламған барïлғај* 'мнение некоторых было таково, что близка зима и теперь лучше пойти в Ламган', *Кубадïн Марғïнанға кэлінді* 'из Кубы пришли в Маргинан'; гаг. *сэмічкајлэн ар гіділіj* 'с подсолнухами трудно идет [дело]';[497] тур. *ораја гіділірмі* 'ходят ли туда?', *бу одаја гірілмэз капалïдïр* 'в эту комнату не войти: закрыта', *акшама ёвэ дöнўлӭўэк* 'к вечеру следует

---

[489] *Tesnière L.* Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959, p. 108, 242.
[490] Ср.: *Яхонтов С. Е.* Формальное определение залога, с. 52.
[491] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка, с. 125.
[492] См.: *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка, с. 179.
[493] См.: *Летягина Н. И., Насилов Д. М.* Пассив в тувинском языке. — СТ, 1974, № 1, с. 13—24. Ср.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 291.
[494] См.: *Menges K. H.* Das Sojonische und Karagassische. — PhTF, I, S. 656.
[495] См.: *Летягина Н. И., Насилов Д. М.* Пассив в тувинском языке, с. 15.
[496] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 291.
[497] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 174.

вернуться домой';[498] туркм. *jӧлдан гӛчілді* 'перешли через дорогу';[499] узб. *Хоразмга Амударjо эркалі бэріладі* 'в Хорезм едут по Аму-Дарье',[500] *камап кэтіл-* 'арестовываться', *кувіп jэтіл-* 'быть догоняемым';[501] якут. *ӱлэгэ эрдэ туруллар* 'на работу встают (~ «встается») рано'.[502]

В распределении аффикса *-л ~ -їл ~ -ул* относительно показателей других залогов нет строгих правил. В сочетании с аффиксами понудительного залога он чаще занимает постпозитивное положение, с аффиксами взаимно-совместного залога — препозитивное, в сочетании же с аффиксом возвратного залога выступает одинаково как перед ним, так и после него, однако его конечная позиция оказывается возможной только вследствие того, что после основ с *л* в последнем слоге и отчасти с конечным *з*(*δ*) он не допускается, ср.: др.-тюрк. *ачлїн-* 'открываться'; казах. *бэзэнїл-* 'украшаться', *жэлїн-* 'поедаться'; кар. *сатїн алїнїл-* 'покупаться'; ног. *сатїлїн-* 'продаваться', *басланїл-* 'начинаться'; тув. *кастїн-* (*кас-їлїн-*) 'копаться, рыться'; тур. *кулланїл-* 'использоваться'; туркм. *δакланїл-* 'сохраняться'; узб. *бэзаніл-* 'украшаться'.

Употребление формы страдательного залога связано с построением особой конструкции, выделяющейся некоторыми синтаксическими признаками: отсутствием обозначения лица или предмета, от которых исходит действие, и дополнения в винительном падеже. Правда, оба эти признака являются относительными. Так, производитель действия иногда передается формами дательного, исходного и творительного (орудного) падежей или при помощи послелогов *білән*, *мэнэн*, *бірлä*, *аркалї*, *тарафїндан*, *тэмэнідан*, *ўїhатїдан*, ср.: ст.-кыпч. *бурун алај ајтїлдї пäjғамбäрдäн* 'так раньше было сказано пророком' (Cod. Cum. 62 r_2); кирг. *мэн тарабімдан ајтїлған сӧз* 'слово, сказанное мной'; хак. *анїң холїнаң тїхталған тракторлар* 'тракторы, отремонтированные его руками', *ағастар чілгэ чајхалчалар* 'деревья раскачиваются ветром'.[503] Из различных случаев обозначения производителя действия, являющихся, в общем, редкими, необходимо выделить тот, который связан с употреблением формы дательного падежа. Он имеет длительную историю, и, может быть, не беспочвенны предположения о наличии определенной связи между обозначениями производителя действия в страдательной и каузативной конструкциях: и в той, и в другой непосредственный, реальный производитель действия обозначен формой дательного падежа.[504] Использование в страдательной конструкции других способов восходит к сравнительно позднему времени и является в известной мере следствием исходящих из разных источников влияний. Не случайно, например, конструкция со словом *тараф* (реже: *таман* и *ўїhат*) в исходном падеже не выходит за пределы определенного круга языков (азербайджанский, башкирский, казахский, каракалпакский, киргизский, татарский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский) и является преимущественно книжной. Однако нельзя отрицать и наличие чисто внутренних предпосылок выделения реального производителя действия в страдательной конструкции. Эпизодически имеет место также управление формы страдательного

[498] Большое количество подобных примеров собрано в работе: *Баскаков А. Н.* Типы односоставных предложений в современном литературном турецком языке. — В кн.: Односоставные предложения в восточных языках. М., 1976, с. 8—9.

[499] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 239.

[500] См.: *Муждабаев М. М.* Безлично-страдательные конструкции в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1963, с. 5 сл. См. также: *Гуломов А. Ғ.* Фе'л. Тошкент, 1954, б. 39.

[501] См.: *Раҳматуллаев Ш., Султонсаидова С.* Қўшма феълларда ва феълнинг аналитик формаларида ўзлик, мажҳул даража аффикслариниг қўлланиши. — ЎТА, 1976, № 2, б. 13, 15.

[502] См.: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык, с. 179; *Неустроев Н. Н.* Безличные предложения в современном якутском языке. Якутск, 1972, с. 6 сл., 17 сл.

[503] См.: Грамматика хакасского языка, с. 179.

[504] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 274—275, 292.

залога винительным падежом, в частности в староузбекском и в современном узбекском языках: ст.-узб. *анї ӱч кїсм кїлїндї* 'ее сделали [состоящей] из трех частей', *мэнің ғанїмїм курғанда ӛді нäм курғанїнї алїндї нäм ғанїмнї качурулдї* 'мой противник находился в крепости; и крепость была взята, и противник был обращен в бегство', *дағї јэбäläрні ӱлäшілді* 'и были поделены кольчуги', *сäбäбін сорулдї ӛрсä* 'когда спрашивали о причине этого';[505] узб. *ошні јэјілді* 'ели плов', *чэјні ічілді* 'пили чай'.[506]

1,2. Происхождение общетюркской формы страдательного залога, как и залоговых форм вообще, вызывает большой интерес у тюркологов, так как раскрытие ее этимологии должно способствовать выяснению природы специфических черт данной грамматической категории и уточнению самой сущности залога.

Поискам прототипа формы на *-л~-їл~ -ул* посвящено значительное количество работ, последняя из которых написана Б. А. Серебренниковым.[507] Отмечая, что вопрос о происхождении аффиксов страдательного залога в тюркских языках до сих пор остается открытым, и присоединяясь к мнению Э. В. Севортяна относительно того, что залоговые формы первоначально имели словообразовательное значение и выражали учащательность, или интенсивность, Б. А. Серебренников ставит аффикс страдательного залога *-л* в один ряд с аффиксом *-л* отыменного образования глаголов.

Предположению, высказанному Б. А. Серебренниковым, противостоит в основном гипотеза, выдвинутая еще в конце прошлого столетия и не утратившая своей научной ценности вплоть до настоящего времени. Поиски прототипа формы страдательного залога на *-л* привели тюркологов в круг морфологических образований, выражающих страдательное значение, но являющихся как бы неразложимыми, или, точнее, не имеющими соотносимых с ними форм действительного залога, ср.: ст.-узб. *кутул-* 'освобождаться', 'спасаться', *кутқар-* 'освобождать', 'спасать', *уjал-* 'стыдиться', *уjат-* 'стыдить', *тіріл-* 'оживать', *тіріт-* 'оживлять'; узб. *jўқол-* 'теряться, исчезать', *jўқот-* 'терять', *бэркіл-* 'закрываться, запираться', *бэркіт-* 'закрывать, запирать'. Аналогичное явление было отмечено и в пределах возвратного залога, ср.: др.-тюрк. *јашун-* 'скрываться', *јашур-* 'скрывать, прятать', *ӛмгän-* 'мучиться', *ӛмгät-* 'мучить'; ст.-узб. *ӣнан-* 'верить', *ӣнат-* 'внушать', *уjған-* 'просыпаться', *уjғат-* 'пробуждать'; алт. *ӱрӛн-* 'учиться', *ӱрӛт-* 'учить'; казах. *ојан-* 'просыпаться', *ојат-* 'будить'; хак. *чазїн-* 'прятаться', *чазїр-* 'прятать', *усхун-* 'просыпаться', *усхур-* 'будить', *чапсїн-* 'приклеиваться', *чапсїр-* 'приклеивать'. Совпадение приведенных примеров в разных тюркских языках, давно не имеющих контактов между собой, свидетельствует о том, что несоотносимость форм страдательного залога с формами действительного залога не носит случайного характера и имеет исторические корни. Если предположение, что формы типа *кутул-* 'освобождаться', 'спасаться', *јўқол-* 'теряться, исчезать' образовались не от **јоқа-* 'терять', **куту-* 'освобождать', а из составных глаголов типа *кут* (*б*)*ол-*, *јўқ* (*б*)*ол-*, первым компонентом которых были имена, а вторым — глагол *бол-* 'быть, становиться', соответствует действительному положению, то указанная выше несоотносимость получит объяснение как факт этимологического порядка,[508] а случаи нормального соотношения тех и других форм — как

[505] См.: *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка, с. 178—179.

[506] См.: *Ғулом А.* Ўзбек тилида келишиклар. Ўзбек тилининг илмий грамматикаси учун материаллар. — Тр. Узбекского филиала АН СССР. II сер., филол. Ташкент, 1941, 2, с. 9. См. также: *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль Тегина, с. 102; *Тумашева Д. Г.* Хэзерге татар эдэби теле морфологиясе, б. 164.

[507] *Серебренников Б. А.* К проблеме происхождения аффиксов страдательного залога *-l-, -yl-/-il-, -n-, -yn-/-in-* в тюркских языках. — СТ, 1976, № 2, с. 29—32.

[508] Ср. у Э. В. Севортяна: «. . .залоговые показатели исторически создавали глаголы от имен. . .» (*Севортян Э. В.* Аффиксальное глаголообразование в азербайджан-

следствие исчезновения первоначального синкретизма корней и образования автономных глагольных основ. В свете изложенного не кажется невероятной связь аффикса страдательного залога *-л∼-їл∼-ул* с глаголом *(б)ол-* ‘быть, становиться’, постулированная К. Залеманом [509] и допускавшаяся с некоторыми оговорками В. Бангом.[510] Признание наличия такой связи снимает многие вопросы и позволяет удовлетворительно объяснить как своеобразие содержания рассматриваемой формы, так и особенности образуемой ею конструкции. Поскольку содержанием формы страдательного залога, если согласиться с предположением о ее развитии из глагола *(б)ол-*, было состояние, совершенно естественно отсутствие указаний на производителя действия, его неочевидность, неопределенность.

Аффикс *-н* как показатель страдательного залога появился, вероятнее всего, в результате диссимилятивных изменений *(алїл->алїн-)*.[511] Доказательством этому служит то обстоятельство, что в старописьменных текстах значительно чаще, чем в современных языках, и после основ на *л* или основ, содержащих *л* в последнем слоге, показателем страдательного залога выступает *-л*.[512] Кстати, фонетическая сторона изложенному объяснению не препятствует, ср. в говорах уйгурского языка: *баріні (<барілі)* ‘пойдем-ка’, *кәтіні (<кәтілі)* ‘уйдем-ка’;[513] узб. *бәргані (<бәргалі)* ‘чтобы пойти’.

Природа аффикса *-їк* не ясна.[514] Он присоединяется преимущественно к именным основам: др.-тюрк. *ічік-* ‘подчиняться’, *таɣїк-* ‘подниматься, взбираться’, *ташїк-* ‘выходить’, ‘выступать’, ‘отправляться в поход’, *бірік-* ‘объединяться’, *андїк-* ‘клясться’, *ачїк-* ‘проголодаться’, *басїк-* ‘подвергаться нападению’, *усук-* ‘иметь жажду’, *учук-* ‘подходить к концу’, *аɓук-* ‘быть отравленным’, *јәлвік-* ‘подвергаться действию чар’; ст.-узб. *азїк-* ‘сбиваться с пути, заблуждаться’.[515]

Аффикс *-сїк*, по мнению К. Брокельмана, является разновидностью аффикса *-їк*,[516] однако о характере соотношения того и другого и о происхождении начального *с* К. Брокельман ничего не говорит. Заметим, что считать аффиксы *-сїк* и *-їк* морфонологическими вариантами нет оснований: они встречаются в одинаковых фонетических условиях, ср.: др.-тюрк. *алсїк-* ‘быть взятым’ и *алїк-* ‘опуститься, пасть’. О разграничении того и другого можно говорить, пожалуй, лишь в том плане, что первый из них выступает только с глагольными основами, ср.: др.-тюрк. *чалсїк-* ‘быть разбитым, подавленным’, *бассїк-* ‘подвергаться нападению’. Параллельно аффиксу *-сїк* в древнетюркских текстах употреблялся аффикс *-мїк*, например: *бултук-* ‘быть найденным, обнаруженным’, *бастїк-* ‘подвергаться нападению’. В статье о природе каузатива и пассива в тюркских языках Т. Ковальский рассматривает *-мїк* как сочетание аффикса пассива *-(ї)к* с каузативным аффиксом *-т*,[517] с самого начала имевшим широкий диапазон каузативных значений и затем ставшим также выразителем пассивности, ср.: «дать (себя) ударить» → «быть ударяемым».[518] Несколько дальше по этому пути пошел М. Левицкий, заявивший, что статья Т. Ковальского доказывает существование аффикса, совмещавшего функции каузатива и пассива.[519]

2,1. Мы выделяем четыре значения формы страдательного залога: медиально-страдательное (медиопассив), медиальное, собственно-страдательное и безличное (ср. у Э. В. Севортяна: медиальное, собственно-страдательное и безлично-страдательное).[520]

Форма страдательного залога выражает пассивность субъекта высказывания, кульминационный момент которой — превращение его в объект действия. Но не в этом специфика значения, передаваемого данной формой. «. . . сущность страдательного залога заключается не в претерпевании действия одного предмета другим, а в том, что в страдательном обороте действие представляется как факт, как такое проявление, при котором производитель действия вполне или в значительной степени игнорируется».[521] Как тонко заметил П. М. Мелиоранский, описывая грамматику казахского языка, страдательный залог в нем «употребляется, вообще говоря, нечасто, и преимущественно в тех случаях, когда говорящий не знает и даже не имеет никаких предположений относительно того, кто совершил действие, о котором идет речь».[522] Таким образом, самым важным обстоятельством, сопутствующим образованию страдательной конструкции и фактически предопределяющим ее существование, является исключение производителя действия, выдвижение на первый план состояния. Именно действие и состояние образуют семантическую основу противопоставления форм действительного и страдательного залога в тюркских языках. Что же касается разнонаправленности действия (М. М. Гухман считает различительным семантическим признаком оппозиции действительный/страдательный залог в германских языках направление процесса: центробежность/центростремительность),[523] то она может рассматриваться лишь как следствие относительно позднего преобразования указанной семантической основы. Выдвижение на первый план состояния делает излишней какую-либо информацию о производителе действия. Здесь уместно воспроизвести то наименование, которое было дано форме страдательного залога арабскими средневековыми филологами, — مجهول букв. ‘неизвестный, неочевидный’,[524] ср. в грамматике каракалпакского языка: *белгисиз дәреже* — страдательный залог, букв. ‘неопределенный залог’. Во фразах типа азерб. *мәктуб јазїлїр* ‘письмо пишется’, узб. *бізга јаңі машіна кәлтірілді* ‘нам привезена новая машина’ производитель действия не только не выражен, но и не подразумевается. Поэтому трудно согласиться с утверждением, что в страдательной конструкции позицию грамматического подлежащего занимает объект действия, ср. у А. Г. Гулямова: «Глагол в форме страдательного залога выражает действие, которое совершается грамматическим объектом и переходит на грамматический субъект».[525] «Устранение» производителя действия, или «игнорирование» его, не позволяет говорить о наличии в страдательной конструкции объекта как такового. Нет никаких оснований утверждать, что во фразах типа др.-тюрк. *тон кірдән тоɓралді* ‘одежда от грязи разорвалась в клочья’ (МК II 230), ног. *әсїк јабїлɓан*

ском литературном языке, с. 48). См. также: *Фазылов Э. И.* Категория залога в узбекском языке в сравнительно-историческом освещении. АКД. Ташкент, 1961, с. 4.

[509] См.: *Salemann C.* Noch einmal die Seldschukischen Verse. — Mélanges Asiatiques, SPb., 1892, X, 2, S. 212.

[510] Для В. Банга связь аффикса *-л ∼ -їл ∼ -ул* с глаголом *(б)ол-* допустима лишь при условии образования последнего из *б+ол-* (см.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 2, S. 925). Ср.: *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 160; *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 201.

[511] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 1108.

[512] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 201.

[513] См.: *Кайдаров А. Т.* Развитие современного уйгурского литературного языка,1. Алма-Ата, 1969, с. 79, 302.

[514] См.: *Brockelmann C.* Maḥmūd al-Kāšghārīs Darstellung des türkischen Verbalbaus. — KSz, 1918/1919, XVIII, S. 47—49.

[515] См.: *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка, с. 179.

[516] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 202.

[517] См.: *Kowalski T.* De la nature du causatif et du passif dans les langues turques. — RO, 1949, XV (1939—1949), p. 431.

[518] Ibid., p. 435.

[519] Ibid., p. 438 (Замечания М. Левицкого к статье Т. Ковальского).

[520] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке, с. 50.

[521] *Попов А. В.* Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, с. 174.

[522] *Мелиоранский П. М.* Краткая грамматика казак-киргизского языка, II. Синтаксис. СПб., 1897, с. 29.

[523] См.: *Гухман М. М.* Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков. М., 1964, с. 8.

[524] С возражениями против подобного наименования выступил А. К. Алиев (см.: *Алиев А. К.* О пассивной форме глагола в азербайджанском языке. — Уч. зап. Азербайджанского гос. ун-та, 1955, № 3, с. 91).

[525] *Гуломов А. Ғ.* Фе'л, б. 58. См. также: *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка, с. 252.

'дверь закрылась' существительные *тон* и *әсӥк* обозначают объект действия. Понятие объекта (resp. прямого объекта) связано с активной конструкцией, что хорошо иллюстрируется материалами китайского языка. «Если переходный глагол не имеет дополнения, — подчеркивает С. Е. Яхонтов, — он обычно получает пассивное значение».[526] Следовательно, первое и основное значение формы страдательного залога — медиально-страдательное (медиопассив). Изменения в состоянии субъекта высказывания — основной содержательный признак данной формы. Примечательно в связи с этим употребление в форме страдательного залога в составе определительной конструкции причастия на *-ɣан*, которое может сочетаться с определяемым, представляющим объект действия, и без залогового показателя.[527]

Медиальное значение формы на *-л ~ -ӥл ~ -ул* противопоставлено медиально-страдательному и безличному тем, что содержит указания на производителя действия, ср.: казах. *бәрӥл-* 'отдаваться', *шомӥл-* 'купаться'; туркм. *ɣӥдарӥл-* 'сердиться'; уйг. (*нава*) *әчӥл-* 'распогаживаться', *чомул-* 'купаться'; хак. *чӥл-* (< *чӥɣӥл-*) 'собираться', *чазӥл-* 'поправляться, выздоравливать'. Данная форма в медиальном значении отчасти совпадает по содержанию с формой возвратного залога.

Безличное значение наблюдается у непереходных глаголов, точнее, у глаголов движения.

2,2. Говоря о семантике формы страдательного залога, Н. К. Дмитриев акцентировал внимание на первоначальной недифференцированности страдательного и возвратного залогов.[528] Действительно, есть точки соприкосновения в содержании той и другой формы, и самая заметная из них — обозначение действия (состояния), ограниченного сферой субъекта высказывания. Тем не менее недифференцированность страдательного и возвратного залогов трудно допустить даже в далеком прошлом: очевидны принципиальная несовместимость основных (исходных) значений и более или менее четкая семантическая специализация указанных форм как в современных, так и в древних языках, ср.: др.-тюрк. *көрӱл-* 'быть увиденным' (МК I 75) и *көрӱн-* 'виднеться, показываться' (МК I 119), *тоɓрал-* 'быть разрезанным на куски' (*әт тоɓралдӥ* 'мясо было разрезано на куски', МК II 230) и *тоɓран-* 'резать мясо для себя на куски' (*өзіңӓ әт тоɓрандӥ* 'он резал для себя мясо на куски', МК II 240); ст.-узб. *јасал-* 'быть украшенным, наряженным' и *јасан-* 'украшаться, наряжаться'; азерб. *дәјіл-* 'говориться (кем-л.)' и *дәјін-* 'говорить (про себя)', 'ворчать'; казах. *жұуӥл-* 'быть вымытым (кем-л.)' и *жұуӥн-* 'мыться'.

Эволюция семантической стороны формы на *-л ~ -ӥл ~ -ул* заключалась в постепенном переходе от медиально-страдательного значения к собственно-страдательному (у Э. В. Севортяна: от значения медиопассива к собственно-страдательному значению).[529] Внешним выражением этого перехода явилась возможность введения в страдательную конструкцию обозначения производителя действия. Все же в современных тюркских языках сравнительно редко приходится иметь дело с бесспорными случаями выражения собственно-страдательного значения, и поэтому можно смело утверждать, что этимологическое значение формы на *-л ~ -ӥл ~ -ул* сохранилось без существенных изменений.

[526] *Яхонтов С. Е.* Конструкции, называемые пассивными в китайском языке. — В кн.: Категория залога. Материалы конференции. Л., 1970, с. 42—43.

[527] См.: *Иванов С. Н.* 1) Категория залога в определительных сочетаниях с формой на *-ган* в узбекском языке. — ВЯ, 1957, № 2, с. 103—107; 2) Категория залога в причастиях узбекского языка. — В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.—Л., 1960, с. 198 сл. См. также: Грамматика алтайского языка, с. 50, 194.

[528] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 181. В специальной литературе нередко говорится о взаимозаменяемости форм страдательного и возвратного залогов. См.: *Корнилов Г. Е.* К вопросу о залогах в чувашском языке. Пассив и рефлексив. — Тр. [Чувашского] НИИ. Чувашский язык и литература, 1975, 53, с. 55 сл.

[529] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке, с. 50. Согласно предположению Б. А. Серебренникова, аффикс страдательного залога в тюркских языках был некогда показателем многократности действия (см.: *Серебренников Б. А.* Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 216).

Возвратный залог

1,1. Аффикс возвратного залога — *-н ~ -ӥн ~ -ун*. Встречающийся в тувинском языке аффикс *-тӥн ~ -тун ~ -дӥн ~ -дун* представляет собой сочетание аффиксов страдательного и возвратного залогов (*-ӥл* + *-ӥн*), подвергшееся ассимилятивным изменениям. Аффикс *-ттӥн*, прослеживаемый, как и предыдущий, в тувинском языке, с достаточными основаниями отнесен к числу морфонологических разновидностей аффикса *-тӥн* (после основ на *т*).[530] Примеры: др.-тюрк. *сәвін-* 'радоваться'; ст.-узб. *чумун-* 'погружаться в воду', *јасан-* 'снаряжаться', *көрӱн-* 'показываться', *баɓлан-* 'привязываться'; азерб. *бӱрӱн-* 'закутываться', *јујун-* 'мыться'; башк. *бідән-* 'украшаться', 'наряжаться', *башлан-* 'начинаться'; гаг. *бакӥн-* 'осматриваться, оглядываться', *јолланы-* 'отправляться'; казах. *таран-* 'причесываться', *кәбӥн-* 'сушиться'; кар. *јабун-* 'укрываться', *мактан-* 'хвалиться'; карач.-балк. *ӈувун-* 'мыться', *атлан-* 'отправляться на лошади'; кирг. *ӈун-* 'мыться', *кіјін-* 'одеваться'; кум. *кашӥн-* 'чесаться', *тазаланы-* 'чиститься'; ног. *сӱртӥн-* 'вытираться', *шәшӥн-* 'раздеваться'; тув. *бәрдін-* (*бәр-іл-ін*) 'отдаваться', *алдӥн-* (*ал-ӥл-ӥн-*) 'браться', *кәттін-* (*кәт-іл-ін-*) 'одеваться'; тур. *гӧрӱн-* 'показываться', *булун-* 'находиться', *гәзін-* 'прогуливаться', *әјлән-* 'развлекаться'; туркм. *ɗаклан-* 'сохраняться'; узб. *әчін-* 'раздеваться', *мактан-* 'хвалиться'; хак. *хӧрӧн-* 'бриться', *атӥн-* 'стреляться', *чапсӥн-* 'приклеиваться', *өрӧн-* 'радоваться'; якут. *бāн-* 'обвязываться', *сабӥн-* 'закрываться', *білін-* 'сознаваться'; чуваш. *с'ӑвӑн-* 'мыться', *пӑрӗн-* 'ударяться'.

В ряде случаев форма возвратного залога оказывается неразложимой, т. е. отсутствует соотносимая с ней действительная форма, ср.: гаг. *донан-* 'одеваться', 'наряжаться', *ӱрән-* 'учиться'; тув. *одун-* 'просыпаться'; хак. *тонан-* 'одеваться', *тајан-* 'опираться'.

Подобно аффиксу страдательного залога, аффикс *-н ~ -ӥн ~ -ун* присоединяется главным образом к переходным глаголам и с непереходными глаголами выступает редко.

Форма возвратного залога, образованная от переходных глаголов, может управлять прямым дополнением в форме именительного и винительного падежей. По мере удаления от современного состояния количество подобных случаев заметно увеличивается, и в древнетюркском языке такой способностью обладают многие глаголы. Примеры: др.-тюрк. *ол бу атнӥ аɓӱрландӥ* 'он считал этого коня дорогим для себя', *ол бу ӱшӱɓ аɓрукландӥ* 'он взял это дело на себя', *ол алӥмӥн алӥндӥ* 'он получил взятое в долг'; казах. *бәлдӥ бұуӥн-* 'опоясываться', 'опоясывать себе поясницу', *бәт-колдӥ жұуӥн-* 'умываться', 'мыть себе лицо и руки';[531] хак. *ахча чӥн-* 'копить себе деньги', *тон ідӥн-* 'обзаводиться шубой', *кӥс төзән-* 'стелить себе палас'.[532]

1,2. О. Бётлингк возводил аффикс *-н ~ -ӥн ~ -ун* к «аффигированному» местоимению 3-го лица, а А. Н. Кононов связывает его с место-

[530] См.: *Летягина Н. И., Насилов Д. М.* Пассив в тувинском языке, с. 15. По мнению Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха, аффикс *-ттӥн* образовался в результате соединения аффикса *-тӥн* с аффиксом «понудительно-страдательного» залога *-т* (см.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 286). Ср.: *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении, с. 134—135.

[531] См.: *Хасенова А. К.* К вопросу о переходных и непереходных глаголах и категории залога в современном казахском языке. — Тр. ИЯЛ АН Казахской ССР, 1959, I, с. 28.

[532] См.: Грамматика хакасского языка, с. 177.

имением *ол* в «притяжательной форме» (*ан*).[533] Как известно, в тюркских языках сохранились следы местоимения 3-го лица *їн ~ ін*, которое, в отличие от местоимения *ол*, было, по-видимому, не только лично-указательным, но и выделительным. Отсюда повышенный интерес к типологическим параллелям, приводимым для обоснования гипотезы О. Бётлингка из славянских и других языков,[534] и к примечательным фактам образования форм возвратного залога с участием выделительных местоимений, наблюдаемым в самих тюркских языках, ср.: азерб. *о өзүнү тез чаја јетірді* 'он быстро добрался до реки' (букв. 'он быстро довел себя до реки'); гаг. *аттїм кәндімі* 'я бросился' (букв. 'я бросил себя');[535] тув. *бодун кәттініп алдї* 'он оделся', *бодун боду білінмәс* 'он сам себя не чувствует';[536] тур. *кәндісіні пәнјәрәдән атті* 'он выбросился из окна' (букв. 'он выбросил себя из окна');[537] туркм. *ёдіні јітірді* 'он растерялся' (букв. 'он потерял себя'). Б. Чарыяров называет сочетания с выделительным местоимением в туркменском языке синтаксическим средством выражения возвратного залога, ср.: *ёдіні бәдә-* 'украшаться', *ёдіні өв-* 'хвалиться', *ёдіні тајјәрла-* 'готовиться'.[538] Не исключено вместе с тем, что примеры из тюркских языков — результат позднейших влияний иноязычной среды. К тому же принятие гипотезы О. Бётлингка затруднено отсутствием удовлетворительного объяснения необычного для синтаксиса тюркских языков порядка: сказуемое — дополнение.

2, 1. Традиционно у формы возвратного залога выделяются три значения: собственно-возвратное («делать что-либо с самим собой»), общевозвратное («делать что-либо самому по себе») и косвенно-возвратное («делать что-либо для себя, в своих интересах»). Все они хорошо прослеживаются в древних и современных языках: др.-тюрк. *ол анїң таварїн кӱчәнді* 'он насильно отобрал для себя его имущество' (МК II 156), *ол өзіңә әт тоʁрандї* 'он резал для себя мясо на куски' (МК II 240); алт. *алїн-* 'взять себе, для себя', *кәзін-* 'резать себе, для себя'; кар. *көргїзїн-* 'показываться'; тур. *әдін-* 'делать себе, для себя', *бакїн-* 'смотреть в разные стороны', 'оглядываться'; туркм. *ʁадїн-* 'копать себе, для себя', 'окапываться', *ɣалїн-* 'строить себе, для себя'; уйг. *ојлан-* 'обдумывать', 'задумываться'; якут. *сурун-* 'записывать себе, для себя', *тарбан-* 'чесаться'. Далее, необходимо упомянуть симулятивное значение, отмеченное лишь в старописьменных текстах, ср.: др.-тюрк. *ӓр коjїн ачїндї* 'мужчина сделал вид, что распахивает одежду' (МК I 199), *ол ӓвгә барїндї* 'он сделал вид, что идет домой' (МК II 141), *ӓр атїн сатїндї* 'мужчина сделал вид, что продает лошадь' (МК II 150). Кроме того, аффикс *-н ~ -їн ~ -ун* принято рассматривать как показатель безличной формы, например: тур. *чамурун ічіндән јүрүнмәз* 'по грязи не ходят', *бурада іјі јашанїр* 'здесь хорошо живется', *бір вакітләр өјлә сөјләнді* 'иногда так говорилось'. Однако здесь мы имеем дело с аффиксом страдательного, а не возвратного залога, морфонологическая разновидность которого (у глагольных основ на гласный, *л* и т. д.) — *-н ~ -їн ~ -ун*.

2,2. Исходя из сопоставления всех имеющихся в нашем распоряжении фактов и учитывая особенности семантического развития формы страдательного залога, наиболее ранним значением формы на *-н ~ -їн ~ -ун* следует считать медиальное. Это значение широко и разнообразно отражено в древнейших памятниках и вместе с тем прослеживается во многих современных тюркских языках, где оно выступает как реликтовое. Собственно-возвратное значение — более позднее. Его выделение Э. И. Фазылов связывает с использованием при форме на *-н ~-їн ~-ун* местоимения *өз* 'сам' (в форме винительного падежа — 'себя', в форме дательного — 'себе'), рассматривая появление нового значения как следствие переноса семантической нагрузки местоимения *өз* на аффикс *-н ~ -їн ~ -ун*.[539]

Медиальность Э. В. Севортян называет развивающимся значением, которое по его подсчетам имеют 80—85% глаголов в форме возвратного залога.[540]

Взаимно-совместный залог

1,1. Аффикс, образующий форму взаимно-совместного залога, — *-ш ~ -їш ~ -уш ~ -с ~ -їс ~ -ус*, *-сїс ~ -сус* (в якутском языке). Примеры: др.-тюрк. *ол мәнің бірлә өпүшді* 'он целовался со мной' (МК I 180), *ол мәнің бірлә таʁка аʁїшді* 'он состязался со мной в подъеме на гору' (МК I 185), *олар іккі ајрїшді* 'они отделились друг от друга' (МК I 270), *олар іккі кїз колушді* 'они оба просили друг у друга дочерей' (МК II 109), *кавїшїп өпішті кучуштї їɣлаштї* 'встретившись они поцеловались, обнялись, заплакали' (КР 52_6); ст.-узб. *бір бірімізгә бакїштук* 'мы смотрели друг на друга', *бір бірігә јакїнлаштїлар* 'они приблизились друг к другу', *барча ол тараф барїштї* 'все отправились туда'; алт. *соʁуш-* 'бить друг друга'; башк. *јаɗїш-* 'переписываться', *кәләш-* 'смеяться вместе', *сабїш-* 'скакать вместе'; гаг. *бакїш-* 'переглядываться', *біліш-* 'узнавать друг друга', 'знакомиться', *акїш-* 'двигаться вместе', 'сходиться'; казах. *сөјлә-* 'разговаривать', 'беседовать'; кар. *кучуш-* 'обниматься'; карач.-балк. *саламлаш-* 'приветствовать друг друга', *ојнаш-* 'играть вместе'; кирг. *јазїш-* 'писать вместе', 'переписываться'; тат. *узїш-* 'перегонять друг друга'; тур. *сәвіш-* 'любить друг друга', *учуш-* 'летать вместе'; туркм. *дӱшуш-* 'встречаться', *јашаш-* 'жить вместе'; уйг. *ішлаш-* 'работать вместе'; хак. *чӱгӱрїс-* 'бежать вместе', *көрїс-* 'видеться'; якут. *аһас-* 'есть вместе', *бәс-* 'связывать', *барсїс-* 'идти вместе'.

Разновидность аффикса взаимно-совместного залога с начальным *с* в якутском языке можно объяснить удвоением.

Аффикс *-ш ~ -їш ~ -уш...* образует форму взаимно-совместного залога от переходных и непереходных глаголов, сочетаясь с аффиксами других залогов в неодинаковой последовательности: находится после аффиксов страдательного и возвратного залогов и после или перед аффиксом понудительного залога, ср.: др.-тюрк. *капуɒлар ачлїшді* 'двери открылись' (МК I 239), *олар іккі качрушді* 'они обратили друг друга в бегство' (МК II 218); казах. *кїјіндїрїс-* 'одевать вместе кого-л.', *жарастїр-* 'мирить', *шомїлїс-* 'купаться вместе'; ног. *шәшїндїрїс-* 'раздевать вместе кого-л.', *каптїрїлїс-* 'схватываться друг с другом'; тув. *бодаштїр-* 'заставлять совместно обдумывать', *санаштїр-* 'заставлять совместно считать'; хак. *чарїлїстїр-* 'побуждать разъединяться', *күлїнїс-* 'пересмеиваться'.

1,2. Известно несколько этимологий аффикса *-ш ~ -їш ~ -уш...* Одна из них была предложена В. Бангом,[541] считавшим прототипом данного аффикса глагол *әш-* 'следовать, сопровождать', который отсутствует в современных языках и не засвидетельствован в письменных памятниках, но может быть восстановлен с учетом морфологической неопределенности первичных корней (глагольно-именной синкретизм), ср.: др.-тюрк. *әш* 'товарищ, сподвижник, спутник'. Б. А. Серебренников, для которого связь аффикса *-ш ~ -їш ~ -уш...* с глаголом **әш-* сомнительна, вследствие того, что этот аффикс является очень древним и так как трудно

[533] См.: *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten, S. 192; *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 194.
[534] См.: *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 161.
[535] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 174.
[536] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 289.
[537] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 195.
[538] См.: *Чарыяров Б.* Категория залога в современном туркменском языке, с. 6.
[539] См.: *Фазылов Э. И.* Категория залога в узбекском языке. . ., с. 4—5.
[540] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке, с. 49.
[541] См.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 2, S. 925. См. также: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 205; *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 163.

допустить, чтобы ставший для него прототипом глагол мог сохраниться в малоизмененном виде,[542] сопоставляет аффикс взаимно-совместного залога с одним из компонентов в составе тат. *-шт̆р*, *-даш*, тув. *-шкї* и т. д. Таким образом недвусмысленно указывается на то, что исходным значением аффикса взаимно-совместного залога была многократность действия.[543] Предпринималась также попытка сблизить аффикс взаимно-совместного залога с аффиксом страдательного залога *-л* с опорой на «общетюркское» фонетическое соответствие *ш/л* (ламбдаизм) и наличие у аффикса *-ш ~ -їш ~ -уш*. . . наряду с взаимным и совместным значениями медиального.[544]

Мы отдаем предпочтение этимологии В. Банга, в пользу которой свидетельствуют и общая тенденция использования в тюркских языках сочетаний глагольных форм для выражения разнообразных грамматических значений (видо-временных, залоговых и других), и семантическая структура взаимно-совместной формы: взаимность + совместность + соучастие. К этому необходимо добавить, что включение *ӟш-* как вспомогательного глагола в состав единой словоформы не представляло никаких трудностей на любом уровне ее функционирования: в качестве вспомогательного глагол *ӟш-* мог присоединяться к основному глаголу в форме действительного, страдательного, возвратного и понудительного залогов.

Исходная конструкция, из которой образовалась форма взаимно-совместного залога, реконструируется в виде **ала ӟш-* или **алї ӟш-* (> *алїш-*) ‘брать вместе’.

2,1. Глаголы в форме взаимно-совместного залога обозначают взаимность и совместность, из чего следует, что непременным условием использования соответствующей формы является наличие по меньшей мере двух действующих лиц. Действие происходит либо между ними (ср.: башк. *јаӈ̆ш-* ‘переписываться’), либо так, что каждый из них является и производителем действия, и его объектом (ср.: азерб. *вуруш-* ‘биться, сражаться’), или же как результат их совместного участия (например: алт. *туруш-* ‘находиться вместе’, ‘стоять друг за друга’, *кїјӡїрїш-* ‘кричать вместе’). Выступая в значении совместности-соучастия форма взаимно-совместного залога «заменяет в известной степени множественное число глагола-сказуемого».[545] Характерно, что *ӷазїшат* ‘они пишут’ в киргизском языке воспринимается как форма множественного числа. Функции разграничителей перечисленных выше значений и их оттенков выполняют различные уточняющие средства. Так, дополнительным средством выражения взаимности становятся послелоги *ілӟ*, *бі̆лән*, *мі̆нән*. . . и сочетания типа башк. *ӱӡ ара*, казах. *бі̆рі̆мӟн бі̆рі̆ ~ бі̆р бі̆рі̆мӟн*, туркм. *бірі бірі білӟн*, якут. *бӟјӟ бӟјӟлӟрін* ‘друг с другом’, ‘друг друга’. Особый оттенок значения совместности, заключающийся в подчеркивании ведущей роли одного из участников действия (одно из действующих лиц является активным, другое — пассивным; у Л. Н. Харитонова: «примыкающая совместность»),[546] передается при помощи контекста и прежде всего путем обозначения главного действующего лица формой дательного падежа: др.-тюрк. *ол мӟӈӓ капуӷ ачїшдї* ‘он со мной открывал дверь’, ‘он помогал мне открывать дверь’ (МК I 180); башк. *мін уӷа ї̆шлӓшӓм* ‘я помогаю ему работать’;[547] казах. *бі̆з оларӷа макта тӟрі̆сті̆к* ‘мы помогли им собирать хлопок’;[548] тат. *Азат Маратка утї̆н кісі̆штї̆* ‘Азат с Маратом пилили дрова’, ‘Азат помогал Марату пилить дрова’ (ср.: тат. *Марат бі̆лӓн Азат узы̆штї̆лар* ‘Марат с Азатом перегоняли друг друга’;[549] тур. *амӡанїз бӟјӟфӟнді ілӟ чок сӟвішіріз* ‘с вашим дядей мы очень любим друг друга’); туркм. *бӯ ӷојні адӯш* ‘помоги повесить этого барана’;[550] хак. *ојмах хазїс-* ‘помогать копать яму’;[551] якут. *бі̆һіӟхӟ маста кӟрдіс* ‘помоги нам рубить дрова’, *кіні міӟхӟ от тіӟјістӟ* ‘он помогал мне возить сено’.[552]

2,2. В новейших работах, посвященных тюркскому залогу, подчеркивается наличие у аффикса *-ш ~ -їш ~ -уш* «со времен глубокой древности» медиального значения,[553] которое как будто бы особенно прозрачно выступает в языке орхоно-енисейских надписей.[554] Трудно установить, что послужило основанием для столь неожиданного вывода: в указанных надписях аффикс *-ш ~ -їш ~ -уш* выражает взаимность—совместность и лексикализованные значения, ср.: *інім Кӱл тӟгін бірлӓ сӧзлӓшдіміз* ‘мы поговорили с моим младшим братом Кюль-тегином’ (КТб$_{26}$), *оӈузка бӟш сӱӈӱшді* ‘он пять раз сражался с огузами’ (Тон$_{49}$), *ӱчӱнч јїлта коп ӟсӓн тӱкӓл көрӱшміш* ‘на третьем году все встретились (~ увиделись) здоровыми и невредимыми’ (ThS II$_{22}$). Очевидно, вводит в заблуждение так называемая псевдомедиальность, широко прослеживаемая в современных языках, ср.: карач.-балк. *атїш-* ‘стреляться’, ‘стрелять друг в друга’, *уруш-* ‘биться’, ‘бить друг друга’;[555] тур. *гӧрӱш-* ‘видеться’, ‘видеть друг друга’, *бітіш-* ‘соединяться’, ‘сходиться друг с другом’. Сделаем дополнительные пояснения. Инвариантное значение формы взаимно-совместного залога на протяжении всего периода ее существования — совместное, а его наиболее распространенный вариант — взаимное значение, особенность которого в том, что действие происходит между несколькими субъектами, в группе субъектов, т. е. оно не выходит за их круг. Следовательно, взаимность входит в число тех значений, которые составляют семантическую структуру категории медиальности,[556] и именно поэтому создается ложное впечатление, что одним из основных значений взаимно-совместной формы является медиальное. Медиальное значение у формы на *-ш ~ -їш ~ -уш* развивалось и становилось главенствующим лишь эпизодически, вследствие ее переосмысления.[557]

Понудительный залог

1,1. Форму понудительного залога образуют несколько аффиксов, имеющих разное происхождение и присоединяющихся к разным глагольным основам или выступающих в одной словоформе как показатели различных ступеней (иногда — одной ступени) понудительности, ср.: кар. *јандї̆р-* ‘зажигать’, *јандї̆рт-* ‘заставлять зажигать’; ног. *мі̆ӈі̆ст-* ‘сажать на лошадь’, *кі̆рґі̆ст-* ‘вводить’; тур. *гӱлдӱр-* ‘смешить’, *гӱлдӱрт-* ‘заставлять смешить’; уйг. *оқут-* ‘заставлять читать’, *күлдүр-* ‘смешить’, *көрґӟз-*

---

[542] См.: *Серебренников Б. А.* Из истории звуков и форм тюркских языков. О происхождении показателя взаимного залога *-уš-*, *-іš-*. — СТ, 1974, № 6, с. 9.

[543] Там же, с. 10—12.

[544] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 137.

[545] *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка, с. 127. См. также: Һазирқи заман уйғур тили, II, б. 208; *Қалыбаева-Хасенова А.* Қазіргі қазақ тіліндегі *-с* және *-дас* аффикстері туралы. — Изв. АН Казахской ССР. Сер. филол. и искусствовед., 1955, № 3—4, б. 63; Современный казахский язык, с. 306; *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины, 2, с. 195; *Фазылов Э. И.* Категория залога в узбекском языке. . ., с. 12; *Убайдуллаев К.* Категория прошедшего времени глаголов в изъявительном наклонении в современном каракалпакском языке. Нукус, 1978, с. 33.

[546] См.: *Мелиоранский П. М.* Краткая грамматика казак-киргизского языка, II, с. 29; *Харитонов Л. Н.* Залоговые формы глагола в якутском языке, с. 16, 23 сл.

[547] См.: *Юлдашев А. А.* Принципы выделения и трактовка категории залога в башкирском языке. — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961, с. 234, 243.

[548] См.: Современный казахский язык, с. 305.

[549] См.: *Закиев М. З.* Текст выступления на координационном совещании. — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР, с. 101.

[550] См.: *Чарыяров Б.* Категория залога в современном туркменском языке, с. 11.

[551] Грамматика хакасского языка, с. 178.

[552] См.: *Харитонов Л. Н.* Залоговые формы глагола в якутском языке, с. 23.

[553] Там же, с. 39 сл.

[554] См.: *Фазылов Э. И.* Категория залога в узбекском языке..., с. 13.

[555] См.: Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик, 1966, б. 177.

[556] См.: *Гухман М. М.* Развитие залоговых противопоставлений в германских языках, с. 34, 245.

[557] См.: *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении, с. 138.

'показывать'. Употребление их с той или иной ступенью не строго обязательно: аффиксы понудительного залога варьируют даже в пределах первой ступени, ср.: др.-тюрк. *körgït-*, *körgür-*, *körtür-*, *kört-* (в словоформе *körtgür-*, TT VI_{237}) 'показывать', *kälmür-* ~ *käldür-*, *kälir-* ~ *kälür-* 'приносить', *kačït-*, *kačur-* 'обращать в бегство'; алт. *mojdïr-*, *mojbïs-* 'насыщать'; казах. *жаздырь-*, *жазбыз-* 'заставлять писать', *ajtmyr-*, *ajtkyz-* 'заставлять сказать', *tapmyr-* и *tapkyz-* 'заставлять найти', *östyr-*, *östyr-* 'растить', *ämeiz-*, *ämiz-* 'кормить грудью';[558] кар. *аздïр-*, *азбïр-* 'вводить в заблуждение', 'совращать', *kajtmïr-*, *kajtar-* 'возвращать'; кирг. *öt-kör-*, *ötkös-* 'проводить'; кум. *görsät-*, *görgüz-* 'показывать'; ног. *мынди́р-*, *мыңы́ст-* 'сажать верхом'; узб. *кўрсат-*, *кўргаз-* 'показывать'; туркм. *iчдир-*, *ічір-* 'поить', *гірдір-*, *гірід-* 'вводить', *ўйрдўр-*, *ўйрўд-* 'заставлять лаять'; уйг. *jаздур-*, *jазбуз-* 'заставлять писать'; хак. *kördyr-*, *közït-* 'показывать'. Чаще других взаимозамещаемыми оказываются аффиксы *-dïr* ~ *-tïr* и *-bïz* ~ *-buz*, которые в ряде языков, по существу, находятся в отношении свободного варьирования.

Два одинаковых понудительных аффикса следуют непосредственно друг за другом лишь в порядке исключения, ср.: башк. *калдырты́р-* 'заставлять побудить оставить'. Несколько чаще допускается использование их в одной словоформе, если между ними стоит другой показатель понудительного залога, ср.: азерб. *gätirtdir-* 'заставлять доставить'; карач.-балк. *білдіртдір-* 'заставлять побудить сообщить'.

К числу широко употребительных аффиксов понудительного залога относятся:

-tïr ~ *-tur* ~ *-tar* ~ *-dïr* ~ *-dur* ~ *-dar* — др.-тюрк. *ачтур-* 'заставлять открывать', *білдür-* 'сообщать', 'доводить до сведения', *біндір-* 'подсаживать'; ст.-узб. *урдур-* 'заставлять бить'; азерб. *jаздïр-* 'заставлять писать'; алт. *kördir-* 'заставлять смотреть', *кәстір-* 'заставлять резать, рубить'; башк. *тоттор-* 'заставлять схватить', *баҙтыр-* 'заставлять давить', *көлдөр-* 'смешить'; гаг. *гäздір-* 'прогуливать', *јаптïр-* 'велеть делать'; казах. *östyr-* 'растить'; кар. *баттïр-* 'топить, погружать в воду'; карач.-балк. *алдïр-* 'заставлять брать'; кирг. *ajtmïr-* 'заставлять говорить'; к.-калп. *tapmyr-* 'заставлять находить', *coktyr-* 'заставлять бить'; кум. *салдïр-* 'заставлять класть', *бактïр-* 'заставлять смотреть', *јаптïр-* 'заставлять закрывать'; ног. *аштыр-* 'заставлять открыть'; тур. *giydir-* 'одевать', *коштур-* 'заставлять бежать', *саттïр-* 'заставлять продавать'; туркм. *jўддўр-* 'заставлять плавать', *тутдур-* 'заставлять держать', *дөлдур-* 'наполнять'; узб. *міндір-* 'сажать верхом'; хак. *тіктір-* 'заставлять шить', *халдïр-* 'оставлять', *чïҕдïр-* 'заставлять собирать', *тондïр-* 'морозить'; чуваш. *пăхтар-* 'заставлять смотреть', *с'ідəр-* 'доводить'; якут. *бəрдəр-* 'заставлять дать', *көрдөр-* 'показывать', *міннəр-* 'сажать верхом';

-т — др.-тюрк. *ішлät-* 'заставлять работать', *качït-* 'обращать в бегство', *курït-* 'сушить'; ст.-узб. *jïҕлат-* 'заставлять плакать', *јарут-* 'освещать'; азерб. *охут-* 'учить, обучать', *отурт-* 'усаживать'; алт. *кәңіт-* 'расширять, распространять', *бічіт-* 'заставлять писать', *ӧріт-* 'растапливать', *ојнот-* 'заставлять играть', *көгөрт-* 'делать голубым'; башк. *бідәт-* 'заставлять украшать', *башлат-* 'заставлять начинать'; гаг. *бәнзәт-* 'уподоблять', *ӱркӱт-* 'пугать', *аннат-* 'объяснять', *танït-* 'сообщать', 'знакомить', *отурт-* 'усаживать'; казах. *азајт-* 'уменьшать'; кар. *тохтат-* 'останавливать', *уjалт-* 'стыдить', *аҕарт-* 'белить'; карач.-балк. *ашат-* 'кормить', *тілät-* 'заставлять просить'; кирг. *баштат-* 'заставлять начинать'; к.-калп. *босат-* 'освобождать', 'опорожнять', *сорат-* 'заставлять спрашивать', *сувыт-* 'охлаждать'; кум. *сöjлät-* 'заставлять говорить'; ног. *коркыт-* 'пугать'; тур. *кајнат-* 'кипятить', *уjут-* 'заставлять спать', 'усыплять'; уйг. *баҕлат-* 'завязывать', *чакірт-* 'заставлять звать'; хак. *чïлït-* 'греть', *чӱгӱрт-* 'заставлять бежать', *узут-* 'усыплять', *хајнат-* 'кипятить', *оҕïрлат-* 'заставлять воровать'; чуваш. *тăхтат-* 'останавливать', *хăрт-* (*хăрд-*) 'сушить'; якут. *сојут-* 'давать остыть', *күрт-* 'сушить', *сүрт-* 'заставлять бежать';

-р ~ *-ïр* ~ *-ур* ~ *-ар* — др.-тюрк. *öлür-* 'убивать, умерщвлять', *качур-* 'обращать в бегство'; азерб. *јатïр-* 'укладывать', *учур-* 'заставлять летать'; алт. *öчür-* 'гасить', *кәчір-* 'переправлять'; башк. *кајтар-* 'возвращать', *сығар-* 'выводить, вынимать'; гаг. *шашïр-* 'сбивать с толку', 'запутывать', *бітір-* 'кончать'; казах. *өшір-* 'гасить', *түсір-* 'ронять, опускать'; кар. *ічір-* 'поить'; кирг. *батïр-* 'топить, погружать в воду', *чïҕар-* 'выводить'; кум. *гöчür-* 'заставлять переселяться', 'перемещать'; тур. *доjур-* 'насыщать', *доҕур-* 'рожать'; туркм. *јатïр-* 'валить'; хак. *азïр-* 'переводить через гору', *кізір-* 'переправлять через реку', *пізір-* 'варить'; чуваш. *каз'ар-* 'переправлять'; якут. *туруор-* 'заставлять стоять', *тоҥор-* 'заставлять мерзнуть', 'морозить';

-кïр ~ *-кур* ~ *-кар* ~ *-гïр* ~ *-гур* ~ *-гар* — др.-тюрк. *ӧргür-* 'расплавлять', *түшкür-* 'опускать', 'устанавливать', *jўрўгўр-* 'заставлять двигаться, приводить в движение', *білгür-* 'доводить до сведения, сообщать', 'давать знать', *körgür-* 'показывать'; ст.-тур. *јаткур-* 'укладывать', *турҕур-* 'поднимать', ст.-узб. *јәткür-* 'доводить', *јазҕур-* 'вводить в заблуждение', 'запутывать'; алт. *öскür-* 'растить, выращивать', *öткür-* 'проводить', 'пропускать'; кар. *аздïр-* 'вводить в заблуждение'; ног. *јатқар-* 'укладывать', *öткәр-* 'проводить'; хак. *осхïр-* 'спасать', *öскір-* 'растить';

-кіз ~ *-куз* ~ *-каз* ~ *-гіз* ~ *-гуз* ~ *-газ* — ст.-узб. *олтурҕуз-* 'сажать', *кіргüз-* 'вводить'; алт. *турҕус-* 'поднимать, ставить', *көргüс-* 'показывать'; башк. *ӱткәд-* 'проводить', *мыңыд-* (*мын-гыд-*) 'сажать верхом'; казах. *тамғыз-* 'лить по капле', *ајтқызь-* 'заставлять говорить'; кар. *турҕуз-* 'поднимать'; к.-калп. *ішкіз-* 'поить', *жәгіз-* 'кормить'; кирг. *кіргіз-* 'вводить', *отурҕуз-* 'сажать'; туркм. *göркәд-* 'показывать'; узб. *јәтказ-* 'доставлять', 'доводить', *кәтказ-* 'удалять, устранять', *јутказ-* ~ *јуткіз-* 'проигрывать', *ўтказ-* 'проводить', *јургаз-* ~ *јургіз-* 'двигать, приводить в движение'; хак. *парҕыс-* 'заставлять идти'.

Значительно реже встречаются другие аффиксы понудительного залога:

-ïз ~ *-уз* — др.-тюрк. *тутуз-* 'заставлять держать', 'передавать', 'вручать'; др.-тюрк. *ämüz-*, алт. *ämіс-*, казах., ног. *ämiz-*, карач.-балк., кум., узб. *ämіз-* 'давать (ребенку) сосать грудь', 'кормить грудью'; ст.-узб. *акïз-*, алт. *аҕыс-* 'давать течь', 'лить'; казах., ног. *тамыз-*, ст.-узб., кар., карач.-балк., кум. *тамïз-* 'лить по капле', 'давать капать'; алт. *уҕус-* 'заставлять слушать'; туркм. *ҕоркуд-*, *ӱркӱд-* 'пугать';

-дуз — др.-тюрк. *білдüз-* 'объяснять', *болдуз-* 'создавать';

-сăт(?) — др.-тюрк. *körsät-*, башк. *күрһәт-*, кум. *гöрсәт-* (тур. *гöстәр-*), кирг. *körsöt-*, казах. *көрсәт-* 'показывать' (аффикс *-сăт*, по-видимому, сложный, состоящий из аффикса *-сă*, выражающего желание, склонность, и аффикса понудительного залога *-т*,[559] ср.: др.-тюрк. *кәчсăт-* 'переправлять', 'вызывать желание перейти', *сувсат-* 'вызывать жажду');

-шур ~ (?)*-чур* — др.-тюрк. *тапчур-*, ст.-узб. *тапшур-*, узб. *тэпшір-* 'передавать'.

В аффиксах понудительного залога преобладают узкие гласные. Широкие гласные, использование которых носит характер фонетической закономерности, выступают в чувашском и якутском языках. Небольшое количество глагольных основ, присоединяющих к себе аффиксы понудительного залога с широкими гласными, имеется и в других тюркских

[558] Ср.: *Калыбаева А. К.* Категория залога в современном казахском языке, с. 5; Современный казахский язык, с. 308—309.

[559] См.: *Фозилов Э.* Ўзбек тилида феълнинг орттирма даражаси. (Ёзма ёдгорликлар асосида). — ЎТАМ, 1961, № 1, б. 57. Предположение о том, что *-сăт* — сложный аффикс, было высказано В. Бангом, который, однако, считал показателем понудительного залога не только *-т*, но и *-сă* (см.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 3, S. 1249—1254). Ср.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 520.

языках, ср.: азерб. *ƣондар-* ‘прилаживать, устанавливать на место’; башк. *сы̆ƣар-* ‘извлекать’; тур. *гёндэр-* ‘посылать’; узб. *бітказ-* ‘заканчивать’. Самую значительную группу из них образуют формы понудительного залога на *-тар ~ -дар*. Примеры: др.-тюрк. *аƣтар-*, алт. *аңтар-*, башк. *авдар-*, казах., кар., кум., ног. *авдар-*, тув., шор. *аңдар-*, туркм. *аƣдар-*, узб. *аƣдар-* ‘переворачивать, опрокидывать’, кирг. *аңтар-* ‘выворачивать наизнанку’, кирг., туркм. *әңтәр-* ‘переворачивать, опрокидывать’, ‘валить’; др.-тюрк. *јумдар-* ‘собирать, накапливать’; азерб., узб. *ахтар-*, туркм. *аƣтар-* ‘искать’, ‘разыскивать’, ‘обыскивать’, башк., тат. *актар-* ‘рыться, перерывать что-л.’, ‘шарить’, кар. *ахтар-*, ног. *актар-* ‘искать’, ‘перебирать’, ‘переворачивать’, тур. *актар-* ‘переносить, перевозить’, ‘перекладывать’, ‘переворачивать’, якут. *охтор-* ‘валить’, ‘опрокидывать’; др.-тюрк. *тоңтар-*, туркм. *дӱңдәр-*, узб. *тӯнтар-*, *тӯнкар-*, хак. *тӱңдәр-*, *тоңхар-*, якут. *тӱңнэр-* ‘переворачивать, опрокидывать’, азерб. *дөндәр-* ‘поворачивать’, ‘превращать’, ‘опрокидывать’; кирг. *бөктөр-*, узб. *бӯктар-* ‘приторачивать’; тур. *кантар-* ‘натягивать удила’, туркм. *ƣаңтар-* ‘привязывать лошадь, зацепив повод за луку’; уйг. *толтар-* ‘наполнять’, *сундар-* ‘ломать’, ‘разбивать’ и т. д.[560]

Первое, что обращает на себя внимание, — устойчивость огласовки аффикса большинства приведенных словоформ в общетюркском масштабе. Далее следует отметить отсутствие четко выраженной зависимости огласовки аффикса от вокализма корневой морфемы. Следующая особенность — своеобразие семантики: многие каузативообразные глаголы на *-тар ~ -дар* выражают значения «переворачивать, опрокидывать», «валить». Наконец, примечательно то, что не удается обнаружить такие не-каузативные формы, которые можно было бы с полной уверенностью квалифицировать как исходные для форм на *-тар ~ -дар*: *аƣ- ~ -ах*, *тоң-*, *ак-*, *бӧк-*, *аң-*, *әң-*, *јум-* и т. д. Сказанное ставит под сомнение существование общетюркской разновидности аффикса понудительного залога с широкими гласными и побуждает к новым поискам, направленным в первую очередь на выяснение грамматической природы загадочных образований, многосложность которых — как будто бы признак того, что все они производные.

При некоторой свободе выбора использование того или иного аффикса в известной мере предопределено характером звуков, находящихся в конце основы.[561] Так, аффикс *-тӥр ~ -тур. . .* присоединяется большей частью к основам, оканчивающимся на сонант, глухие шумные и *з*. Аффикс *-т* выступает преимущественно с основами на гласный или на согласные *р* и *ч*, очень редко — после *л*, *ј* и *к*. Аффикс *-р ~ -ӥр ~ -ур ~ -ар*, присоединяющийся к основам на любой шумный согласный, из которых явно преобладают *ч* и *ш*, после сонантов возможен лишь в порядке исключения, ср.: др.-тюрк. *ӧлӱр-*, ст.-узб. *сіңӱр-*, *јумур-*.

Преобладающие типы сочетаний аффиксов понудительного залога — *-тӥр-т ~ -тур-т ~ -дӧр-т ~ -дур-т* (алт. *салдӥрт-*, башк. *кілты̆рт-*, ног. *конды̆рт-*, тур. *гӱлдӱрт-*), *-(а)р-т* (башк. *сы̆ƣарт-*, кар. *ічірт-*, тур. *чӧкарт-*, хак. *кізі̆рт-*, якут. *толорт-*); менее распространенные — *-тӥр-ƣӥз ~ -тур-ƣуз ~ -дӧр-ƣӥз ~ -дур-ƣуз* (алт. диал. *туттурƣус-*, казах. *алды̆рƣы̆з-*, кар. *јаттӥрƣӥз-*, уйг. *јаздурƣуз-*), *-ƣӥз-дӧр ~ -ƣуз-дур* (алт. *көргӱстір-*, казах. *алƣы̆здыр-*), *-т-ты̆р ~ -т-тур ~ -т-тар* (ног. *ојнатты̆р-*, тур. *анлатты̆р-*, якут. *орҕуттар-*), *-ҕӧс-т* (ног. *кы̆ргы̆ст-*); сравнительно редкие — *-ӧз-дӧр* (кар. *тамӧздӧр-*), *-т-куз* (уйг. *ишлаткӱз-*).

Важный момент, сопутствующий использованию форм понудительного залога, — наличие синтаксической конструкции, отражающей своеобразие содержательной стороны данной категории: объект действия выражается формой винительного или основного падежа, субъект действия, являющийся объектом побуждения, выступает в форме дательного, например: др.-тюрк. *ол аңар бітіг бітіттті* ‘он заставил его написать расписку’.

1,2. В самих тюркских языках нет прямых указаний на то, из чего и как образовывались формы понудительного залога. Правда, существует и другая точка зрения, согласно которой материалы тюркских языков дают неопровержимые доказательства возникновения большинства каузативных аффиксов из «фузионного» сплавления «праязыковых односогласных (с соответствующей огласовкой) формативов».[562] Слияние «формативов» действительно имело место и представляет собой распространенный путь развития морфологии в целом, но им никак нельзя объяснить возникновение отдельных морфологических элементов. Безусловно полезными и совершенно необходимыми для освещения истории форм побудительного залога являются типологические данные. Начнем с напоминания о том, что каузация далеко не во всех языках выражается морфологическими средствами, во многих языках мира этим целям служат сочетания инфинитивных форм с глаголами побудительной или квазипобудительной семантики — так называемый аналитический каузатив, ср.: русск. *заставлять*, *побуждать*, *вынуждать*, *принуждать*, *допускать*, *позволять*, англ. *make*, *cause*, *force*, франц. *faire*, *laisser*. Далее необходимо заметить, что в конструкциях аналитического каузатива отражаются типичные для соответствующего круга языков синтаксические связи.

Сравнение способов передачи каузации в разных языках позволяет положительно отнестись к попыткам установить связь аффиксов понудительного залога с глаголами, фактически или потенциально обладающими каузативным значением, например с глаголом *әт-* ‘делать’,[563] превращение которого в морфологический элемент *(-т)*[564] находится в полном соответствии с господствующими тенденциями преобразования сложных и составных глагольных форм; ср.: тур. *којвәр-* (< *коју вәр-*) ‘отпускать, освобождать’; узб. *јўқэт-* (< *јўқ әт-*) ‘терять’, ‘уничтожать’; тур. *кајбәт-* (< *кајб әт-*) ‘терять’. Каузативным, кроме глагола *әт-*, был, по-видимому, также глагол *ур-* ‘ставить‘, ‘бить’, ‘ударять’. На вопрос о том, с какими формами сочетались каузативные глаголы, пока нельзя дать определенного ответа. Скорее всего это были разные формы глагольных имен,[565] на *-а ~ -у ~ -ӥ*, *-т*, *-ӥк ~ -ук* и т. д., что стало одной из основных причин многообразия аффиксов понудительного залога. В ряде случаев, как отмечалось выше, происходило соединение, «сплавление» аффиксов, а также, возможно, разложение их.[566]

---

[560] Подробный список см. в кн.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 514—515. См. также: *Кормушин И. В.* Каузативные формы глагола в алтайских языках. — В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978, с. 15—21.

[561] Ср.: *Фатыхов А. Х.* Категория залога в башкирском языке, с. 252 сл.; *Кормушин И. В.* Категория каузатива в алтайских языках. АКД. Л., 1968, с. 7—8; *Шкуридин С. В.* Категория каузативности и способы ее выражения (на материале казахского и русского языков). — В кн.: Филологический сборник Казахского гос. ун-та, 1974, XIII—XIV, с. 329 сл. Л. Н. Харитонов и Э. Фазылов указывают также на семантическую обусловленность использования разных аффиксов понудительного залога (см.: *Харитонов Л. Н.* Залоговые формы глагола в якутском языке, с. 57—58; *Фозилов Э.* Ўзбек тилида феълнинг орттирма даражаси, б. 54—56).

[562] *Кормушин И. В.* Категория каузатива в алтайских языках, с. 9, 19—20.

[563] См.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 2, S. 925; *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 155. Ср.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 207—208.

[564] В. Котвич возводил аффикс *-т* к глаголу *тә-* ‘говорить’ (см.: *Kotwicz W.* Studia nad językami ałtajskimi, s. 165).

[565] Об этимологизации аффиксов понудительного залога см.: *Хасенова А. К.* 1) Глагольные основы казахского языка. АДД. Алма-Ата, 1960, с. 62—63; 2) О происхождении аффиксов понудительного залога. — В кн.: Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. 13—15 июня 1967 г. Тезисы сообщений. М., 1967, с. 35; *Мирзалиева М. М.* Категория залога в современном азербайджанском языке и смежные явления. АКД. Баку, 1976, с. 32.

[566] См.: *Афанасьев П. С.* Говор верхоянских якутов. Якутск, 1965, с. 142.

2,1. Семантические границы каузации пространны и расплывчаты — от категорического побуждения до позволения или попустительства, ср. у Н. К. Дмитриева: заставляет // велит // позволяет // допускает.[567]

Формы понудительного залога образуются как от переходных, так и от непереходных глаголов. Непереходные глаголы становятся переходными, а переходные — «вдвойне переходными».[568] Преобразование большинства непереходных глаголов в переходные, а некоторых переходных во «вдвойне переходные», не будучи в настоящее время связанным с выражением грамматического значения понудительности, является, по существу, фактом лексического порядка:[569] присоединяемые к глагольным основам каузативные аффиксы образуют новые слова, ср.: др.-тюрк. *јандїр-* 'зажигать' (*јан-* 'гореть'); кар. *сöндўр-* 'гасить' (*сön-* 'гаснуть'); кирг. *кэлтір-* 'приносить' (*кэл-* 'приходить'); кум. *эшіттір-* 'сообщать, передавать' (*эшіт-* 'слышать'); уйг. *кајнат-* 'кипятить' (*кајна-* 'кипеть'), *курут-* 'сушить' (*куру-* 'сохнуть'), *білдўр-* 'сообщать' (*біл-* 'знать'); якут. *өлөр-* 'убивать' (*өл-* 'умирать'). Однако четких критериев разграничения каузативов с грамматической и лексической семантикой нет и не может быть, так как процесс лексикализации происходит постоянно и существуют промежуточные формы.

2,2. Наличие у форм понудительного залога пермиссивного значения — не следствие постепенно проявившихся внутренних закономерностей их развития, оно обусловлено спецификой самой категории понудительности, тогда как пассивное значение рассматриваемых форм — вторичное, явившееся, по всей видимости, ответвлением пермиссива: «дать себя ударить» → «быть ударяемым».[570] Примеры: к.-калп. *мэн соқтїрдїм* 'меня избили' (~ 'я «дал» себя избить');[571] тув. *өлўрткэн хој* 'убитая овца' (~ 'овца, «давшая» себя убить');[572] тофал. *өл ї'ткa ї'сїртқан* 'мальчик укушен собакой' (~ 'мальчик «дал» собаке укусить себя');[573] узб. *у пулінї ўғірлатдї* 'у него украли деньги' (~ 'он «дал» украсть у себя деньги'), *ўзінї ілэнга чақдіріп налэж бўлдї* 'он погиб, будучи укушенным змеей' (~ 'он погиб, «позволив» змее укусить себя');[574] уйг. *мән сақілімні алдурдум* 'меня побрили' (~ 'я «дал» побрить свою бороду'); хак. *хазїр адајға тутлаттїрдїңма* 'тебя укусила злая собака?' (~ 'ты «дал» укусить себя злой собаке?'); якут. *чаһїбїн уордардїм* 'у меня украли часы' (~ 'я «дал» украсть мои часы'), *атахпїн маска баттаттїм* 'мою ногу придавило деревом' (~ 'я «дал» дереву придавить мою ногу').[575]

Т. Ковальский считал, что аффикс *-т* вначале являлся показателем каузативно-пассивной формы и что затем (в результате присоединения к нему аффиксов *-к* и *-р*) образовались чисто пассивная форма на *-тїк* ~ *-тук* и «настоящий» каузатив на *-тїр* ~ *-тур*.[576] Однако используемые им примеры (ср.: др.-тюрк. *нэгў тэр эшітгіл сэвітміш кіші* 'послушай, что говорит побуждающий любить [себя] человек' (QBN 49_9), *өгкä каңка сэвітміш эрдің* 'ты вызывал у матери и отца любовь [к себе]' (Suv 619_{23}), свидетельствуют лишь о разнообразии содержательной стороны категории понудительности. Специфическое же значение в них придается глагольной форме совпадением действующего лица с объектом действия, о чем сигнализирует, как правило, отсутствие прямого дополнения.

Послесловием к разделу о залоге могут служить замечания о дозаловом состоянии тюркского глагола. Поскольку возникновение форм понудительного залога, как и других залоговых форм, относится к сравнительно позднему времени существования тюркского праязыка, не лишен интереса вопрос о семантических валентностях дозалогового глагола. Касаясь этого вопроса в специальной статье, Э. В. Севортян высказывает мысль об изначальной недифференцированности тюркского глагола по признаку переходности—непереходности.[577] Примечательные факты, свидетельствующие в пользу предположения Э. В. Севортяна, прослеживаются в письменных памятниках: др.-тюрк. *өлўт* 'убийство' (но не 'смерть', как следовало бы ожидать, МК I 52, Uig III 4_{11}); ст.-узб. *чавут* 'ограда, стена' (ср.: ст.-узб. *чавурма*). Как известно, В. Банг пытался объяснить их выпадением каузативного показателя *-р: өлўрўт* > *өлўрт* > *өлўт*, *чавурут* > *чавурт* > *чавут*,[578] что, вообще говоря, вполне правдоподобно. Вместе с тем нельзя не учитывать материалов современных тюркских языков, в которых сохранение следов недифференцированности глаголов по признаку переходности—непереходности не вызывает сомнений. Заслуживают внимания, в частности, наблюдения М. С. Михайлова, который в результате тщательного изучения различных текстов выделил широкий круг глаголов, совмещающих переходность и непереходность в турецком языке, ср.: *ач-* 'открывать' и 'открываться' (в сочетаниях: *нава ач-*, *чічэк ач-*), *боз-* 'портить' и 'портиться' (в сочетании: *нава боз-*), *дөн-* 'поворачивать' и 'поворачиваться', *гэч-* 'обходить' и 'проходить, миновать', *оқу-* 'читать' и 'учиться', *јаша-* 'переживать' и 'жить' и т. д.[579]

Развивая мысль Э. В. Севортяна об изначальной недифференцированности тюркского глагола по признаку переходности—непереходности, мы хотели бы подчеркнуть то обстоятельство, что дозаловый глагол сам по себе не мог выражать направленность действия и что многочисленные и разнообразные по своему характеру примеры употребления причастных форм без залоговых показателей отражают специфику тюркского глагола периода дозалогового состояния: алт. *ічэтэн кіжі* 'пьющий человек', *ічэтэн ајақ* 'чашка, из которой пьют', *ічэтэн чај* 'чай, который пьют'; кирг. *ајта турған кіші* 'говорящий человек', *ајта турған сöз* '(обычно) произносимое слово'. Здесь уместно воспроизвести сделанное М. С. Михайловым замечание о том, что в современных тюркских языках «все еще отдается дань тем отдаленнейшим временам, когда залоговые формы различались в зависимости от сочетания данного глагола с тем или другим объектом».[580] Единственное, что может вызвать возражение в приведенном замечании, это упоминание о залоговых формах. Понятно, что в те «отдаленнейшие времена», о которых говорит М. С. Михайлов, залоговых форм как таковых не было и направленность действия выражалась неморфологическими средствами.

---

[567] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 181. См. также: *Харитонов Л. Н.* Залоговые формы глагола в якутском языке, с. 65.

[568] См.: *Хасенова А. К.* К вопросу о переходных и непереходных глаголах и категории залога в современном казахском языке, с. 24—32.

[569] См.: *Юлдашев А. А.* Принципы выделения и трактовка категории залога в башкирском языке, с. 235—236.

[570] См.: *Kowalski T.* De la nature du causatif et du passif dans les langues turques, p. 434—435. Ср.: *Недялков В. П.* О связи каузативности и пассивности. — Уч. зап. Башкирского гос. ун-та, XXI. Сер. филол. наук, 1964, № 9 (13), с. 309; *Кормушин И. В.* О пассивном значении каузативных глаголов. — В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 89—93; *Shibatani M.* Causativization. — In: Syntax and Semantics, 5. Japanese Generative Grammar. New York, 1976, p. 254—258.

[571] См.: *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык, II, 1, с. 341.

[572] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 275.

[573] См.: *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка. . ., с. 38.

[574] См.: *Фозилов Э.* Ўзбек тилида феълнинг орттирма даражаси, б. 60 (пример из «Зарбулмасал» Гулхани).

[575] См.: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык, с. 175, 177.

[576] См.: *Kowalski T.* De la nature du causatif et du passif dans les langues turques, p. 432, 435. Ср.: *Чарыяров Б.* Категория залога в современном туркменском языке, с. 15.

[577] См.: *Севортян Э. В.* Об историческом положении категорий переходности и непереходности в тюркских языках. — ВЯ, 1958, № 2, с. 39.

[578] См.: *Bang W.* Das negative Verbum der Türksprachen, S. 128.

[579] См.: *Михайлов М. С.* К вопросу об аберрации залога в турецком глаголе. — В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961, с. 212 сл. На эти же явления обратил внимание О. А. Аксой (см.: *Aksoy Ö. A.* Gaziantep ağzı, I, s. 189).

[580] *Михайлов М. С.* К вопросу об аберрации залога. . ., с. 230.

ФОРМЫ НЕПОЛНОЙ ВЕРБАЛЬНОСТИ (ДЕЕПРИЧАСТИЯ)

Формы неполной вербальности, или деепричастия, иначе называются не-личными формами, и главным образом в этом заключается их особенность по сравнению с формами полной вербальности. Другой отличительный признак — тесная связь их временных значений с временным содержанием личных глагольных форм. Деепричастия обозначают действия не в определенной временной плоскости,[581] а строго соотносительно с другими действиями: как предшествующие им, следующие за ними или происходящие одновременно с ними, ср.: ног. *аттӣ алӣп кәттӣ* 'взяв лошадь, он ушел', *аттӣ алӣп барајак* 'взяв лошадь, он пойдет'. Поэтому одна и та же деепричастная форма может обозначать действие, относящееся и к прошедшему, и к настоящему, и к будущему времени. Некоторые деепричастия, сохраняя этимологические черты древних имен действия, в синтаксической позиции сказуемого присоединяют к себе личные показатели и сближаются с собственно глагольными формами. В числе их форма настоящего общего (ср.: тат. *барам* 'иду', *барасӣң* 'идешь', *бара* 'идет') и форма прошедшего результативного II (ср.: азерб. *јазығсан*, к.-калп. *жазӣпсаң*, ног. *јазӣпсӣң* 'ты писал').

1,1. Деепричастие на *-(j)a* ~ *-(j)y* ~ *-(j)ï* ~ *-(j)o* ~ *-j*, именуемое «слитным», передает действие, одновременное с действием, выраженным финитной глагольной формой, и тесно связанное с ним. «Слитность» заключается и в тесной связи двух действий, и в том, что одно из них является обстоятельственным определением другого. Отсутствие тесной связи между одновременными действиями, выражающееся в наличии второго подлежащего, наблюдается редко. Примеры: др.-тюрк. *јокару ат јәтә јадағӣн ӣғач тутуну ағтуртум* 'я заставлял подниматься вверх, ведя лошадей, пешком, держась за деревья' (Тон$_{25}$), казах. *күн бата бӣз авӣлға жәттӣк* 'когда садилось солнце, мы добрались до аула';[582] узб. *Султэнмурэд кэла ӯкишга кірішді* 'Султанмурад, приходя, брался за учебу';[583] шор. *алтӣн столді тајана одур салді* 'опираясь на золотой стол, он сел',[584] *ол мӣлтӣк ат сала аң чӣғілді* 'лишь только он выстрелил, зверь упал'.[585] При использовании дополнительных средств в виде частиц и падежных аффиксов «слитное» деепричастие может обозначать наряду с одновременным предшествующее действие, ср.: хак. *чӣлӣғ ібгә кӣрӣп чада ла узубӣсхам* 'войдя в теплое помещение, он лег и сразу же уснул'.[586]

Большинству современных тюркских языков известны две разновидности аффикса «слитного» деепричастия — *-a* и *-j*, выступающий после основ на гласный, ср.: башк. *һорај* 'спрашивая'; кар. *сөзләј* 'разговаривая'; карач.-балк. *карај* 'смотря, посматривая'; тат. *башлӣј* 'начиная' (но: *эшлі* < *эшләј* 'делая'). В шорском языке образование «слитного» деепричастия от основ на гласный происходит путем удлинения конечного гласного: *кајнā* 'кипя', *іштэ̄-* 'делая'. В хакасском языке в аналогичных условиях группа *aj(a)* изменяется в *i*, ср.: *сані* (< *санај*) 'считая', *сөлі* (< *сөләј*) 'говоря', *ојні* (< *ојнај*) 'играя'. В тувинском и якутском языках представлены три вида огласовки аффикса «слитного» деепричастия: в тувинском языке они предопределены разными обстоятельствами, в якутском языке — характером гласных, находящихся в исходе основы, ср.: тув. *арнӣ* (*арӣн-*) 'замахиваясь', *хојзу* (*хојус-*) 'вспугивая', *ӧртӱ* (*ӧрӱт-*) 'радуя', *боданӣ* 'обдумывая'; якут. *аһӣ* (*аһā-*) 'кушая', *ӣтӣ* (*ӣтā-*) 'плача', *соңӯ* (*соңӧ-*) 'предаваясь горю', 'печалясь'. В памятниках встречаются три разновидности огласовки независимо от характера гласных в основе, однако после основ на гласный выступает, как правило, *-jy*, ср.: др.-тюрк. *тута* 'держа', *кәчә* 'переходя', *јәтә* 'ведя на поводу', *өлӱ* 'умирая', *јітӱ* 'погибая', *ӣғлајy*, *јӣғлаја* 'плача', *башлајy* 'начиная', *сувајy* 'орошая, поливая', *тарӣјy* 'вспахивая'; ст.-тур. *саклајy* 'защищая', *істājӱ* 'желая'; ст.-узб. *кӱлә* 'смеясь', *окӣјy* 'читая'. Разновидность с узким нелабиализованным гласным наблюдается в аналитических глагольных образованиях типа *іті бәр* (КТб$_1$), *алӣ бәр* (КТб$_8$) и в составе обособившихся форм, перешедших в разряды наречий и послелогов.

Как первоначально соотносились разновидности *-(j)a*, *-(j)y* и *-(j)ï* и имелись ли между ними семантические различия, не совсем ясно, хотя этому вопросу уделялось много внимания. Мы уже указывали на то, что П. М. Мелиоранский был, пожалуй, единственным, считавшим формы на *-(j)a*, *-(j)y*, *-(j)ï* «не равнозначащими».[587] Все остальные тюркологи, учитывая особенности огласовки ряда именных и глагольных форм и опираясь на тщательный анализ значительного числа примеров употребления упомянутых выше разновидностей, склонялись к тому, чтобы объяснять их наличие фонетическими причинами.[588] Каковы бы ни были трудности интерпретации древних текстов, нельзя не заметить того, что семантически формы «слитного» деепричастия с разной огласовкой ничем не отличались одна от другой. Вместе с тем примечательно, что в орхоно-енисейских надписях каждый глагол, за редкими исключениями, имел одну разновидность огласовки деепричастного аффикса,[589] и вариантность, таким образом, сводилась к минимуму.

По мере приближения к современному состоянию все больше проявляется тенденция к семантической спайке деепричастия на *-(j)a...* с финитной глагольной формой, к употреблению его в целях обстоятельственной характеристики действия, например: кирг. *күлө сӱйлөдӱ* 'смеясь говорил';[590] шор. *... ағаш тура сӣндӣ* 'дерево сломалось стоя', *... кона торумға пардӣлар* 'они отправились за орехами с ночевкой';[591] якут. *кістӣ ӯрду* 'он положил скрытно'. Собственно деепричастные же функции выполняются рассматриваемым деепричастием при удвоении, являющемся и синтаксическим средством, и средством передачи интенсивности, повторяемости, продолжительности действия. Тем не менее и в этом случае очевиден процесс утраты деепричастием на *-(j)a* функций зависимого сказуемого.

В языках огузской группы собственно деепричастные функции форма на *-(j)a...* выполняет также в сочетании с аффиксом *-pak*, образующим в других языках форму неполноты признака прилагательных: азерб. *бахмамағa чалӣшарағ* 'стараясь не смотреть'; гаг. *лаф әдәрәк* 'говоря'; тур. *сәсіні алчалтарак* 'понизив голос'.

К деепричастию на *-(j)a...* присоединяются помимо аффикса *-pak* другие аналогичные аффиксы и аффиксы творительного (орудного) падежа: др.-тюрк. *тәјін* 'говоря';[592] гаг. *качараӣӣк* 'бегом', «бегошеньки»;[593] чуваш.

---

[581] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 187; *Сауранбаев Н. Т.* Семантика и функции деепричастий в казахском языке. Алма-Ата, 1944, с. 37; *Джанмавов Ю. Д.* Деепричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967, с. 24; *Аннануров А.* Туркмен дилинде хал ишлик формалары (тарыхы аспектде). Ашгабат, 1974, с. 87.

[582] См.: *Сауранбаев Н. Т.* Семантика и функции деепричастий в казахском языке, с. 43.

[583] См.: *Аскарова М.* Деепричастие в современном узбекском языке. — Уч. зап. Ташкентского ГПИ. Филологический сборник, 1954, 2, с. 20.

[584] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка, с. 159.

[585] См.: *Чиспияков Э. Ф.* Придаточные предложения в шорском языке. АКД. Томск, 1973, с. 16.

[586] См.:Грамматика хакасского языка, с. 240. См. также: *Тенишев Э. Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 111.

[587] *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль Тегина, с. 132.

[588] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 244; *Menges K. H.* The Turkic Languages and Peoples, p. 136.

[589] См.: *Ахметов М. А.* Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку, с. 45—46.

[590] См.: *Турсунов А.* Деепричастие в современном киргизском языке, с. 4.

[591] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка, с. 159.

[592] Ср. у К. Г. Менгеса: *тәјін* — древнеалтайское nomen presentis на *-н* (см.: *Menges K. H.* The Turkic Languages and Peoples, p. 137).

[593] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 244.

пӱрарауӑн ‘отправляясь’, ‘понемногу двигаясь’, *кулараӳӑн* ‘посмеиваясь’, *тӑхтарахпа* ‘немного погодя’;[594] якут. *олорон* ‘сидя’, *туран* ‘вставая’, ‘вставши’, *көрөн* ‘видя’, *баjан* ‘богатея’. Следы факультативного присоединения к деепричастию на *-(j)a...* аффикса творительного (орудного) падежа *-н* обнаруживаются в наречиях и послелогах всех тюркских языков, ср.: тат. *тагьӗн* ‘еще, опять’; узб. *сайін* ‘по, считая’.

Отрицательная форма деепричастия на *-(j)a...* образуется путем присоединения к глагольной основе аффикса *-ма* ~ *-ба* ~ *-па* ~ *-бо* ~ *-по*. Примеры: алт. *тутпаj* ‘не держа’, *д'ажӧрбаj* ‘не скрывая’; башк. *һӧрамаj* ‘не спрашивая’; гаг. *дajанамajарак* ‘не будучи в состоянии выдержать’; карач.-балк. *алмаj* ‘не беря’; кирг. *тӥнбаj* ‘не отдыхая’ (~ ‘без отдыха’); кум. *гӛлмӛj* ‘не приходя’; тат. *санамӑj* ‘не считая’; туркм. *білмӛj* ‘не зная’; узб. *кӛтмаj* ‘не уходя’.

Особая разновидность отрицательной формы деепричастия на *-(j)a...* включает в себя дополнительный элемент *-ӥн*, имеющий то же происхождение, что и конечный *н* в положительной форме. Примеры: др.-тюрк. *болмаjӥн* ‘не будучи’; ст.-узб. *коркмаjӥн* ‘не боясь’, *білмӓjін* ‘не зная’, *дӛмӓjін* ‘не говоря’; алт. (диал.) *сурабін* (< *сурабаjӥн*) ‘не спрашивая’, *тавӥн* (< *таппаjӥн*) ‘не находя’;[595] ж.-уйг. *кӛзмӛн* (< *кӛзмӛjін*) ‘не одевшись’;[596] тофал., тув. *кӛлбӛjін* ‘не приходя’; туркм. *гӛлмӑн* (< *гӛлмӓjін*) ‘не приходя’, *гӱлмӑнрӓк* ‘не смеясь’; туркм. (диал.) *jӛтмӛjін* ‘не доезжая’, ‘не доходя’;[597] хак. *турбін* (< *турбаjӥн*) ‘не вставая’, *азӥранмінох* (< *азӥранмаjӥн-ох*) ‘не поев’.

Сюда же можно отнести хакасскую форму типа *көрбінӛӈ* ‘как только увидел’ (~ ? ‘еще не увидев’) и якутскую типа *көрӱмӱӈӛ* ‘не увидев’, *аһāмӥна* ‘не поев’, ср.: якут. (диал.) *көрӱмӱjӛ*, *аһāмӥja*, например: хак. *хајнапча чӱрӛм мінӆӈ халбастаӈӷан харлар көрбінӛӈ* ‘волнуется мое сердце, увидев порхающие снежинки’;[598] якут. *аһāмӥна кӛллім* ‘я пришел не евши’.[599] На первый взгляд *көрбінӛӈ* воспринимается как форма творительного (орудного) падежа от положительной формы деепричастия на *-ӥп...* (< *көрӥбінӛӈ*). Однако такому объяснению ее препятствует нарушение гармонии гласных, которое нельзя истолковать иначе, как следствие преобразования отрицательного аффикса: *аспінаӈ* (< *аспаjӥнаӈ*) ‘как только открыл’, ср.: хак. (качин.) *парбін* (< *парбаjӥн*).[600] Конечная часть приведенной формы, по мнению одного из составителей грамматики хакасского языка, представляет собой аффикс исходного падежа.[601] С одинаковой степенью вероятности ее можно рассматривать и как аффикс творительного (орудного) падежа: *-баj-наӈ* или *-баjӥн-наӈ*, ср.: алт. (диал.) *сурабін* (< *сурабаjӥн*), хак. (саг.) *сурбаjнаӈ* ‘едва спросив’, ‘как только спросил’.[602] В приведенной выше якутской форме, по-видимому, присутствует аффикс творительного (орудного) падежа, все же сопоставление ее с общетюркской отрицательной формой типа *көрмӓjін* связано с определенными трудностями. Не ясна, в частности, природа конечного гласного. Гласный в исходе отрицательной формы зафиксирован также в диалектах туркменского языка, например: *білмӑні* ‘не зная’.[603]

От отрицательной формы «слитного» деепричастия образуются вторичные деепричастные формы на *-лӥ*, *-ча*, *-чак*, *-чаӈ* и т. д., ср.: башк. *бӧтмӓjӥнсӓ* ‘пока не закончится’, кум. *ӛрінмӛjлі* ‘не ленясь’,[604] тат. *кілмӓjӥнчӓ* ‘не приходя’, *алмӑjча* ‘не беря’, *кӱрмічӓ* ‘не видя’; тат. (диал.) *укӑмӑjнтча* ‘не учась’,[605] *ашӑкмӑjчак* (*ашӑк-мӑj-ча-ук*) ‘не спеша’, *ӥшлӓмічӓн* ‘не работая’.[606]

Из числа отрицательных форм, генетически не связанных с деепричастием на *-(j)a...*, но соотносимых с ним по значению и функционально, могут быть названы казахская диалектная форма на *-масӑ* и якутская на *-бакка* ~ *-бокко* (*-мат* ~ *-бат* ~ *-пат* — аффикс глагольного имени, ср.: ст.-узб. *-маз* ~ *-мас* + аффикс дательного падежа): казах. (диал.) *карамасӑ* ‘не смотря’, ‘не глядя’, *ӱндӛмӛсӑ* ‘молча’, ‘не говоря’;[607] якут. *аһābакка* ‘не евши’, *көрбӧккӧ* ‘не видевши’.

1,2. О происхождении и грамматической природе деепричастия на *-(j)a...* подробно говорилось выше.[608] Прототипом его, как считал Ж. Дени, являлся общетюркский «безличный» optativ, или precativ, на **-kaj*, недифференцированно выражавший значения повеления, долженствования, возможности, намерения и будущего времени.[609] По мнению А. Н. Кононова, аффикс *-а* восходит к аффиксу причастия настояще-будущего времени *-ар* (< *ӈару* — аффикс направительного падежа).[610] К ранее сказанному добавим, что М. Рясянен указывал на связь аффикса *-а* с деепричастным аффиксом *-ӷа* ~ *-ӷај* в монгольских языках.[611] Не углубляясь в разбор приведенных этимологий и не давая им критической оценки,[612] следует еще раз подчеркнуть, что «слитное» деепричастие — функциональная разновидность древнего имени действия,[613] послужившего основой для глагольных форм с разным содержанием. Еще на уровне существования древнетюркского языка деепричастие на *-(j)a* несколько обособилось, подверглось адвербиализации и стало источником образования значительного числа послелогов. Процесс его обособления сопровождался расширением масштабов использования деепричастия на *-п...* и частичным совмещением в одной форме семантического содержания двух древних форм.[614]

Аффикс *-j*, иногда рассматриваемый как фонетический вариант аффикса *-а*, образовавшийся при стечении его с гласным основы,[615] на самом деле является стяженной разновидностью древнего аффикса *-ја* ~ *-јӱ* ~ *-јӥ*.[616]

Отрицательную форму «слитного» деепричастия В. Банг возводил к двум архетипам: **-маја* (> *-мај*) и **-мадӥн* ~ **-матӥн* (> *-маjӥн*), выделяя в составе последнего из них три компонента: аффикс отрицания *-ма*, аффикс глагольного имени *-т*(*-д*?) и аффикс творительного (орудного) падежа *-н*.

[594] См.: *Павлов И. П.* Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции. АКД. М., 1953, с. 11.
[595] См.: *Баскаков Н. А.* Диалект черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966, с. 52.
[596] См.: *Тенишев Э. Р.* Строй сарыг-югурского языка, с. 113.
[597] См.:*Мухиев Х.* Нохурский диалект туркменского языка, с. 13.
[598] См.: Грамматика хакасского языка, с. 241.
[599] См.: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык, с. 235.
[600] См.: *Бабушкин Г. Ф.* Значения и функции хакасских деепричастий. — Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Сер. филол., 1964, X, с. 14.
[601] См.: Грамматика хакасского языка, с. 241.
[602] См.: *Бабушкин Г. Ф.* Значения и функции. . ., с. 16.
[603] См.: *Чоммадов О.* Диалект ата туркменского языка (Дарган-Атинский район). АКД. Ашхабад, 1975, с. 23.
[604] См.: *Джанмавов Ю. Д.* Деепричастия в кумыкском литературном языке, с. 112—113.
[605] См.: *Махмутова Л. Т.* Бастанский говор татарского языка, с. 41.
[606] См.: *Арсланов Л. Ш.* Из материалов диалектологической экспедиции 1968 года в Волгоградскую и Астраханскую области. — МТД, 3, с. 141.
[607] См.: *Айдаров Т.* Языковые особенности казахов Тамдинского района Узбекской ССР. АКД. Ташкент, 1967, с. 16.
[608] См. с. 52 сл.
[609] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 923—924, 938; *Аннануров А.* Туркмен дилинде хал ишлик формалары. . ., с. 92—100.
[610] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 225, 478. А. Н. Кононов предложил также новую этимологию сложного аффикса *-(j)apak*: *-(j)ap* — аффикс причастия+существительное *ок* ‘время’ (там же, с. 477).
[611] См.: *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 185.
[612] Критическую оценку см. в кн.: *Yüce N.* Gerundien im Türkischen. Eine morphologische und syntaktische Untersuchung. Mainz, 1973, S. 2.
[613] Ср.: *Павлов И. П.* Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции, с. 10.
[614] См.: *Аскарова М.* Деепричастие в современном узбекском языке, с. 28; *Ахметов М. А.* Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку, с. 46.
[615] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 209.
[616] См.: *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание, с. 108.

ного) падежа *-ïn*.[617] В письменных памятниках встречаются разные отрицательные формы, сопоставимые со «слитным» деепричастием, но фонетически не сводимые к одному архетипу, ср.: др.-тюрк. *алматïн* ‘не беря’, ‘не принимая’ (КТм$_9$), *сакïнматї* ‘не думая’ (КТб$_{10}$), *олурматї* ‘не сидя’, ‘не имея покоя’ (Тон$_{51}$), *јарлїканмадїн* (? *јарлїканматїн*) ‘не милуя’ (Man III 11$_{13}$). Древнетюркский аффикс *-матїн* не мог преобразоваться в *-маїїн*: закономерным соответствием *т* в современных тюркских языках является *т* или *д*. Единственный путь объяснения наличия фонетически не сопоставимых отрицательных форм «слитного» деепричастия — в допущении возможности параллельного использования в формах творительного (орудного), исходного и других падежей разных имен действия, включающих в себя отрицательный аффикс — на *-ма-д*, *-ма-с*, *-ма-т*, — о чем свидетельствуют, в частности, материалы современных тюркских языков, ср.: гаг. *дојурмадан* ‘не покормив’; зап.-сиб. тат. *јуӈалтмастан* ‘не теряя’, *їшлямәстән* ‘не работая’; к.-калп. *тїллэспэстэн* ‘не разговаривая’; тув. *одунмајн* ‘не просыпаясь’; тур. *сöјлямәдән* ‘не говоря’.

2,1. Деепричастие на *-(j)їn ~ -(j)уп ~ -(j)ап ~ -п*, выступая в функции зависимого сказуемого, обозначает, в отличие от предыдущего деепричастия, действие, которое предшествует действию, выраженному финитной глагольной формой, или протекает одновременно с ним. Переход от одного действия к другому оказывается как бы непосредственным, не имеющим паузы, и поэтому деепричастие на *-(j)їn*. . . получило наименование «соединительного» (Gerundium der Verbindung, converbium copulativum, le gérondif de liaison). Все же пауза между двумя действиями допускается и даже получает выражение в использовании между деепричастием и финитной глагольной формой послелога *соң* или частицы-союза *та ~ да*.

Выполняя обстоятельственные функции, «соединительное» деепричастие часто подвергается обособлению и переходит в разряд наречий,[618] ср. у Н. П. Дыренковой: «деепричастное наречие».[619]

Деепричастие на *-(j)їn*. . . входит в состав перифрастических форм, обозначающих степень исчерпанности действия, способ его протекания и его направленность.[620]

Менее типичны для «соединительного» деепричастия функции независимого сказуемого (ср. азерб.) и функции приглагольного дополнения (инфинитив, супин).

В современных тюркских языках преобладает разновидность «соединительного» деепричастия с узким нелабиализованным гласным, в древнетюркском языке примерно одинаково употребительны все перечисленные разновидности: *-(j)їn ~ -(j)уп ~ -(j)ап*, последняя из которых характерна для рунических и манихейских текстов (у А. Габен — *н*-диалект).[621] В говорах азербайджанского языка аффикс «соединительного» деепричастия встречается в виде *-їп ~ -уп ~ -їф ~ -уф*,[622] в говорах туркменского — в виде *-їв ~ -ов ~ -ув*,[623] в языке желтых уйгуров — в виде *у ~ -в*.[624] В кумыкском и саларском языках, а также в говорах узбекского языка «соединительное» деепричастие вообще или в определенных фонетических условиях утратило конечный согласный.[625] В шорском языке и в говорах туркменского языка в перифрастических формах используется сокращенный вариант: шор. *ӑс* (~ *ӑзїп*) *пардї* ‘он заблудился’;[626] туркм. (диал.) *ал* (~ *алїп*) *кэл* ‘принеси’.[627]

Разновидность аффикса «соединительного» деепричастия с начальным *j* (после основ на гласный) встречается в огузских языках, ср.: азерб. *ишлајіб* ‘поработав’; гаг. *істәјін* ‘захотев’; тур. *сöјләјін* ‘говоря’; туркм. (XVIII—XIX вв.) *аӈлајїб* ‘плача’.[628]

Деепричастие на *-(j)їn*. . ., подобно деепричастию на *-(j)а*. . ., может употребляться в парном и в удвоенном виде.

В чувашском и якутском языках деепричастие на *-(j)їn*. . . отсутствует.

Своеобразие грамматической природы «соединительного» деепричастия проявляется в оформлении его различными морфологическими элементами: аффиксами местного и исходного падежей, аффиксом множественного числа и другими. Одни из них присоединяются к деепричастию на *-(j)їn* довольно часто, другие — реже или в исключительных случаях. Примеры: др.-тюрк. *јатїбан* ‘лежа’, *окубан* ‘читав’, *інінәнін* ‘спустившись’, *олурупан* ‘сидя’ (*чїнтан їӈач їзә олурупан мәӈлајўрмән* ‘сидя на сандаловом дереве, я радуюсь’, ThS II$_6$), *болубда* ‘когда был’, ‘когда стало’ (*андан соң әртә болубда акаларнї іниләрні чарлаб кәлдўрді* ‘после этого, когда было [еще] рано, он созвал старших и младших братьев’, ЛОК 37$_7$), *болубдан* ‘оттого, что было’ (*муз таӈларда көб соӈук болубдан ол бәг каӈардан сарунмїш әрді ап-ак әрді* ‘оттого, что в ледяных горах был сильный холод, тот бек покрылся снегом, стал совершенно белым’, ЛОК 27$_8$); ст.-тур. *бакубануң* ‘увидев’, *алїбануң* ‘взяв’, *сорубанї*, *сорїбануң* ‘спросив’ (‘Ašyqpāšā 19), *дутубан* ‘держа’ (AQJB 39); ст.-узб. *дәбән* ‘сказав’, *коjубан* ‘положив’, *көрўбән* ‘увидев’; азерб. (диал.) *вәрібән* ‘дав’,[629] *алібан*, *алібанї* ‘взяв’, *гәлібән*, *гәлібәнї* ‘придя’, *гөрўбәннәрі* ‘увидев’, *ӈїзарїфдан* ‘покраснев’, *гәліфдән* ‘придя’;[630] кар. *көрўпләр* ‘увидев’, *әшітіпләр* ‘услышав’;[631] кум. *кїзарїпсув* ‘слегка покраснев’, *токтабок* ‘остановившись’, *ішләплі*, *ішләплін* ‘работав’, ‘в то время, когда работал’;[632] кирг. *коркубурāк* ‘боясь’;[633] туркм. (XVIII—XIX вв.) *јазїбан* ‘написав’,[634] *сāрӈарїбан* ‘пожелтев’;[635] туркм. *алїнјїк*, *алїндајїк* ‘взявши’, *аӈдабрак* ‘прихрамывая’, *гәчібрāјїк* ‘немного пройдя’;[636] узб.

---

[617] См.: *Bang W.* Das negative Verbum der Türksprachen, S. 129—130. Ср.: *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon. — MSFOu, 1895, 5, p. 171; *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 94—95; *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль Тегина, с. 91; *Duda H. W.* Die Sprache der Qyrq Vezir — Erzählungen, I. Formenlehre. Leipzig, 1930, S. 108—111; *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 252 f.; *Menges K. H.* Some Remarks on Oyrot Morphology, p. 519; *Кононов А. Н.* Опыт реконструкции тюркского деепричастия на *-(°)п*, *-(°)б*, *-(j)°б*, *-(°)пан*, *-(°)бан*, *-(°)баны*, *-(°)баныӈ(н)*. — ВЯ, 1965, № 5, с. 104; *Аннануров А.* Түркмен дилинде хал ишлик формалары. . ., с. 29—31.

[618] См.: *Rachmatullin G. R.* Die Hilfsverben und Verbaladverbien im Altaischen, II. — UJb, 1928, VIII, 3—4, S. 309—343.

[619] *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка, с. 163.

[620] См.: *Юлдашев А. А.* Деепричастие на *-п* в башкирском языке. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 254—258.

[621] См.: *Gabain A.* Alttürkische Grammatik, S. 5.

[622] См.: *Бехбудов С. М.* Зангеланский говор азербайджанского языка. АКД. Баку, 1966, с. 21.

[623] См.: *Соегов М.* Первичные формы деепричастия в современном туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1978, с. 4.

[624] См.: *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров, с. 186—187.

[625] См.: *Джанмавов Ю. Д.* Деепричастия в кумыкском литературном языке, с. 53; *Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка, с. 177; *Насыров Ш.* Кокандский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 19.

[626] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка, с. 152 сл.

[627] См.: *Соегов М.* Первичные формы деепричастия. . ., с. 5.

[628] См.: *Байлиев С.* Языковые особенности дестана «Саят и Хемра». АКД. Ашхабад, 1965, с. 19.

[629] См.: *Бехбудов С. М.* Зангеланский говор. . ., с. 21.

[630] См.: *Ширәлијев М. Ш.* Азәрбајчан диалектолокијасынын әсаслары, с. 280—281; *Ширалиев М. Ш.* Об этимологии деепричастной формы на *-ыбан*, *-ибән*, *-убан*, *-үбән*. — ВЯ, 1960, № 3, с. 98—99; *Рустәмов Р. Ә.* Губа диалекти, с. 11—12, 178—180.

[631] См.: *Kowalski T.* Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Kraków, 1929, S. XXXVII.

[632] См.: *Джанмавов Ю. Д.* Деепричастия в кумыкском литературном языке, с. 73—74.

[633] См.: *Турсунов А.* Деепричастие в современном киргизском языке, с. 5.

[634] См.: *Хосрови А. М.* Деепричастия в туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1950, с. 7.

[635] См.: *Байлиев С.* Языковые особенности дестана «Саят и Хемра», с. 20.

[636] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 375.

ілʲајібгіна ‘слегка улыбнувшись’, *ујаліброк* ‘слегка стыдясь’, *тэртініброк* ‘слегка стесняясь’; уйг. (диал.) *сäкрівän турван* ‘прыгающий’.[637]

Отрицательная форма деепричастия на *-(j)їп...* образуется по общему правилу, но встречается редко, главным образом в языках огузской группы. Примеры: др.-тюрк. *көрмädіп* ‘не видев’ (МК II 121); ст.-тур. *чїкамајуп* ‘не будучи в состоянии подняться вверх’, *гөрмäјүбän* ‘не видев’;[638] азерб. *гөрмäјіб* ‘не видев’; гаг. *алмајїп* ‘не взяв’; тат. (диал.) *бармап бак* ‘попробуй не пойти’, *кілмäп көјса* ‘если не придет’;[639] тур. *гэлмэјіп* ‘не придя’.

2,2. Приведенные выше примеры оформления деепричастия на *-(j)їп...* падежными и другими аффиксами не оставляют никаких сомнений относительно его именного происхождения.

Этимология формы «соединительного» деепричастия не ясна,[640] и раскрытие ее едва ли возможно.

Более оптимистический прогноз может быть сделан в отношении этимологии форм на *-їпан ~ -їбан ~ -убан, -їбанї ~ -убанї, -їбанїн ~ -убанїн*, выражающих те же значения, что и форма на *-(j)їп...*,[641] но имеющих ограниченную сферу использования.[642] Перечисленные аффиксы рассматриваются либо как прототипы аффикса *-(j)їп...*, либо как его поздние разновидности, включающие в себя дополнительные элементы *-ан, -анї, -анїн*.

Первой точки зрения последовательно придерживается А. Н. Кононов, полагающий, что тюркский аффикс *-пан ~ -бан* правомерно сопоставлять с тунгусо-маньчжурским аффиксом *-мнин, -ммин* и что начальный согласный в нем, «вероятно, восходит к общеалтайскому глаголу *б°-* (= тюрк.-монг. глаголу *бол-* < **бо-* + *-л-*) ‘быть; делаться; становиться’», а последующая часть — к причастному показателю: *пол-* ~ *бол-* + *-°н* > **-пän* ~ **-бän* ~ *-пан* ~ *-бан*.[643] В аффиксе *-їбанїн* А. Н. Кононов выделяет аффикс творительного (орудного) падежа *-їн*, а появление аффикса *-їбанї* объясняет выпадением в нем конечного *н*. По поводу аффикса *-їбанїң* конкретного решения не предложено, однако приведен для сравнения аффикс творительного (орудного) падежа *-пїнаң*,[644] встречающийся в говорах хакасского языка, ср.: хак. (качин.) *атпїнаң* ‘с конем’.

Сторонниками второй точки зрения являются почти все остальные тюркологи, многие из которых допускают наличие в аффиксе *-їбан ~ -убан* аффикса творительного (орудного) падежа.[645] В. Банг, первоначально воспринимавший элемент *ан* как аффикс орудного падежа, позднее видел в нем показатель аллатива.[646] Ж. Дени отождествлял *ан, анї* и *анїн* с формами родительного падежа лично-указательного местоимения 3-го л. ед. ч. *ол* (*ан, анї, анїн*), использовавшимися в целях уточнения.[647]

[637] См.: *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины, 2, с. 230.

[638] См.: *Хаджиолова К. А.* Глагольная форма на *-°р* в турецких литературных памятниках XIII—XVI веков. — СТ, 1972, № 6, с. 87.

[639] См.: *Шакирова Р. Ф.* Особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области, с. 294.

[640] См.: *Кононов А. Н.* Опыт реконструкции. . ., с. 106 сл.; *Serebrennikov B. A.* Über tschuwaschische Themen. — AOH, 1964, XVII, 2, S. 133—134.

[641] См.: *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon, p. 24; *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 93, 123; *Gabain A.* Alttürkische Grammatik, S. 180; *Caferoğlu A.* Azerî türkçesinde *-uban/-üben* eki. — В кн.: Jean Deny armağanı. Ankara, 1958, s. 61—66.

[642] См.: *Çagatay S.* Eski osmanlıca'da fiil müştaklarından. III. Gerundifler. — DTCFD, 1948, VI, 3, s. 31; *Мирзəзадə Ћ.* Азəрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы, с. 284.

[643] См.: *Кононов А. Н.* Опыт реконструкции. . ., с. 110—111.

[644] Там же, с. 111; *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание, с. 122.

[645] См.: *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание, с. 122; *Caferoğlu A.* Türk dili tarihi, I. İstanbul, 1958, s. 132; *Menges K. H.* Das Čaγatajische in der persischen Darstellung von Mīrzā Mahdī Xān, S. 701.

[646] См.: *Bang W.* Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 48.

[647] См.: *Deny J.* Le gérondif de liaison *-(y)äp.* — In: 60. doğum yılı münasebetiyle Fuad Köprülü armağanı. İstanbul, 1953, p. 126.

По мнению М. Ш. Ширалиева, опирающегося на материалы говоров азербайджанского языка, аффикс *-їбан ~ -убан* развился из сочетания показателя «соединительного» деепричастия с показателем исходного падежа: *јазїбан ~ јазїфнан ~ јазїпнан*.[648] О. Прицак, не объясняя происхождения *-їбан ~ -убан*, соотносит с ним аффиксы *-їбанї ~ -убанї, -їбанїн ~ -убанїн, -їбанїң ~ -убанїң* как формы винительного, творительного (орудного) и родительного падежей с формой именительного.[649]

Сопоставление изложенных точек зрения и учет своеобразия грамматической природы «соединительного» деепричастия приводят к выводу, что в составе аффикса *-їбан ~ -убан* не исключено наличие показателя творительного (орудного) падежа: в самом деле, невозможно отрицать факт присоединения его к деепричастным формам именного происхождения и его типичность для адвербиальных образований. Вместе с тем нельзя не отметить и некоторые трудности идентификации *ан* с названным показателем. Во втором слоге аффикса *-їбан ~ -убан* прослеживается только широкий гласный, между тем в форме творительного (орудного) падежа имен и в сохраняющих эту форму наречиях выступают обычно узкие гласные, ср.: др.-тюрк. *ӓлігін* ‘рукой’, *түнүн* ‘ночью’; алт. *күзүн* ‘осенью’, *кїжїн* ‘зимой’; казах. *жазїн* ‘летом’; тофал. *чазїн* ‘весной’. Постоянное присутствие в аффиксе *-їбан ~ -убан* широкого гласного свидетельствует о том, что он является не соединительным элементом, а составной частью того показателя или самостоятельного слова, из которого образовался данный аффикс. Не поддается объяснению конечный согласный в аффиксе *-їбанїң ~ -убанїң*, хотя ясно, что внешний облик аффиксальных морфем легко подвержен изменениям, в частности — по аналогии. Кстати, наряду с приведенными аффиксами имеются и другие, например *-бам*: ст.-азерб. *олубам* ‘становясь’; азерб. (диал.) *вурубам* ‘ударив’.[650] В заключение все же заметим, что выделение в указанном аффиксе показателя родительного падежа не лишено оснований: существует большое количество бесспорных фактов усложнения деепричастных форм путем присоединения к ним различных падежных аффиксов, включая аффикс родительного падежа, ср.: тув. *кэлгэштің* ‘приходя’.

3,1. Деепричастие на *-ɣалї ~ -калї ~ -(j)алї ~ -ɣанлї ~ -канлї* ... — «начинательное» (ср. у В. Котвича: gerundium initiale) — встречается во всех тюркских языках, кроме чувашского и якутского, и выражает действие, являющееся исходным моментом для другого действия,[651] например: др.-тюрк. *тіші барс ӓнүкмäгälі јäті күн болміш* ‘с тех пор как ощенилась эта тигрица, прошло семь дней’ (Suv 610_3), *Дакјанус мälік кэчкälі ікі-үч јүз артук болмуш турур...* ‘с тех пор как был Дакьянус-царь, прошло более двухсот—трехсот лет...’ (Теф. 77); ст.-узб. *көрäлі њуснуңнї зар ва мубтала болдум сэңä* ‘с тех пор как я увидел твою красоту, я стал опечаленным и страдающим из-за тебя’; карач.-балк. *бу кітаб чїкɣанлї мэн анї көрмэгэнмэ* ‘с тех пор как появилась эта книга, я не видел ее’;[652] уйг. *сэні көрмігілі көп јіллар өтті* ‘с тех пор как тебя видели, прошло много лет’, *мän кälгіні үч күн болді* ‘со времени моего приезда прошло три дня’;[653] хак. *інэј Порчодаң хонɣалі сіеїс*

[648] См.: *Ширалиев М. Ш.* Об этимологии деепричастной формы на *-ыбан, -ибэн, -убан, -үбэн*, с. 98—99.

[649] См.: *Pritsak O.* Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen. — UAJb, 1961, XXXIII, 1—2, S. 143.

[650] См.: *Caferoğlu A.* Azerî türkçesinde *-uban ~ -üben* eki, s. 61.

[651] Возможность употребления «начинательного» деепричастия в качестве финитной глагольной формы в татарском языке, о чем пишет К. Брокельман (см.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik..., S. 250), очень сомнительна. В приведенных им примерах, очевидно, выступает аффикс процессуальной интенсивности *-кälä ~ -гälä*, в 3-ем лице настоящего времени — *-кälі ~ -гälі*, ср.: тат. (диал.) *кілгәлілäр бізнїкїлäр бірї* ‘(время от времени) наши приезжают сюда’. См.: *Махмутова Л. Т.* Бастанский говор татарского языка, с. 42.

[652] См.: *Урусбиев И. Х.* Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке, с. 80.

[653] См.: Ћазирқи заман уйғур тили, II, б. 248—249.

паланї кӧмдїбїс ‘с тех пор как мы живем со старухой Порчо, мы похоронили восьмерых детей’.[654]

Имеется несколько вариантов аффикса «начинательного» деепричастия, различающихся либо фонетически, либо наличием дополнительных морфологических наращений, ср.: азерб. *ґәлә́лі*, алт., хак. *кәлгә́лі*, гаг. (устар.), тур., туркм. *ґәлә́лі*, казах., к.-калп. *кәлгәлґ*, кар. (крым. диал.), карач.-балк. *кәлгәнлі*, кирг. *кәлгәлі* ~ *кәлгәні*, кум. *ґәлґәнлі* (resp. *ґәлґәллі*), ног. *кәлгәнлґ*, узб. *кәлгалі* ~ *кәлгані*, уйг. *кәлгілі* ~ *кәлгіні* ‘с тех пор как пришел’.

«Начинательное» деепричастие традиционно сближается с «достигательным», образующимся при помощи аналогичного аффикса. Однако совпадение внешнего облика двух деепричастий, по всей видимости, случайное. Выражаемые ими значения совершенно различны и не выводимы одно из другого. Существует и другое различие, заключающееся в том, что вариант типа *кәлгәнлі* может иметь только «начинательное» значение. Таким образом, сближение «начинательного» деепричастия с «достигательным» и возведение их к одному прототипу наталкиваются на серьезные препятствия, что было отмечено еще П. М. Мелиоранским.[655]

3,2. В. Прёле и В. Котвич предложили считать исходной для «начинательного» деепричастия форму на *-ґанлї* ~ *-канлї*.[656] А. Аннануров, согласившись с ними, восстановил ряд предшествующих звеньев: *кәлгәлі* ~ *кәлгәні* ~ *кәлгәнлі* < *кәлгәнлі бәрі* < *кәлгәнлідән бәрі* < *кәлгәнліктдән бәрі*.[657] В пользу такого пути развития «начинательного» деепричастия свидетельствуют, с одной стороны, его окказиональное употребление в форме исходного падежа, с другой — возможность сочетания с ним послелога *бәрі* ~ *бәрлі*, ср.: ст.-кыпч. *султанїн кәлгәлі бәрі* ‘с тех пор как прибыл султан’;[658] ст.-азерб. *олалїдан* ‘с тех пор как стал’;[659] ст.-огуз. *варалїдан бәрі* ‘с тех пор как отправился’;[660] ст.-узб. *чїккалї(дїн) бәрі* ‘с тех пор как вышел’;[661] кар. (крым. диал.) *біткәллі бәллі* ‘с тех пор как кончился’;[662] ног. *авґ̆рґанлґ̆ бәрґ̆* ‘с тех пор как заболела’;[663] тат. (диал.) *мін кілгәлґ̆ пірлґ̆* ‘с тех пор как я приехал’;[664] тур. *алалї(дан) бәрі* ‘с тех пор как получил’;[665] туркм. *уґрāлі бāрі* ‘с тех пор как отправился’.[666] Особенно примечателен пример из старокыпчакского языка, усиливающий аргументы тех тюркологов, которые восстанавливают архетип «начинательного» деепричастия в виде вторичного глагольного имени, включаемого в притяжательную конструкцию. Ср. также: туркм. *мән гәлә́лім бāрі* ‘с тех пор как я приехал’, *дән гідә́лің бāрі* ‘с тех пор как ты уехал’, *дідің гідә́ліңіз бāрі* ‘с тех пор как вы уехали’.[667] Причина нарушения гармонии гласных в аффиксе *-калї* ~ *-ґалї*... в хакасском языке (ср.: *парґалі* ‘с тех пор как пошел’) не ясна.

[654] См.: Грамматика хакасского языка, с. 243.
[655] См.: *Мелиоранский П. М.* Краткая грамматика казак-киргизского языка, II, с. 39. См. также: *Kotwicz W.* Studia nad językami ałtajskimi, s. 267. Прямо противоположного мнения придерживался Ж. Дени (см.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 1031).
[656] См.: *Pröhle W.* Karatschajische Studien. — KSz, 1909, X, S. 233; *Kotwicz W.* Studia. . ., s. 267.
[657] См.: *Аннануров А.* Түркмен дилинде хал ишлик формалары. . ., с. 163 сл.
[658] См.: *Telegdi S.* Eine türkische Grammatik. . ., S. 299.
[659] См.: *Мирзәзадә Һ.* Азәрбајчан дилинин тарихи морфолокијасы, с. 291.
[660] См.: *Аннануров А.* Түркмен дилинде хал ишлик формалары. . ., с. 163.
[661] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 250.
[662] См.: *Прик О. Я.* Очерк грамматики караимского языка. (Крымский диалект), с. 39.
[663] См.: Грамматика ногайского языка, с. 257.
[664] См.: *Ахатов Г. Х.* Татарская диалектология. Уфа, 1977, с. 38—39.
[665] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 481.
[666] См.: *Аннануров А.* Түркмен дилинде хал ишлик формалары. . ., с. 163.
[667] См.: *Дмитриев Н. К.* Строй тюркских языков, с. 414; *Хосрови А. М.* Деепричастия в туркменском языке, с. 7.

В тувинском языке аффикс «начинательного» деепричастия оканчивается на широкий гласный — *-кала* ~ *-ґала* ~ *-ала* (после гласного в основе): *кіргәлә* ‘с тех пор как вошел’, *ажылдāла* ‘с тех пор как работает’, что, очевидно, связано не с фонетическими обстоятельствами, а с наличием в данном аффиксе иного, чем в других тюркских языках, второго компонента, скорее всего одного из показателей творительного (орудного) падежа (< *білә*).[668] Нельзя также относить к числу фонетических разновидностей аффикса *-калї* ~ *-ґалї*... аффикс *-(а)ла*, являющийся показателем «разделительного» деепричастия в алтайском и шорском языках, ср.: алт. *аттардї ӱртӱлә* ‘оседлав коней’, *ачїнала* ‘рассердившись’; шор. *көрӱлә* ‘увидев’, ‘как только увидел’. Природа последнего аффикса была раскрыта Н. П. Дыренковой, высказавшей предположение относительно его образования из аффикса «слитного» деепричастия и частицы *ла*,[669] ср.: хак. *кілә-лә* ‘придя’, ‘как только пришел’, *чада-ла* ‘как только лег’, *көрә-лә* ‘увидев’, ‘как только увидел’.[670]

4,1. Деепричастие на *-ґалї* ~ *-калї* («достигательное» деепричастие, или супин) передает целевое значение и используется в качестве приглагольного дополнения, ср.: др.-тюрк. *кіші оґлї коп өлгәлі төрӱміш* ‘сыны человеческие все рождены для того, чтобы умереть’ (КТб$_{50}$), *сӱсі ӧбіг баркїґ јулґалї бардї* ‘[одно] их войско отправилось грабить жилища’ (БК$_{32}$), *јәмә јәріг таңріг јаратґалї ӧтгәлі анунтїлар* ‘они приготовились создать землю и небо’ (Man I 14$_4$); ст.-узб. *ојнаґалї кірділәр* ‘они вошли поиграть’, *нәтәј ол кашу көзні көргәлі* ‘что сделать мне, чтобы увидеть те брови и глаза’; башк. (диал.) *бїлгәлґ̆ гәрәк* ‘надо знать’,[671] *ул бїсән санкалґ̆* (~ *санканґ̆*) *кіттґ̆* ‘он поехал косить сено’;[672] казах. *алґалґ̆ кәлдґ̆м*, кирг. *алґанї кәлдім*, узб. *элгані кәлдім*, уйг. *алґілі кәлдім* ‘я пришел взять’; кирг. (диал.) *кој саткалї кәлдім* ‘я приехал продавать овец’;[673] тат. (диал.) *ултґ̆рґалґ̆* ‘садиться’, *кіткәлґ̆* ‘уходить’.[674]

4,2. Исходя из содержания, передаваемого «достигательным» деепричастием, можно предположить, что основой для него послужило имя действия на *-ґа* ~ *-ка* или *-ґај* ~ *-кај*.[675]

«Достигательное» деепричастие в якутском языке примыкает к общетюркским инфинитивным образованиям типа «глагольное имя + аффикс дательного падежа», ср.: якут. *барāрї* (? < *бара-ґарї*) ‘чтобы идти’, *көрӧрӱ* ‘чтобы посмотреть’; алт. *барарґа*, *көрӧргө*; гаг. *јазмā* (< *јазмак-а*) ‘чтобы писать’; башк. (диал.) *сабґ̆рґа*, *сапмаґа*, *сабґ̆вґа* ‘чтобы косить’.[676] Примечательно, что в одном из старописьменных текстов в форме дательного падежа встречается и само «достигательное» деепричастие: *барґалїґа јол дур* ‘дорога для того, чтобы идти’.[677]

5,1. Деепричастие на *-ґач* ~ *-ґас* ~ *-ґаш* ~ *-āт* («разделительное») обозначает действие, непосредственно предшествующее действию основного сказуемого, отделенное от него «минимальным промежутком времени».[678] Примеры: ст.-кыпч. *турґач* ‘встав’, ‘когда встал’, *баткач* ‘сев’, ‘когда се́ло (о солнце)’;[679] ст.-тур. *көргәч* ‘как только увидел’ (AQJB 39); ст.-узб. *ӱштәкәч* ‘услышав’, ‘после того как услышал’, ‘как только услышал’; башк. *алґас* ‘как только взял’; башк. (диал.) *барґас ікәс* (= башк.

[668] См.: *Доможаков Н.* Описание кызыльского диалекта хакасского языка. АКД. Абакан, 1949, с. 10.
[669] См.: *Дыренкова Н. П.* 1) Грамматика ойротского языка, с. 137; 2) Грамматика шорского языка, с. 161.
[670] См.: Грамматика хакасского языка, с. 240.
[671] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир, с. 20.
[672] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 58, 73.
[673] См.: *Турсунов А.* Деепричастие в современном киргизском языке, с. 8; *Юнусалиев Б. М.* Кыргыз диалектологиясы, б. 181.
[674] См.: *Ахатов Г. Х.* Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963, с. 160—161.
[675] См.: *Рамстедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание, с. 88.
[676] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 57—58.
[677] См.: *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik. . ., S. 250.
[678] *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 188.
[679] См.: *Telegdi S.* Eine türkische Grammatik. . ., S. 299.

лит. *барӣп та*) ‘хотя и пошел’;[680] ж.-уйг. *парҕаш* ‘пойдя’;[681] тат. *кілгәч* ‘придя’, ‘после того как пришел’, *ӣчкәч* ‘выпив’, ‘после того как выпил’, *алмаҕач* ‘не взяв’, ‘так как не взял’; тув. *ушкаш* ‘полетев’, *алҕаш барҕан* (ср.: *алӣп барҕан*) ‘он унес’; туркм. (XVIII—XIX вв.) *ӱшітгәч* ‘услышав’;[682] туркм. (диал.) *гәлгәч* ‘придя’;[683] узб. (диал.) *чэј эгәч* (вм. *эліп*) *кәлдім* ‘я принес чаю’;[684] уйг. *кәлгәч* ‘придя’, *көргәч* ‘увидев’; хак. (диал.) *тінаннаҕас* ‘отдыхая’, ‘чтобы отдохнуть’;[685] якут. *барāт* ‘как только пошел’, *кірӭт* ‘как только вошел’, *олорӧт* ‘как только сел’.

В алтайском и тувинском языках, а также в говорах других тюркских языков наблюдаются случаи присоединения к форме на *-ҕач...* падежных аффиксов и аффикса множественного числа *-лар ~ -нар ~ -тар*. В караимском языке деепричастие на *-ҕач...* употребляется только в сочетании с частицей *ок ~ ох*. Примеры: алт. *кәлгәжін* ‘придя’, ‘когда придет’, *көрбögöжін* ‘не увидев’, ‘если не увидит’; башк. (диал.) *кілмәгәсҗӣҕ* ‘так как ты не пришел’, *кілмәгәсҗігҗ* ‘так как вы не пришли’, *бармаҕастаһаҥ* ‘хотя ты не пошел’;[686] кар. *кәлгәчох* ‘придя’, ‘как только пришел’, *чӣхкачох* ‘выйдя’, ‘как только вышел’; тат. (диал.) *кайткачҗӣн* ‘вернувшись’, *кіткәчҗіннән* ‘после того как ушел’,[687] *ӱткәчҗіннән* ‘после того как прошло’;[688] тофал. *барҕаш* ‘после того как пошел’;[689] тув. *кәлгәштің* ‘приходя’ (род. пад.), *кәлгәштәрнің* ‘совещаясь’ (род. пад. мн. ч.).[690]

Другие деепричастия в большинстве своем являются именами действия, оформленными аффиксами *-ча ~ -ҷа*, *-чак ~ -ҷак*, *-ҷānан*.[691]

Большую группу составляют деепричастия, отражающие в основном особенности внутреннего развития отдельных тюркских языков.[692]

В грамматиках некоторых тюркских языков к деепричастиям отнесены также формы, образовавшиеся из сочетания причастий на *-(а)р*, *-мӣш* и *-(а)ҷак* с модальной частицей *-(і)кән ~ (і)кӕн*.[693]

Формы процессуальной интенсивности[694]

Под процессуальной интенсивностью подразумеваются разноплановые значения, объединяемые понятием качественной и количественной модификации действия: усиление, ослабление,[695] насыщенность, недостаточность («нормадан пастлик»),[696] дробность («ослабленное проявление беспорядочного действия и раздробленность»);[697] повторяемость, ускоренность, ср.: русск. *смеяться* и *посмеиваться*, *дремать* и *подремывать*, *ходить* и *хаживать*, *тащить* и *растаскивать*.

Ряд черт сближает формы процессуальной интенсивности глагола с формами неполноты признака прилагательных. Мы имеем в виду вариативность и отсутствие регулярности: аффиксы выступают эпизодически, и количество глагольных основ, к которым присоединяется большинство из них, не превышает пяти—десяти. Есть нечто общее между формами процессуальной интенсивности глагола и формами неполноты признака прилагательных и со стороны семантики: и те, и другие выражают степень насыщенности, ср.: казах. *сарҗ* ‘желтый’ — *сарӣҗыл* ‘желтоватый’, *кӱл-* ‘смеяться’ — *кӱлӣмсҗірӧ-* ‘слегка посмеиваться’, ‘улыбаться’.

-ӣмса ~ -умса — азерб. *гӱлӱмсä-*, тур. *гӱлӱмсэ- ~ гӱлӱмсӱ-* ‘посмеиваться’, ‘улыбаться’, *аӱламса-* ‘всхлипывать’;

-(ӣ)мсӣра ~ -(у)мсӣра ~ -(ӣ)мзӣра ~ -(у)мзура ~ -(у)мзуру — алт.(диал.), башк., казах., карач.-балк., к.-калп., кум., ног., тат., тув., туркм., узб., уйг., хак., шор., например: алт.(диал.) *ӣламзӣра-*, башк. *ӣламһӣра-* ‘всхлипывать, хныкать’; казах., к.-калп. *кӱлӣмсҗірӧ-*, хак. *кӱлӣмзҗірӧ-* ‘слегка посмеиваться’, ‘улыбаться’;

-(ӣ)ӈкӣра ~ -(у)ӈкура ~ -(ӣ)нкӣра — башк., казах., к.-калп., кирг., тат. (диал.), узб., например: башк. *јаðҗӣӈкҗӣра-* ‘пописывать’; кирг. *басӣӈкӣра-* ‘слегка давить, нажимать’; узб. *эқарінкіра-* ‘бледнеть’;

-кӣла ~ -ҕӣла — алт., башк., казах., к.-калп., тофал., тув., туркм., узб., хак., шор., например: алт. *кәлгілә-*, башк. *кілгҗілә-* ‘захаживать’; казах. *кәскҗілә-* ‘разрезать на куски’; к.-калп. *аткҗӣла-* ‘подстреливать’; туркм. *ðājҕӣла-* ‘подхлестывать’; узб. *тәпкіла-* ‘лягать, топтать’; хак. *турҕӧсхла-* ‘ставить’, ‘расставлять’; шор. *чӧріглә-* ‘похаживать’;

-кала ~ -ҕала ~ -хала — кар. *басхала-* ‘топтать’, *сәкіргәлä-* ‘подпрыгивать’, *кувҕала-* ‘гнаться, преследовать’; тат.(диал.) *кілгәлä-* ‘приезжать время от времени’;[698] туркм. *ðілкәлә-* ‘покачивать’, ‘потряхивать’, *овкала-* ‘потирать’, ‘растирать’; чуваш. *пăхкала-* ‘посматривать’, *каскала-* ‘рубить на куски’;

-пала ~ -бала ~ -мала — башк.(диал.) *јӱгҗрмälä-* ‘бегать’, *јавмала-* ‘накрапывать’;[699] казах. *ітәрмәлә-* ‘подталкивать’, *örмәлә-* ‘карабкаться’, ‘взбираться’; туркм. *гәðмәлә-* ‘прохаживаться’;

-ала (< ? *-ҕала*) — азерб. *ітälä-* ‘толкать’; кар. *кувала-* ‘гнать’, ‘прогонять’; чуваш. *ілдәлә-* ‘слушать’;

-(а)кла — башк. (диал.) *сäjнäклä-* ‘разжевывать’, *уjнакла-* ‘подпрыгивать’;[700] тур. *дуракла-* ‘останавливаться’; туркм. *ітәклә-* ‘подталкивать’, *тутакла-* ‘держать’, ‘поддерживать’;

-ла — ст.-тур. *сокла-* ‘втыкать’, ‘вонзать’, *ӱшӱла-* ‘светиться’ (CD 165); башк.(диал.) *һӣjпала-* ‘поглаживать’, ‘разглаживать’;[701] казах. *камала-* ‘окружать’; тофал. *со‘кта-* ‘бить’, *чорӯла-* ‘ходить’;[702] узб. *кувла-* ‘гоняться’, ‘преследовать’;

-(ӣ)штӣр ~ -(у)штур — башк. *карашҗӣр-* ‘посматривать’, *һӧjläшҗӣр-* ‘поговаривать’; тат. *укҗӣшҗӣр-* ‘почитывать’; туркм. *чӧпләшдір-* ‘собирать’; уйг. *сілкіштӱр-* ‘покачивать’.

Почти все другие аффиксы, образующие формы процессуальной интенсивности, встречаются преимущественно в говорах башкирского языка:

---

[680] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир, с. 20.
[681] См.: *Тенишев Э. Р.* Строй сарыг-югурского языка, с. 112.
[682] См.: *Байлиев С.* Языковые особенности дестана «Саят и Хемра», с. 20.
[683] См.: *Машаков Х.* Човдурский диалект туркменского языка. Канд. дис. Ашхабад, 1949, с. 89 (Хранится в библ. им. В. И. Ленина, в Москве).
[684] См.: *Фарманов И.* Ошский говор узбекского языка, с. 16.
[685] См.: *Патачакова Д. Ф.* Качинский диалект, с. 22.
[686] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 84, 102.
[687] См.: *Юсупов Ф. Ю.* Урта диалектның нагайбәк сөйләше. — МТД, 3, б. 84.
[688] См.: *Бурганова Н. Б.* Из наблюдений над говором параньгинских татар. — Изв. Казанского филиала АН СССР. Сер. гуманитар. наук, 1955, № 1, с. 113.
[689] См.: *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка. . ., с. 178.
[690] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 335—336.
[691] См.: *Kowalski T.* Les turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est. — Prace Komisji Orjentalistycznej. Kraków, 1933, Nr. 16, p. 21; *Caferoğlu A.* Anadolu ağızlarından toplamalar, s. 67; *Исламов М. И.* Нухинский диалект. АКД. Баку, 1961, с. 21; *Покровская Л. А.* О некоторых деепричастных формах в гагаузском языке. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 69—75; *Мухтаров Ж.* О форме с аффиксом *-ганча*. — В кн.: Лингвистический сборник. Ташкент, 1971, с. 60—64; *Махмутова Л. Т.* Бастанский говор татарского языка, с. 42; *Наджип Э. Н.* Тюркоязычный памятник XIV в. «Гулистан» Сейфа Сарои и его язык, I. Алма-Ата, 1975, с. 172—175, 185; *Тенишев Э. Р.* 1) Строй саларского языка, с. 179; 2) Строй сарыг-югурского языка, с. 113.
[692] См.: *Павлов И. П.* Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции; *Милых М. К.* Глагол ногайского языка, с. 180; *Покровская Л. А.* О некоторых деепричастных формах в гагаузском языке, с. 72—73; *Патачакова Д. Ф.* Качинский диалект, с. 22; *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка. . ., с. 178—180.
[693] См.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 485—486; *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка, с. 246—248.
[694] Нередко эти формы объединяются в одну группу (категорию) с формами способа или характера протекания действия. См.: *Сулайманов К.* К вопросу о категории характера протекания действия глаголов в тюркских языках. — Тр. по востоковедению, II. Тарту, 1973, с. 104 сл.; *Насилов Д. М.* К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 159 сл.
[695] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка, с. 184.
[696] Ўзбек тили грамматикаси, I, б. 54.
[697] *Юлдашев А. А.* Категория глагольного вида в башкирском языке, с. 378.
[698] См.: *Махмутова Л. Т.* Бастанский говор татарского языка, с. 42.
[699] См.: *Ишбулатов Н. Х.* Диалекты и говоры башкирского языка, с. 84, 109.
[700] Там же, с. 72.
[701] Там же, с. 72, 84.
[702] См.: *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка. . ., с. 152, 238.

-kma, *-авӯлда*, *-анда*, *-кӯсла* ~ *-кӯста*, *-мталаш*, *-ӧмдӓш*, *-äjdä* и т. д.,[703] в туркменском языке: *-(ӣ)мӯӣра* ~ *-(у)мӯӣра*, *-(ӣ)нӯӣра*, *-ӯукла*[704] и в якутском: *-ӓхтā* ~ *-ӧхтӧ*, *-пахтā* ~ *-бахтā* ~ *-махтā*, *-талā*, *-ӣалā*.[705]

Имеет место сочетание двух и даже трех аффиксов процессуальной интенсивности, например: башк. *алҙӯлаштӯр-* 'брать', *караштӯрҙӯла-* 'посматривать', *ӣшлäштӯрҙӯлä-* 'работать время от времени', *jаҙалаштӯр-* 'пописывать';[706] тат. *уҗлаштӯрҙала-* 'подумывать'.[707]

Хотя в целом происхождение форм процессуальной интенсивности остается пока нераскрытым, способ образования некоторых из них предельно прост и ясен: к глагольным именам на *-ҙу* ~ *-ку*, *-па* ~ *-ба* ~ *-ма*, *-(а)k* присоединяются аффиксы *-ла*, *-да*.[708]

Вспомогательные глаголы

Для тюркских языков характерно наличие значительного числа глаголов, выражающих отвлеченные лексические значения и вместе с тем используемых в качестве служебных компонентов описательных форм.[709] Эти глаголы подразделяются на две группы: одни из них образуют устойчивые сочетания с деепричастиями на *-(j)a* и *-(ӣ)n*, с причастиями и с субстантивными именами действия и передают различные видовые и модальные оттенки (начало, законченность—исчерпанность, мгновенность, внезапность, направленность, возможность, предположительность, попытку или намерение совершить действие, притворство),[710] другие — служат целям образования составных глаголов от собственно имен.

К глаголам первой группы[711] относятся: *ал-* 'брать', *башла-* 'начинать', *бӣтӯр-* ~ *бӱтӱр-* 'кончать', *ӧд-* ~ *ӧð-* 'посылать', *јаз-* 'ошибаться', *јат-* 'лежать', *јӧт-* 'достигать', *јӣбär-* 'посылать', *јору-* ~ *јорӧ-* 'идти', *коj-* ~ *ко-* 'ставить', *кал-* 'оставаться', *кӧл-* 'приходить', *кӧт-* 'уходить', *кӣр-* 'входить', *көр-* 'видеть', *о(л)тур-* ~ *олур-* 'сидеть', *öт-* 'проходить', *сал-* 'класть', *ташла-* 'бросать', *тур-* 'стоять', *тӱш-* 'падать', 'опускаться', *у-* 'мочь', *чӣк-* 'выходить'. Кроме того, известен ряд вспомогательных глаголов, не получивших широкого распространения, например: азерб. *ҙуртар-*, туркм. *ҙутар-* 'кончать(ся)'; алт. *божо-* 'кончать'; башк. *кара-* 'смотреть', *сӯҙар-* 'извлекать'; карач.-балк. *ајлан-* 'кружиться', *тӧбрӧ-* 'начинать', *тохта-* 'останавливаться'; тат. *ат-* 'бросать'; тув. *каҙ-* 'бросать, покидать'; туркм. *гӧч-* 'проходить', *уҙра-* 'отправляться', *ҙојбӧр-* (< *ҙоја бӧр-*) 'отпускать'; тур. *бак-* 'смотреть'; уйг. *тӱгät-* 'кончать'; хак. *хон-* 'садиться'; шор. *ӧрт-* 'проходить', 'миновать'; якут. *кӧбіс-* 'бросать', *таҙӯс-* 'выходить'.

Глаголы второй группы: *äjlä-*, *ӧт-*, *кӱл-* 'делать', *ур-* 'ставить'.

Глаголы *ӧ(р)-* 'быть' и *бол-* 'быть', 'становиться' входят и в первую, и во вторую группу.

Ниже мы рассматриваем вспомогательные глаголы первой группы, так или иначе соотносимые с морфологическими средствами словоизменения.

---

[703] См.: *Ишбулатов Н. Х.* 1) Диалекты и говоры башкирского языка, с. 84; 2) Кизильский говор, с. 52; *Миржанова С. Ф.* Кубалякский говор. — БД, с. 174.

[704] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 225 сл.

[705] См.: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык, с. 181 сл.

[706] См.: *Юлдашев А. А.* Категория глагольного вида в башкирском языке, с. 378.

[707] См.: *Тумашева Д. Г.* Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе, б. 172.

[708] См.: *Хасенова А. К.* Глагольные основы казахского языка, с. 54; Современный казахский язык, с. 257.

[709] См., например: *Тыбыкова А. Т.* Составные и сложные глаголы в алтайском языке. АКД. М., 1967, с. 13—22; *Алламатов Т.* Вспомогательные глаголы в узбекских народных говорах. АКД. Ташкент, 1978, с. 6—20.

[710] См.: *Rachmatullin G. R.* Die Hilfsverben und Verbaladverbien im Altaischen, I. — UJb, 1928, VIII, 1—2, S. 4—24.

[711] Глаголы приведены в том виде, в каком они выступают в древнетюркском языке, хотя не каждый из них зафиксирован в древних текстах как служебный компонент описательной формы.

Сочетания, образуемые присоединением вспомогательных глаголов к деепричастиям и причастиям, именуются перифрастическими формами.[712] В специальной литературе последнего десятилетия используется также другое наименование — аналитические формы, распространившееся главным образом после выхода в свет книги А. А. Юлдашева.[713] В появлении нового наименования отразилась не только тенденция к замене одних терминов другими, но и оригинальный взгляд на сущность рассматриваемых сочетаний. Следует отметить, что в некоторых работах круг перифрастических образований ограничен сочетаниями деепричастий и причастий с различными формами глаголов *ӧ(р)-* и *бол-*.[714]

Традиционный подход к сочетаниям деепричастий и причастий с вспомогательными глаголами как к перифрастическим образованиям идет от трудов О. Бётлингка, который скептически относился к возможности постановки их в один ряд с аффиксальными формами и не без оснований отводил им особое место в грамматической системе тюркских языков.[715]

Перифрастические формы и сам способ их образования — бесспорно общетюркское явление:[716] они прослеживаются и в древних,[717] и во всех современных языках, исключая гагаузский и караимский, которые длительное время находились под сильным иноязычным влиянием и утратили ряд специфических черт тюркского грамматического строя. Тем не менее единичные случаи употребления перифрастических форм отмечены и в них.

Количество вспомогательных глаголов, образующих перифрастические формы, в разных языках не одинаковое и колеблется в пределах от 15 до 30. Так, Д. М. Насилов в результате обзора специальных исследований, словарей и грамматик счел возможным выделить в древнетюркских памятниках 20 вспомогательных глаголов, в каракалпакском и узбекском языках — 27, в татарском — 29, в тувинском и якутском — около 20, в турецком — около 15.[718]

Перечисленные выше вспомогательные глаголы первой группы можно условно разделить на три подгруппы, положив в основу деления уровень их грамматикализации и степень регулярности использования: 1) *ал-*, *бар-*, *бӧр-*, *біл-*, *бітір-* ~ *бӱтӱр-*, *ӧд-* ~ *ӧð-* ~ *ӧс-*, *јаз-*, *јӧт-*, *јӣбär-*, *коj-* ~ *ко-*, *кал-*, *кӧл-*, *кӧт-*, *көр-*, *öт-*, *сал-*, *ташла-*, *тӱш-*, *у-*, *чӣк-* и другие; 2) *јат-*, *јору-* ~ *јорӧ-*, *о(л)тур-* ~ *олур-*, *тур-*; 3) *ӧ(р)-*, *бол-* ~ *ол-*. В соответствии с этим распределяются по трем подгруппам и перифрастические формы. Напомним, что существует и иная классификация перифрастических форм, в основу которой положен семантико-грамматический принцип: 1) формы, характеризующие протекание действия во времени;

---

[712] См.: *Михайлов М. С.* 1) Перифрастические формы и категория вида в турецком языке. М., 1954; 2) Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965; *Тумашева Д. Г.* Перифрастические формы татарского глагола. — В кн.: Вопросы татарского языкознания, 2. Казань, 1965, 147 сл.; *Сулайманов К.* Перифрастические формы узбекского глагола. АКД. Л., 1968; *Турсункулова К. А.* Перифрастические формы глагола в узбекском и казахском языках. АКД. Ташкент, 1972. Ср. у П. М. Мелиоранского — «описательные глаголы» (см.: *Мелиоранский П. М.* Краткая грамматика казак-киргизского языка, II, с. 41).

[713] *Юлдашев А. А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965. Ср.: *Оралбаева Н.* Аналитические формы глагола в современном казахском языке. АДД. Алма-Ата, 1971. Примечательно, что Н. Оралбаева разграничивает аналитические и перифрастические формы, указывая при этом на неполное соответствие последних «требованиям аналитизма» (с. 18).

[714] См., например: *Насилов Д. М.* К вопросу о перифрастических формах в древнетюркских языках. — ВЯ, 1960, № 3, с. 93—97.

[715] См.: *Böhtlingk O.* Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kazem-Bek's türkisch-tatarischer Grammatik, zum Original und zur deutschen Übersetzung von Dr. J. Th. Zenker, S. 59.

[716] См.: *Михайлов М. С.* Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола, с. 9.

[717] См.: *Кондратьев В. Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка, с. 46—47.

[718] См.: *Насилов Д. М.* К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках, с. 161.

2) формы, уточняющие временные значения, а также передающие результативность действия; 3) формы, выражающие модальность.[719]

1. Специфика перифрастических форм, включающих в себя вспомогательные глаголы первой подгруппы, заключается прежде всего в том, что они, как правило, выражают слабо абстрагированные значения, придают действию довольно конкретную дополнительную характеристику,[720] ср.: др.-тюрк. *тэзіп бар-* 'убегать', *уча бар-* 'улетать'; азерб. *јэјіб ɣуртар-* 'съесть'; алт. *іштэп божо-* 'кончать работать', *ала сал-* 'схватить', *бічіп көр-* 'попробовать написать'; башк. *јаҙа башла-* 'начинать писать', *јаҙып бөтөр-* 'кончать писать', 'дописывать', *кувып сығар-* 'выгнать'; казах. *ұшып кэт-* 'улететь', *ајта бэр-* 'продолжать говорить'; карач.-балк. *ајта тэбрэ-* 'начинать говорить', *атіб ij-* 'выбрасывать'; к.-калп. *күлып жібэр-* 'засмеяться', *жазып коj-* 'написать'; кирг. *јығылып јазда-* 'чуть не упасть'; ног. *күвып јібэр-* 'выгнать'; тат. *укып чык-* 'прочитать'; тув. *біжіп ал-* 'записать'; тур. *јүрү бак-* 'попробовать пойти', *јаза бил-* 'быть в состоянии писать'; узб. *јэзіп ташла-* 'быстро написать', 'набросать', *сўзлап кэт-* 'заговорить', 'разговориться', *кувіп јэт-* 'догнать'; шор. *карїп пар-* 'состариться', *узу пэр-* 'уснуть', *парїбіс-* (*парїп їс-*) 'уйти', *кэс көр-* 'попробовать одеть'; якут. *өлө сіс-* 'чуть не умереть', *ітән бар-* 'расплакаться'.

У многих перифрастических форм, в которые входят вспомогательные глаголы первой подгруппы, грамматическая идиоматичность тесно переплетается с лексической: в процесс семантического взаимодействия включаются, с одной стороны, содержание основы, с другой — лексические значения окказионально формализованных глаголов.[721] «Ни употребление словоизменительных аффиксов, ни употребление формообразовательных аффиксов так не обусловлены семантикой слова, как обусловлено употребление вспомогательных глаголов», — справедливо отметил И. П. Павлов в своем выступлении на координационном совещании по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках.[722] Часто именно поэтому, а не в силу субъективных обстоятельств одни и те же сочетания определяются одними тюркологами как аналитические формы, другими — как фразеологизмы, третьими — как сложные глаголы.

Особенностью перифрастических форм с вспомогательными глаголами первой подгруппы является также то, что они состоят из двух, трех и даже большего количества компонентов, ср.: кирг. *чїдај албај бара јатам* 'я не в состоянии вытерпеть' (*чїда-* 'терпеть', 'мочь');[723] карач.-балк. *барїб кала ӟдім ~ барїрға азган калдім* 'я чуть не пошел' (*бар-* 'идти'); ног. *кајтып кэлэ јатып ӟділэр* 'они возвращались' (*кајт-* 'возвращаться').

Далее, вспомогательные глаголы первой подгруппы, входящие в состав перифрастических форм в качестве служебных компонентов, утрачивают свои лексические значения только в пределах этих форм, иными словами, вспомогательными оказываются полнозначные глаголы, формализация которых имеет контекстуальную обусловленность. Например, глагол *бил-* в турецком языке и глагол *эл-* в узбекском выражают возможность совершения действия в сочетании с деепричастием на *-а*, при самостоятельном же употреблении того и другого выражение подобного значения полностью исключено и каждый из них воспринимается лишь с обычным для него лексическим значением, ср.: тур. *јаза бил-*, узб. *јэза эл-* 'мочь писать', *бил-* 'знать', *эл-* 'брать'. Так обстоит дело с любым вспомогательным глаголом данной подгруппы, кроме глагола *у-*, однако степень грамматикализации сочетаний с разными глаголами неодинакова. Одни из них — сочетания с глаголами *бар-*, *бітір- ~ бүтүр-*, *јаз-*, *јэт-*, *кал-*, *кэл-*, *кэт-*, *коj-*, *көр-*, *өт-*, *сал-*, *ташла-*, *тўш-*, *чїк-* — грамматикализуются в меньшей степени, чем, например, сочетания с глаголами *ал-*, *бил-*, *бэр-*, *їд- ~ їд- ~ їс-*, *у-*, и менее регулярны. Другие — подверглись значительной грамматикализации и находятся на разных ступенях превращения в обычные словоформы; для использования их, по существу, нет ограничений, ср.: тув. *біжij бэр-* 'начинать писать' («начинательный вид»), *бэрівіт-* (< *бэрір їт-*) 'отдать' («законченный вид»);[724] тур. *јазамак-* (< *јаза ума-*), узб. *јэзалма-* (< *јэза элма-*) 'не быть в состоянии писать'; хак. *парїбїс-* (< *парїп їс-*) 'уйти', *кілїбїс-* (< *кілїп їс-*) 'прийти' («совершенный вид»).[725] Глагол *у-* 'мочь' в современных тюркских языках не сохранился.

2. Перифрастические формы с вспомогательными глаголами второй подгруппы — *јат-*, *јор(у)-*, *о(л)тур- ~ олур-*, *тур-* (с фонетическими вариантами) — отличаются от предыдущих большей упорядоченностью и регулярностью.

Глаголы *јат-*, *јор(у)-*, *о(л)тур- ~ олур-*, *тур-* выражают отвлеченные значения статического и динамического планов (состояние покоя: «лежать», «сидеть», «стоять» — и движение: «идти») и оказываются в большей степени подверженными процессу грамматикализации. Все они образуют простые и перифрастические формы настоящего конкретного, или настоящего длительного.[726]

Простые формы настоящего конкретного с временным показателем или без него выступают в казахском, каракалпакском, тувинском, туркменском, хакасском и шорском языках, ср.: казах. *тұрмын* 'стою', *отырмын* 'сижу'; тув. *мэн чїдїр мэн* 'я лежу', *сэн чор сэн* 'ты ходишь', *ол чор* 'он ходит', *біс тур біс* 'мы стоим', *сілэр олур сілэр* 'вы сидите'; туркм. *дурун* 'стою', *отырсың* 'сидишь', *јатырсыңыз* 'лежите'.[727]

Перифрастические формы с аналогичным грамматическим содержанием распределяются следующим образом: *...јат- ~ чат-* — в языках карлукско-уйгурской и кыпчакской групп, в алтайском, тувинском, хакасском и шорском языках; *...јор(у)- ~ јор(і)- ~ јөр(ү)- ~ јөр(і)-* — в языках огузской группы; *...о(л)тур- ~ олур-* — в ряде кыпчакских языков, в тувинском, хакасском и шорском; *...тур-* — во всех языках, кроме огузских. При этом в алтайском, тувинском, хакасском и шорском языках названные глаголы используются для образования перифрастических форм как настоящего конкретного, так и настоящего общего.

В сочетании с формами на *-(ї)п* и *-ɣан* рассматриваемые вспомогательные глаголы выражают не только длительность—многократность действия, но и модальность, например: алт. *кэлгэн турї* 'он, по-видимому, приехал', *ол удаɣан д'ат* 'он, по-видимому, задержался'.

3. Третью подгруппу составляют перифрастические формы с вспомогательными глаголами *ӟр- ~ ӟ- ~ і-* и *бол- ~ ол-*.

Собственное значение глагола *ӟр- ~ ӟ- ~ і-* — 'быть', 'являться' — утратилось, и уже в старописьменных текстах он представлен изолированными

[719] См.: *Михайлов М. С.* Перифрастические формы турецкого глагола. — ВЯ, 1962, № 1, с. 88. Семантико-грамматический принцип положен также в основу классификаций перифрастических форм тюркского глагола, предложенных А. А. Юлдашевым и Н. Оралбаевой. См.: *Юлдашев А. А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках, с. 28 сл.; *Оралбаева Н.* Аналитические формы глагола в современном казахском языке, с. 22.

[720] См.: *Ганиев Ф. А.* Видовая характеристика глаголов татарского языка, с. 10; *Серебренников Б. А.* К вопросу о «морфологизме». — В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.—Л., 1965, с. 102.

[721] См.: *Севортян Э. В.* Грамматические и семантические признаки аналитических конструкций в отличие от свободных словосочетаний в тюркских языках. — В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.—Л., 1965, с. 233 сл.

[722] См.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 149.

[723] См.: *Юнусалиев Б. М.* Вспомогательные глаголы в киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1949, с. 7.

[724] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 410.

[725] См.: Грамматика хакасского языка, с. 184; *Бабушкин Г. Ф.* Значения и функции хакасских деепричастий, с. 17.

[726] См.: *Маманов И. Е.* Вспомогательные глаголы в казахском языке. Алма-Ата, 1949, с. 25 сл.

[727] См.: *Исхаков Ф. Г.* Формы настоящего времени глагола изъявительного наклонения в тувинском языке, с. 304 сл.

формами, выполняющими функции предикативной связки, модальной и приименной отрицательной частицы [*ə́рӱр, ə́(р)кäн ~ і(р)кäн, ə́(р)міш ~ і(р)міш, ə́рінч, ə́(р)мäс*],[728] союзного слова [*ə́(р)сä ~ і(р)сä*] и служебного компонента перифрастических образований.[729]

В перифрастических образованиях современных тюркских языков глагол *ə́(р)- ~ і(р)-* выступает в форме прошедшего категорического времени (*ə́дi ~ idi*) и в формах, соотносимых по содержанию с прошедшим категорическим, но этимологически недостаточно определенных (ср.: башк. *iнĕ*, кирг. *ə́лə́*). В целом такие образования обозначают действия давнопрошедшего времени и действия, происходившие в прошлом ранее других действий или одновременно с ними.[730]

Собственное значение глагола *бол- ~ ол-*[731] — 'быть', 'становиться' — сохранилось до настоящего времени. В служебной функции компонентов перифрастических образований и модальных слов выступают разные производные формы глагола *бол- ~ ол-*, ср.: башк. *буҕај*; карач.-балк. *болду*, тат. *булдĕ*, тур. *олду*, узб. *бӯлді*; казах. *болҕан*, узб. *бӯлган*, хак. *полҕан*; тур. *ола*, *олмалї*, *олаґак*; хак. *полтїр*.

Перифрастические образования с глаголом *бол- ~ ол-* отчасти синонимичны перифрастическим образованиям с глаголом *ə́(р)- ~ і(р)-*[732] и вместе с тем заметно отличаются от них, в частности выражением модальных и видовых значений, например: башк. *укĕҕан булĭп*, казах. *окĕҕан болĭп*, узб. *ӯкіган бӯліп* 'притворившись читающим'; карач.-балк. *білмəгəн болду* 'он сделал вид, будто не знает', *ічіб болду* 'он напился'; тат. *јазаҷак булдĕ*, узб. *јэзадіган бӯлді* 'он решил писать'; тур. *гəлəґəк олду* 'он хотел было прийти'.

[728] См.: *Баскаков Н. А.* Природа и функциональное значение связки в составе предложения в тюркских языках. — В кн.: Studia Turcica. Bibliotheca Orientalis Hungarica, XVII. Budapest, 1971, с. 51 сл.; *Гаджиева Н. З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, с. 162 сл.

[729] См.: *Radloff W.* Alttürkische Studien, II. — Изв. АН. VI сер., СПб., 1910, IV, № 3, с. 222.

[730] См.: *Каджарова Э.* Прошедшее время изъявительного наклонения в письменных памятниках туркменского языка XVIII—XIX вв., с.16—18; *Ходжиев А.* Недостаточный глагол в узбекском языке. АДД. Ташкент, 1968, с. 14—15; *Ҳожиев А.* Тўлиқсиз феъл. Тошкент, 1970, б. 33. Ср.: *Орузбаева Б. О.* Формы прошедшего времени в киргизском языке, с. 54 сл.; *Маманов И. Е.* Вспомогательные глаголы в казахском языке, с. 9 сл.

[731] В. Банг был склонен видеть в *бол-* сочетание *б + ол-* (см.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 2, S. 925). По мнению же П. М. Мелиоранского, различие между *бол-* и *ол-* чисто фонетическое: сочетание «*б* + гласный» перешло в сочетание «*в* + гласный», затем начальный *в*, вследствие большой употребительности данного глагола, выпал (см.: *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке, с. XL—XLI). Точка зрения П. М. Мелиоранского находит убедительное подтверждение в результатах статистических исследований современных тюркских языков. Так, в романе М. О. Ауэзова «Абай жолы» глагол *бол-* встречается 9197 раз и по частоте употребления занимает первое место. См.: *Мырзабеков С.* Статистико-лингвистический анализ глагола современного казахского языка. (По роману М. О. Ауэзова «Абай жолы»). АКД. Алма-Ата, 1973, с. 8—9.

[732] См.: *Михайлов М. С.* Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола, с. 21 сл.; *Сулайманов К.* Перифрастические формы узбекского глагола, с. 6 сл.; *Турсункулова К. А.* Перифрастические формы глагола в узбекском и казахском языках, с. 6 сл.

Глава II

ФОРМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛА

Глагольное словообразование в тюркских языках изучалось интенсивно, и результаты проделанной работы подробно изложены в фундаментальном труде Э. В. Севортяна «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке», опубликованном в 1962 г.[1] Наличие этой монографии, которая наряду с обзором имеющейся литературы содержит глубокий и детальный анализ глаголообразующих морфологических элементов, побуждает нас ограничить свою задачу во второй главе выделением и кратким сравнительно-историческим комментированием лишь общетюркских аффиксов и вспомогательных глаголов, в основном тех из них, которые сыграли важную роль в глагольном словообразовании. К ним мы относим аффиксы *-а*, *-ла* (*-лат*, *-лан*, *-лаш*, *-ландїр*, *-лашдїр*), *-їр ~ -ур*, *-аj* (*-аð*), *-ар*, *-ал*, *-кар ~ -ҕар*, *-їк ~ -ук*, *-са*, *-сї* (*-сїн ~ -сун*, *-сїт ~ -сут*), *-ат ~ -їт*, *-їрка ~ -їрҕа*, вспомогательные глаголы *ə́т-*, *кїл-*, *бол- ~ ол-*, *ур-*, *äjлä-*.

Все перечисленные аффиксы, кроме *-ла*, непродуктивны, и многие из них утратили продуктивность, по-видимому, давно. Достаточно сказать, что в тех глаголах, которые образованы от слов, заимствованных из русского языка, в качестве глаголообразующего элемента прослеживается только аффикс *-ла*.[2] Из вспомогательных глаголов продуктивность сохраняют *ə́т-*, *кїл-* и *бол- ~ ол-*.

Разграничение аффиксов и вспомогательных глаголов в известном смысле условное: отдельные аффиксальные формы дублируются составными глагольными формами и существуют параллельно, ср.: тур. *kajбə́т-* (< *kajб ə́т-*) 'терять', *kajбол-* (< *kajб ол-*) 'исчезать, утрачиваться', *сə́jрə́т-* (< *сə́jр ə́т-*) 'осматривать'; узб. *jӯkat-* (< *jӯk ə́т-*) 'терять', *гапір-* (< *гап ур-*) 'говорить'.

Отношения между содержанием производных глаголов и производящих основ многообразны и не поддаются строгой систематизации. Дело в том, что содержание производных глаголов зависит не только от семантики производящих основ и глаголообразующих аффиксов, но и от обстоятельств, которые принято называть специфическими закономерностями развития семантики отдельного слова. Производные глаголы могут быть переходными и непереходными. И в этом случае принадлежность их к тому или иному классу предопределяется разными факторами. Так, аффиксы *-а* и *-ла* образуют и переходные, и непереходные глаголы, аффиксы *-їр ~ -ур*, *-аj* (*-аð*), *-ар*, *-їк ~ -ук* — только непереходные, аффикс *-ат ~ -їт* — только переходные. Среди глаголов на *-а* и *-ла* непереходными

[1] См. также: *Schakir S.* Denominale Verbbildungen in den Türksprachen. Roma, 1933.

[2] См.: *Исенгалиева В.* Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. Алма-Ата, 1966, с. 13, 160.

чаще являются те, которые образованы от прилагательных, наречий и образных слов. Глаголообразующие аффиксы и вспомогательные глаголы — прежде всего показатели глагольности. Вместе с тем каждый из них имеет более конкретные значения, тесно связанные с их происхождением.

-а

При помощи аффикса *-а* глаголы образовывались от имен, наречий и образных слов начиная с раннего периода существования тюркского праязыка и кончая временем сложения современных языков. Большинство их составляет древнейший пласт производных глаголов, незначительная часть отразила особенности развития словообразовательных процессов в относительно позднюю эпоху. Примечательно, что аффикс *-а* прослеживается в структуре собирательных числительных, общетюркское происхождение которых не требует доказательств, ср.: др.-тюрк. *ӱчӑгӱ* (*ӱч-ӑ-гӱ*) 'трое', *тӧртӑгӱ* (*тӧрт-ӑ-гӱ*) 'четверо'; алт. *ӱчӱ*, *тӧртӱ*; башк. *ӧсӓв*, *дӱртӓв*; якут. *ӱсӱӧ*, *тӧрдӱӧ*.

Никаких структурных ограничений для присоединения аффикса *-а* к именам, наречиям и образным словам нет: он одинаково «показан» и односложным, и многосложным словам. Значения производных глагольных основ с аффиксом *-а* могут быть «переходными» и «непереходными». Примеры: др.-тюрк. *ата-* 'называть', 'давать имя' (Man I 9_8), *јаза-* 'проводить весну' (МК III 88), *јарлӣка-* 'соизволить' (ТТ IV B_{36}), *јаша-* 'жить' (МК III 89), *јашна-* 'сверкать' (Suv 77_1), *кана-* 'кровоточить', 'пускать кровь' (МК III 273, 323; Rach II 3_3), *кӱчӓ-* 'принуждать' (КР 32_5), *кӱзӓ-* 'проводить осень' (МК III 265), *орна-* 'помещаться, занимать место' (МК I 288), *ота-* 'полоть' (МК III 250), *ӧчӓ-* 'враждовать, питать ненависть' (QBK 275_8), *ӧртӓ-* 'жечь', 'воспламенять' (МК I 272; Suv 316_{23}), *кора-* 'убывать, нести потери' (QBN 88_{10}), *тӣтрӓ-* 'дрожать' (Suv 637_{20}), *тӧлӓ-* 'окотиться (об овце)' (МК III 271), *тӱнӓ-* 'ночевать' (QBN 46_{12}); башк.(диал.) *јӣра-* 'петь', *тӧшӓ-* 'говорить во сне';[3] кар. *боша-*, тат. *буша-*, узб. *бӯша-* 'пустеть, опорожняться', 'освобождаться, становиться свободным'; тув., хак. *ада-* 'называть'; тув. *орна-* 'менять, обменивать'; тув., туркм. *ојна-* 'играть'; тур. *капа-* 'закрывать'; туркм. *бӑја-* 'богатеть', *тӣтрӓ-* 'дрожать'; хак. *тӱзӓ-* 'видеть во сне', *ӧртӓ-* 'жечь'; якут. *ӣарӓ-* 'тяжелеть', *аһӓ-* 'есть, кушать', *солӧ-* 'расчищать дорогу', *кӱһӓ-* 'проводить зиму', *кӱһӡ-* 'проводить осень'.

Из сочетания аффикса *-а* с аффиксом именной привативности *-сӱз* (*-сӱз-а* > *-сӣра*)[4] образовался новый морфологический показатель со значением «лишаться, терять», ср.: др.-тюрк. *башсӣра-* 'лишаться головы' (QBN 311_4), *інчсірӓ-* 'лишаться покоя' (USp 102 b_{11}), *каɣансӣра-* 'лишаться кагана' (КТб$_{13}$), *кутсӣра-* 'лишаться счастья' (Suv 471_{20}), *кӱчсірӓ-* 'лишаться сил' (Rach I_{155}), *өгсірӓ-* 'терять сознание', 'лишаться рассудка' (Suv 639_{18}), *татӣɣсӣра-* 'терять сладость, вкус' (Man III 18_{12}), *чоɣсӣра-* 'утрачивать блеск' в *чоɣсӣрамаксӱз* 'немеркнущий' (Suv 678_4); башк. *хӓлһӣрӓ-*, к.-калп. *һӓлсӣрӡ-*, кирг. *алсӣра-*, ног. *ӓлсӣрӡ-* 'обессиливать, изнемогать'; тув. *харӣксӣра-* 'истощаться, ослабевать'.

Встречаются также глагольные основы на *-сӣра*, не обнаруживающие очевидных признаков этимологической связи с формами именной привативности и выражающие самые разнообразные значения: карач.-балк. *сімсірӡ-* 'стоять безмолвно, подобно изваянию'; кирг. *кансӣра-* 'желать крови', *ачкӣлсӣра-* 'иметь желание выпить кислого'; к.-калп. *жалɣӣзсӣра-* 'чувствовать одиночество'; тув. *а'тсӣра-* 'любить ездить верхом'; туркм. *ханɖӣра-* 'выдавать себя за хана'; хак. *көпсӣрӡ-* 'считать чрезмерным, лишним', *улуɣзӣра-* 'высокомерничать, важничать'. Некоторые из них по содержанию близки к производным глагольным основам на *-сӣ(н)* ~ *-су)н)*, ср.: кирг. *манапсӣн-* 'изображать из себя манапа', 'важничать'.

Из сопоставления глагольных основ на *-а* с глагольными основами на *-ла* можно сделать вывод о частичном совпадении содержательной стороны аффиксов *-а* и *-ла* и о том, что словообразовательные функции аффикса *-а* были в значительной мере унаследованы аффиксом *-ла*, ср.: др.-тюрк. *кӣна-* (МК III 273) и *кӣнла-* (МК III 299) 'делать ножны'; др.-тюрк. *кӣшла-* (КТб$_{48}$), азерб. *ɣӣшла-* и якут. *кӣһӓ-* 'зимовать, проводить зиму'. Безусловно, и *-ла* является древним словообразовательным аффиксом, и параллельное использование его с аффиксом *-а* предполагает наличие определенных семантических расхождений, ср.: др.-тюрк. *ота-* 'полоть' (МК III 250), *отла-* 'пастись' (МК I 285) и якут. *оттӧ-* 'убирать сено'; др.-тюрк. *карта-* 'бередить, тревожить рану' (МК I 245) и *картла-* 'лечить рану' (МК III 445); азерб.(диал.) *дішӓ-* 'менять молочные зубы'[5] и *дішлӓ-* 'кусать'.

Пока нет полной уверенности в том, что аффиксы *-ӣ* и *-ӯ* являются фонетическими разновидностями аффикса *-а*, тем не менее все сказанное в предыдущих разделах о соотношении между собой «слитных» деепричастий на *-а*, *-ӣ* и *-ӯ* свидетельствует в пользу сближения тех и других. Глагольные основы на *-ӣ*, *-ӯ* единичны и в современных тюркских языках воспринимаются как реликты давно утраченных морфологических образований. Примеры: др.-тюрк. *баӯ-* 'богатеть' (QBK 329_{15}), *бӟкӯ-* 'становиться крепким' (МК III 270), *бошӯ-* 'освобождаться' (МК III 266) и 'освобождать' (Suv 16_{12}), *калнӯ-* 'утолщаться' (МК III 302), *куруӯ-* 'высыхать' (Suv 624_{10}), *сӓмрӣ-* 'жиреть' (QBN 227_{13}); др.-тюрк. *јӧдӣ-* (Man I 6_4), азерб. *ијӣ-*, хак. *чӣзӣ-* 'гнить, испускать запах'; к.-калп., тат. *бајӣ-*, узб. *бӯјӣ-* 'богатеть, становиться богатым'; ног. *кӓмӣ-* 'уменьшаться'; узб. *тінчӣ-* 'успокаиваться'. Древность глагольных основ на *-ӣ*, *-ӯ* и их принадлежность к общетюркскому достоянию подтверждается фактом участия в образовании порядковых числительных, ср.: др.-тюрк. *ікінч*, *ӱчӱнч*, *тӧртӱнч*.

Попытки этимологизации аффикса *-а* немногочисленны и не идут дальше сопоставления его с другими аффиксами. Так, Г. И. Рамстедт видит в нем позднюю фонетическую разновидность аффикса **-ɣа*,[6] Н. А. Баскаков считает, что *-а* восходит к аффиксу *-ла*,[7] а Б. А. Серебренников ставит знак равенства между ним и показателем настоящего времени.[8] Со стороны фонетики препятствий для возведения *-а* к **-ɣа* нет, тем не менее реконструкция архетипа аффикса *-а* в виде **-ɣа* не может быть поддержана. Действительно, азербайджанскому *була-* 'мешать', 'болтать' соответствует в татарском языке *бӧлɣа-*, а турецкому *дола-* 'обвязывать', 'завертывать', 'окружать' в хакасском языке — *толɣа-* (ср.: др.-тюрк. *болɣа-* и *толɣа-*, МК III 289), но необходимо иметь

[3] См.: *Миржанова С. Ф.* Кубалякский говор. — БД, с. 173.

[4] См.: *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль Тегина. СПб., 1899, с. 37. В. В. Радлов в споре с В. Томсеном отрицал наличие привативного значения у древнетюркских форм *ӟлсірӓ-*, *каɣансірa-*, *каɣансірат-*, *уруɣсірат-* (см.: *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg. SPb., 1895, S. 204—209, 225—226). По мнению В. Банга и К. Г. Менгеса, формы типа *каɣансірa-* — глагольные образования на *-ра* от глагольных основ на *-сі* (см.: *Menges K. H.* The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968, p. 96—97). В тюркских языках имеются глаголы на *-сӣ*: казах., к.-калп. *мӓнмӓнсӣ-* 'зазнаваться, важничать'; кирг. *манарсӣ-* 'быть подобным красному пламени', *көбӱрсӱ-* 'принимать вид пены'; к.-калп. *ӽӽрсӣ-* 'тихо стонать'; уйг. *адӓмсі-* 'выдавать себя за важное лицо'. Однако, как показывают приведенные примеры, ни один из них не выражает значения глагольной привативности.

[5] См.: *Рустамов Р. А.* Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка. АДД. Баку, 1964, с. 25.

[6] См.: *Ramstedt G. J.* Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. — JSFOu, 1912, XXVIII, S. 79. Относительно возведения *-а* к **-ɣа* см. также: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 238—240.

[7] См.: *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, 1. М., 1952, с. 319. Ср.: *Гулямов А. Г.* Об аффиксе *-ла* в узбекском языке. — Уч. зап. Ташкентского ГПИ. Сер. обществ. наук, 1947, 1, с. 42.

[8] См.: *Серебренников Б. А.* Из истории звуков и форм тюркских языков. О происхождении показателя настоящего времени *-а-* в тюркских языках кыпчакской группы. — СТ, 1974, № 6, с. 13.

в виду, что в языках огузской группы в определенных фонетических условиях ҕ регулярно выпадал, и, следовательно, в этих языках совпали разные по происхождению аффиксы. Между тем в кыпчакских и других тюркских языках наряду с аффиксом *-а* используется аффикс *-ҕа*. Убедительные доводы против этимологического сближения *-а* с *-ла* приведены Э. В. Севортяном.[9] Связь аффикса *-а* с показателем настоящего времени маловероятна.

-ла

Присоединяясь к именам, наречиям и образным словам, аффикс *-ла* отчасти дублирует аффикс *-а* ~ *-ӣ* ~ *-у*, с которым он выступает параллельно в составе порядковых числительных, ср.: др.-тюрк. *бірінч*, *ӱчӱнч*, *төртӱнч*[10] и *төртіланч*, *төртӱланчі*.[11] И дополнительные значения, выражаемые аффиксом *-ла*, нередко такие же, как у аффикса *-а*. Существенное различие между ними заключается в том, что первый из них продуктивен, тогда как последний давно утратил продуктивность.

-Ла — самый распространенный глаголообразующий аффикс тюркских языков, использование которого в древности было, по всей видимости, неограниченным. В современных языках количество производных глагольных основ на *-ла* достигает нескольких сотен, однако он присоединяется далеко не к каждому имени и не к каждому образному слову.[12]

Глаголы на *-ла* могут быть переходными и непереходными. Выражаемые ими значения находятся в определенной зависимости от содержания производящих основ, хотя зависимость эта носит характер очень сложной и потому не всегда предсказуемой семантической связи. Примеры: др.-тюрк. *арпала-* 'кормить [лошадь] ячменем' (МК I 316), *ӣрқла-* 'гадать, предсказывать судьбу' (МК III 443; ТТ VII 28_9), *бәдӱклә-* 'вырастать, становиться большим' (ЛОК 2_3), *көзлә-* 1) 'бить по глазам' (МК III 300), 2) 'сторожить, наблюдать' (ThS II_{99}), *кічіглә-* 'считать малым' (МК III 341), *карала-* 'загрязнять, пачкать' (МК III 324), *сарӣҕла-* 'окрашивать в желтый цвет' (МК III 336), *сӣҕӣрла-* 'принимать за корову' (МК III 331), *сәнлә-* 'становиться с кем.-л. на «ты»' (МК III 298), *тӱбӱтлә-* 'считать жителем Тибета' (МК III 330); азерб. *аjаҕла-* 'топтать', *hазӣрла-* 'готовить'; кар. *тіслә-* 'кусать', *ірла-* 'петь'; карач.-балк. *акла-* 'белить', *башла-* 'начинать'; кирг., к.-калп. *балтала-*, узб. *бәлтала-* 'рубить топором'; к.-калп. *дӱзла-* 'солить', *адӣмла-* 'шагать', *ӱшлә-* 'делать по три', *көплә-* 'действовать вместе, массой'; тат. *тӧзла-* 'солить', *кӣшла-* 'зимовать'; тув. *шајла-* 'пить чай'; туркм. *наҕӣшла-* 'покрывать узорами', *ікілә-* 'удваивать', 'бить вдвоем' (*олар ӄапарӣ ікілӓділәр* 'они вдвоем били Сапара');[13] хак. *тајҕала-* 'ходить по тайге', *чајла-* 'проводить лето'.

В сочетании с залоговыми аффиксами *-ла* образует сложные морфологические показатели *-лан*, *-лат*, *-лаш*, *-ландӣр*, *-лашдӣр*, отличающиеся от *-ла* соответствующими залоговыми значениями и, особенно в современных языках, различными семантическими оттенками, ср.: др.-тюрк. *алачулан-* 'ставить себе шатер' (МК III 205), *аркалан-* 'прислоняться спиной' (МК I 297), *ӣштонлан-* 'надевать шаровары' (МК I 314), *кімізлан-* 'приобретать кумыс' (МК II 268), *карлат-* 'засыпать снегом' (МК II 347); ст.-узб. *ӯзбәлән-* 'надевать кольчугу', *jараҕлан-* 'вооружаться', *баҕлан-* 'привязываться', *сӧзлӓш-* 'беседовать', *тајаҕлат-* 'заставлять бить палкой';

[9] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 34.
[10] См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 102, 581, 622.
[11] Там же, с. 206, 581.
[12] Об аффиксе *-ла* см.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 35—93; *Гулямов А. Г.* Об аффиксе *-ла* в узбекском языке, с. 39—50; *Харитонов Л. Н.* Значение глаголов с аффиксом *-лаа*. — В кн.: История и филология, 1. Якутск, 1953, с. 7—20; *Кульмагамбетова Б. Б.* Аффиксальное образование глаголов в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1955, с. 11—12; *Хасенова А.* 1) Қазақ тіліндегі *-ла/-ле* аффиксті туынды түбір етістіктер. Алматы, 1957; 2) Глагольные основы казахского языка. АДД. Алма-Ата, 1960, с. 27 сл., 37, 45.
[13] См.: Грамматика туркменского языка, I. Ашхабад, 1970, с. 211.

азерб. *булудлан-*, кирг. *булуттан-*, туркм., узб. *булутлан-* 'покрываться тучами'; кирг. *адаттан-*, туркм. *ӓдатлан-*, узб. *одатлан-* 'приобретать привычки', 'привыкать'.

К числу фонетических разновидностей аффикса *-ла* относятся *-да*, *-та*, *-на*,[14] условия появления которых в тюркских языках неодинаковы. В языках Сибири и Алтая, в казахском, киргизском, а также в некоторых других языках наличие *-ла* или его вариантов строго предопределено качеством последнего звука основы, ср.: др.-тюрк. *тӣŋла-*, азерб. *дінлә-*, казах. *тыӈда-*, тув. *дӱŋна-* 'слушать'; др.-тюрк. *ӓртәлә-* 'приниматься за что-л. спозаранку', якут. *ӓрдәлӯ-* 'подниматься рано'; тув. *балыкта-*, хак. *палыхта-*, якут. *балыктā-* 'рыбачить'.[15] Ср. также: др.-тюрк. *окта-* (МК I 26) и ст.-узб. *окла-* 'пускать стрелы', *істә-* (в *істәт-*, Suv 13_{18}) и *ізлә-* (QBN 444_{10}) 'искать', 'идти по следу'; тув. *чајла-* 'проводить лето', *каттa-* 'ходить за ягодами', *ӓмнӯ-* 'лечить', *малда-* 'пасти скот'; хак. *боронала-* 'бороновать', *хармахта-* 'удить', *аӈна-* 'охотиться'. Для большинства тюркских языков характерно наличие варианта *-да* после *л*, что отражает общетюркскую тенденцию избегать стечения двух *л* в пределах одного слога или в смежных слогах (ср. форму страдательного залога): др.-тюрк. *алда-* (ТТ I_{26}), узб. *алда-* 'обманывать'; др.-тюрк. *тӣлда-* 'говорить' (QBK 237_9); ст.-узб. *колда-* 'вести', *јолда-* 'направляться'. Реже *-да* встречается после других сонантов: др.-тюрк. *індә-* 'звать', 'давать знак' (QBH 38_{22}), *соӈда-* 'гнаться', 'идти следом' (МК III 400); ст.-узб. *ӱндә-* ~ *ӱнлә-* 'звать', *кӣмірда-* ~ *кӣмірла-* 'двигаться, шевелиться'.

Вопрос о связи с аффиксом *-ла* аффикса *-да*, используемого при производстве глаголов от образных слов, получил глубокое освещение в работах Н. К. Дмитриева, не согласившегося с этимологией М. Битнера (*-да* от *дә-* 'говорить')[16] и выразившего твердое убеждение в региональной обусловленности перехода *л* в *д* наличием завершающих образные слова сонантов *л* и *р*,[17] ср.: ст.-узб. *іӈілдә-* и *іӈлә-* ~ *іӈрә-* 'стонать'; азерб. *зӧӈілда-* 'звенеть'; карач.-балк. *боркулда-*, ног. *боркӯлда-* 'клокотать'; карач.-балк. *мушулда-* 'сопеть'; карач.-балк. *хурулда-*, ног. *кӯрӯлда-* 'храпеть'; ног. *ӱвӯлда-* 'выть'; тат. *ҷаӈҕӯлда-* 'звенеть', *даӈҕӯлда-* ~ *даӈҕӯрда-* 'дребезжать', 'тарахтеть'; тур. *чакӣлда-* 'грохотать', *чаӈӣрда-* 'звенеть', *шарӣлда-* 'журчать, шуметь (о реке)', *токурда-* 'булькать';[18] туркм. *hоркулда-* 'хрюкать', *лаҕӣрда-* 'бубнить', *ловурда-* 'блестеть, сверкать', *hаӯӯлда-* 'шипеть', *шаркӣлда-* 'стучать, хлопать';[19] узб. *віӯірла-* 'щебетать', *кірсілла-* 'хрустеть';[20] чуваш. *с'адӑрдат-* 'трещать', *шаӈӑрдат-* 'звенеть, греметь'.

Несомненно есть основания предполагать, что употребление аффикса *-да* может быть обусловлено наличием в составе образных и звукоподражательных слов компонентов *ӣл*, *ӣр*, хотя аффикс *-да* выступает иногда и при отсутствии указанных компонентов.

Требует дополнительного изучения вопрос об отношении к аффиксу *-ла* аффиксов *-ра*, *-на* и *-ша*.

[14] См.: *Zajączkowski A.* Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodniokaraimskim. Kraków, 1932, s. 148; *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 35; *Гулямов А. Г.* Об аффиксе *-ла* в узбекском языке, с. 40—41.
[15] Л. Н. Харитонов отмечает различия в семантике некоторых глаголов на *-лā* и *-тā* в якутском языке (см.: *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, с. 120).
[16] *Bittner M.* Die onomatopoetischen Verba des Türkischen. — WZKM, 1912, XXVI, S. 264, 268. Статья М. Битнера содержит подробный список образных глаголов на *-ӣлда*, *-ӣрда*, встречающихся в турецком языке (S. 264—267).
[17] *Дмитриев Н. К.* 1) К изучению турецкой мимологии. — В кн.: *Дмитриев Н. К.* Строй тюркских языков. М., 1962, с. 67 сл.; 2) Очерк южнотюркской мимологии. — Там же, с. 108. См. также: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования . . ., с. 192 сл.
[18] См.: *Özel S.* Türkiye türkçesinde sözcük türetme ve bileştirme. Ankara, 1977, s. 32.
[19] См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 217—218.
[20] См.: Ўзбек тили грамматикаси, I. Тошкент, 1975, б. 370.

Бóльшая часть производящих основ, сочетающихся с аффиксом *-ра*,[21] — образные слова, ср.: др.-тюрк. *күлдрä-* 'издавать булькающий звук' (МК III 448), *күлрä-* 'греметь' (МК III 282), *ӟңрä-* 'реветь' (МК I 120); ст.-узб. *iңрä-* 'стонать', *сіңрä-* 'всхлипывать', *мӱңрä-* 'печалиться, кручиниться'; узб. *hӱңра-* 'рыдать'. Если согласиться с предположением А. Г. Гулямова о том, что производящими основами в *iңрä-*, *сіңрä-*, *hӱңра-* были двусложные образные слова типа *hӱңір*, то глагодообразующим аффиксом в них необходимо будет считать не *-ра*, а *-а*.[22]

Производных глагольных основ с аффиксами *-на* и *-ша*[23] немного, и выявить обстоятельства их появления не удается. Примеры: др.-тюрк. *кәкнä-* 'раздражаться, приходить в ярость' (QBN 308_{15}), **їна-* (*їнан-*, МК I 206), **їша-* (*їшан-*, QBN 418_{4}) 'верить, доверять', *курша-* 'охватывать, опоясывать' (МК III 287; Suv 96_{1}; Uig III 69_{6}), *јумша-* 'смягчаться' (МК III 306). Ср.: др.-тюрк. *кәктäш-* 'враждовать', 'ненавидеть друг друга' (МК II 222), *курла-* 'опоясывать' (МК III 298).

Оригинальная попытка объяснить происхождение аффикса *-ла* и установить связь между ним и аффиксом *-ра* была предпринята Ж. Дени.[24] Исследуя и описывая материалы турецкого языка, относящиеся к глагольному словообразованию, Ж. Дени приходит к выводу, что турецкие глаголы на *-ла*, *-ра* этимологически представляют собой производные основы на *-а* от образных слов на *-л*, *-р*, ср.: *јїлдра-* (< *јїлдїр-а-*) 'сверкать', *інлӭ-* (< *ініл-ӭ-*) 'стонать, охать'. Аффиксы *-ла*, *-ра*, таким образом, по мнению Ж. Дени, выделились в результате выпадения гласного и переразложения морфем. Будучи первоначально составной частью образных глаголов, впоследствии они стали присоединяться как к образным, так и к другим словам. Не отрицая простоты и прочих достоинств объяснения, предложенного Ж. Дени, назовем обстоятельство, которое затрудняет принятие этого объяснения или, по крайней мере, делает его недостаточно убедительным: элемент *-їл*, являющийся факультативной принадлежностью образных слов, недостаточно широко представлен в языках Сибири и Алтая. Между тем аффикс *-ла* в названных языках получил такое же распространение, как в языках огузской и кыпчакской групп.

-їр ~ -ур

Данный аффикс прослеживается в большой группе глагольных основ, произведенных от образных слов. Примеры: др.-тюрк. *јаңғур-* ~ *јаңғїр-* 'звучать, звенеть' (TT I_{135}; Uig II 24_{6}), *ајкїр-* 'кричать' (TT II A_{82}), *сїкїр-* 'свистеть' (МК II 83); ст.-узб. *сіңӱр-*, *кајғур-* 'печалиться'; азерб. *асғїр-* 'чихать', *мушғур-* 'чмокать', *öскӱр-* 'кашлять', *пӱскӱр-* 'прыскать от смеха', *тӱпӱр-* 'плевать', *фїнхїр-* 'фыркать', *фїшғїр-* 'брызгать, извергать', *hїчғїр-* 'хныкать';[25] башк. *ӱкїр-* 'реветь';[26] гаг. *ансїр-* 'чихать', *махкур-* 'бурчать', *хїнчкїр-* 'всхлипывать';[27] казах. *кәкїр-* 'рыгать', *тїшкїр-* 'чихать', *пїскїр-* 'фыркать (о лошади)', *шакїр-* 'звать', *ҫскїр-* 'свистеть';[28] кар. *кїчхїр-* 'кричать', *öткӱр-* 'кашлять', *інчхїр-* 'вздыхать', *сїзғїр-* 'свистеть'; кирг. *бїшкїр-* 'фыркать', *їшкїр-* 'шипеть', *каткїр-* 'хотать', *кїјкїр-* 'кричать', *чаңїр-* 'кричать истошным голосом', *чїңїр-* 'визжать', *чӱчкӱр-* 'чихать';[29] тат. *пӧшкїр-* 'фыркать', *сїзғїр-* 'свистеть', *сіңгїр-* 'сморкаться'; тув. *бїшкїр-* 'чихать (о козах и овцах)', *каттїр-* 'смеяться', *кїшкїр-* 'пронзительно кричать', *кәгір-* 'рыгать'; тур. *hajкїр-* 'кричать', *пӱфкӱр-* 'дуть', *ӱфӱр-* 'дуть';[30] туркм. *аңңїр-* 'кричать (об осле)', *ваңкїр-* 'визжать (о собаке)', *ӟїӟїр-* 'кричать истошным голосом', *horғур-* 'храпеть (о лошади)', *пїңкїр-* 'прыскать от смеха', *ӭїнчғїр-* 'икать', *ӭӱмгӱр-* 'сморкаться', *тӱјкӱр-* 'плевать', *ӱӭгӱр-* 'кашлять';[31] узб. *бӱкір-* 'реветь', *кіјкір-* 'кричать', *пішкір-* 'фыркать', *чінкір-* 'визжать', *аксір-* 'чихать'; чуваш. *чашкăр-* 'шипеть', *шăңар-* 'сморкаться'; шор. *каткїр-* 'хохотать', *кїјғїр-* 'кричать', *кїскїр-* 'кричать', 'визжать'; якут. *їңїр-* 'звать, окликать', *ihїр-* 'свистеть', *куһӱр-* 'свистеть', *тїбїр-* 'фыркать', *хаһїр-* 'реветь', 'кричать истошным голосом', *чїһӱр-* 'шипеть', *ӱһӱр-* 'свистеть'.[32]

Выделение аффикса *-їр ~ -ур* в образных глаголах не получило всеобщего признания, и единой, установившейся точки зрения на происхождение таких глагольных основ, как *бакїр-*, *чакїр-*, *hajкїр-*, пока нет, хотя этот вопрос неоднократно обсуждался в литературе. В. Банг, рассматривая указанные глаголы, предложил выделять в них основы *ба-*, *ча-*, *haj-* и аффикс *-кур ~ -кӱр ~ -кїр ~ -кір*, который он не без колебаний отождествил с аффиксом побудительного залога. Возможность иного членения, например *hajк-їр-*, казалась В. Бангу[33] нереальной вследствие того, что сочетания *jk* и т. д. в конце слова ему не были известны.[34] В дальнейшем глагольными основами типа *бакїр-*, *чакїр-*, *hajкїр-* заинтересовались Ж. Дени[35] и Г. И. Рамстедт,[36] однако они не внесли каких-либо изменений в выводы, сделанные В. Бангом. Новые суждения были высказаны Э. В. Севортяном, который квалифицировал данные основы как производные, включающие в себя глаголообразующий аффикс *-кур ~ -кӱр ~ -ур* (с фонетическими вариантами) и указал на возможность связи между ним и «показателями вторичных подражательных основ в той же форме», сославшись на то, что «явления грамматического синкретизма глагольных и именных показателей наблюдаются и в ряде других случаев».[37] Далее, Э. В. Севортян отметил, что в алтайском, хакасском и шорском языках аффикс *-ӟїр ~ -кїр* сложный и разлагается на два простых элемента: аффикс глагольного имени *-кї* и глаголообразующий аффикс *-р*, ср.: хак. *хатхїр-* 'хохотать' (*хатхї* 'смех'), *хїсхїр-* 'кричать' (*хїсхї* 'крик'); шор. *кїјғїр-* 'кричать' (*кїјғї* 'крик').[38] В вопросе интерпретации морфологического состава глаголов *бакїр-*, *чакїр-*, *hajкїр-* и т. д. точку зрения Э. В. Севортяна в той или иной мере

---

[21] См.: *Deny J.* Principes de grammaire turque («turk» de Turquie). Paris, 1955, p. 119—121.

[22] Сам А. Г. Гулямов восстанавливает праформы приведенных глаголов с аффиксом *-ла*: **іңірлä-* > *іңрä-* (см.: *Гулямов А. Г.* Об аффиксе *-ла* в узбекском языке, с. 41).

[23] См.: *Bang W.* Aus türkischen Dialekten. — KSz, 1918/1919, XVIII, S. 8—11; *Deny J.* Principes de grammaire turque. . ., p. 122—124.

[24] См.: *Deny J.* Structure de la langue turque. — Conférences de l'Institut de Linguistique de l'Université de Paris, 1950, IX, p. 19.

[25] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 265—269; *Джафарова С. М.* Подражательные слова в современных тюркских языках. АКД. Баку, 1973, с. 25.

[26] См.: *Ишмухаметов З. К.* Звукоподражательные слова башкирского языка. АКД. Уфа, 1970, с. 17.

[27] См.: *Дмитриев Н. К.* Очерк южнотюркской мимологии, с. 90.

[28] См.: *Искаков А. И.* О подражательных словах в казахском языке. — В кн.: Тюркологический сб., I. М.—Л., 1951, с. 108.

[29] См.: *Кудайбергенов С.* Подражательные слова в киргизском языке. АКД. М., 1953, с. 14.

[30] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921, p. 544, 1120; *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 260.

[31] См.: *Худайкулиев М.* Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962, с. 99.

[32] См.: *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке, с. 184, 265, 269, 278, 280, 284.

[33] См.: *Bang W.* Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, 2. Mitteilung: Über einige schallnachahmende Verba. Berlin, 1919, S. 9, 11, 12. См. также: *Zajączkowski A.* Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodniokaraimskim, s. 139.

[34] Сочетания *jk*, *лк*, *лт*, *мп*, *мш*, *ңк*, *рк*, *рп*, *рс* в конце образных слов являются их примечательной особенностью. См.: *Катембаева Б. Ш.* Подражательные слова в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 9; *Ембергенов У.* Подражательные слова в современном каракалпакском языке. АКД. Нукус, 1971, с. 10—11; *Джафарова С. М.* Подражательные слова в современных тюркских языках, с. 15.

[35] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque. . ., p. 544.

[36] См.: *Ramstedt G. J.* Über onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen. — JSFOu, 1951, 55, S. 107 f.

[37] *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 263. Ср.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 260.

[38] Там же, с. 264.

разделяют М. Худайкулиев,[39] З. К. Ишмухаметов[40] и другие тюркологи. Иной взгляд на морфологический состав упомянутых глаголов выражен автором данной работы в небольшой заметке, опубликованной в 1961 г.,[41] где эти глаголы рассматриваются как сочетания образных слов с глаголом *ур-*.

Общеизвестно, что в тюркских языках нашли широкое применение так называемые составные глаголы, представляющие собой разновидность устойчивых сочетаний,[42] ср.: азерб. *норт вур-* 'глотать'; гаг., крым.-тат. *лаф ӧт-* 'говорить'; казах. *сӛлк ӧт-* 'вздрогнуть', *жалт ӧт-* 'сверкать', *тарс ӧт-* 'трещать', *карк ӧт-* 'каркать'; тур. *шарк ӧт-* 'ударять', 'громыхать'; туркм. *ӈӯк ӧт-* 'гудеть', *хор чӛк-* 'храпеть'; узб. *эҳ тэрт-* ~ *эҳ чӛк-* ~ *эҳ ур-* 'охать', 'горевать', 'вздыхать', *ташкіл ӧт-* ~ *ташкіл кіл-* 'составлять, организовывать', *акс ӧт-* 'отражаться', *талаб ӧт-* ~ *талаб кіл-* ~ *талаб ајла-* 'требовать'; якут. *дабїс ӈӥн-* 'быстро (на ходу) схватывать', *дук ӈӥн-* 'замахиваться'. В некоторых из таких сочетаний компоненты слились, ср.: ст.-узб. *сарӈат-* (< *сарїӈ ӧт-*) 'делать бледным, желтым'; тур. *заннӧт-* (< *занн ӧт-*) 'думать, полагать, считать'.

Устойчивые сочетания имен с вспомогательными глаголами *ӧт-*, *кӥл-*, *бол-*, *ӓјлӓ-* хорошо знакомы тюркологам и подробно описаны, что же касается глагола *ур-*, то он как вспомогательный глагол упоминается редко.

Собственное значение глагола *ур-* ~ *вур-* (<**ӯр-*) — 'ударять', 'насыпать', 'наливать', 'класть, ставить', ср.: ст.-тур. *ад ур-* 'нарекать', *окуну кірішӥ ур-* 'ставить стрелу в тетиву';[43] алт. *аракї ур-*, хак. *араӈа ур-* 'наливать водку'; шор. *суӈ ур-* 'наливать воду'; тув. *ӧзӧр ур-* 'класть седло', 'седлать'.

Ур-, сохраняя лексическое значение, используется также в качестве вспомогательного глагола, например: др.-тюрк. *адак ур-* 'наступать (ногой), ступать' (QBH 180$_{39}$), *ат лакаб ур-* 'давать имя, название', 'нарекать' (QBH 3$_5$), *ӧмгӓк ур-* 'причинять страдания' (QBH 220$_3$), *кӧӈӱл ӧг ур-* 'проявлять склонность' (QBN 389$_8$), *із ур-* 'идти следом' (QBN 73$_8$); ст.-узб. *баш ур-* 'повиноваться', *көз ур-* 'взирать' *ӧрк ур-* 'взнуздывать', *ӓлік ур-* 'касаться, трогать'; кар., карач.-балк. *баш ур-*, к.-калп. *бас ӱр-* 'склонять голову', 'кланяться', 'повиноваться'; карач.-балк. *тӧр ур-* 'вспотеть', *ијіс ур-* 'испускать запах'; к.-калп. *жар ӱр-* 'объявлять', *кӓдӧм ӱр-* 'идти, шагать'; узб. *дӯк ур-* 'угрожать', *карсак ур-*, *чапак ур-* 'аплодировать', *тӯлкін ур-* 'бурлить'; тур. *јол вур-* 'грабить', *кулак вур-* 'прислушиваться'; туркм. *лӑп ур-* 'болтать', 'хвалиться', *аӈӥд ур-* 'кусать', *көк ур-* 'пускать корни'.

Большую группу составляют сочетания глагола *ур-* с образными словами: др.-тюрк. *ѓам ѓам ур-* 'ударять с грохотом', *ѓарс ѓарс ур-* 'ударять с треском'; ст.-узб. *аһ ур-* 'стонать', 'вздыхать', *ѓош ур-* 'бурлить', 'пениться', *каһ каһ ур-* 'смеяться, хохотать'; узб. *акса ур-* 'чихать', *заӈ ур-* 'звонить, звенеть'; туркм. *ӷарк ур-* 'сильно кашлять', *нӥӈ ур-* 'рычать (о собаке)', *норк норк ур-* 'хрюкать', *тарп тарп ур-* 'топать', *каһ каһ ур-* 'хохотать'.

Активное участие глагола *ур-* в словообразовательных процессах является выражением тенденций, развивающихся в тюркских языках с давних времен. Вместе с тем в отдельных региональных группах расширение границ употребления *ур-* в качестве вспомогательного глагола могло быть обусловлено действием внешних факторов. Так, староузбекский

[39] См.: *Худайкулиев М.* Подражательные слова в туркменском языке, с. 98.

[40] См.: *Ишмухаметов З. К.* Звукоподражательные слова башкирского языка, с. 17.

[41] См.: *Шчербак А. М.* Ўзбек тилида *ур-* феълининг сўз ясашдаги роли. — ЎТАМ, 1961, № 2, б. 41—44.

[42] См. *Исенгалиева В. А.* Туркий тилларда «қилмоқ», «бўлмоқ» типидаги сўзлар иштирокида ясалган составли феъллар. — ЎТА, 1965, № 5; *Байрамов Ф. Р.* Аналитические глаголы в письменных памятниках азербайджанского языка XIII—XVIII вв. АКД. М., 1967.

[43] См.: *Ertaylan I. H.* Türk edebiyatı örnekleri, I. Varaka ve Gülşah. İstanbul, 1945, s. 20—26.

язык подвергался влиянию персидского языка, в котором глагол *zadan* имеет то же значение и выполняет те же словообразовательные функции, что и глагол *ур-* в тюркских языках, ср.: перс. *gap zadan* 'болтать, пустословить', *bark zadan* 'блестеть', *dam zadan* 'разговаривать', *davr zadan* 'кружиться', *kalam zadan* 'гравировать', *nafas zadan* 'дышать', *niš zadan* 'жалить, колоть', *hars zadan* 'добиваться', 'сильно желать', *harf zadan* 'говорить, разговаривать', *šu'la zadan* 'пылать'. Весьма вероятно, что узбекские составные глаголы *дам ур-*, *лэф ур-*, *ніш ур-*, *та'на ур-*, *шу'ла ур* и глагол *гапір-* (*гап ур-*) образовались в результате неполного калькирования персидских сочетаний.[44]

Сказанное позволяет утверждать, что глагол *ур-* обладает такими же словообразовательными функциями, как и глаголы *ӧт-* и *кӥл-*, с которыми эпизодически он оказывается в отношении свободного варьирования, ср.: ст.-узб. *та'на ур-* и узб. *та'на кіл-* 'упрекать, порицать'; узб. *дӯк ур-* и *дӯк кіл-* 'угрожать', *дук ур-* и *дук ӧт-* 'глухо стучать'. Кстати, и глагол *ур-* в качестве компонента составного глагола и восходящий к нему аффикс *-їр* ~ *-ур* могут варьировать с аффиксом *-ла*: азерб. *пӱфлӓ-*,[45] узб. *пуфла-* и тур. *пӱфкӱр-* 'дуть'; тур. *ӱфлӟ-* и *ӱфӱр-* 'дуть'; узб. *kahkahla-* и *kahkah ур-* 'хохотать'.

Особый интерес вызывает вопрос о морфологическом составе образных глаголов на *-їра* ~ *-ура*, ср.: кирг. *баркїра-* 'реветь', *коркура-* 'храпеть', *шаркїра-* 'бурлить'; тув. *шӥӈӟїра-* 'звенеть', узб. *кіркіра-* 'хрюкать', *гуркура-* 'благоухать', *мӯлтіра-* 'тоскливо смотреть', *нӯңра-* 'рыдать';[46] якут. *баккїрā-* 'реветь', 'громко плакать', *маӈїрā-* 'мычать', *хаһӈїрā-* 'храпеть'.

В. Банг был склонен объединить эти глаголы с образными глаголами на *-їр* ~ *-ур*.[47] Более решительно в пользу сближения глаголов типа *јалтїра-* с глаголами типа *бакїр-* высказались Э. В. Севортян[48] и Л. Н. Харитонов.[49] Последний охарактеризовал *-ā* ~ *-ӯ* в якутском языке как аффикс, выражающий длительность, протяженность, что подтверждается использованием *-ā* в глагольных основах, появившихся из сочетаний образных слов с глаголом *-ӈӥн-* 'делать', ср.: *чӥңкїнā-* (*чӥң-кїн-ā*) 'звенеть тонко, пронзительно'.[50]

Уместен вопрос о том, не является ли словообразовательная функция глагола *ур-* следствием позднейшего непроизвольного этимологизирования неразложимых первичных глагольных основ на *-їр* ~ *-ур* путем расчленения их на два компонента и последующего уподобления одного из них глаголу *ур-*. Нам кажется, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным: нет оснований считать образные глаголы наследием очень древних эпох. Они имеют четко выраженную морфологическую структуру и включают в себя обычные аффиксальные элементы, отчасти омертвевшие и потому не поддающиеся определению. Достаточно привести узб. *аңілла-* 'визжать (о собаке)', *бімчілла-* 'хлюпать (о грязи)', *такілла-* 'стучать', *чірсілла-* 'издавать легкий треск', *чіркілла-* 'чирикать', *аңрај-*

[44] Ср.: *Наджип Э. Н.* Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в. М., 1965, с. 58.

[45] При сравнении тур. *пӱфкӱр-* с азерб. *пӱфлӓ-* кажется более предпочтительным членение его на *пӱф* и *-кӱр*. Однако здесь, как и в других аналогичных случаях, следует иметь в виду, что образные слова выступают в нескольких разновидностях и что для образных слов типа *хор*, *пїң*, *кӱр*, *пӱф*, *пїш*, *кїј* вполне допустимы, по крайней мере исторически, такие варианты, как *хорк*, *пїңк*, *кӱрк*, *пӱфк*, *пїшк*, *кїјк*, ср. в якутском языке: *бал* ~ *балк* 'подражание звуку удара или падения полужидкой массы', *чал* ~ *чалк* 'звукоподражание падению слизистой массы или капли в жидкость', *бӯл* ~ *бӯлк* 'звукоподражание приглушенному бульканью' (см.: *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке, с. 260, 264).

[46] См.: *Кунгуров Р.* Изобразительные слова в современном узбекском литературном языке. АКД. Ташкент, 1962, с. 21.

[47] См.: *Bang W.* Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 2, S. 18—20.

[48] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 263.

[49] См.: *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке, с. 188.

[50] Ср.: *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. LXII.

‘растерянно смотреть’, *анкај-* ‘таращить глаза’, *бакрај-* ‘выпучивать глаза’, *туптај-* ‘хмуриться’, *чакчај-* ‘таращить глаза’; кирг. *аңкїлда-* ‘скулить (о собаке)’, *балпїлда-* ‘шамкать’, *балчїлда-* ‘хлюпать’, *чакїлда-* ‘щелкать’, *шїлпїлда-* ‘хлюпать’, чтобы иллюзорность представления о языковой «первобытности» образных глаголов стала очевидной и бесспорной.

-аj (< -аδ)

Сфера распространения основ на *-аj* (*-аδ*), по мнению Э. В. Севортяна, ограничивается кыпчакскими языками.[51] Действительно, из современных тюркских языков кыпчакские имеют наибольшее число основ на *-аj* (*-аδ*), но эти основы встречаются и в карлукско-уйгурских языках и, что очень важно, образуют заметный пласт в языке древнейших письменных памятников. Среди производящих основ, присоединяющих к себе аффикс *-аj* (*-аδ*), преобладают прилагательные. Глаголы на *-аj* (*-аδ*) непереходные и обозначают процессы, содержанием которых является приобретение нового качества или состояния. Примеры: др.-тюрк. *буңад-* ‘огорчаться’, ‘печалиться’ (Тон$_{26}$), *јоғунад-* ‘толстеть’ (ТТ IV B$_{43}$), *јэгäд-* ‘улучшаться’ (QBN 339$_4$), *јокад-* (МК III 384) и *јокад-* (КТб$_{10}$; КР 54$_1$) ‘исчезать, погибать’, *көпäд-* ‘умножаться’, ‘увеличиваться’ (QBN 171$_2$), *көркäд- ~ көркät-* ‘становиться красивым’ (МК II 340), *күчäд-* ‘усиливаться’ (Suv 89$_{21}$), *кутад-* ‘становиться счастливым’ (QBN 59$_{13}$), *муңад-* ‘испытывать горе, огорчения’ (QBN 52$_8$); казах. *күшэј-* ‘становиться сильным’, *карај-* ‘чернеть, темнеть’; кар. *кїнғїрај-* ‘искривляться’ *мунај-* ‘печалиться’, *картај-* ‘стареть’; кар., к.-калп. *көбэј-*, тат. *күбäј-* ‘увеличиваться, умножаться’; карач.-балк. *уллај-* ‘становиться большим’; к.-калп., ног., тат. *азај-* ‘уменьшаться, убавляться’; тат. *кичäј-* ‘вечереть’, *тарај-* ‘суживаться’, *киңäј-* ‘расширяться’, *сарғај-* ‘желтеть’, ‘бледнеть’; узб. *камај-* ‘уменьшаться, убавляться’, *сэғај-* ‘выздоравливать’; якут. *ӣрāт-*[52] (< **ӣрағад-*) ‘удаляться’, *кїтāт-* (< **катїғад-*) ‘становиться твердым’, *улāт-* (< **улуғад-*, ср.: др.-тюрк. *улуғад-*, ТТ VII 28$_{32}$) ‘расти’, ‘увеличиваться’.

Э. В. Севортян считает *-аj* (*-аδ*) вариантом более древнего аффикса *-ғај* и, опираясь на соответствие *j ~ р ~ д ~ з*, делает заключение о его «фонетическом родстве» с глаголообразующим аффиксом *-ар*.[53] В караимском языке зарегистрирована форма *азғај-* ‘уменьшаться’, ‘сокращаться’, сопоставление которой с к.-калп. *азај-* как будто бы окончательно убеждает в правомерности возведения *-аj* к *-ғај*. Все же, будучи единственным, приведенный пример не рассеивает, а, напротив, увеличивает сомнения. Форма *азғај-* могла появиться по аналогии с глаголами *сарғај-*, *улғај-*: соотнесение последних с прилагательными *сарї* (< *сарїғ*), *улу* (< *улуғ*) ведет к непроизвольному переразложению морфем, в результате которого конечный согласный производящей основы оказывается в составе глаголообразующего аффикса, ср.: *сарїғ-аj-* > *сарї-ғај-*, *улуғ-аj-* > *улу-ғај-*. Доказать «фонетическое родство» аффикса *-аj* (*-аδ*) с аффиксом *-ар*, на наш взгляд, невозможно.

Архетип аффикса *-аj* восстанавливается в виде **-äδ*. Предпринимались попытки связать его с надежно реконструируемым глаголом **äδ-* ‘делать, совершать’, ср.: др.-тюрк., ст.-узб. *әјлä-*, азерб. *әлä-*. Основным препятствием для установления такой связи являются различия в семантике глагола **äδ-* и аффикса *-аj* (*-аδ*): **äδ-* — переходный глагол, все производные глаголы с аффиксом *-аj* (*-аδ*) — непереходные.

-ар ~ -ӣр

Аффикс *-ар ~ -ӣр* образует глагольные основы от существительных и прилагательных. Глаголы на *-ар ~ -ӣр* непереходные. Являясь непродуктивным показателем глагольности, аффикс *-ар ~ -ӣр*, подобно аффиксу *-аj*, обозначает процессы, связанные с приобретением нового качества или состояния. Примеры: др.-тюрк. *әрмäгӣр-* ‘лениться’, ‘проявлять нерадивость’ (ТТ II A$_{94}$), *әскір-* ‘стареть’, ‘ветшать’ (XX C$_{195}$), *јӣрӯңär-* ‘становиться белым’ (Suv 594$_9$), *көгär-* ‘синеть’ (МК II 84), *күзär-* ‘приближаться (об осени)’ (МК II 77), *кїзар-* ‘становиться красным’, ‘багроветь’ (QBK 190$_9$), *курӣр-* ‘высыхать’, ‘высушиваться’ (МК II 77), *сарғар-* ‘желтеть’ (МК I 486; Uig I 37$_{12}$); алт., кар., карач.-балк., к.-калп., тат., хак. *ағар-*, узб. *экар-* ‘становиться белым’, ‘седеть’; алт., кар., тур. *карар-*, якут. *харар- ~ харāр-* ‘становиться черным’, ‘темнеть’; азерб. *гöјär-*, алт. *көгör-* ‘синеть’, ‘зеленеть’, ‘давать ростки’, ‘расти’, ног., хак. *көгэр-* ‘синеть’, ‘зеленеть’, чуваш. *кăвагар-* ‘синеть’, ‘седеть’, ‘плесневеть’, ‘ржаветь’, якут. *көгör- ~ көгӧр-* ‘зеленеть’; азерб. *бозар-* ‘сереть’; алт., кар. *сарғар-*, тур. *сарар-* ‘становиться желтым’, ‘бледнеть’; алт., кар. *кїзар-*, тат. *кӣзар-*, хак. *хїзар-*, якут. *кїтар-* ‘становиться красным’, ‘багроветь’; алт. *д′ажар-*, кар. *јашар-*, хак. *чазар-* ‘становиться зеленым’, ‘зеленеть’; алт. *кїскар-*, кар., карач.-балк. *кїсхар-*, ног., тат. *кӣскар-*, узб. *кискар-* ‘укорачиваться’; алт., кар., узб. *эскір-*, к.-калп., ног. *эскӣр-* ‘стареть’, ‘ветшать’; кар. *кубар- ~ кувар-*, хак. *хубар-* ‘бледнеть’; кирг. *јакшїр-*, тат. *јахшӣр-* ‘хорошеть’; тат. *тазар-* ‘поправляться’; тур. *бајїр-* ‘становиться богатым’; якут. *кіэһэр- ~ кіэһӭр-* ‘вечереть’, *māһїр- ~ māһӣр-* ‘каменеть’,[54] *āтїр-* ‘получать имя’, ‘становиться известным’, ‘возвеличиваться’.

Связь аффикса *-ар ~ -ӣр* с аффиксом *-ғар ~ -кар* нельзя считать окончательно установленной, хотя примеры из дивана Махмуда Кашгари, на которые ссылается Э. В. Севортян,[55] — *тазар-* и *тазғар-* ‘становиться плешивым’ (МК II 77, 178), *күзär-* и *күзгär-* ‘приближаться (об осени)’ (МК II 77, 196) — свидетельствуют в пользу предположения о существовании такой связи. Основной пункт разграничения аффиксов *-ар* и *-ғар ~ -кар* в том, что все глаголы на *-ар ~ -ӣр*, кроме приведенных выше, непереходные, тогда как глаголы, образованные при помощи аффикса *-ғар ~ -кар*, являются переходными. Далее, обращает на себя внимание то, что в тюркских языках, для которых выпадение *ғ* в позиции после согласного необычно, используются оба аффикса, *-ар* и *-ғар ~ -кар*, и, таким образом, возможность интерпретации *-ар* как фонетической разновидности аффикса *-ғар*, по существу, отсутствует.

Из всего сказанного о семантике аффикса *-ар ~ -ӣр* следует, что имеется ряд признаков, опираясь на которые можно было бы продвинуться вглубь, к восстановлению его исходного состояния. Семантическое отождествление *кіэһэр-* ‘вечереть’ с сочетанием *кіэһэ буол-* в якутском языке[56] и указание на предполагаемую связь аффикса *-ар ~ -ӣр* с глаголом *ӓр-* ‘быть’, ‘становиться’ (?)[57] создают прочную основу для этимологических поисков и намечают путь к определению самих принципов образования вторичных глагольных основ в тюркских языках.

-ал

По составу производящих основ и по характеру передаваемого содержания аффикс *-ал* мало чем отличается от аффиксов *-аj* (*-аδ*), *-ар ~ -ӣр*. Примеры: др.-тюрк. *јокал-* ‘исчезать’, ‘погибать’ (QBN 60$_8$), *карталь-* ‘быть растревоженной’, ‘вновь открыться (о ране)’ (МК II 234), *кобзал-* ‘звучать (о кобузе)’ (МК II 235); азерб. *дінҷäл-* ‘отдыхать’, *сағал-* ‘выздоравливать’, ‘поправляться’, *дарал-* ‘суживаться’, ‘становиться тесным’; кар. *азал-* ‘уменьшаться’; карач.-балк. *карал-* ‘становиться черным’; к.-калп. *жоғал-*, тат. *јуғал-*, тур. *јоғал-*, узб. *јӯкэл-* ‘теряться’, ‘пропадать’, ‘гибнуть’; к.-калп. *оңал-* ‘поправляться’; тат. *төзäл-* ‘поправляться’, ‘исправляться’; туркм. *јӯкал-* ‘становиться тонким’, *кэмэл-* ‘уменьшаться’,

[51] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования . . ., с. 278.
[52] См.: *Харитонов Л. Н.* К вопросу о происхождении некоторых глагольных аффиксов в якутском языке. — Уч. зап. ИЯЛИ Якутского филиала АН СССР, 1955, 3, с. 144.
[53] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 278.
[54] См.: *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке, с. 128 сл.
[55] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 254.
[56] См.: *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке, с. 134.
[57] Ср. у Махмуда Кашгари: *кїзардї* из *кїзїл ӓрді* (МК II 163).

туркм. *ӣдӷал-*, чуваш. *кĕскӗл-* ‘укорачиваться’; чуваш. *шурал-* ‘становиться белым’, хак. *сарӷал-* ‘желтеть’.

Этимология аффикса *-ал*, предложенная в середине прошлого столетия А. Казем-Беком (из вспомогательного глагола *бол- ~ ол-*),[58] достаточно убедительна (ср.: тур. *кајбол-* (< *кајб ол-*, араб. غيب), туркм. *јӧк бол-* ‘исчезать’), хотя в фонетическом отношении не является безукоризненной: утрата начального *б* в глаголе *бол-* при самостоятельном употреблении его происходила только в языках огузской группы, исчезновение *б* в других языках не наблюдается. Очевидно, причиной исчезновения *б* в сочетаниях с другими словами было позиционное стечение согласных (ср.: *јок бол-*, *сарӣӷ бол-*) и нахождение *б* в положении между гласными (ср.: *кара бол-*, *кӧска бол-*).

-ӷар ~ -кар

Глагольные основы на *-ӷар ~ -кар* образованы от существительных и прилагательных. Четкие семантические линии — от содержания исходных основ к содержанию производных — не прослеживаются. Глаголы на *-ӷар ~ -кар*, как правило, переходные, ср.: др.-тюрк. *андӷар-* ‘заставлять клясться’ (МК I 312), *бірӷӓр-* ‘объединять’ (Uig I 23 $_4$), *ічкӓр-* ‘вводить’ (ТТ VI$_{311}$), *кӛзгӓр-* ‘класть стрелу хвостовой частью (на тетиву)’ (МК II 196), *муӈкар-* ‘притеснять, мучить’, ‘доставлять огорчения’ (МК III 397), *отӷар-* ‘пасти’ (МК I 225), *ташкар-* ‘выводить’, ‘удалять’ (ТТ III$_{68}$), *сувӷар-* ‘поить’ (МК II 188), *сӱтгӓр-* ‘становиться подобным молоку’ (МК II 189), *увутӷар-* ‘стыдить’ (МК I 290); ст.-узб., кар. *куткар-* ‘освобождать’, ‘спасать’; узб. *бэшкар-*, к.-калп. *баскар-* ‘управлять’; азерб. *отар-* (< *отӷар-*) ‘пасти’, хак. *отхар-* ‘кормить сеном’, ‘давать корм’; азерб. *сувар-* (< *сувӷар-*), ног. *сӱвӷар-*, чуваш. *шӑвар-* ‘поить’; казах. *тӛӊгӛр-* ‘уравновешивать’; к.-калп. *оӈӷар-* ‘исправлять’, ‘налаживать’, *аӈӷар-* ‘понимать’; ног. *ӛскӛр-* ‘вспоминать’; тат. *соӈӷар-* ‘опаздывать’, *жӏлгӓр-* ‘веять, провеивать’; туркм. *чӧӊӷар-* ‘оказываться правдой’, ‘становиться серьезным’.

-ам ~ -ӧм

Значение, придаваемое производным глагольным основам аффиксом *-ам ~ -ӧм*, прямо противоположно значению основ на *-ал* («делать чем-л., превращать во что-л.»): др.-тюрк. *јӛгӓт-* ‘возвышать’, ‘улучшать’ (ТТ I$_8$); карач.-балк. *тӱзӛт-*, туркм. *дӱдӛт-*, узб. *тузат-* ‘исправлять’, ‘приводить в порядок’, ‘налаживать’, *тӯлат-* ‘наполнять’,[59] *јӯкэт-* ‘терять’, ‘уничтожать’; туркм., узб. *бӛркіт-* ‘укреплять’; чуваш. *шурат-* ‘белить’, *пужат-* ‘опорожнять’.

Семантика основ на *-ам ~ -ӧм* и внешний облик морфологического показателя позволяют отнестись со всей серьезностью к предположению о развитии аффикса *-ам ~ -ӧм* из вспомогательного глагола *ӧт-*, ср.: кар. *алӷӣш ӧт-* ‘благославлять’, ‘благодарить’, *тӱз ӧт-* ‘выпрямлять’, ‘исправлять’, *тӣнч ӧт-* ‘успокаивать’; к.-калп. *гӯрс ӧт-* ‘громыхать’; тур. *кајбӧт-* (*кајб ӧт-*) ‘терять’; туркм. *бӑр ӧт-* ‘создавать’, ‘творить’, *јӧк ӧт-* ‘уничтожать’, *лӑп ӧт-* ‘преувеличивать’.

-са

Основы на *-са* были описаны и подверглись разбору в связи с выяснением вопроса о происхождении формы условного наклонения.[60] Грамматическое значение аффикса *-са* — дезидеративность, интентивность — вначале, по-видимому, являлось его лексическим значением («хотеть, желать»).

---

[58] См.: *Казем-Бек А.* Общая грамматика турецко-татарского языка. 2-е изд. Казань, 1846, с. 175.

[59] См.: *Гуломов А. Ғ.* Фе'л. Тошкент, 1954, б. 72. Традиционно *тӯлат-* рассматривается как форма понудительного залога от *тӯл-* ‘наполняться’.

[60] См. выше, с. 58 сл.

В современных тюркских языках количество основ на *-са* исчисляется единицами, в памятниках древнетюркской письменности же их довольно много, ср.: др.-тюрк. *ачса-* ‘хотеть открыть’ (МК I 276), *ӛвсӓ-* ‘стремиться домой’ (МК I 277), *ічсӓ-* ‘хотеть пить’ (МК I 276), *курутса-* ‘хотеть высушенного творога’ (МК III 332), *алӣӷса-* ‘хотеть взять’ (МК I 281); азерб., тат., тур. *суса-*, алт. *сӱза-*, кар., узб. *сувса-*, тув. *сукса-*, туркм. *ӱувда-*, хак. *сухса-*, якут. *утат-* (*ута-т-*) ‘испытывать жажду’; азерб. *ӷӓрібсӓ-* ‘тосковать’; тур. (диал.) *ӛрсӛ-* ‘хотеть выйти замуж’.[61] Большой осторожности требует решение вопроса о связи аффикса *-са*, выражающего дезидеративность, с аффиксом *-са*, используемым в оценочном значении, ср.: тур. *чокса-* ‘считать излишним’. Здесь, очевидно, произошло смешение разных по происхождению аффиксов,[62] о чем свидетельствует, в частности, наличие у приведенного турецкого глагола таких значений, как «копить, откладывать» и «завидовать».

Аффикс *-са* присоединялся к именным основам, тем не менее в ряде случаев предшествующая ему часть не может быть объяснена иначе, как глагольная основа, ср.: др.-тюрк. *ічсӓ-*, *алса-*. Учитывая, что в такого рода примерах в диване Махмуда Кашгари факультативно выступает аффикс имени действия *-ӣӷ* (*-ӣγ*),[63] следует считать возможным его появление в результате упрощения: *алӣӷса-* > *алса-*.

-ӥк ~ -ук

У основ на *-ӥк ~ -ук* — пассивное значение; некоторые из них образуются от глагольных основ, поэтому существует мнение, что аффикс *-ӥк ~ -ук* является показателем страдательного залога. Примеры: *аӷук-* ‘отравляться’ (Suv 593$_{17}$; ТТ III$_{28}$), *адак-* ‘подвергаться опасности’ (Suv 90$_{14}$), *ачӥк-* ‘голодать’ (МК I 190), *антӥк-* ‘клясться’ (Kuan$_{177}$), *бірік-* ‘объединяться’ (ТТ I$_{136}$), *чавӥк-* ‘прославляться’ (Suv 481$_{21}$), *інчік-* ‘успокаиваться’ (МК I 243), *јаӷӥк-* ‘враждовать’ (МК III 76), *јӛрік-* ‘оседать’, ‘поселяться’ (QBK 308$_{14}$), *јутук-* ‘погибать от бескормицы, вызванной гололедом’ (МК III 76), *муӈук-* ‘страдать, испытывать тяготы’ (МК III 395), *учук-* ‘кончаться’ (QBN 338$_{12}$); азерб., тур. *гӛӈӥк-*, казах. *кӛшӥк-*, кар., карач.-балк., кирг., узб. *кӛчік-*, тат. *кічӥк-* ‘опаздывать’; казах., к.-калп., ног. *ашӥк-*, кар. *ачӥх-*, кирг. *ачӥк-* ‘быть голодным’, ‘проголодаться’; казах., к.-калп., ног., тат. *бӥрӥк-*, кар., карач.-балк., кирг., узб. *бірік-*, туркм. *бӥрік-*, хак. *пӥрӥк-*, шор. *пірік-* ‘соединяться’, ‘объединяться’; казах., к.-калп., тат. *тарӥк-*, кирг. *тарӥк-* ‘испытывать нужду’, ‘быть в затруднительном положении’; кар. *јолух-*, к.-калп. *жолӥк-*, узб. *йӯлік-* ‘встречаться’; тув. *хірік-* ‘слегка запачкаться’; шор. *шабӥк-* ‘разноситься (о молве, о славе)’.

-ӧрка ~ -урка ~ -ӧрӷа ~ -урӷа

Данный аффикс относится к категории реликтовых и часто выделяется путем этимологического анализа неразложимых именных основ, образованных от соответствующих глаголов. Ср. у К. Г. Менгеса: *бајӧрка-* (< **бај-ӣӷ-ӧр-ӷа*), *білӣргӓ-* (< **біл-іг-ір-гӓ*).[64]

Глаголы на *-ӧрка* ... преимущественно непереходные: др.-тюрк. *алпӧрканн-* (*алпӧрка-н-*) ‘испытывать трудности’ (USp 102$_4$), **јалпӧрка-* (*јалпӧрак* ‘лист’, *јалп*, *јалпӧ* ‘плоский’) ‘покрываться’ (USp 95$_8$), *сојурка-* ‘покаловать’, ‘соблаговолить’ (ЛОК 14$_4$), *таӈӧрка-* ‘удивляться’ (QBN 66$_{12}$), **ташӧрка-* (*ташӧркан* ‘выпученный’) ‘выпучиваться (о глазах)’ (МК I 521); азерб., тур. *јадӧрӷа-*, казах. *жатӥрка-* ‘чуждаться, сторониться’, отвыкать’; алт. *бајӧрка-* ‘хвастаться богатством’, якут. *бајӧрӷӓ-* ‘считать

---

[61] См.: *Caferoğlu A.* Anadolu ağızlarından toplamalar. İstanbul, 1943, s. 220.

[62] См.: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 295.

[63] *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mitelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, S. 212.

[64] См.: *Menges K. H.* Some Remarks on Oyrot Morphology. — BSOAS, 1958, XXI, p. 494.

себя богатым'; казах. *тосĭрка-* 'сторониться', 'стесняться'; казах. *азĭрқан-*, туркм. *ādïрҕан-* (*ādïрқа-н-*) 'считать недостаточным'; кар. *ачïрҕак

не связано с выражением дополнительных значений и используется лишь как средство их вербализации.[71] В частности, оно служит целям введения в грамматический класс глагола заимствований из арабского, персидского, русского и других языков, воспринимаемых независимо от их грамматической природы как имена, например: азерб. *тәсдиғ әт-* 'подтверждать', *һисс әт-* 'чувствовать', *сөһбәт әлә-* 'беседовать', *ғонағ әлә-* 'угощать'; гаг. *ватіз әт-* 'крестить', *мобілізоват әт-* 'мобилизовать', *пішман ол-* 'раскаиваться';[72] к.-калп. *жўвап бәр-* 'отвечать', *һайран бол-* 'удивляться'; кум. *ој әт-* 'думать'; ног. *хабар әт-* 'оповещать', *јок бол-* 'исчезать'; тур. *сöз әт-* 'говорить'; туркм. *харч әт-* 'расходовать'; узб. *аналіз кіл-* 'производить анализ', *мамнун бўл-* 'быть довольным, удовлетворенным'; уйг. *тәшкіл әт-* 'организовывать', *јад әјлі-* 'вспоминать', *звоніт кіл-* 'звонить'; чуваш. *хӳбар ту-* 'оповещать, извещать'.

Употребление сложных отыменных глагольных основ вместо простых, не будучи мотивированным со стороны семантики, объясняется, очевидно, стилистическими надобностями. Как полагает Р. А. Аганин, употребление одних форм вместо других несет нагрузку смыслового подчеркивания именной части.[73] Иначе определяет соотношение аналитического и синтетического способов отыменного глаголообразования В. Исенгалиева. «Аналитический способ, — пишет она, — доминирует в тюркских языках, когда глагол имеет отвлеченное значение».[74]

[71] См.: *Байлиев Х.* Сложные глаголы в туркменском языке. — В кн.: Проблемы туркменской филологии, I. Ашхабад, 1944, с. 6; *Кибиров Ш.* Об отыменных сложных основах глагола в современном уйгурском языке. — В кн.: Тр. сектора востоковедения, I. Алма-Ата, 1959, с. 152—153; *Алекперов А. К.* Сложные глаголы в современном азербайджанском языке. АКД. Баку, 1961, с. 6; *Юсипова Р. Р.* О некоторых словосочетаниях типа «имя+глагол» в турецком языке. — Краткие сообщения ИНА. М., 1962, 60, с. 105—107.

[72] См.: *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 167.

[73] См.: *Аганин Р. А.* Лексико-грамматическая природа турецких составных глаголов и принципы их отражения в словарях. — Краткие сообщения ИНА. М., 1962, 60, с. 67.

[74] *Исенгалиева В.* Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка, с. 183.

Глава III

О СПОСОБАХ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЛУБИНЕ ОБРАЗОВАНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

0. Мы уже говорили во введении к первой части «Очерков. . .»,[1] что элементарные морфологические единицы, используемые в тюркских языках, несколько отличаются от аналогичных единиц многих других языков и что их специфика тесно связана с агглютинацией — особым приемом конструирования словоформ и выражения грамматических значений.

0, 1. Единое, общепризнанное определение агглютинации отсутствует,[2] хотя прилагалось немало усилий дать подробный перечень ее признаков [3] и провести четкую границу между ней и флексией. К сожалению, научное решение проблемы было осложнено привходящими обстоятельствами, прежде всего трактовкой агглютинации как примитивного по сравнению с флексией способа изменения слова. Не только предшественники И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, но и некоторые его современники воспринимали процесс развития языковых форм не иначе, как в виде постепенного перехода «от самой несовершенной „изоляции“ через более совершенную „агглютинацию“ к самой совершенной „флексии“».[4] «. . . флексия и агглютинация, как и аморфно-синтетическое состояние, — писал Н. Я. Марр, — три хронологически последующие трансформации, причем среди них флективная трансформация представляет наиболее развитой тип человеческой речи».[5]

Различие флективных и агглютинативных словоформ в структурном, а отдельных морфем — в семантико-функциональном отношении для многих языковедов прошлого столетия явилось поводом считать, что способы выражения грамматических значений во флективных и агглютинативных языках принципиально различны:[6] преобладающая раздельность агглютинативных морфем и кажущаяся в связи с этим близость словоформ к синтаксическим сочетаниям были восприняты и истолкованы

[1] См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977, с. 14—15.

[2] См.: *Боровков А. К.* Агглютинация и флексия в тюркских языках. — В кн.: Сб. памяти академика Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 119. См. также: статьи разных авторов в кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965.

[3] См., например: *Холодович А. А.* Из истории японской лингвистики. Агглютинативная теория и проблема родственных связей японского языка. — Изв. ОЛЯ АН СССР, 1941, № 1, с. 94—96; *Skalička V.* Ein «typologisches Konstrukt». — TLP, 1966, 2, S. 158—159.

[4] *Бодуэн-де-Куртенэ И. А.* Заметки на полях сочинения В. В. Радлова. — Живая старина, СПб., 1909, II—III, с. 196.

[5] *Марр Н. Я.* Об яфетической теории. — В кн.: *Марр Н. Я.* Избранные работы, III. М.—Л., 1934, с. 10.

[6] См.: *Schlegel Fr.* Über die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808, S. 41—42.

ими как признаки выражения грамматических значений самостоятельными словами или как отсутствие грамматической формы вообще.[7] Еще О. Бётлингк на большом количестве примеров доказал несостоятельность этой точки зрения. Критикуя высказывание Г. Штейнталя о том, что «верхнеазийцы выражают категорию местного и дательного падежей корнями, означающими понятия „стоять, пребывать“», он справедливо квалифицировал его как недоразумение, явившееся следствием поверхностного знакомства с соответствующими языками. При этом О. Бётлингк нисколько не сомневался в лексических истоках аффиксальных морфем и выступал лишь против той решительности, с которой так называемым приставочным языкам приписывалась способность образовывать форму «материальными словами».[8]

Своеобразной реакцией на высказывания Ф. Шлегеля, Г. Штейнталя и А. Потта стало стремление преуменьшить размеры различий между формой флективных и агглютинативных языков и, по существу, свести их к нулю. Начало этой тенденции было положено И. А. Бодуэном-де-Куртенэ. В дальнейшем она поддерживалась в основном специалистами в области алтайских языков и в наши дни особенно проявилась в трудах А. Н. Кононова, убежденно отстаивающего тезис о том, что «однофонемные аффиксальные морфемы, из которых состоит большинство формантов тюркских (~алтайских) языков, ничем не отличаются от флексии индоевропейских языков. . .» [9] и что способ образования аффиксальных морфем в тюркских языках следует определять как агглютинативную флексию.[10] С другой стороны, реакция на упомянутые выше высказывания выразилась в попытках доказать неправомерность отнесения тюркских языков к агглютинативным путем выбора в качестве классификационного основания не морфологических, а синтаксических особенностей. «В лингвистической классификации, исходящей из внешнего типа языка, — пишет А. Дилячар, — термин „агглютинативный“ применительно к тюркским языкам совершенно непригоден. Типичный пример, на который столь часто ссылаются, *сӧв-іш-тір-іл-ӱ-мӘ-мӘк* показывает морфологию и последовательность инфиксов-суффиксов, но не имеет никакого отношения к синтаксису. Тюркский синтаксис может быть охарактеризован, по-видимому, как комплексивный в отличие от синтаксиса индоевропейских языков, который является линейным».[11] Действительно, тюркский синтаксис отличается большой комплексивностью: в рамках элементарных построений, без применения специальных связующих средств передается содержание, которое в индоевропейских языках принято выражать при помощи сложных синтаксических структур, ср.: тур. *ораја гідӘҘӘјіні білӘрӘк бӘн дӘ Истанбула гіттім* ‘зная, что он поедет туда, и я отправился в Стамбул’; узб. *унің хат элганідан кӘјін ТӘшкӧнтга кӧтганіні һӘзірғіна білдім* ‘я только что узнал, что он после получения письма уехал в Ташкент’.

Однако понятие агглютинации всегда ассоциировалось и в настоящее время ассоциируется не с синтаксическими, а с морфологическими особенностями.[12] В данном случае не меняет положения и существование

[7] См.: *Steinthal H.* Die Classification der Sprachen d argestellt als die Entwicklung der Sprachidee. Berlin, 1850, S. 72.

[8] *Бётлингк О.* О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. — Уч. зап. АН по Первому и и Третьему отделениям, СПб., 1853, I, 4, с. 379—380.

[9] *Кононов А. Н.* О природе тюркской агглютинации. — ВЯ, 1976, № 4, с. 7.

[10] Там же, с. 17.

[11] *Дилячар А.* Заметки о синтаксике и грамматических функциях в турецком языке. — В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 66.

[12] Ср. у А. А. Холодовича: «Как правило, при определении понятия агглютинативного строя языков исходным моментом является слово. Именно в слове, в его структуре все исследователи стремятся найти объективные признаки этого особого строя языков» (*Холодович А. А.* Из истории японской лингвистики. Агглютинативная теория и проблема родственных связей японского языка, с. 94).

такой интерпретации морфологии, которая включает в нее синтаксис.[13] Дело в том, что словоформа и предложение структурно нередко противополагаются друг другу. Так, преобладающий тип построения словоформы в тюркских языках — линейный, тип же синтаксической структуры — комплексивный, в индоевропейских языках, наоборот, комплексивным является по преимуществу тип построения словоформы, тогда как в синтаксисе преобладает линейность.

После сделанных замечаний может показаться, что выделение агглютинации как особого морфологического типа недостаточно оправдано и что как раз этим объясняется отсутствие единого, общепризнанного определения ее. В действительности дело обстоит не так.

Если отвлечься от оценок и подходов, не имеющих прочной опоры в языковом материале или опирающихся на факты, выходящие за пределы морфологии, то нетрудно будет найти почву для сближения по вопросу о сущности агглютинации большинства языковедов. Такую почву создает признание относительно полного соответствия количества морфологических показателей количеству грамматических значений:[14] усложнение формы производится посредством последовательного наращения формальных элементов, а не путем внутренних преобразований или внешней флексии. Соответствие, о котором здесь идет речь, придает словоформе видимость упорядоченного синтаксического сочетания с установившимся местом, функцией и значением каждого члена. Возьмем, например, киргизскую словоформу *казларїмдї* ‘моих гусей’. В ней три аффиксальных морфемы: *-лар* (мн. ч.), *-їм* (принадлежность, 1-е л. ед. ч.), *-дї* (вин. пад.). Столько же аффиксальных морфем в турецкой словоформе *эвлӘрініздӘн* ‘из ваших домов’: *-лӘр* (мн. ч.), *-ініз* (принадлежность, 2-е л. мн. ч.), *-дӘн* (исходн. пад.). Не велика ошибка, если в целях сравнения с флективными языками сочетания аффиксов типа *-лар-їм-дї*, *-лӘр-ініз-дӘн* будут названы окончаниями, но было бы большим заблуждением думать, что между ними и окончаниями флективных языков нет никаких различий. При этом необходимо иметь в виду, что сочетания последовательно расположенных морфологических элементов обычны для агглютинативных языков, и хотя пример, приведенный А.-К. Орусбаевым из киргизского языка, — *кӧпсуздандїрїлбаҕандїктарїңіздардан* (*кӧп-суз-дан-дїр-їл-ба-ҕан-дїк-тарїңіз-дар-дан*) ‘из-за того, что вы не обезопасили себя’ [15] — является скорее нарочито созданным курьезом, чем реально существующим фактом, он, тем не менее, допустим с точки зрения действующих правил и хорошо иллюстрирует принципы построения словоформ в агглютинативных языках в отличие от флективных и изолирующих.

Разумеется, разграничение морфологических типов не должно служить поводом для суждений о превосходстве одного типа над другим, так как нет никаких оснований считать эволюцию грамматических форм односторонне направленной.[16] У языков одного типа могут развиться черты, свойственные языкам других типов: в изолирующих и флективных языках получают распространение приемы агглютинации, а в агглютинативных — случаи образования форм, напоминающие флексию, внешнюю и внутреннюю.[17] Изменяется также степень фузии «материальных»

[13] Ср. у И. А. Бодуэна-де-Куртенэ: «Под „морфологией языка“ следует понимать построение языка в самом обширном смысле этого слова, т. е. не только морфологию в тесном смысле, или построение слов (Wörterbau, Wörtermorphologie), но кроме того синтаксис, или построение предложения (Satzbau, Satzmorphologie)» (*Бодуэн-де-Куртенэ И. А.* Заметки на полях сочинения В. В. Радлова, с. 201).

[14] См.: *Poppe N.* On some Cases on Fusion and Vowel Alternation in the Altaic Languages. — CAJ, 1975, XIX, 4, p. 307, 320.

[15] См.: *Орусбаев А.-К.* Из материалов экспериментального исследования киргизского ударения. — СТ, 1972, № 4, с. 118.

[16] См.: *Кудрявский Д. Н.* Введение в языкознание. Юрьев, 1912, с. 46—48.

[17] Ср. у Л. Теньера: «Агглютинация — явление всеобщее» (*Tesnière L.* Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1959, p. 32). См. также: *Боровков А. К.* Агглютинация и

и «формальных» элементов, лежащая в основе традиционной морфологической классификации. Но это не означает, что изолирующие языки непременно становятся агглютинативными, а агглютинативные — флективными.

Суровый приговор, который вынес морфологической классификации языков А. Мейе,[18] был отчасти вызван крайностью суждений и выводов, сделанных некоторыми из ее сторонников. Считать его окончательным решением вопроса о научном значении морфологической классификации по меньшей мере преждевременно.

0, 2. Следствием того, что аффиксальные морфемы тюркских языков имеют ограниченную, строго определенную семантико-функциональную нагрузку, является их относительная автономность и устойчивость. Слабо развиты фузионные процессы, медленно разрушается этимологическая форма аффиксальных морфем: на протяжении более чем тысячелетия они не претерпели существенных изменений и полностью или почти полностью сохранили свой внешний облик, вследствие чего тюркские языки в значительно бо́льших размерах, чем, например, индоевропейские, обнаруживают следы их происхождения из самостоятельных слов. Последнее обстоятельство оказывает заметное влияние на характер грамматических исследований. Многие тюркологические работы, посвященные анализу и описанию той или иной формы, включают в себя этимологические экскурсы или являются преимущественно этимологическими. Существует более десяти этимологий аффикса множественного числа *-лар*, несколько этимологий аффиксов дательного, родительного, винительного и исходного падежей, предложены и подробно прокомментированы этимологические объяснения аффиксов, образующих формы неполноты признака прилагательных, временные формы, формы косвенных наклонений, залоговые формы и другие.

В ходе этимологических поисков сталкиваются различные взгляды как на частные вопросы звуковых соответствий и происхождения отдельных показателей, так и на общие проблемы развития грамматической формы. В основе возникающих в связи с этим теоретических споров лежат разные оценки возможностей и задач этимологического исследования аффиксальных морфем, а также разные определения способов и исторической глубины их образования.

Несколько лет тому назад мы изложили свою точку зрения на целесообразность подобного исследования и на его задачи.[19] Суть сделанных нами выводов заключается в том, что этимологические разыскания в области морфологии сопряжены с риском случайных, поверхностных сближений и что они допустимы лишь тогда, когда в распоряжении исследователя имеются промежуточные формы. Сделаем пояснения. Господствующей тенденцией преобразования самостоятельных слов в морфологические элементы является их упрощение, стяжение до одного слога или одного звука. Ограниченность фонемного состава аффиксальных морфем, с одной стороны, и относительная беспредельность их количества, с другой, делают неизбежным возникновение в больших размерах аффиксальной омонимии, внутриязыковой и межъязыковой. Разные по происхождению аффиксы внешне оказываются полностью или частично совпавшими в разных тюркских языках и даже в одном и том же языке, например аффиксы винительного и родительного падежей в карачаево-балкарском, кумыкском языках и в диалектах узбекского языка, аффиксы винительного и дательного падежей в чувашском языке и т. д. Более того, генетически разные аффиксы могут совпасть или сблизиться и по внешнему облику, и по значению, ср.: аффикс множественного числа *-т* (из монгольского) в др.-тюрк. *тӭгіт* ‘принцы, тегины’, *тарқат* ‘тарханы’,[20] якут. *тојот* ‘господа’, *хотут* ‘госпожи’ и аффикс множественного числа *-ат* (из арабского через персидский) в ст.-узб. *бағат* ‘сады’, *бӭгат* ‘беки’, ст.-тур. *ағават* ‘аги’.[21]

Задачи этимологического исследования аффиксальных морфем разнообразны. Такое исследование необходимо как вспомогательный источник получения исторической информации, когда применение традиционного сравнительного метода не дает результатов. Кроме того, оно служит целям изучения истории грамматической формы вообще. В тюркских языках и их многочисленных диалектах представлены неодинаковые уровни грамматикализации морфологических элементов, что облегчает этимологическое объяснение их и делает его в отдельных случаях достаточно надежным. Именно это имел в виду Г. Хирт, когда указывал, что для выяснения природы индоевропейской флексии было бы полезно обратиться к языкам, которые позволяют наблюдать ее развитие, и ссылался на грамматику якутского языка О. Бётлингка.[22]

Важнейшие условия целесообразности и полезности этимологизации аффиксальных морфем — следование принципам историзма, максимальная доказательность и осторожность. Без строжайшего соблюдения этих условий трудно рассчитывать на какой-либо успех, ибо, как заметил Э. В. Севортян, «в области этимологизации форм в распоряжении тюрколога пока нет достаточно надежных установок, гарантирующих исследование от субъективизма и произвола».[23]

1, 0. Происхождение морфологических элементов и их развитие не относится к числу проблем, постоянно находящихся в центре внимания языковедов и вызывающих к себе повышенный интерес. И все же к настоящему времени накопилось много работ, посвященных рассмотрению этой проблемы, и окончательно оформились взгляды на пути ее решения. Суммируя все достигнутое в указанной области, можно сказать, что в числе способов образования морфологических элементов упоминаются: 1) агглютинация, 2) адаптация, 3) секреция, 4) фонемная альтернация, 5) гармония гласных, 6) «фузия». Часть их охарактеризована в статье В. Таули.[24] Поэтому сделаем лишь общие замечания и остановимся главным образом на трех последних способах, о важности которых для тюркских языков часто говорят представители нынешнего поколения тюркологов.

Концепция агглютинативного происхождения аффиксальных морфем одна из старейших и, пожалуй, самая распространенная.[25] Согласно этой концепции, самостоятельные лексические единицы сначала использовались как зависимые компоненты в составе грамматикализованных сочетаний, а затем превратились в служебные слова. В дальнейшем из служебных слов развиваются аффиксальные морфемы.[26]

Под адаптацией подразумевается переосмысление лексических элементов: вначале существовали только корни; далее, из некоторых корней

флексия в тюркских языках, с. 122; *Schmidt K. H.* Flexion und Agglutination in der Entwicklung indogermanischer Sprachen. — Études finno-ougriennes, Budapest, 1971, 8, S. 255—258.

[18] См.: *Meillet A.* 1) Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1921, p. 76; 2) Les langues du monde. Paris, 1924, p. 1. Откровенно отрицательная оценка морфологической классификации содержится также в кн.: *Jespersen O.* Language, its Nature, Development and Origin. New York, 1949, p. 367 f.

[19] См.: *Щербак А. М.* Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках. — СТ, 1974, № 1, с. 31 сл.

[20] См.: *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль Тегина. СПб., 1899, с. 80.

[21] См.: *Deny J.* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921, p. 156; *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, S. 151.

[22] См.: *Hirt H.* Über den Ursprung der Verbalflexion im Indogermanischen. — Indogermanische Forschungen. Strassburg, 1904/1905, XVII, S. 38, 40, 41, 84.

[23] *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 5.

[24] См.: *Tauli V.* The Origin of Affixes. — FUF, 1956, XXXII, 1—3, p. 170 f.

[25] См.: *Drexel A.* Ursprung und Wesen der Sprache, II. Zürich, 1952, S. 190.

[26] См.: *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, с. 51—53; *Аракин В. Д.* О превращении лексических единиц в аффиксальные морфемы. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1959, № 4 (8), с. 107—118.

образовались дейктические местоимения, слившиеся с корнями; позднее дейктические компоненты слов трансформировались в суффиксы; а из суффиксов развилась флексия.[27] Адаптации приписывалась ведущая роль в формировании индоевропейской флексии, и, таким образом, подчеркивалось принципиальное различие между способами образования грамматической формы во флективных и агглютинативных языках.

Секреция — образование аффиксальных морфем и флексий из первоначально недифференцированного континуума путем наделения его отдельных частей грамматическими значениями и последующего присоединения их к другим словам («секреция — следствие метаанализа»).[28] Ср. у Л. Н. Харитонова: осознание конечных звуков глагольных основ как формальных элементов.[29] О. Есперсен назвал разновидностью секреции случай «отторжения» суффиксом одного или нескольких звуков от лексем, к которым он присоединялся.[30]

О фонемной альтернации в связи с объяснением генезиса морфологических элементов принято говорить, когда вопрос стоит о происхождении внутренней флексии. Здесь выделяют два этапа: «присоединяемый гласный формант вызывает ассимиляцию гласного соседнего, корневого слога (обычно неударного) и затем становится излишним, так как соответствующая грамматическая категория уже отражена изменением корневого гласного, и отпадает».[31] Понятие фонемной альтернации как одного из способов образования грамматической формы включает в себя аблаут.

Гармония гласных получила статут «лексико-фонологической системы», или «своеобразной и специфической внутренней флексии основ»,[32] в связи с попытками объяснить наличие в тюркских языках пар слов, различающихся типом вокализма, иными словами, образующих сингармонические параллелизмы. Считая гармонию гласных ранним способом выражения грамматических значений, предшествующим агглютинации,[33] Г. Д. Санжеев подкрепляет свою точку зрения ссылками на Т. А. Бертагаева, который говорит об «изменении фонем в зависимости от значимости слов»,[34] и на Б. Я. Владимирцова, утверждавшего, что в монгольском языке «такие параллели, как *аххă* ‘старший, старший брат’ // *еххĕ* ‘старшая, мать’, сохранились от праязыкового состояния, когда при помощи сингармонизма монгольский язык производил различие по родам».[35]

Способ образования аффиксов, именуемый «фузией» (использование общеизвестного термина в необычном значении), неоднократно упомянут в работах А. Н. Кононова и определяется им как «слияние в единый формант двух или нескольких однофонемных аффиксов, происхождение которых теряется во мгле тысячелетий».[36] «Можно с полным основанием утверждать, — пишет А. Н. Кононов, — что большинство тюркских формо- и словообразующих аффиксов обязаны своим происхождением не превращению лексической единицы в аффиксальные морфемы, а фузии, т. е. прочному слиянию (сплавлению) двух или нескольких однофонемных (не считая «соединительного» гласного) морфем в единое сложное целое».[37]

Не все перечисленные выше способы хорошо прослежены на фактическом материале, и нельзя с уверенностью сказать, что все они действительно использовались.

Не вызывает сомнений важность и распространенность агглютинативного способа, так как в нашем распоряжении десятки убедительных примеров образования грамматических форм из синтаксических сочетаний путем постепенного перехода от отношений самостоятельных лексических единиц (имя + имя, имя + глагол, глагол + глагол [38]) к отношениям самостоятельных и служебных слов (имя + послелог именного или глагольного происхождения, имя + вспомогательный глагол, глагол + вспомогательный глагол) и затем к полной грамматикализации.[39] Образованием грамматических форм из синтаксических сочетаний указанного типа объясняется ставшая нормой для тюркских языков последовательность расположения морфем: слева — корневая, справа — аффиксальные (при отсутствии аффиксов, расположенных перед корневой морфемой).

Скорее всего агглютинативный способ не был единственным. Вполне допустимо активное использование способа адаптации, самостоятельно или в сочетании с агглютинативным способом. Противопоставление агглютинации и адаптации как способов, разграничивающих тюркские и индоевропейские языки в плане образования грамматической формы, пока остается гипотезой. Основная трудность принятия ее или доказательства ее несостоятельности — в отсутствии ясного представления о том, какую роль сыграла адаптация в возникновении индоевропейской флексии. Дело в том, что изменения форм, напоминающие флексию, возможны и в рамках агглютинативного способа. Они возникают вследствие наложения одного морфологического элемента на другой, ср.: азерб. *јазарам* ‘буду писать’ и *јазїрам* (< *јазїјорум* ~ *јазїјорам* < *јаза јоруруm*) ‘пишу’; тур. *гідэрсін* ‘пойдешь’ и *гідэрсэн* (< *гідэрсэсін*) ‘если пойдешь’; хак. *ојнадїң* ‘ты играл’ и *ојнадар* (< *ојнадїңар* < *ојнадїңлар*) ‘вы играли’.

О выделении аффиксов и флексий из первоначально недифференцированного континуума (секреция) пока можно говорить только в плане предположений и догадок.

Фонемная альтернация — достаточно правдоподобный способ образования морфологических противопоставлений. Каковы бы ни были суждения об аблауте, единодушно признается тот факт, что в основе его лежат позиционно обусловленные фонетические чередования.

В тюркских языках ссылкой на аблаут объясняют различия в огласовке вопросительного местоимения и падежных форм личных и указательных местоимений,[40] ср.: тув. *кїм*, хак. *кэм*, якут. *кім* ‘кто’; тур. *бэн* ‘я’, *бана* ‘мне’; якут. *бу* ‘этот’, *манїаха* ‘этому’, *манї* ‘этого’, *мантан* ‘от этого’. Характер и масштабы указанных различий подчеркиваются выделением местоименного типа склонения.

Не отрицая возможности проявления аблаута на ранних стадиях развития тюркских языков, мы все же должны согласиться с тем, что в них могла быть представлена лишь самая начальная ступень его, характери-

[27] См.: *Ludwig A.* Agglutination oder Adaptation. Prag, 1873, S. 27, 28, 109. См. также статью И. Шмидта, опубликованную на венгерском языке в журнале «Nyelvtudományi», III (1911) и IV (1912).

[28] *Jespersen O.* Language, its Nature, Development and Origin, p. 384.

[29] См.: *Харитонов Л. Н.* К вопросу о происхождении некоторых глагольных аффиксов в якутском языке. — Уч. зап. ИЯЛИ Якутского филиала АН СССР, 1955, 3, с. 148—149.

[30] См.: *Jespersen O.* Language, its Nature, Development and Origin, p. 386.

[31] *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 201.

[32] *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков, I. М., 1953, с. 116.

[33] Там же, с. 117—118.

[34] *Бертагаев Т. А.* Флексия основ в агглютинативных языках. — Тр. по филологии, I. Улан-Удэ, 1948, с. 99.

[35] *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, с. 133.

[36] *Кононов А. Н.* О природе тюркской агглютинации, с. 7—8. См. также: *Кордабаев Т., Томанов М.* Тарихи грамматика мәселелері. Алматы, 1975, б. 61 сл.

[37] *Кононов А. Н.* О фузии в тюркских языках. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 116.

[38] В данном случае наименованием «глагол» мы пользуемся условно: глагольные формы развились из имен действия.

[39] См.: *Аракин В. Д.* О превращении лексических единиц в аффиксальные морфемы, с. 109—118.

[40] См.: *Gabain A.* Die Pronomina im Alttürkischen. — ZDMG, 1951 100 (NF, 1950, 15), S. 585 f.; *Menges K. H.* The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968, p. 80, 120—121; *Doerfer G.* Proto-Turkic: Reconstruction Problems. — TDAY. Belleten (1975—1976), 1976, p. 11. В другой связи аблаут был упомянут также В. Бангом (см.: *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 3. — SPAW, phil.-hist. Klasse, 1916, LI, S. 1250 f.).

зуемая зачатками фонемной альтернации (*у/а, э̄/і, э̄/ä*), без функциональной нагрузки. Возьмем, например, чередование гласных *э̄* и *і* в личных местоимениях 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа: др.-тюрк. *бэ̄н* 'я', *сэ̄н* 'ты', *біз* 'мы', *сіз* 'вы'.[41] Различие между ними не ограничивается качеством огласовки, и, кроме того, нет уверенности в том, что корневыми элементами указанных местоимений являются *бэ̄*, *бі*, *сэ̄*, *сі*, а аффиксальными — *н* и *з*.[42] Другой пример — чередование *э̄* и *а* в формах именительного и дательного падежей личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа, ср.: др.-тюрк. *бэ̄н* 'я' — *баңа* 'мне', *сэ̄н* 'ты' — *саңа* 'тебе'; тур. *бэ̄н* — *бана*, *сэ̄н* — *сана*.[43] Это чередование возникло вследствие регрессивной ассимиляции гласных, сопутствовавшей присоединению к местоимениям *мэ̄н* и *сэ̄н* послелога *кару* ~ *ɣару*: *бэ̄н* + *ɣару* > *банɣару* > *баңару* > *баңар* > *баңа*, ср.: карач.-балк. *бӱгӱн*, хак. *пӱ̄н* 'сегодня' (< *пу кӱн*).[44] При ассимилятивном воздействии, имеющем иную направленность, вокализм местоименных основ в говорах турецкого языка может сохраняться в неизменном виде, ср.: *баңа*, *ба̄*, *бэ̄ңэ̄*, *бэ̄*, *бэ̄нэ̄*, *бійэ̄*, *саңа*, *са̄*, *сэ̄ңэ̄*, *сэ̄*, *сэ̄нэ̄*, *сійэ̄*.[45] То, что переход местоимений *бэ̄н* и *сэ̄н* из палатального ряда в велярный происходил только в дательном падеже и показателем дательного падежа является не гласный *а* в основе, а аффикс *-а*, подчеркивает локальность данного явления и неправомерность его квалификации как одного из признаков своеобразия и автономности местоименной парадигмы.

Факты, привлекаемые Л. Базеном из области образной лексики (ср.: тур. *парӥлда-* 'блестеть, сверкать', *пӥрӥлда-* 'слабо светить'),[46] также не относятся к «настоящему» аблауту, так как функция того или иного типа огласовки образных слов, дающих немало примеров чередования гласных, не грамматическая, а естественная, изобразительная («Naturlaut»). Выбор тех или иных гласных обусловлен своеобразием передаваемых звуковых образов, что обстоятельно и глубоко раскрыто М. Фазыловым на материале таджикского языка. «Из состава гласных звуков таджикского языка в этих словах, — пишет он, — наиболее часто встречаются *а*, *у*, *и*, которые различаются по тону: *а* — низкий тон; *у* — средний тон; *и* — высокий тон. Низкий тон гласного *а* подчеркивает высшую степень насыщенности изображаемого процесса».[47]

Источник сингармонических параллелизмов — вариантность звучания, возникающая в результате перехода слов из одного ряда в другой. Появление вариантов не обязательно ведет к исчезновению исходных типов. Варианты могут выступать параллельно и в конечном итоге получают определенную семантическую нагрузку, ср.: тат. *ачы̆* 'горький', *әчы̆* 'кислый'.[48] Доказательством того, что существование сингармонических параллелизмов не связано с использованием в далеком прошлом гармонии гласных как «своеобразной и специфической внутренней флексии основ», служит характер значений, выражаемых вариантными формами: это оттенки лексических значений исходных форм.[49] Мы не знаем ни одного примера регулярного выражения в тюркских языках таким способом какого-либо грамматического значения.

Относительно «фузии» в том толковании, которое дает ей А. Н. Кононов,[50] следует заметить, что она действительно получила широкое распространение в тюркских языках. Наблюдаются сочетания и однозначных, но разных по происхождению, и совершенно одинаковых морфологических показателей, ср.: алт. *кӧсчаɣаш* (*кӧс-чак-аш*) 'девочка'; башк. (диал.) *алтӑшардан* (*алтӑ-шар-дан*) 'по шести';[51] кар. *кӧзɣӧначӧх* (*кӧзɣӧна-чӧх*) 'девчоночка';[52] тат. (диал.) *бӧрсӗсӗ* (*бӧр-ӧ-сӗ-сӗ*) 'один из них';[53] тув. *оларлар* (*о-лар-лар*) 'они',[54] *хӧлчӱгӛш* (*хӧл-чӱк-ӛш*) 'озерко'; узб. *тэ̄ҷчалэ̄к* (*тэ̄ҷ-ча-лэ̄к*) 'жеребеночек'; якут. *хотуттар* (*хотун — хотуттар*) 'женщины'. Однако «фузия» в указанном толковании не сопоставима с другими способами, так как слияние нескольких аффиксальных морфем в одну, с переразложением или упрощением, происходит независимо от способа образования морфологических показателей и не содержит никакой информации о происхождении последних.

1,1. Сделанный обзор показывает, что в настоящее время тюркологи придерживаются в основном двух точек зрения на природу форм словоизменения и словообразования в тюркских языках. Первая из них заключается в предпочтительном отношении к способу образования морфологических показателей из самостоятельных слов, в предпочтительном, потому что данная точка зрения допускает ограниченное использование и других способов. Суть второй точки зрения — в утверждении, что большинство аффиксов тюркских языков появилось не путем преобразования лексических единиц, а благодаря слиянию нескольких «однофонемных» морфем в единое сложное целое.[55] Негативная часть этой точки зрения на фоне множества преимущественно безуспешных попыток этимологизации тюркских аффиксов кажется убедительной. Иначе выглядит позитивная часть. Она не ясна и фактически отсутствует: ничего не сказано о том, как появились «однофонемные» морфемы.

Приведем примеры. С точки зрения сторонников агглютинативного способа, не лишено оснований сопоставление аффикса неполноты признака прилагательных *-pak* со словом-частицей или послелогом *āpak* ~ *apak* ~ *apӥk*[56] (реконструируемое лексическое значение — «чуть-чуть», «немного», «едва, почти»), ср.: алт. *сарɣапӥk*, к.-калп. *сарӑpak*, тув. *сарӥɣ āpak*, хак. *сарӥɣ арах* 'желтоватый'. Аффикс направительного падежа в хакасском языке *-сā(р)* ~ *-зā(р)* ~ *-са(р)* ~ *-за(р)* возводится ими к послелогу *сарӥ* (< *сарӥ* 'сторона', ср.: хак. (диал.) *тӹгӹ сарінда* 'на той стороне', *сол сарі* 'левая сторона').[57] К послелогам возводятся также общетюркский аффикс дательного падежа *-ка* ~ *-ɣа* (< *-кāрӥ* ~ *-ɣāрӥ* ~ *-карӥ* ~ *-ɣарӥ* < **кāрӥ* 'в сторону, в направлении' < **кāрӥ* 'вытянутая рука', ср.: др.-тюрк. *карӥ* 'рука от кисти до плеча', МК III 223; ст.-огуз. *кару* 'рука';[58] узб.

---

[41] См.: *Menges K. H.* Ablaut in Altaic? — UAJb, 1966, XXXVIII, p. 1.
[42] Ср.: *Kotwicz W.* Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, p. 33.
[43] Подробнее см.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя), с. 123 сл.
[44] Г. Дёрфер связывал появление форм типа *баңа*, *саңа* с образованием соответствующего аффикса из самостоятельного слова **ка* 'близость' (см.: *Doerfer G.* Zu türk. *bana* 'mir', *sana* 'dir'. — CAJ, XXI, 3—4, 1977, S. 208—214).
[45] См.: *Aksoy Ö. A.* Gaziantep ağzı, I. İstanbul, 1945, s. 137.
[46] См.: *Bazin L.* Y-a-t-il en turc des alternances vocaliques? — UAJb, 1961, XXXIII, 1—2, p. 14—15. Ср.: *Севортян Э. В.* 1) Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, с. 123; 2) Аффиксы глаголообразования. . ., с. 433.
[47] *Фазылов М.* Изобразительные слова в современном таджикском языке. — Изв. АН Таджикской ССР. Отд. обществ. наук, 1952, I, с. 13. См. также: *Фазылов М. Ф.* Изобразительные слова в таджикском языке. — В кн.: Тр. ИЯЛ АН Таджикской ССР, 1958, 87, с. 31—33; *Ашмарин Н. И.* Подражание в языках Среднего Поволжья. — Изв. Азербайджанского гос. ун-та. Обществ. науки, 1925, 2—3, с. 144 сл.
[48] См.: *Киекбаев Д. Г.* Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке. — Уч. зап. Башкирского ГПИ, V. Сер. филол., 1955, № 1, с. 145.
[49] Ср.: *Севортян Э. В.* Фонетика турецкого литературного языка, с. 123.
[50] См. выше, с. 160. Традиционно понимаемая фузия противопоставляется агглютинации как «сплавливающий» тип «сополагающему» типу соединения морфем. См.: *Реформатский А. А.* Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова. — В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965, с. 70 сл.
[51] См.: *Максютова Н. Х.* Говор айских башкир. АКД. М., 1964, с. 17.
[52] См.: *Zajączkowski A.* Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodniokaraimskim. Kraków, 1932, s. 25.
[53] См.: *Бурганова Н. Б.* Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — В кн.: Материалы по диалектологии. Казань, 1955, с. 40.
[54] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 216.
[55] См.: *Кононов А. Н.* О фузии в тюркских языках, с. 116.
[56] См.: *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 186.
[57] См.: *Патачакова Д. Ф.* Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка. — ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 153.
[58] См.: *Ergin M.* Dede Korkut Kitabı, II. Indeks-Gramer. Ankara, 1963, s. 173.

kарі ‘мера длины: 140—145 см’) и аффиксы неполноты признака прилагательных *-сїман ~ -суман*, *-сїмак ~ -сумак* (< **сїман*, **сїмак* ‘подобный, похожий’, ср.: башк. диал. *һїмак*, кирг. *сїмак*).[59]

Для тех же, кто в той или иной мере придерживается второй точки зрения, аффикс *-рак* является сочетанием двух уменьшительных аффиксов, *-ра* и *-к*,[60] двух показателей собирательной множественности, *-р* и *-к*,[61] или «показателя общеалтайского множественного числа» *-р* и аффикса *-к*, предположительно связываемого с древнетюркским аффиксом винительного падежа *-ӣŋ*.[62] Аффикс направительного падежа *-сā(р) ~ -зā(р) ~ -са(р) ~ -за(р)* также рассматривается как сложный, «возможно», включающий в себя «суффикс директива» *-р*.[63] Аффикс дательного падежа *-ка ~ -ŋа* объясняется как сочетание аффикса латива *-а* с аффиксом дательного падежа *-к*[64] или с аффиксом винительного падежа *-ӣŋ*,[65] а аффиксы *-сїман*, *-сїмак* — как состоящие из трех компонентов: уподобительного аффикса *-сї* и двух аффиксов уменьшительности (*-сї-ма-н*, *-сї-ма-к*).[66]

Итак, различия между двумя точками зрения на природу тюркских аффиксальных морфем достаточно очевидны и прозрачны. Чтобы установить, в какой мере оправдано критическое отношение к первой точке зрения и насколько убедительны аргументы, выдвигаемые в пользу второй, необходимо подробнее разобрать приведенные примеры.

1, 11. Для решения вопроса о происхождении аффикса *-рак*[67] существенно наличие вариантов с начальным гласным, не подчиняющихся в ряде тюркских языков гармонии гласных, ср.: алт. *аŋарӣк*, кирг. *аŋӣрāк*, тат. *акрак*, узб. *экрэк*, уйг. *акірак*, шор. *ак āрак* ‘побелее, беловатый’; тув. *көк āрак* ‘голубоватый’; хак. *кӣчӣг арах* ‘маловатый’; шор. *мӧңӱс āрак* ‘похуже, плоховатый’.[68] Обращает на себя внимание также универсальность аффикса *-рак ~ -арак...* Он присоединяется к прилагательным, существительным, к словам *бар* и *јок*, к причастиям, деепричастиям и даже к падежным формам, например: тат. *сулŋарак* ‘немного влево’; тур. *дурарак* ‘стоя’, ‘находясь’; узб. *бэррэк* ‘есть все же’, *кэчібрэк* ‘убегая’,[69] *білаŋэнрэк* ‘более знающий’; чуваш. *вăрманарах* ‘дальше в лес’.[70] Все это и, кроме того, семантика аффикса *-рак ~ -арак...* убеждают в правдоподобности этимологии, основывающейся на возведении его к реконструируемому послелогу **āрак* ‘едва’, ‘почти’, ‘чуть-чуть’, ср.: тув. *хӱлӱмзӱрӓj āрак* ‘чуть-чуть улыбаясь’.[71] Переходя к этимологическому объяснению аффикса *-рак ~ -арак...*, предложенному А. Н. Кононовым, заметим, что сочетание синонимических аффиксов в формах неполноты признака прилагательных — распространенное явление, ср.: др.-тюрк. *аксїрак*, узб. (диал.) *акчілрак*,[72] уйг. *акучірак* ‘беловатый’; хак. *харамдїх арах* ‘черноватый’.[73] Однако этим и исчерпываются доказательства образования аффикса *-рак ~ -арак...* из двух уменьшительных аффиксов, *-ра* и *-к*. Не объяснены варианты с начальным гласным. Обходится молчанием неподчинение их гармонии гласных и отсутствие в тюркских языках аффикса уменьшительности *-ра*.

1, 12. Если происхождение аффикса *-рак ~ -арак...* еще не является окончательно установленным из-за недостаточности доказательств, то о природе показателей другой формы неполноты признака — *-сїман ~ -суман*, *-сїмак ~ -сумак* (ср. также: *-сїмал ~ -сумал*, *-сїмāр ~ -сумāр*, *-сї ~ -су*) — можно говорить вполне определенно. Знакомство с общеизвестными фактами делает неизбежным вывод о существовании в древнетюркском языке глагола **сї-* ‘походить, быть похожим на...’, ‘выдавать себя за...’. Встречаются глаголы, образованные от имен при помощи аффикса *-сї*, которые выражают уподобительное значение или значения, близкие к нему, например: др.-тюрк. *јаŋсї-* ‘иметь вкус масла’, ‘быть похожим на масло’ (МК III 306); кирг. *алŋансї-* ‘делать вид, что взял’; ног. *авансї-* ‘прикидываться простачком’. Известен уподобительный аффикс *-сїŋ ~ -суŋ*, представляющий форму глагольного имени (**сї-* ‘походить, быть похожим’ + *-ŋ*, **сїŋ* ‘похожий, подобный’): др.-тюрк. *кулсїŋ* ‘похожий на раба’, *оŋлансїŋ* ‘похожий на ребенка’ (МК III 128), *бэгсіг* ‘подобный беку’ (QBN 68_8); тув. *дэмірзіг* ‘подобный железу’; тур. *мајмунсу* ‘обезьяноподобный’. Примечательны, далее, такие слова, как казах., к.-калп. *сӣјак*, кирг. *сїјак* ‘внешний вид, внешность’, казах. *сӣјакті*, кирг. *сїјактү*, к.-калп. *сӣјаклӣ* ‘подобный’,[74] в которых нетрудно выделить глагольную основу *сї-*. Последнее, самое убедительное доказательство — редкий случай употребления искомого глагола в сельджукских стихах: *гӧрклӱ јӱзі кімсӓјä һӛч бӛңзімäз / täңрі катїнда бӛңі бірä сїмаз* ‘его красивое лицо ни на чье не похоже, / ни на одно из тех, что вечно [находятся] пред богом, не похоже’.[75]

Остается выяснить, как соотносятся с глаголом *сї-* аффиксы *-сїман ~ -суман*, *-сїмал ~ -сумал*, *-сїмак ~ -сумак* и другие, ср.: алт. *кізїлзїмак*, карач.-балк. *кізїлсїман*, тув. *кізїлзїмāр*, шор. *кізїлзїбан* ‘красноватый’; казах. *көлсӣмак* ‘подобный озеру’, ‘вроде озера’; к.-калп. *толкӣнсӣмак*, тат. *дулкӣнсїман*, узб. *тӯлкінсімэн* ‘волнообразный’; тат. *јӣлансӣман* ‘подобный змее’, *көрӣсӣман* ‘суховатый’; узб. *тухумсімэн* ‘яйцеобразный’; уйг. *бӧрісімал* ‘похожий на волка’. Важный шаг в этом направлении сделан Н. А. Баскаковым, отождествившим второй компонент послелога *сїмак* в киргизском и каракалпакском языках с аффиксом имени действия *-мак*.[76] Послелоги *сїман*, *сїмак*, *сїмал* — промежуточная ступень в переходе от самостоятельных слов к аффиксам,[77] ср.: кирг. *кіші сїмаŋї*

---

[59] См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя), с. 117 сл.

[60] См.: *Кононов А. Н.* О фузии в тюркских языках, с. 118. Тенденция разлагать «сложные» аффиксы на «простые» идет от В. Банга, его учеников и последователей. Сам В. Банг считал сложными аффикс дательного падежа *-ка* и аффикс множественного числа *-лар*. К. Г. Менгес, Д. Синор и Н. Поппе отнесли к сложным аффиксы *-ка*, *-лар* и аффикс исходного падежа *-тан ~ -дан* (см.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя), с. 37, 45, 83).

[61] См.: *Гаджиева Н. З.*, *Серебренников Б. А.* Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках. — СТ, 1974, № 1, с. 10.

[62] См.: *Псянчин В. Ш.* К истории развития аффиксов сравнительной и уменьшительной степеней прилагательных в башкирском языке. — СТ, 1976, № 6, с. 18.

[63] См.: *Серебренников Б. А.* О некоторых проблемах исторической морфологии тюркских языков. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 277.

[64] Там же, с. 285.

[65] См.: *Киекбаев Дж. Г.* О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности—неопределенности. — В кн.: Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966, с. 177.

[66] См.: *Кононов А. Н.* О фузии в тюркских языках, с. 118. Ср.: *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 152.

[67] Этимологии см. в работе: *Eckmann J.* Türkçede *-raq*, *-rek* ekine dair. — TDAY. Belleten, 1953, s. 51—52.

[68] См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя), с. 114 сл.

[69] См.: *Гуломов А. Ғ.* Ўзбек тилида сифатнинг чоғиштирма даражалари. — ЎТАМ, 1959, №2, б. 50, 54.

[70] См.: *Андреев Н. А.* Имя прилагательное. — В кн.: Материалы по грамматике современного чувашского языка, I. Морфология. Чебоксары, 1957, с. 98.

[71] См.: *Исхаков Ф. Г.*, *Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка, с. 186.

[72] См.: *Джуманазаров Ю.* Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка. АКД. Ташкент, 1961, с. 13.

[73] См.: *Бабушкин Г. Ф.* Вопросы прилагательных в хакасском языке. АКД. Абакан, 1953, с. 21.

[74] См.: *Кудайбергенов С. -Са* мүчөсү. — В кн.: Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970, б. 164.

[75] См.: *Radloff W.* Über alttürkische Dialekte, I. Die seldschukischen Verse im Rebâb-Nameh. — Mélanges Asiatiques, 1890, X, 1, S. 23_{80}, 55. См. также: *Севортян Э. В.* Аффиксы глаголообразования. . ., с. 298, прим.

[76] См.: *Баскаков Н. А.* Явления лексикализации аффиксов в тюркских языках. — В кн.: Лексикографический сб., IV. М., 1960, с. 33. Ср.: *Atalay B.* Türkçede *-samak*, *-sımak* eki hakkında. — TD, Belleten, 1946, III, 1—3.

[77] Н. А. Баскаков привлекает упомянутые послелоги как иллюстративный материал к заключению о якобы происходящем в тюркских языках преобразовании аффиксальных морфем в самостоятельные слова (см.: *Баскаков Н. А.* 1) Явления лексикализации. . ., с. 29—34; 2) Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979, с. 63 сл.).

ǰok ‘он не похож на человека’, *бар сїмал* ‘как будто есть’, ‘похоже на то, что есть’; к.-калп. *гўмїс сїмак* ‘подобный серебру’. Их объединяет общая корневая морфема *сї-*, к которой присоединяются разные аффиксы: *сї-ман* (< *сї-бан*), *сї-мак*, *сї-мал*. Аффикс *-сї* ~ *-су* мог появиться вследствие выпадения конечного *ŋ* (ср. в огузских языках) или в результате упрощения послелогов *сїман*, *сїмак* (ср.: тат. *зәңгәрсу* ‘голубоватый’, *кўксу* ‘синеватый’, *карасу* ‘черноватый’).

Образование форм неполноты признака из сочетаний имен с послелогами уподобления не является чем-то необычным, ср.: карач.-балк. *көк кібік* ‘синеватый’, *ак кібік* ‘беловатый’, *кїзїл кібік* ‘красноватый’.[78]

1, 13. Доказывать, что аффикс направительного падежа в хакасском языке не является сложным, включающим в себя «суффикс директива» *-р*, нет необходимости. В диалектах хакасского языка отразились все этапы его преобразования, ср.: хак. (кызыл.) *хапса* ‘в мешок’; хак. (качин.) *туразā(р)* ‘к дому’;[79] хак. (саг.) *мінзәрї* ‘ко мне’; [80] шор. *таңзарї* ‘к заре’, *анїңзарї* ‘к нему’.[81] В качинском диалекте и в родственных языках сохранились также слово *сарї* ‘сторона’ и послелог *сарї* ~ *сара* ‘в сторону, в направлении’: ст.-узб. *Кабїл сарї* ‘в сторону Кабула’; азерб. *ӧјванлара сарї* ‘к балконам’; шор. *таjŋā сāра* ‘по направлению к тайге’.

1, 14. Чтобы облегчить задачу максимально полного учета фактов, указывающих на связь аффикса дательного падежа *-ка* ~ *-ŋа* с аффиксом дательно-направительного падежа *-карї* ~ *-ŋарї* ~ *-кару* ~ *-ŋару*. . ., начнем с констатации того, что в древнетюркских текстах параллельно употребляются без каких-либо семантических различий аффиксы *-карї* ~ *-ŋарї* ~ *-кару* ~ *-ŋару*, *-кар* ~ *-ŋар*, *-ка* ~ *-ŋа* и *-а*, ср.: *баңа* (*бӧн-ŋа*, Тон $_{31}$), *баңару* (*бӧн-ŋару*, Тон $_{34}$) ‘мне’; *аңару* (*ан-ŋару*, Тон $_{20}$), *аңар* (*ан-ŋар*, КТм $_{11}$), *аңа* (*ан-ŋа*, XX С $_{20}$) ‘ему’; *біргәрї* (КР 80 $_2$) и *біргә* (МК I 187) ‘к одному; вместе’; *ӧбімәрї* (*ӧбім-әрї* < *ӧбім-гәрї*, МЧ $_{28}$), *ӧбімә* (*ӧбім-ä*, МЧ $_{43}$) ‘в мой дом’, *ӧвгä* (*ӧв-гä*, МК II 156) ‘в дом’; *ӧбіңәрї* (*ӧбін-гәрї*, ThS II $_8$), *ӧвіңä* (*ӧвін-гä*, КР 67 $_6$) ‘в свой дом’. Те же самые аффиксы встречаются и в современных языках, однако в них аффикс *-карї* ~ *-ŋарї* выступает только в наречиях, а аффикс *-кар* ~ *-ŋар* — преимущественно в наречиях. Примеры: гаг. *ілӧрі* ‘вперед’; кум. *буŋар* ‘этому’, *шуŋар* ‘тому’; ног. (караног.) *маŋар* ‘мне’; тофал. *оңŋарї* ‘направо’; тув. *соңŋāр* ‘назад’; хак. (качин.) *часхар* ‘к весне’, *чајŋар* ‘к лету’.[82] В якутском языке фарма на *-ŋар* входит в парадигму притяжательного склонения имени: *аŋабїтїŋар* ‘нашему отцу’, *аŋаŋїтїŋар* ‘вашему отцу’.

Таким образом, налицо семантическая близость аффиксов *-ка* ~ *-ŋа* и *-карї* ~ *-ŋарї* ~ *-кару* ~ *-ŋару*, их внешнее сходство, подкрепляемое наличием промежуточной формы (*-кар* ~ *-ŋар*), и преемственность: опираясь на материалы письменных памятников и современных тюркских языков, можно смело говорить о постепенной «замене» аффиксом *-ка* ~ *-ŋа* аффикса *-карї* ~ *-ŋарї*. . . И, конечно, из сопоставления др.-тюрк. *баңару*, *баңа*, крым.-тат. *маңа*, ног. (караног.) *маŋар*, тур. *бана* ‘мне’ следует, что эволюция происходила не от *бана* к *баңару*, в виде наложения одного падежного аффикса на другой (*-к* + *-а* + *-ру*), а, наоборот, от *баңару* к *бана*, путем упрощения (*-кару* > *-кар* > *-ка* > *-а*), т. е. так, как развивалась форма направительного падежа в хакасском языке. Стяжение до одного слога или одного звука — основная линия развития аффиксальных морфем, и именно в этом причина вариативности, ср.: кум. *атїмŋа* ~ *атїма* ‘моему коню’; тув. *бурунŋāр* (диал. *бурунŋāрї*) ‘вперед’, ‘на юг’, *соңŋāр* (диал. *соңŋāрї*) ‘назад’, ‘на север’, *часкāр* (диал. *часкāрї*) ‘ к весне’, *ӧжімгӧ* (диал. *ӧжімӧ*) ‘моему товарищу’;[83] шор. *кojїмŋа* ~ *кojїма* ‘моей овце’.

1, 15. Первые опыты этимологизации аффикса множественного числа *-лар*, которые сводились к поискам самостоятельного слова, послужившего для него прототипом, не были удачными, что побудило П. Аалто высказать предположение о заимствовании *-лар* из китайского языка.[84] По иному пути пошли В. Банг, Н. Поппе, К. Г. Менгес и Д. Синор, выразившие твердое убеждение в том, что аффикс *-лар* состоит из двух показателей множественности, или собирательности, — *-л* и *-р*.[85] Однако и этот путь не привел к обнадеживающим результатам, так как тюркским языкам ни тот, ни другой аффикс в отдельности не известны. Не случайно Д. Синор считал, что слияние аффиксов *-л* и *-р* произошло не на тюркской почве.[86]

Мы намеренно выбрали для разбора падежные аффиксы, аффиксы форм неполноты признака прилагательных и аффикс множественного числа, потому что они чаще других привлекаются в качестве примеров, иллюстрирующих «фузионный» способ образования грамматической формы. Другие аффиксы, в частности показатели предикативности, показатели отдельных временных форм и форм косвенных наклонений, легче поддаются этимологизации благодаря наличию промежуточных ступеней и большинством тюркологов квалифицируются как образовавшиеся в рамках применения агглютинативного способа. Достаточно, например, сопоставить лично-предикативные показатели 1-го и 2-го лица из нескольких тюркских языков и диалектов, чтобы без колебаний возвести их к личным местоимениям, ср.: тат. *барам*, карач.-балк. *барама*, узб. *бэраман* ‘иду’; кар. *барас*, карач.-балк. *бараса*, тат. *барасїң* ‘идешь’. И если иногда это не удается, то главным образом потому, что «нормальный» ход развития личных глагольных форм нарушается изменениями по аналогии. Сопоставление шор. *парчам*, хак. *парїпчам* и алт. *барїп д'адїм* ‘иду’ приводит к выводу, что исходным для формы *парчам* явилось сочетание *парїп чата ман*, ср.: кирг. *бара ǰатам*, ног. *бара ǰатїрман* ‘иду’, узб. *кәлаjапман* (< *кәла jatip man*) ‘прихожу’. Сравнение же тур. *гәлijорум* ‘прихожу’ с шор. *кәлә чӧрӱм* делает само собой разумеющимся заключение о развитии этой формы из сочетания *гәлә jорум* (< *гәлә jорур мән*). Параллельное употребление словоформ с аффиксами отыменного словообразования глагола *-ір* ~ *-ур*, *-ал*, *-ат* ~ *-їт* и перифрастических образований с вспомогательными глаголами *ур-*, *бол-* ~ *ол-*, *әт-* — факт, подтверждающий вероятность происхождения ряда словообразовательных форм глагола из глагольно-именных сочетаний.

1, 2. Развитие составляющих словоформу морфем не ограничивается автономными процессами: аффиксальные морфемы тесно взаимодействуют с корневой морфемой и между собой. Степень их взаимодействия и достигаемой в конечном итоге спаянности, фузии бывает разной. В самых общих чертах она была определена О. Бётлингком как менее тесная, чем в индоевропейских языках. «Осмысливая все эти явления в совокупности, — писал О. Бётлингк, — надобно признать, что в индогерманских языках материя и форма соединяются между собой гораздо теснее, чем в урало-алтайских. . .».[87] К такому же выводу пришел В. В. Радлов,

[78] См.: *Хаджилаев Х.-М. И.* Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962, с. 73.

[79] См.: *Доможаков Н. Г.* Описание кызыльского диалекта хакасского языка. АКД. Абакан, 1949, с. 9; *Патачакова Д. Ф.* Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 157, 163.

[80] См.: *Боргояков М. И.* Бельтирский говор сагайского диалекта. — В кн.: Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973, с. 94—95.

[81] См.: *Межекова Н. Н.* Шорский диалект. — Там же, с. 58—59.

[82] См.: *Патачакова Д. Ф.* Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 156.

[83] См.: *Чадамба З. Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 98, 100.

[84] См.: *Aalto P.* Altaistica, II. The Suffixes *-lar*, *-nar*, *-lār*. — StO, 1952, XVII$_7$, p. 15—16.

[85] См.: *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя), с. 83 сл.

[86] См.: *Sinor D.* On Some Ural-Altaic Plural Suffixes. — AM, NS, 1952, II, 2, p. 226—228.

[87] *Бётлингк О.* О языке якутов, с. 409.

отметивший вместе с тем наличие в тюркских языках гиперагглютинации — явления, сопровождающего агглютинацию и заключающегося в омертвении некоторых аффиксов и слиянии их с основой, а также в разного рода изменениях, происходящих на стыке основы с аффиксами и затушевывающих границы между ними.[88] Если оставить в стороне крайние случаи взаимопроникновения структурных элементов словоформы, вроде тех, которые описаны в статье М. Молловой,[89] то удастся обнаружить сравнительно небольшое число примеров исчезновения границ между отдельными морфемами. Почти все они обязаны своим появлением наличию определенных условий.

«Внедрение» аффиксальных морфем в корневые осуществляется, как правило, при обстоятельствах, благоприятствующих стяжению гласных и выпадению слогов:[90] в дательном падеже, в форме принадлежности 3-го лица имен, оканчивающихся на гласный, в форме родительного падежа личных местоимений и в ряде других форм, ср.: кар. *мā* 'мне' (< *маӈа* < *мәнӈа*, *мән* 'я'); тув. *чазā* 'в степь' (< *чазїӈа*, *чазї* 'степь'), *мӣң* 'мой' (< *мәнің*, *мән* 'я'), *сӣң* 'твой' (< *сәнің*, *сән* 'ты'); туркм. *jāрмā* 'крупе' (< *jāрмаӈа*, *jāрма* 'крупа'); чуваш. *кіммі* 'его лодка' (*кімĕ* 'лодка'); шор. *тәрӟ* 'шкуре' (< *тәрәгә*, *тәрә* 'шкура'). В стяженной форме будущего предположительного, упоминаемой в числе примеров фузионных изменений (ср.: кар. (крым. диал.) *алӣм* (< *алїрїм*) 'возьму',[91] карач.-балк. *барїма* (< *барїрма*) 'пойду'),[92] происходит упрощение аффикса, тогда как граница между ним и корневой морфемой остается без изменений.

Одним из основных условий, обеспечивающих слияние аффиксальных морфем, является совместимость их категориальных значений. Так, лицо тесно связано с числом: местоимения 1-го и 2-го лица сами по себе выражают различия в числе. В тех же формах, где лицо и число обозначены раздельно, может иметь место полное слияние личных показателей и аффикса множественного числа *-лар* в единый показатель лица и числа, ср.: алт. *улāр* (< *оӈулїӈар* < *оӈулїңлар*) 'ваш сын'; алт. (диал.) *аларзāр* (< *аларзїӈар* < *аларзїңлар*) 'возьмете';[93] алт. *алдїӈар*, тув. *алдїңāр*, хак., шор. *алдāр* (< *алдїңлар*) 'вы взяли'. «Факты эти, — как отметил А. К. Боровков, — давно известны, они отнюдь не изменяют грамматической структуры тюркских языков в такой степени, чтобы говорить об их „переходе" в новую стадию».[94]

2. Вопрос об исторической глубине образования морфологических элементов в тюркских языках имеет несколько аспектов. С одной стороны, интерес вызывает то, как шло развертывание процесса агглютинации: от аморфного состояния или вслед за разрушением ранее функционировавшей «доагглютинативной» системы форм, с другой стороны, в центре внимания может быть временная протяженность процесса. Наиболее же общая постановка данного вопроса предполагает выяснение возраста грамматического строя в целом или относительной хронологии форм.

Фактов, прямо или косвенно указывающих на вторичность агглютинации в тюркских языках, в нашем распоряжении нет.

Возраст грамматического строя в целом устанавливается в сопоставлении тюркских языков с другими языками. В качестве примера можно

[88] См.: *Radloff W.* Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. — Зап. АН, VIII сер., 1906, VII, N 7, S. 20 f.

[89] См.: *Mollova M.* Traits de fusion dans le dialecte turc du Rhodope de l'est. — Балканско езикознание, София, 1970, XIV, 2, p. 73—78.

[90] Ibid., p. 60—73 (Раздел: «О фонологических изменениях, обусловливающих фузию»).

[91] См.: *Прик О. Я.* Очерк грамматики караимского языка. (Крымский диалект). Махачкала, 1976, с. 46.

[92] См.: *Урусбиев И. Х.* Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963, с. 187.

[93] См.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, с. 178.

[94] *Боровков А. К.* Агглютинация и флексия в тюркских языках, с. 124.

привести развернутую сопоставительную оценку О. Бётлингка, согласно которой образование грамматических форм в урало-алтайских языках началось значительно позже, чем в индоевропейских. Из урало-алтайских языков О. Бётлингк выделяет финский, как приступивший к образованию форм раньше тюркских языков, и монгольские, в которых, по его мнению, этот процесс происходил позднее, чем в тюркских. «Сравнение народного языках монголов и калмыков с их литературным языком, — пишет О. Бётлингк, — совершенно ясно показывает, как в недалеком от нас прошедшем образовывались грамматические формы».[95]

Внешняя близость части аффиксальных морфем тюркских языков к самостоятельным словам или даже совпадение с ними далеко не всегда являются доказательством их позднего происхождения. Превращение самостоятельных слов в служебные слова и, далее, в аффиксальные морфемы часто становится побочной линией их развития, т. е. осуществляется при полном сохранении лексических прототипов. Так, турецкая форма настоящего конкретного *jазїjор* 'пишет (в данный момент)' образовалась из сочетания *jаза jорур* или *jаза jӧрӱр*. Лежащий в основе аффикса *-jор* глагол *jӱрӱ-* выступает в современном турецком языке в значении «двигаться, ходить». Кирг. *кәлӓт* 'приходит' состоит из трех морфем: *кәл-*, *-ӓ* и *-т*. Последняя из них — аффикс *-т* — является показателем 3-го лица единственного числа настоящего времени. Параллельно аффиксу *-т* в киргизском языке нормально функционируют его лексический прототип глагол *тур-* 'стоять' и причастная форма настояще-будущего времени *турур*, явившаяся исходной ступенью в развитии аффикса *-т*, ср.: др.-тюрк. *кәла турур*, ст.-узб. *кәлӓдур*, кирг. *кәлӓт*, чуваш. *кілӗт*. Примечательные примеры сосуществования с самостоятельными словами-прототипами дают именные и глагольные послелоги, в особенности те из них, которые выражают абстрактные отношения и нередко становятся непосредственным источником пополнения аффиксальных морфем.

Очевидно, на вопрос о возрасте грамматической формы тюркских языков следует ответить так: интенсивное образование морфологических показателей в тюркских языках происходило в разное время — в глубокой древности и относительно недавно. Процесс грамматикализации отдельных самостоятельных слов в служебном использовании и служебных слов продолжается и в настоящее время.

Более определенными могут быть суждения об относительной хронологии образования форм. Результаты исследования грамматического строя тюркских языков показывают, что древнейший пласт его составляют имена действия, из которых развились финитные глагольные формы и формы неполной вербальности, деепричастия. Признаками большой древности имен действия являются: место, занимаемое ими в морфологии, степень их распространенности и стертость, предельность упрощения морфологических показателей. Не случайно имена действия менее других форм поддаются этимологизации, и до настоящего времени в распоряжении тюркологов нет ни одной убедительной этимологии образующих их аффиксов. Следующий пласт — формы так называемых грамматических падежей и форма множественного числа. Относительно новой частью морфологии являются формы дательного, местного и исходного падежей, формы неполноты признака прилагательных, залоговые формы и другие. Новейшая часть морфологии — региональные падежные формы, формы настоящего конкретного, определенного и неопределенного «имперфектов», прошедшего повествовательного неочевидного, большинство форм отыменного словообразования глагола и т. д.

Развитие грамматических форм шло не только по линии обособления синтаксических сочетаний и превращения их в перифрастические формы с последующей грамматикализацией служебных компонентов. Новые формы появились также как следствие многообразных семантических

[95] *Бётлингк О.* О языке якутов, с. 410.

изменений ранее существовавших форм. Так, например, разные типы имен действия легли в основу большинства подразрядов числительных: порядковых, собирательных, разделительных, приблизительных (ср.: др.-тюрк. *ӱчӱнч* (*ӱч-ӱ-нч*) ‘третий’, *ӱчägӱ* (*ӱч-ä-gӱ*) ‘трое’, *ӱчär* (*ӱч-ä-р*) ‘по три’) и стали источником образования собственно глагольных форм: временных форм изъявительного наклонения, форм косвенных наклонений.

Многие формы внутри грамматических разрядов появились в результате соединения морфологических показателей древних и новых пластов. Все они относительно поздние, о чем свидетельствует несовпадение морфологического состава таких сочетаний в разных тюркских языках. Здесь мы имеем в виду некоторые формы приблизительных и разделительных числительных и формы неполноты признака прилагательных, вторичные причастия и деепричастия, например: казах. *ӛкӛвдӛн* ‘по два’ (~ ‘по двое’); крым.-тат. *біңлӛрӱӛ* ‘тысячами’, ‘по тысячам’; ног. *алтавлаған* ‘приблизительно шестеро’; узб. *ҷэзаjэткан* ‘пишущий’, *ҷэзадіган* ‘тот, который должен (будет) писать’; хак. *ојнапчатхан* ‘играющий’.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК РЕКОНСТРУИРОВАННЫХ ПРАФОРМ

Формы словоизменения

а) лицо и число

**-пäн* — 1-е л. ед. ч.
**-сäң* — 2-е л. » »
**-пїс* — 1-е л. мн. ч.
**-сїс* — 2-е л. » »
**-лäр* — мн. ч.

б) модальность (косвенные наклонения)

**-а* — желат., ср.: время
**-сар* — усл.

в) время — вид (изъявительное наклонение)

**-ті(γ)* — прошед.
**-а* — наст., ср.: модальность
**-ар* — аорист
**-ка(ҷ)* — буд.
**-кан* — перфект
**-пїш* — то же

г) отрицание

**-па* (? **-ма*)

д) залог

**-(ї)л* — страд.
**-(ї)н* — возвр.
**-(ї)ш* — взаимн.-совм.
**-т* — понуд.
**-тїр* — понуд.
**-(ї)р* — » »
**-кїр* — » »
**-кїз* — » »
**-(ї)з* — » »

Формы словообразования

**-а*
**-аδ*
**-ал*
**-ар*
**-(ї)к*
**-(ї)р* (< **ӯр-*)
**-(ї)рка*
**-ла*
**-сї* (< ** сї̄-*)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аалто А. (Aalto P.) — 167
Абдрахманов М. А. — 48, 75
Абдулладжанова Д. А. — 81
Абдуллаев Ф. — 32
Абдуллин И. А. — 54
Абдурахманов Г. (Абдураҳмонов Ғ.) — 32, 50, 56
Аврорин В. А. — 11
Агазаде Н. Г. — 45
Аганин Р. А. — 154
Агламова М. Т. — 50, 64
Азер А. А. — 103
Азизова А. Г. — 62
Айдаров Т. — 125
Акбаев Ш. Х. — 33
Аксаков К. С. — 15
Аксой О. А. (Aksoy Ö. A.) — 20, 87, 121, 162
Алекперов А. К. — 154
Алиев А. К. — 109
Алиев А. Ю. — 23, 32
Алиев В. Г. — 56
Алиев У. Б. — 22, 43, 55
Алиева З. И. — 72
Алламуратов Ж. — 76
Алланазаров О. — 92
Алмаматов Т. — 134
Аманжолов А. С. — 87
Амансарыев Дж. (Амансарыев Ж.) — 34, 55
Андреев И. А. — 90, 93
Андреев Н. А. — 67, 164
Андронов М. С. — 13
Аннануров А. — 34, 45, 122, 125, 126, 130
Антонов Н. К. — 12
Аразкулиев С. — 26, 45
Аракин В. Д. — 159, 161
Арсланов Л. Ш. — 90, 125
Аскарова М. (Асқарова М.) — 122, 125
Асланов А. — 97
Атаджанов М. — 32
Аталай Б. (Atalay B.) — 11, 82, 165
Атамедов Н. — 32
Афанасьев П. С. — 119
Ахатов Г. Х. — 32, 130, 131
Ахмедов А. (Аҳмедов А.) — 41
Ахметов М. А. — 55, 123, 125
Ахундов А. А. — 76
Ашмарин Н. И. — 58, 74, 77, 90, 91, 93, 162

Бабаниязов Х. — 53, 64
Бабушкин Г. Ф. — 25, 124, 137, 165
Баева Н. Х. — 31, 41, 50, 83, 97
Базен Л. (Bazin L.) — 62, 71, 162
Байлиев С. — 127, 132
Байлиев Х. — 154
Байрамдурдыев Б. — 32, 45, 47
Байрамов Ф. Р. — 146
Бакеев К. О. — 25
Банг В. (Bang W.) — 34, 37, 39, 55, 56, 58, 59, 78, 79, 87, 89, 90, 98, 99, 108, 113, 114, 117, 119, 121, 125, 126, 128, 138, 140, 144, 145, 147, 153, 161, 164, 167
Баскаков А. Н. — 106
Баскаков Н. А. — 3, 4, 8, 23, 26, 31, 36, 37, 38, 39, 46, 47, 48, 52, 56, 58, 59, 78, 79, 83, 90, 96, 120, 124, 138, 141, 153, 165
Батманов И. А. — 8, 51, 95, 96
Батырова М. А. — 48, 52
Баязитова Ф. С. — 47
Бейшекеев Н. — 25
Беке Э. (Beke Ö.) — 10
Бенвенист Э. (Benveniste E.) — 10, 15
Бенцинг И. (Benzing J.) — 77, 90, 91
Бердыев Д. — 72
Бердыев Р. (Бердиев Р.) — 34, 45
Бертагаев Т. А. — 160
Бётлингк О. (Böhtlingk O.) — 33, 35, 37, 38, 49, 51, 55, 56, 78, 79, 80, 82, 111, 112, 135, 156, 159, 167, 169
Бехбудов С. М. — 126, 127
Биишев А. Г. — 78, 79
Битнер М. (Bittner M.) — 143
Благова Г. Ф. — 36, 39, 84
Богородицкий В. А. — 15
Бодроглигети А. (Bodrogligeti A.) — 61
Бодуэн-де-Куртенэ И. А. — 155, 156, 157
Бомбачи А. (Bombaci A.) — 89
Бондарко А. В. — 81
Боргояков М. И. — 26, 166
Боржаков А. — 56, 85
Борибаев А. — 25
Боровков А. К. — 60, 62, 155, 157, 168
Брокельман К. (Brockelmann C.) — 9, 17, 37, 46, 50, 52, 53, 56, 58, 59, 68, 78, 87, 93, 98, 108, 113, 119, 123, 126, 129, 130, 131, 151, 152, 153, 159
Бурганова Н. Б. — 20, 22, 23, 68, 81, 132, 163

Ванников Ю. В. — 69
Велиев А. Г. — 45
Велиев И. Д. — 76, 93
Вельяминов-Зернов В. В. — 49
Винклер Г. (Winkler H.) — 17
Виноградов В. В. — 15, 41, 42, 44
Винтер В. (Winter W.) — 15
Владимирцов Б. Я. — 160
Вундт В. (Wundt W.) — 10
Габен А. (Gabain A., von) — 9, 17, 52, 53, 66, 126, 128, 161

Гадельшин Л. С. — 16
Гаджиева Н. З. — 26, 42, 58, 59, 61, 66, 67, 77, 95, 96, 138, 164
Гамбис Л. (Hambis L.) — 17
Ганиев Ф. А. — 72, 73, 136
Гафурова Н. С. — 32, 83
Глазов Ю. Я. — 23
Гомбоц З. (Gombocz Z.) — 56
Гордлевский В. А. — 63
Горцевская В. А. — 98
Грёнбек К. (Grønbech K.) — 8, 17
Грунин Т. И. — 54
Грунина Э. А. — 14, 52, 55, 72, 84, 86, 87, 89, 93
Гуджиков С. (Гүҗүков С.) — 96, 97
Гузычиев Т. — 21
Гулямов А. Г. (Ғуломов А. Ғ., Ғулом А.) — 45, 85, 106, 107, 109, 141, 142, 143, 144, 150, 164
Гулямов Я. Г. — 22, 26, 29, 32, 34
Гухман М. М. — 109, 115

Данияров А. Д. — 31
Дени Ж. (Deny J.) — 8, 9, 12, 46, 53, 55, 56, 60, 67, 78, 79, 89, 108, 125, 128, 130, 144, 145, 153, 159
Дёрфер Г. (Doerfer G.) — 4, 37, 38, 39, 45, 46, 48, 49, 86, 87, 88, 89, 94, 161, 162
Джанашиа Н. Н. — 93, 94, 100
Джанбидаева К. К. — 23
Джангидзе В. Т. — 52, 100
Джанмавов Ю. Д. — 122, 125, 127
Джафаров С. А. — 43
Джафарова С. М. — 144, 145
Джафароглу А. (Caferoğlu A.) — 46, 47, 87, 128, 129, 132, 151
Джуманазаров Ю. — 32, 45, 165
Джунусов Н. — 25
Джураев Б. — 32
Джураев Х. — 32
Дильчин Д. (Dilçin D.) — 25
Дилячар А. — 156
Дмитриев Н. К. — 15, 16, 24, 27, 33, 34, 35, 37, 45, 48, 62, 63, 72, 78, 79, 83, 84, 86, 87, 92, 93, 96, 98, 102, 110, 120, 122, 130, 131, 133, 143, 144, 159
Доможаков Н. Г. — 26, 131, 166
Дрексель А. (Drexel A.) — 159
Дресслер В. (Dressler W.) — 70
Дримба В. (Drimba V.) — 87
Дуда Г. В. (Duda H. W.) — 126
Дульзон А. П. — 33, 35
Дурдыев Н. — 34, 45
Дыренкова Н. П. — 25, 29, 31, 41, 66, 104, 114, 122, 123, 126, 127, 131, 168
Дьяконов И. М. — 11, 160

Егоров В. Г. — 27, 58, 74, 99
Ембергенов У. — 145
Есперсен О. (Jespersen O.) — 158, 160

Зайнуллин М. В. — 29, 67, 68
Зайончковский А. (Zajączkowski A.) — 143, 145, 163
Зайончковский В. (Zajączkowski W.) — 87
Закиев М. З. — 102, 115
Залеман К. (Salemann C.) — 108
Зияева М. Т. — 26
Золотницкий Н. И. — 93

Иванов А. И. — 77, 90
Иванов С. Н. — 21, 93, 102, 110
Исенгалиева В. А. — 139, 146, 154
Искаков А. И. — 144
Исламов М. И. — 47, 77, 91, 100, 132
Исхаков Ф. Г. — 27, 54, 67, 74, 76, 81, 87, 92, 105, 106, 111, 112, 120, 132, 137, 153, 163, 164
Ишбулатов Н. Х. — 25, 31, 41, 50, 54, 63, 67, 68, 86, 90, 131, 132, 133, 134
Ишмухаметов З. К. — 144, 146
Ищанов К. — 53

Йохансон Л. (Johanson L.) — 71

Каджарова Э. — 92, 138
Казем-Бек А. — 78, 150
Кайдаров А. Т. — 108
Какук С. (Kakuk S.) — 87
Калужинский С. (Kałużyński S.) — 49
Калыбаева А. К. (Қалыбаева-Хасенова А.) — 103, 114, 116
Карахка Э. — 38
Карпов В. Г. — 74, 96
Катанов Н. Ф. — 26, 50, 54
Катембаева Б. Ш. — 145
Кибиров Ш. — 154
Киекбаев Дж. Г. — 37, 162, 164
Климов Г. А. — 18
Клосон Дж. (Clauson G.) — 12, 48
Ковальский Т. (Kowalski T.) — 108, 109, 120, 127, 132
Коклянова А. А. — 67
Колдуэл Р. (Caldwell R.) — 11, 13, 15
Кондратьев В. Г. — 31, 47, 48, 55, 135
Кононов А. Н. — 3, 47, 50, 53, 62, 63, 67, 75, 78, 82, 90, 93, 102, 111, 112, 125, 126, 128, 130, 132, 145, 153, 156, 160, 161, 163, 164, 165
Константинова О. А. — 11
Кордабаев Т. Р. (Кордабаев Т.) — 75, 160
Коркина Е. И. — 14, 43, 56, 62, 67, 81, 94
Коркмаз З. (Korkmaz Z.) — 32, 56, 99
Кормушин И. В. — 118, 119, 120
Корнилов Г. Е. — 110
Корш Ф. — 87, 88
Котвич В. (Kotwicz W.) — 34, 37, 38, 39, 98, 119, 129, 130, 162
Кошмидер Э. — 70
Кржижкова Е. (Křížkova H.) — 81
Кудайбергенов С. — 60, 145, 165
Кудрявский Д. Н. — 157
Кузнецов П. И. — 11, 12, 33, 63, 71, 78, 79, 80
Кульмагамбетова Б. Б. — 142
Кунгуров Р. — 147
Куренов С. — 26
Курилович Е. (Kuryłowicz J.) — 36, 71
Кылыджоглу В. (Kılıcoğlu V.) — 54, 58, 66

Лапасов Ж. — 31
Левитская Л. С. — 27, 38, 91, 99
Левицкий М. — 109
Лекок А. (Le Coq A.) — 80
Летягина Н. И. — 105, 111
Любимов К. М. — 93
Людвиг А. (Ludwig A.) — 160

Мавыев Н. — 45
Майтинская К. Е. — 10
Максютова Н. Х. — 18, 31, 41, 50, 54, 63, 64, 131, 132, 163
Малов С. Е. — 23, 59, 78, 127
Маманов И. Е. — 137, 138

Мансуроглу М. (Mansuroğlu M.) — 13, 54, 61, 83, 93, 95
Марр Н. Я. — 155
Маслов Ю. С. — 70
Матвеев Т. М. — 99
Махмутова Л. Т. — 83, 125, 129, 132, 133
Машаков Х. А. — 85, 132
Межекова Н. Н. — 166
Мейе А. (Meillet A.) — 10, 15, 158
Мелиев К. М. — 56
Мелиоранский П. М. — 4, 8, 36, 53, 59, 60, 78, 79, 80, 82, 86, 87, 107, 109, 114, 123, 126, 130, 135, 138, 140, 147, 159
Менгес К. Г. (Menges K. H.) — 50, 78, 99, 105, 123, 126, 128, 140, 151, 161, 162, 164, 167
Меновщиков Г. А. — 11
Милых М. К. — 76, 132
Миржанова С. Ф. — 31, 134, 140
Мирзаев М. М. — 47, 53
Мирза-заде Х. (Мирзәзадә Һ.) — 27, 47, 52, 61, 128, 130
Мирзакаримова У. — 32
Мирзалиева М. М. — 119
Михайлов М. С. — 121, 135, 136, 138
Молла-заде С. М. — 40
Моллова М. (Mollova M.) — 26, 62, 168
Монгуш Д. А. — 27, 76, 92, 96
Муждабаев М. М. — 106
Мусаев К. М. — 43, 62, 101, 109
Муталлибов С. — 50
Мухаммедова З. Б. — 45, 47
Мухиев Х. — 45, 124
Мухтаров Ж. — 132
Мырзабеков С. — 138

Наджип Э. Н. — 132, 147
Насилов В. М. — 72, 73
Насилов Д. М. — 73, 95, 105, 111, 132, 135
Насыров Ш. — 127
Недялков В. П. — 120
Неустроев Н. Н. — 106
Нурмагамбетов А. — 25, 57, 95
Нурмаханова А. Н. — 45

Озел С. (Özel S.) — 143
Омуралиева Р. — 64, 66
Оралбаева Н. — 135, 136
Орузбаева Б. О. — 76, 93, 96, 138
Орусбаев А.-К. — 157

Павлов И. П. — 58, 124, 125, 132, 136
Пальмбах А. А. — 27, 54, 67, 74, 76, 81, 92, 105, 106, 111, 112, 120, 132, 137, 153, 163, 164
Патачакова Д. Ф. — 32, 41, 50, 51, 97, 132, 163, 166
Пешковский А. М. — 42
Покровская Л. А. — 15, 43, 45, 55, 57, 87, 103, 105, 112, 123, 132, 154
Попов А. В. — 109
Поппе Н. (Poppe N.) — 11, 15, 73, 157, 164, 167
Потебня А. А. — 10, 12, 15
Потт А. — 156
Поцелуевский А. П. — 78, 79, 88
Прёле В. (Pröhle W.) — 130
Прик О. Я. — 83, 130, 168
Прицак О. (Pritsak O.) — 60, 90, 129
Псянчин В. Ш. — 164

Равила П. — 81
Рагимов М. Ш. — 14, 31, 39, 40, 43, 44, 47, 52, 55, 56, 59, 60, 61, 64, 66, 70, 88, 91
Радлов В. В. (Radloff W.) — 12, 31, 35, 37, 38, 46, 47, 58, 59, 78, 126, 128, 138, 140, 165, 167, 168
Рамазанова Д. Б. — 20
Рамстедт Г. И. (Ramstedt G. J.) — 34, 37, 41, 58, 98, 99, 125, 128, 131, 141, 145, 153
Рассадин В. И. — 88, 92, 99, 111, 115, 120, 132, 133
Расулова Н. А. — 32
Рахматуллаев Ш. (Раҳматуллаев Ш.) — 106
Рахматуллин Г. Р. (Rachmatullin G. R.) — 126, 134
Реформатский А. А. — 163
Решетов В. В. — 75
Росс Э. Д. (Ross E. Denison) — 49
Рундгрен Ф. (Rundgren F.) — 71
Рустамов Р. А. (Рүстәмов Р. Ә.) — 26, 27, 31, 47, 77, 81, 87, 90, 95, 97, 127, 141
Рустамов Т. — 97
Рясянен М. (Räsänen M.) — 33, 35, 38, 41, 48, 60, 82, 98, 108, 112, 113, 119, 125, 153

Савченко А. Н. — 15, 44
Садвакасов Г. — 32, 77, 101, 114, 128
Садыхов Б. П. — 25, 29
Санжеев Г. Д. — 160
Сапарова Г. — 32
Сарманаева Д. М. — 32
Сат Ш. Ч. — 58, 92
Сауранбаев Н. Т. — 24, 53, 122
Севортян Э. В. — 3, 8, 12, 16, 18, 23, 27, 56, 59, 102, 103, 107, 109, 110, 113, 114, 117, 118, 121, 136, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 151, 152, 153, 159, 162, 163, 165
Семереньи О. (Szemerényi O.) — 15
Сергеев В. И. — 27
Серебренников Б. А. (Serebrennikow B. A.) — 4, 10, 18, 36, 73, 77, 78, 79, 81, 82, 90, 93, 94, 95, 96, 98, 100, 102, 107, 110, 113, 114, 128, 136, 141, 164
Сетяля Э. Н. (Setälä E. N.) — 12, 13, 17
Сильницкий Г. Г. — 103
Синор Д. (Sinor D.) — 164, 167
Скаличка В. (Skalička V.) — 155
Соегов М. — 127
Сулайманов К. — 132, 135, 138
Султансаидова С. (Султонсаидова С.) — 101, 106
Суник О. П. — 79

Тадыкин В. Н. — 16
Таули В. (Tauli V.) — 11, 17, 159
Текин Т. (Tekin T.) — 59, 61, 93, 99
Телегди С. (Telegdi S.) — 52, 53, 130, 131
Тенишев Э. Р. — 48, 59, 60, 122, 124, 127, 132
Теньер Л. (Tesnière L.) — 104, 157
Тихонов А. Н. — 81
Томанов М. — 160
Томсен В. (Thomsen V.) — 128, 140
Тукан Б. П. — 87
Туляков С. — 29
Тумашева Д. Г. — 26, 32, 46, 47, 52, 66, 85, 107, 134, 135
Турнейзен Р. (Thurneysen R.) — 15
Турсункулова К. А. — 135, 138
Турсунов А. — 57, 123, 127, 131
Тыбыкова А. Т. — 134

Убайдуллаев К. — 93, 114
Урусбиев И. Х. — 16, 63, 83, 129, 153, 168
Уруспиев И. Х. см. Урусбиев И. Х.
Ушаков Е. И. — 20
Уюкбаев И. К. — 72

Фазылов М. Ф. — 162
Фазылов Э. И. (Фозилов Э.) — 49, 108, 113, 114, 115, 117, 118, 120
Фарманов И. — 26, 132
Фатыхов А. Х. — 101, 103, 118
Федотов М. Р. — 99
Фисакова Г. Г. — 45, 64, 75
Фой К. (Foy K.) — 87

Хаджилаев Х.-М. И. — 166
Хаджиолова К. А. — 128
Хазаи Г. (Hazai G.) — 26, 29, 32, 33, 95
Хакулинен Л. — 10
Харисов А. И. — 72
Харитонов Л. Н. — 64, 68, 72, 103, 106, 114, 115, 118, 120, 124, 134, 142, 145, 147, 148, 149, 152, 160
Хасенова А. К. — 111, 119, 120, 134, 142
Хирт Г. (Hirt H.) — 10, 11, 12, 15, 159
Ходжаев Б. (Хоҗаев Б.) — 40, 45, 62
Ходжаев Т. — 46, 52
Ходжиев А. (Хоҗиев А.) — 68, 75, 76, 83, 97, 138
Холодович А. А. — 103, 155, 156
Хосрови А. М. — 127, 130
Храковский В. С. — 103
Худайкулиев М. — 145, 146
Хыдыров М. Н. — 88

Чагатай С. (Çagatay S.) — 56, 61, 128
Чадамба З. Б. — 58, 167
Чарыяров Б. Ч. — 27, 76, 103, 112, 115, 120
Чиспияков Э. Ф. — 122
Чоммадов О. — 124

Шакир С. (Schakir S.) — 139
Шакирова Р. Ф. — 76, 128
Шамсиддинов И. И. — 32
Шамурадов К. (Шамырадов К.) — 34, 45
Шарипов О. — 26, 29
Шерматов А. — 18, 29, 32
Шибатани М. (Shibatani M.) — 120
Ширалиев М. Ш. (Ширәлијев М.) — 25, 29, 31, 77, 127, 129
Шкуридин С. В. — 118
Шлегель Ф. (Schlegel Fr.) — 155
Шмидт И. (Schmidt J.) — 160
Шмидт К. Х. (Schmidt K. H.) — 158
Штейнталь Х. (Steinthal H.) — 156
Шукуров Ш. — 31, 32, 50, 52, 53, 54, 56, 68

Щербак А. М. (Щчербак А. М.) — 3, 31, 37, 49, 52, 55, 61, 85, 92, 102, 104, 107, 108, 146, 155, 158, 162, 164, 167

Эйвазова Р. Х. (Ејвазова Р. Һ.) — 52
Экман Я. (Eckmann J.) — 37, 49, 87, 164
Эргин М. (Ergin M.) — 163
Эртайлан И. Х. (Ertaylan I. H.) — 99, 146
Эрхарт А. (Erhart A.) — 42, 43

Юдже Н. (Yüce N.) — 125
Юлдашев А. А. — 25, 72, 75, 115, 120, 126, 133, 134, 135, 136
Юлдашев Т. — 50
Юнусалиев Б. М. — 8, 9, 12, 32, 47, 136
Юсипова Р. Р. — 154
Юсупов Ф. Ю. — 132
Юсупов Х. Г. — 40, 48, 63
Юхансон Л. (Johanson) L. — 71, 76

Якупова Г. К. — 25
Яруллина У. М. — 48
Ястремский С. В. — 68
Яхонтов С. Е. — 103, 104, 110

УКАЗАТЕЛЬ КОЛЛЕКТИВНЫХ МОНОГРАФИЙ

Грамматика азербайджанского языка. (Фонетика, морфология и синтаксис). Баку, 1971 . . . 28, 70, 76

Грамматика алтайского языка. Казань, 1869 . . . 54, 86, 110

Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология. Черкесск, 1973 . . . 72, 101, 130

Грамматика туркменского языка, I. Ашхабад, 1970 . . . 45, 67, 88, 103, 106, 127, 134, 142, 143

Грамматика хакасского языка. М., 1975 . . . 30, 32, 50, 72, 106, 111, 115, 122, 124, 130, 131

Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик, 1966 . . . 115

Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962. . . 3, 72, 90, 115

Ўзбек тили грамматикаси, I. Тошкент, 1975. . . 22, 75, 133, 143

Ҳозирги қарақалпақ тили, I. Морфология. Нөкис, 1974 . . . 97

Һазирқи заман уйғур тили, II. Морфология вә синтаксис. Алмута, 1966. . . 64, 67, 114, 129

УКАЗАТЕЛЬ АФФИКСОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ, РАССМАТРИВАЕМЫХ ИЛИ УПОМИНАЕМЫХ В РАБОТЕ

а

-а — глаг. словообр. 140, 141, 142
-а — деепр. 88, 122, 123, 124, 125
-а — желат. накл. 30, 31, 32, 33, 36, 39, 40, 52, 53, 54, 55, 56, 57
-а — наст. общ. 20, 74, 75, 82, 83, 84, 85
-авӣлда — процесс. интенсивн. 134
-авуз — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 31
-аӯ — то же 31
-аӯӣн — » » 40
-аӯуз — » » 31
-аӯун — » » 31
-аӡ — глаг. словообр. 148
-аj — то же 148
-аj — желат. накл., 1-е л. ед. ч. 36, 39, 53, 54, 55, 56, 57
-аj — то же мн. ч. 32, 40
-ajап — наст. конкр. 74
-ajдук — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 32
-ajӣӡӣлар — то же 31
-ajӣк — » » 30, 31, 32
-ajӣклар — » » 31
-ajӣкларӣӡӣӡ — » » 40
-ajӣкларӣң — » » 40
-ajӣм — желат. накл., 1-е л. ед. ч. 30, 31, 32, 36, 52, 53
-ajӣн — то же 30, 31, 32, 36, 52, 53
-ajӣн — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 40
-ajӣх — то же 30
-ajлӣ — » » 32, 57
-ajлӣк — » » 31, 32, 52, 57
-ajлӣң — » » 32
-ajлув — » » 32
-ajнӣ — » » 32
-ajнӣк — » » 32
-ajну — » » 32
-ajнув — » » 32
-ajнувза — » » 32
-ajнуз — » » 32
-ajнук — » » 32
-ajнуң — » » 32, 52
-ajун — желат. накл., 1-е л. ед. ч. 31, 52
-ajак — буд. категор. 55, 73
-ак — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 40
-акла — процесс. интенсивн. 133
-ал — глаг. словообр. 149, 150
-ала — деепр. 131
-ала — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 31
-алах (? *-ӯу-ӓлӓк*) 96
-алӣ — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 31, 32
-алӣ — » » » дв. ч. 33, 39
-алӣдан (*-алӣ-дан*) 130
-алӣк — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 30, 31, 57
-алӣктар — то же 30, 33
-алӣм — то же 30, 31, 39
-алӣн — » » 32
-алӣң — » » 31, 33
-алӣңлар — » » 31
-алу — » » 31
-алук — » » 31
-алум — » » 31, 32
-алуң — » » 31
-ам — желат. накл., 1-е л. ед. ч. 36
-ам — то же мн. ч. 31
-ама — невозможн. 99
-ама — отриц. 98
-амӣja — отриц. деепр. 124
-амӣна — то же 124
-ан — деепр. 124
-анда — процесс. интенсивн. 134
-аң — желат. накл., 1-е л. дв. ч. 33
-аңар — то же мн. ч. 31, 33
-аңнар — то же 31, 33
-ап — деепр. 126
-ар — буд. предполож. 73, 74, 85, 86, 89, 90, 91, 92
-ар — глаг. словообр. 148, 149
-ар — понуд. 117
-арағӓн (*-а-рах-ӓн*) 124
-арак (*-а-рак*) 56, 123, 164
-ардӓх (*-ар-лӓх*) 67
-ардӣ (*-ар-дӣ*) 76, 77
-арт (*-ар-т*) 118
-асӣ (*-а-сӣ*) 14, 56, 68, 90

ā

-āja — накл. возможн. 68
-ājнук — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 32
-āk — то же 31
-āktар — » » 31, 39
-ālар — » » 32
-ālдар — » » 31, 39
-ālӣ — желат. накл., 1-е л. дв. ч. 39
-ālӣк — то же 33
-ālӣktар — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 33
-ālӣңар — то же 39
-ām — » » 32
-ān — желат. накл., 1-е л. ед. ч. 32
-ān — то же мн. ч. 32
-ānӣj — то же 32
-ānу — » » 32
-āң — желат. накл., 1-е л. дв. ч. 33
-āңнар — то же мн. ч. 33
-ār — 2-е л. мн. ч. 24, 25, 29, 30
-ār — повел. накл., 2-е л. мн. ч. 31, 40
-āt — деепр. 131, 132
-āxtā — процесс. интенсивн. 134

б

-б — деепр. 126, 127, 128, 129
-ба — вопросит. частица 41
-ба — отриц. 97, 98
-бај (*-ба-j*) 124
-бајн (*-ба-j-ӥн*) 124
-бала — процесс. интенсивн. 133
-бам — деепр. 129
-бан — то же 127, 128
-бан — 1-е л. ед. ч. 24, 33
-бахтӑ — процесс. интенсивн. 134
-бӥ — вопросит. частица 41
-бӥз — 1-е л. мн. ч. 24, 25, 28, 29, 33, 34
-бӥн — 1-е л. ед. ч. 24, 25, 26, 29, 33
-бӥс — 1-е л. мн. ч. 18, 20, 24, 25, 28, 29, 33, 34
-бӥт — то же 18, 24, 25, 28, 29
-бӥт — прош. результ. 75, 77, 93, 94
-бӥш — то же 95
-бӥшӑн (*-бӥш-ӑн*) 92
-бін (*-ба-j-ӥн*) 124
-бінӑӈ — деепр. 124
-бо — вопросит. частица 41
-бо — отриц. 97, 98
-бу — вопросит. частица 41
-буз — 1-е л. мн. ч. 24, 28, 33
-бун — 1-е л. ед. ч. 24, 28, 33
-бус — 1-е л. мн. ч. 24, 28, 33
-бут — то же 24, 28

в

-в — 1-е л. мн. ч. 28, 29, 30, 38
-ва — отриц. 97
-ван — 1-е л. ед. ч. 24, 25, 33
-ванӥн — то же 24, 25
-взӑ — 1-е л. мн. ч. 24, 26, 29, 32
-вӥз — то же 24, 28, 33
-вӥс — » » 24, 28, 29, 33, 34, 35
-вуз — » » 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 33, 38, 39
-вузӑ — то же 24, 26, 28, 29
-вус — » » 18, 24, 28, 33

ӡ

-ӡ — 2-е л. ед. ч. 28, 29, 33
-ӡ — 1-е л. мн. ч. 24, 28, 30, 31, 38, 39
-ӡадаӡ — буд. предполож. 68
-ӡадӥк — то же 68
-ӡажӥн (*-ӡаш-ӥн*) 66, 132
-ӡаз — понуд. 117
-ӡај — буд. 54, 94
-ӡај — желат. накл. 52, 53, 54
-ӡај — согласит. накл. 54, 68
-ӡајӥм — желат. накл., 1-е л. ед. ч. 32
-ӡајӥн — то же 32
-ӡал — интент. накл. 68, 69
-ӡала — деепр. 131
-ӡала — процесс. интенсивн. 133
-ӡалак (? *-ӡу-ӑлӑк*) 96
-ӡалаштӥр (*-ӡала-штӥр*) 134
-ӡалӥ — деепр. 129, 130
-ӡалӥ — супин 131
-ӡалӥм — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 32
-ӡалӥӈ — то же 32
-ӡан — прош. результ. 75, 77, 92, 93, 94, 95
-ӡанда (*-ӡан-да*) 66
-ӡандај (*-ӡан-дај*) 68
-ӡандӑк (*-ӡан-дӑк*) 68
-ӡанӥ — супин 131
-ӡанлӥ — деепр. 129, 130
-ӡар — 2-е л. мн. ч. 28, 30
-ӡар — глаг. словообр. 149, 150
-ӡар — понуд. 117
-ӡас — деепр. 131, 132
-ӡач — то же 131, 132
-ӡаш — » » 131, 132
-ӡӑс — » » 132
-ӡӥ — предполож. накл. 68
-ӡӥз — 2-е л. мн. ч. 22, 25, 28, 29, 30, 31, 36, 39
-ӡӥз — понуд. 117
-ӡӥздӥр (*-ӡӥз-дӥр*) 118
-ӡӥл — повел. накл., сопутств. 44, 46, 47
-ӡӥла — процесс. интенсивн. 51, 133
-ӡӥлаштӥр (*-ӡӥла-штӥр*) 134
-ӡӥн — 2-е л. ед. ч. 24, 25, 29
-ӡӥн — повел. накл., сопутств. 44, 47, 48
-ӡӥнан — то же 47
-ӡӥнӥӈ — » » 47
-ӡӥр — неосуществл. возм. 68
-ӡӥр — повел. накл., сопутств. 48
-ӡӥр — понуд. 117
-ӡӥт — 2-е л. мн. ч. 24, 25, 28, 29, 33
-ӡӥт — понуд. 116
-ӡӥча (*-ӡӥ-ча*) 67
-ӡла — процесс. интенсивн. 51
-ӡнан — повел. накл., сопутств. 47
-ӡу — предполож. накл. 68
-ӡуда (*-ӡу-да*) 95
-ӡуз — 1-е л. мн. ч. 30, 31
-ӡуз — 2-е л. мн. ч. 28, 30
-ӡуз — понуд. 117
-ӡул — повел. накл., сопутств. 46
-ӡун — то же 47
-ӡун — 2-е л. ед. ч. 24, 28
-ӡун — 1-е л. мн. ч. 31
-ӡунӥӈ — повел. накл., сопутств. 47
-ӡунуӈ — то же 47
-ӡур — » » 48
-ӡур — понуд. 117
-ӡусӥ (*-ӡу-сӥ*) 95
-ӡут — 2-е л. мн. ч. 24, 33

д

-да — частица 65
-дар — понуд. 116, 118
-дар — усл. накл. 58, 60, 64
-дахпӥна (*-дах-пӥна*) 66
-дачӥ — буд. 95
-дӑк — повел. накл., сопутств. 49, 50
-дӑк — то же 49, 50
-дӑр — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 31, 38
-дӥ — прошед. категор. 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82
-дӥ — 3-е л. ед. ч. 26, 27, 33, 34
-дӥла — 3-е л. мн. ч. 27
-дӥлар — то же 27
-дӥн (*-ӥл-ӥн*) 111
-дӥр — понуд. 116
-дӥр — 3-е л. ед. ч. 26, 27
-дӥрӥз (*-дӥр-ӥз*) 26
-дӥрт (*-дӥр-т*) 118
-дор — усл. накл. 28, 58
-дохпутуна (*-дох-пут-ун-а*) 66
-ду —прошед. категор. 78
-ду — 3-е л. ед. ч. 26, 27, 33
-дуз — понуд. 117
-дун (*-ул-ун*) 111
-дур — 3-е л. ед. ч. 26, 33, 169
-дур — понуд. 117
-дурӡуз (*-дур-ӡуз*) 118
-дурт (*-дур-т*) 118
-дурур — 3-е л. ед. ч. 26, 33
-дӯ — повел. накл., сопутств. 44

ё

-ё — буд. 90
-ён — 2-е л. ед. ч. 26 ед. ч.
-ёп — 1-е л. ед. ч. 26
-ёр — 2-е л. мн. ч. 25, 29, 31

з

-з — 1-е л. мн. ч. 24, 28, 30, 34, 38, 39
-з — 2-е л. мн. ч. 28, 30, 34
-за — усл. накл. 18, 28, 29, 58, 63, 64, 65
-за(н) — то же 58
-за(ссӑн) — » » 58
-зан — повел. накл., сопутств. 50
-заӈ — 2-е л. ед. ч. 24
-зар — 2-е л. мн. ч. 24, 25
-зӑр — то же 24, 25, 26
-зӥӡар — 2-е л. мн. ч. 24
-зӥн — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 30
-зӥна — повел. накл., сопутств. 50
-зӥӈ — 2-е л. ед. ч. 24, 25, 26
-зо — усл. накл. 58
-зу — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 30, 31
-зун — то же 30, 31
-зуӈ — 2-е л. ед. ч. 24

ӥ

-ӥ — 3-е л. ед. ч. 27
-ӥ — деепр. 122
-ӥ — повел. накл., сопутств. 49
-ӥаӡӥӈ — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 31
-ӥалӑ — процесс. интенсивн. 134
-ӥах — желат. накл., 1-е л. дв. ч. 33
-ӥах. . . — буд. 74
-ӥахтӑх (*-ӥах-лӑх*) 67
-ӥб — деепр. 126, 127
-ӥбан — то же 127, 128, 129
-ӥбанӥ — » » 127, 128, 129
-ӥбанӥн — » » 127, 128, 129
-ӥбанӥӈ — » » 127, 128, 129
-ӥбанун — » » 127, 128, 129
-ӥбануӈ — » » 127, 128, 129
-ӥбӡӥна (*-ӥб-ӡӥна*) 128
-ӥбраǰӥk (*-ӥб-ра(k)-ǰӥk*) 127
-ӥбрак (*-ӥб-рак*) 128, 164
-ӥвда (*ӥв-да*) 74
-ӥӡ — 1-е л. мн. ч. 24
-ӥӡар — повел. накл., 2-е л. мн. ч. 24, 40
-ӥӡса (*-ӥӡ-са*) 60
-ӥӡсар — буд. 60, 61, 62
-ӥз — 1-е л. мн. ч. 24, 25, 28, 33
-ӥз — 2-е л. мн. ч. 28, 29, 33
-ӥз — понуд. 117
-ӥздӥр (*-ӥз-дӥр*) 119
-ӥj — повел. накл., сопутств. 44
-ӥjӥн — желат. накл., 1-е л. ед. ч. 31
-ӥjлув — то же мн. ч. 32
-ӥjнув — то же 32
-ӥjо — наст. конкр. 87
-ӥjор — то же 70, 71, 75, 87
-ӥjорду (*-ӥjор-ду*) — 70, 71, 76, 77
-ӥk — 1-е л. мн. ч. 25
-ӥk — глаг. словообр. 151
-ӥk — страд. (?) 105, 108
-ӥл — 3-е л. ед. ч. 27
-ӥл — страд. 104, 105, 106, 107
-ӥлӥн (*-ӥл-ӥн*) 105, 106
-ӥм — 1-е л. ед. ч. 24
-ӥм — желат. накл., 1-е л. ед. ч. 31
-ӥма — отриц. 98
-ӥмзӥра — процесс. интенсивн. 133
-ӥмǰӥра — то же 134
-ӥмса — » » 133
-ӥмсӥра — то же 133
-ӥн — 1-е л. ед. ч. 25
-ӥн — повел. накл., 2-е л. ед. и мн. ч. 30, 31
-ӥн — возвр. 111, 112, 113
-ӥн — страд. 104, 108
-ӥндӥрӥс (*-ӥн-дӥр-ӥс*) — 113
-ӥнӥз — повел. накл., 2-е л. мн. ч. 30, 31
-ӥнӥл (*-ӥн-ӥл*) — 105
-ӥнӥс (*-ӥн-ӥс*) — 113
-ӥнǰӥра — процесс. интенсивн. 134
ӥнкӥра — то же 133
-ӥӈ — 2-е л. ед. ч. 24, 25, 36, 40
-ӥӈ — повел. накл., 2-е л. ед. и мн. ч. 22, 30, 31, 32, 40
-ӥӈар — то же мн. ч. 40
-ӥӈӥз — то же 30, 31
-ӥӈкӥра — процесс. интенсивн. 133
-ӥп — деепр. 126, 127
-ӥп. . . — прошед. повеств. неочевидн. 75, 76
-ӥпан — деепр. 128
-ӥпанӥн — то же 127
-ӥпǰӥk (*-ӥп-ǰӥk*) 127
-ӥплар (*-ӥп-лар*) 127
-ӥпсув (*-ӥп-сув*) 127
-ӥр — буд. 85, 86, 87, 88, 89
-ӥр — глаг. словообр. 144, 145, 146, 147
-ӥр — наст. общ. 86, 87, 88
-ӥр — понуд. 117
-ӥрӡа — глаг. словообр. 151, 152
-ӥрка — то же 151, 152
-ӥрт (*-ӥр-т*) 118
-ӥс — 1-е л. мн. ч. 25, 33
-ӥс — повел. накл., 2-е л. мн. ч. 32
-ӥс — взаимн.-совм. 113
-ӥс — понуд. 117
-ӥсар — буд. 60, 61
-ӥт — глаг. словообр. 150
-ӥт — понуд. 116
-ӥфдан (*-ӥф-дан*) 127
-ӥш — взаимн.-совм. 113, 114, 115
-ӥшта (*-ӥш-та*) 14, 74
-ӥштӥр — процесс. интенсивн. 133

ӣ

-ӣhӥ (*ӣ-hӥ?*) 14, 56

ǰ

-ǰjǰk — желат. накл., 1-е л. мн. ч. 32
-ǰjǰн — » » 1-е л. ед. ч. 32
-ǰjk — » » 1-е л. мн. ч. 32
-ǰjǰн — » » 1-е л. ед. ч. 32

j

-j — деепр. 122, 125
-j — 1-е л. мн. ч. 28, 29, 39
-j — повел. накл., 2-е л. мн. ч. 30
-j — 2-е л. ед. ч. 28, 33
-ja — деепр. 122, 123, 124, 25
-jалӥ — то же 129
-jӥ — деепр. 122, 123
-jӥз — повел. накл., 2-е л. мн. ч. 30
-jӥп — деепр. 126, 127, 128
-jла — повел. накл., 2-е л. мн. ч. 30, 32
-jo — деепр. 122
-jу — то же 122, 123
-jук — прошед. 95
-jур — буд. 85

ǰ

-ǰӥх — прошед. 96
-ǰукла — процесс. интенсивн. 134

к

-*к* — 1-е л. мн. ч. 24, 25, 26, 28, 29
-*к* — 2-е л. ед. ч. 29
-*каз* — понуд. 117
-*кал* — интент. накл. 68, 69
-*кала* — деепр. 131
-*кала* — процесс. интенсивн. 133
-*калї* — деепр. 129, 130
-*калї* — супин 131
-*калїдїн* (-*калї-дїн*) 130
-*канї* — супин 131
-*канлї* — деепр. 129, 130
-*кар* — глаг. словообр. 149, 150
-*кар* — понуд. 117
-*кач* — деепр. 131, 132
-*качїн* (-*кач-їн*) 132
-*кїз* — понуд. 117
-*кїл* — повел. накл., сопутств. 46, 47
-*кїла* — процесс. интенсивн. 72, 133
-*кїн* — повел. накл., сопутств. 47, 48
-*кїр* — то же 48
-*кїр* — понуд. 117
-*кїсла* — процесс. интенсивн. 134
-*кїста* — то же 134
-*кла* — » » 133
-*кта* — » » 134
-*куз* — понуд. 117
-*кун* — повел. накл., сопутств. 47, 48
-*кур* — понуд. 117
-*кур* — повел. накл. 48

л

-*л* — страд. 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110
-*ла* — глаг. словообр. 142, 143, 144
-*ла* — процесс. интенсивн. 133
-*лан* (-*ла-н*) 139, 142
-*ландїр* (-*ла-н-дїр*) 139, 142
-*лар* — мн. ч. 34, 40
-*лар* — усл. накл. 18
-*лат* (-*ла-т*) 139, 142
-*лаш* (-*ла-ш*) 139, 142
-*лашдїр* (-*ла-ш-дїр*) 142
-*лїн* — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 31

м

-*м* — 1-е л. ед. ч. 20, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 167
-*ма* — то же 24, 25, 167, 168
-*ма* — вопросит. частица 41
-*ма* — отриц. 20, 96, 97, 98
-*маӡда* (-*маӡ-да*) 74
-*мадїн* (-*ма-д-їн*) 125, 126
-*мај* (-*ма-j*) 125, 126
-*мајїб* (-*ма-j-їб*) 128
-*мајїн* (-*ма-j-їн*) 124, 125, 126
-*мајїнса* (-*ма-j-їн-са*) 125
-*мајїнча* (-*ма-j-їн-ча*) 125
-*мајїп* (-*ма-j-їп*) 128
-*мајлї* (-*ма-j-лї*) 125
-*мајн* (-*ма-j-їн*) 124
-*мајуб* (-*ма-j-уб*) 128
-*мак* — интент. накл. 68, 73
-*макта* (-*мак-та*) 14, 71, 74
-*мактајдї* (-*мак-та ӡді*) 77
-*макчї* (-*мак-чї*) 68, 73
-*макшї* (-*мак-шї*) 68, 73
-*мала* — процесс. интенсивн. 72, 133
-*малї* (-*ма-лї*) 19, 67
-*ман* — 1-е л. ед. ч. 24, 25, 26, 33, 36
-*мап* (-*ма-п*) 128

-*масї* (-*ма-сї*) 125
-*мастан* (-*мас-тан*) 126
-*матї* (-*ма-тї*?) 126
-*матїн* (-*ма-т-їн*?) 125, 126
-*махтā* — процесс. интенсивн. 134
-*мӗр* — 1-е л. мн. ч. 29, 34
-*мзїра* — процесс. интенсивн. 133
-*мзура* — то же 133
-*мзуру* — » » 133
-*мӯїра* — » » 134
-*мї* — вопросит. частица 22, 41
-*мїз* — 1-е л. мн. ч. 20, 24, 25, 26, 28, 29, 33, 34, 36
-*мїјча* (-*мї-j-ча*) 125
-*мїн* — 1-е л. ед. ч. 24
-*мїс* — 1-е л. мн. ч. 24
-*мїш* — прошед. результ. 70, 77, 92, 93, 94, 95
-*мїштїр* (-*мїш-тїр*) 71
-*мса* — процесс. интенсивн. 133
-*мсїра* — то же 133
-*мталаш* — » » 134
-*му* — вопросит. частица 41
-*муз* — 1-е л. мн. ч. 24
-*мун* — 1-е л. ед. ч. 24
-*мус* — 1-е л. мн. ч. 24
-*муш* — прошед. результ. 92, 93, 94

н

-*н* — 1-е л. ед. ч. 24, 25, 30, 32, 33
-*н* — 2-е л. ед. ч. 24, 28, 29, 33
-*н* — возвр. 111, 112, 113
-*н* — страд. 108
-*нар* — усл. накл. 58
-*нӡ* — вопросит. частица 41
-*нїз* — 2-е л. мн. ч. 29, 28, 39
-*нїл* (-*н-їл*) 105, 106
-*нӯїра* — процесс. интенсивн. 134
-*нкїра* — то же 133
-*нор* — усл. накл. 58

ң

-*ң* — 2-е л. ед. ч. 18, 20, 25, 34, 35, 36
-*ңїз* — 2-е л. мн. ч. 28, 29, 35, 36, 39
-*ңїздар* (-*ңїз-лар*) 28
-*ңїзлар* (*ңїз-лар*) 28
-*ңкїра* — процесс. интенсивн. 72, 133
-*ңкура* — то же 133
-*ңлар* (-*ң-лар*) 30, 31
-*ңсїз* (-*ң-сїз*) 32
-*ңуз* — 2-е л. мн. ч. 28

о

-*о* — деепр. 122
-*ол* — 3-е л. ед. ч. 27
-*он* — деепр. 124
-*ор* — буд. 85, 86

ӧ

-*ӧхтӧ* — процесс. интенсивн. 134

ӧ̆

-*ӧ̆мдӓш* — процесс. интенсивн. 134

п

-*п* — деепр. 126, 127, 128
-*па* — вопросит. частица 41
-*па* — отриц. 96, 97
-*пала* — процесс. интенсивн. 133
-*пан* — 1-е л. ед. ч. 24

-*пӑр* — 1-е л. мн. ч. 24
-*пїз* — то же 24
-*пїн* — 1-е л. ед. ч. 24
-*пїс* — 1-е л. мн. ч. 24
-*плї* (-*п-лї*) 127
-*по* — вопросит. частица 41
-*по* — отриц. 96, 97, 98

р

-*р* — буд. предполож. 85
-*р* — 2-е л. мн. ч. 33
-*р* — понуд. 117
-*ра* — прошед. категор. 78

с

-*с* — 2-е л. ед. ч. 20, 24, 34, 167
-*с* — 2-е л. мн. ч. 33, 34
-*с* — 1-е л. мн. ч. 24
-*са* — 2-е л. ед. ч. 25, 167
-*са* — глаг. словообр. 59, 60, 150, 151
-*са* — усл. накл. 18
-*сам* — повел. накл., сопутств. 44
-*сан* — 2-е л. ед. ч. 24
-*сан*(*а*) — повел. накл., сопутств. 50
-*саң* — 2-е л. ед. ч. 24, 25, 26
-*сар* — буд. 60
-*сар* — усл. накл. 18, 58, 59, 60
-*сат* (-*са-т*) 117
-*сар* — 2-е л. мн. ч. 24
-*сї* — глаг. словообр. 152, 153
-*сї* — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 37, 38
-*сїӡар* — 2-е л. мн. ч. 24
-*сїӡїз* — то же 24
-*сїз* — » » 24, 35
-*сїк* — 1-е л. мн. ч. 24, 26
-*сїк* — страд. 105, 108
-*сїлар* (-*сїң-лар*) 24, 25, 26
-*сїн* — 2-е л. ед. ч. 24, 25, 33
-*сїн* — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 19, 30, 31, 37, 38, 40, 51, 52
-*сїн*(*а*) — повел. накл., сопутств. 50
-*сїн* (-*сї-н*) 152, 153
-*сїнї* — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 30
-*сїнїз* — 2-е л. мн. ч. 24, 25
-*сїнїс* — то же 24, 25, 26
-*сїң* — 2-е л. ед. ч. 24, 25, 33
-*сїңар* (-*сїң-лар*) 24
-*сїңдар* (-*сїң-лар*) 24
-*сїңїз* — 2-е л. мн. ч. 24, 34, 35
-*сїңїс* — то же 24
-*сїңлар* (-*сїң-лар*) 24
-*сїңнар* (-*сїң-лар*) 24, 26
-*сїра* — глаг. словообр. 140, 141, 153
-*сїс* — 2-е л. мн. ч. 24
-*сїс* — взаимн.-совм. 113
-*сїт* (-*сї-т*) 152
-*со* — усл. накл. 58
-*соно* — повел. накл., сопутств. 50
-*стӯр* — процесс. интенсивн. 72
-*су* — глаг. словообр. 152, 153
-*су* — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 31, 37
-*суз* — 2-е л. мн. ч. 24
-*сук* — 1-е л. мн. ч. 26
-*сун* — 2-е л. ед. ч. 24
-*сун* — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 31, 37, 38
-*сун* (-*су-н*) 152, 153
-*сунӡїл* (-*сун-ӡїл*) 46
-*сунї* — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 30, 31
-*сунлар* (-*сун-лар*) 30
-*сунуз* — 2-е л. мн. ч. 24
-*сунус* — то же 24
-*суң* — 2-е л. ед. ч. 24

-*суңдор* (-*суң-лор*) 24
-*сус* — 2-е л. мн. ч. 24
-*сус* — взаимн.-совм. 113
-*сут* (-*су-т*) 152

с'

-*с'с'ё* — 3-е л. мн. ч. 27

т

-*т* — 3-е л. ед. ч. 26, 27, 169
-*т* — понуд. 116, 117, 118, 119, 120
-*таӡї* — повел. накл., сопутств. 44
-*талā* — процесс. интенсивн. 134
-*тар* — усл. накл. 58
-*тар* — понуд. 116, 118
-*тачї* — буд. 95
-*тї* — прошед. категор. 78, 79
-*тїл* (-*їн-їл*) 105
-*тїн* — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 30
-*тїн* (-*їл-їн*) 105, 106, 111
-*тїр* — понуд. 116
-*тїрӡїз* (-*тїр-ӡїз*) 118
-*тїрїл* (-*тїр-їл*) 101
-*тїрїлїс* (-*тїр-їл-їс*) 113
-*ткуз* (-*т-куз*) 119
-*тор* — усл. накл. 58
-*ттар* (-*т-тар*) 119
-*ттїн* (-*т-тїн*) 111
-*ттїр* (-*т-тїр*) 119
-*ттур* (-*т-тур*) 119
-*ту* — 3-е л. ед. ч. 33
-*тук* — страд. (?) 105, 108
-*тул* (-*ун-ул*) 105
-*тун* — повел. накл., 3-е л. ед. ч. 30
-*тун* (-*ул-ун*) 105
-*тур* — 3-е л. ед. ч. 26, 27, 169
-*тур* — понуд. 116
-*турӡуз* (-*тур-ӡуз*) 118
-*турлар* (-*тур-лар*) 27
-*турур* — 3-е л. ед. ч. 26, 27, 169

у

-*у* — деепр. 122, 123
-*у* — повел. накл., сопутств. (?) 49
-*уб* — деепр. 126, 127
-*убан* — то же 127, 128, 129
-*убанї* — » » 127, 128, 129
-*убанїң* — » » 127, 128, 129
-*убануң* — » » 127, 128, 129
-*убаннарї* (-*убан-лар-ї*) 127
-*убда* (-*уб-да*) 127
-*убдан* (-*уб-дан*) 127
-*убурак* (-*уб-урак*) 127
-*ув* — деепр. 127
-*увса* (-*ув-са*) 59
-*уӡса* (-*уӡ-са*) 59
-*уз* — понуд. 117
-*ук* — глаг. словообр. 151
-*укса* — (-*ук-са*) 59
-*ул* — 3-е л. ед. ч. 27
-*ул* — страд. 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111
-*улӑ* — прошед. вр. 95, 96
-*улун* (-*ул-ун*) 104
-*умзура* — процесс. интенсивн. 133
-*умзуру* — то же 133
-*умӯїра* — » » 134
-*умса* — » » 133
-*умсїра* — » » 133
-*умуја* — отриц. деепр. 124
-*умуна* — то же 124
-*ун* — возвр. 111, 112, 113

-*ун* — страд. 104
-*уңкура* — процесс. интенсивн. 133
-*уп* — деепр. 126
-*уплар* (-*уп-лар*) 127
-*ур* — буд. 85, 86, 88, 89
-*ур* — понуд. 117
-*ус* — взаимн.-совм. 113
-*ут* — понуд. 116
-*уф* — деепр. 126
-*уш* — взаимн.-совм. 113, 114, 115
-*уштур* — процесс. интенсивн. 133

ӳ

-*ӳда* (-*ӳ-да*) 74

х

-*х* — 1-е л. мн. ч. 28, 38, 39
-*хала* — процесс. интенсивн. 133
-*хла* — то же 51, 133
-*хӣр* — понуд. 117

ч

-*чӣ* — повел. накл., сопутств. 50
-*чӣк* — прошед. 96
-*чу* — повел. накл., сопутств. 50
-*чу* — прошед. 96
-*ччӑр* — повел. накл., 3-е л. мн. ч. 30, 33, 40
-*ччӗ* — повел. накл., сопутств. 44

ш

-*ш* — взаимн.-совм. 113, 114, 115
-*шӣ* — повел. накл., сопутств. 50
-*штӣр* — процесс. интенсивн. 133
-*штӣр* (-*ш-тӣр*) 113
-*штӑрвала-* (-*штӑр-вала*) 134
-*штӑрвӑла-* (-*штӑр-вӑла*) 134
-*штур* — процесс. интенсивн. 133
-*шур* — побуд. 117

һ

-*һа* — повел. накл., сопутств. 44
-*һа* — усл. накл. 59, 63, 64, 65
-*һӑвӑ* — 2-е л. мн. ч. 24
-*һӑң* — » 2-е л. ед. ч. 24

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Сокращения 5
Введение 8
К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках 8
Общие замечания о морфологии глагола 19
Глава I. Формы словоизменения глагола 22
Формы полной вербальности 23
Раздел 1. Формы лица и числа 23
Раздел 2. Вопросительная форма 41
Раздел 3. Формы наклонения, или модальности 41
Формы повелительного наклонения 44
Формы желательного наклонения 52
Форма условного наклонения 58
Формы других косвенных наклонений 66
Формы изъявительного наклонения 69
Прошедшее категорическое на -*дӣ* 78
Настоящее общее на -*а* 82
Будущее предположительное на -*(а)р* 85
Прошедшее результативное на -*ӷан* и на -*мӣш* ~ -*муш* 92
Раздел 4. Формы отрицания 96
Раздел 5. Формы возможности (с отрицанием — невозможности) . . . 99
Раздел 6. Формы залога 100
Действительный залог 104
Страдательный залог 104
Возвратный залог 111
Взаимно-совместный залог 113
Понудительный залог 115
Формы неполной вербальности (деепричастия) 122
Формы процессуальной интенсивности 132
Вспомогательные глаголы 134
Глава II. Формы словообразования глагола 139
Глава III. О способах и исторической глубине образования морфологических элементов в тюркских языках 155
Приложение 171
Список реконструированных праформ 171
Именной указатель 172
Указатель коллективных монографий 176
Указатель аффиксов тюркских языков, рассматриваемых или упоминаемых в работе 177

Türkiye Diyanet Vakfı
İslâm Araştırmaları Merkezi

Александр Михайлович Щербак

ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
(ГЛАГОЛ)

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *Ю. Ф. Денисенко*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Э. Г. Рабинович* и *Г. В. Семерикова*

ИБ № 20109

Сдано в набор 14.07.81. Подписано к печати 07.12.81. М-19319. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 11¹/₂=16.10 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 2000. Изд. № 7776. Тип. зак. 561. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-264, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12